

ИЗВЕСТИЯ

ЛАБОРАТОРИИ
ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ**

2025. Т. 21. № 1

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

**REPORTS
of the LABORATORY
of ANCIENT TECHNOLOGIES**

2025. Vol. 21. No. 1

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2025

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 1

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Абердин, Великобритания)

Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва, Россия)

Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (Колледж Стэйшн, США)

Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия)

Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (Бойс, США)

Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)

Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Чита, Россия)

Крадин Н.Н., академик РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток, Россия)

Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия)

Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Эдмонтон, Канада)

Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Саскатчеван, Канада)

Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного технического университета (Астрахань, Россия); профессор Астраханского государственного университета (Астрахань, Россия)

Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Иркутск, Россия)

Пученков А.С., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия)

Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия)

Смирнов Н.Н., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); заведующий отделом Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Тетенькин А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск, Россия)

Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия)

Эрдэнэбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Улан-Батор, Монголия)

Сведения о журнале можно найти на сайте: <https://ildtistu.elpub.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.

Журнал основан в 2003 г.

Периодичность издания – 4 раза в год.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Подписной индекс в ООО «Урал-Пресс» – 41510

Адрес ООО «Урал-Пресс»: 620026, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 130

Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.

Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: ildt@yandex.ru

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 1

Editorial board

Editor-in-Chief - Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Deputy Editor-in-Chief - Kharinskii A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (Aberdeen, UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Ulan-Ude, Russia)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Edmonton, Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (College Station, USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (Boise, USA)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (St. Petersburg, Russia)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Sapporo, Japan)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)
Kradin N.N., Academician of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russia)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Edmonton, Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Saskatchewan, Canada)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State Technical University (Astrakhan, Russia); Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Irkutsk, Russia)
Puchentov A.S., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
Smirnov N.N., Doctor of History, Professor of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); Head of Department of St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)
Teten'kin A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk, Russia)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Barnaul, Russia)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

Reference to website: <https://ildtistu.elpub.ru>

The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015

The Journal was founded in 2003

Frequency of publication - 4 times a year.

Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"

The subscription code in Ural-Press LLC: 41510

The postal address of Ural-Press LLC: 130, Mamin-Sibiryak St., Yekaterinburg 620026, Russia

The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074.

Address of the Editorial Board: 83, Lermontov St., Irkutsk 664074, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 1

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Кисагулов А.В., Бачура О.П., Русланов Е.В. Сезонная структура забоя домашних копытных на селище чияликской культуры Ябалаклы-1 (Южный Урал)	8
Малышев А.С. Система жизнеобеспечения и годичный цикл хозяйственной деятельности населения Краскинского городища	20
Номоконова Т.Ю., Гусев А.В., Лозей Р.Дж. Птицы Усть-Полуя и коренные народы Северо-Западной Сибири	33

ИСТОРИЯ

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Многофакторный анализ основных характеристик китайских кораблей при осадах Албазина	49
Лапунов А.А. Иоганн Готфрид Гердер и его глава «Славянские народы»: Источники взглядов Гердера на славянские народы	62
Черных В.В. Опыт взаимодействия Управы благочиния с негосударственными организациями в деле борьбы с пожарами в Иркутске в XIX в.	72
Дмитриев А.В. Важные фрагменты переселенческой повседневности в жизни белорусских переселенцев на территории Уфимского уезда	81
Олейников А.В. Русская авиация Первой мировой: об организационно-техническом состоянии, проблемах и боевой роли	93
Синиченко В.В. Международный авантюрист Александр Эструп и борьба с немецким шпионажем на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны	104
Коцюбинский Д.А. Гражданская война в публицистическом языке В.И. Ленина в 1917–1918 гг.: «эмоциональный силлогизм» и другие суггестивно-манипулятивные дискурсивные приёмы	114
Горощенова О.А. Первый музыкальный техникум Иркутска (1922–1931)	127
Данчевская А.В. К вопросу об охране Кругобайкальской железной дороги внутренними войсками НКВД СССР в конце 1930-х – 1940-е гг.	138
Сальникова Е.С., Попова Д.А. Реформа высшей школы 1958 г. и Иркутский горно-металлургический институт	149
Суслова О.В. Сохранение и охрана археологического наследия в Иркутской области в 1960–1980-е гг.	161

ПЕРСОНАЛИЯ

Пержаков С.Н. Памяти учёного-археолога: от Мальты, Китоа, Усть-Белой, Илима и Верхолёнской Горы до берегов Витима и Лены (к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Аксёнова)	174
---	-----

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением.
Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS

of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 1

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Kisagulov A.V., Bachura O.P., Ruslanov E.V. Seasonal structure of slaughter of domestic ungulates in the Chiyalik culture settlement Yabalakly-1 (Southern Urals)	8
Malyshev A.S. Subsistence system and annual cycle of economic activity of the population of the Kraskino walled-town	20
Nomokonova T., Gusev A.V., Losey R.J. Ust'-Polui Birds and Indigenous People of Northwestern Siberia	33

HISTORY

Lokhov A.Yu. Eremin I.E., Natsvin A.V. Multifactorial analysis of the main characteristics of Chinese ships during the siege of Albazin	49
Lapunov A.A. Johann Gottfried Herder and his chapter "Slavian nations": Sources of Herder's views on the Slavic peoples	62
Chernykh V.V. The experience of interaction of the Deanery Board with non-governmental organizations in fighting fires in Irkutsk in the XIX century	72
Dmitriev A.V. Important issues of the daily life of Belarusian settlers in the territory of the Ufa district	81
Oleynikov A.V. Russian aviation in the First World War: the organisational and technical situation, problems and combat role	93
Sinichenko V.V. International adventurer Alexander Estrup and the fight against German espionage in the Far East during the First World War	104
Kotsiubinsky D.A. The concept of civil war in the journalistic language of V.I. Lenin in 1917-1918: "emotional syllogism" and other suggestive-manipulative discursive techniques	114
Goroshchenova O.A. First Music College of Irkutsk (1922-1931)	127
Danchevskaya A.V. On the issue of protecting the Circum-Baikal Railway by internal troops of the NKVD of the USSR in the late 1930s -1940s	138
Sal'nikova E.S., Popova D.A. The reform of Higher education in 1958 and Irkutsk Mining and Metallurgical Institute	149
Suslova O.V. Preservation and protection of archaeological heritage in the Irkutsk Region in the 1960s-1980s	161

PERSONALIA

Perzhakov S.N. In memory of a scientist-archaeologist: from Malta, Kitoy, Ust-Belaya, Ilim and Verkholsenskaya Gora to the banks of Vitim and Lena (on the 90th anniversary of the birthday of Mikhail Petrovich Aksienov)	174
---	-----

*The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age.
Excavations by A.V. Kharinskii. Photo by A.B. Danilov*

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

2025. Т. 21. № 1

Уважаемые читатели!

**Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».**

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

- история,
- археология,
- этнология,
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

2025. Vol. 21. No. 1

Dear Readers!

**We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the
«Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».**

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

- History,
- Archaeology,
- Ethnology,
- Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Научная статья

УДК 902/904

EDN: VYBZPZ

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-8-19>

Сезонная структура забоя домашних копытных на селище чияликской культуры Ябалаклы-1 (Южный Урал)

А.В. Кисагулов¹, О.П. Бачура¹, Е.В. Русланов²

¹ Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург, Россия

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия

Аннотация. В статье приводятся результаты анализа возрастного состава и сезона забоя домашнего скота (крупный и мелкий рогатый скот, лошади) из материалов селища чияликской культуры Ябалаклы-1 (раскоп 2023 года). Представленная методика позволяет определить индивидуальный возраст и сезон забоя животных, использовавшихся в ритуально-поминальной обрядности или в качестве повседневной пищи. Эти данные в свою очередь могут косвенно свидетельствовать о времени и сезонности (или об отсутствии таковой) функционирования человеческого поселения. В материалах селища Ябалаклы-1 преобладают зубы взрослых особей крупного рогатого скота, возрастом 2 года и старше. Мелкий рогатый скот также представлен взрослыми особями возрастом 2–3 года и 7–8 лет. Лошади принадлежат зубы взрослых (3–8 лет) и старых особей (12–13 лет). Сезон гибели животных определялся на основании изучения годовых слоев в зубах (цемент и дентин). Всего изучено 12 зубов крупного рогатого скота, 2 зуба мелкого рогатого скота и 4 зуба лошади. Установлено, что все животные, зубы которых анализировались, погибли в теплое время года. Вероятно, средневековое население селища использовало площадку только в период с весны и до первой половины осени. Весенне-осенний цикл может быть обусловлен перекочевками вдоль крупных водных артерий (р. Белая, Дёма, Ик, Урашак и т. д.). Эти миграции со стадами были необходимы для сохранения кормовой базы для скота в холодное время года вблизи постоянных поселений.

Ключевые слова: Южный Урал, Башкирское Приуралье, позднее средневековье, Золотая Орда, чияликская культура, археология, археозоология, костные остатки, сезон забоя животных

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-78-10057 «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

Для цитирования: Кисагулов А.В., Бачура О.П., Русланов Е.В. Сезонная структура забоя домашних копытных на селище чияликской культуры Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 8–19. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-8-19. EDN: VYBZPZ.

Archaeology

Original article

Seasonal structure of slaughter of domestic ungulates in the Chiyalik culture settlement Yabalakly-1 (Southern Urals)

Anton V. Kisagulov¹, Olga P. Bachura¹, Evgeny V. Ruslanov²

¹ Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

² Institute of History, Language and Literature Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

Abstract. The paper presents the results of the analysis of the age composition and season of slaughter of livestock (cattle, small cattle, horses) from the materials of the Chiyalik culture settlement of Yabalakly-1 (excavation of 2023). The presented methodology allows us to determine the individual age and season of slaughter of animals used in ritual and memorial rites or as everyday food. These data, in turn, may indirectly indicate the time and seasonality (or lack thereof) of the functioning of the human

settlement. The materials of the Yabalakly-1 settlement are dominated by teeth of adult cattle aged 2 years and older. Small cattle are also represented by adult individuals aged 2-3 and 7-8 years. Horses belong to the teeth of adults (3-8 years) and old individuals (12-13 years). The season of death of animals was determined based on the study of annual layers in the teeth (cement and dentin). A total of 12 cattle teeth, 2 small cattle teeth and 4 horse teeth were studied. It was established that all animals whose teeth were analyzed died in the warm season. Probably, the medieval population of the settlement used the site only from spring to the first half of autumn. The spring-autumn cycle may be due to migrations along large waterways (the Belaya, Dema, Ik, Urashak rivers, etc.). These migrations with herds were necessary to preserve the forage base for cattle in the cold season near permanent settlements.

Keywords: Southern Urals, Bashkir Urals, late Middle Ages, Golden Horde, Chiyalik culture, archeology, archaeozoology, bone remains, animal slaughter season

Acknowledgements. The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 23-78-10057 "Dynamics of cultural development and development of the Southern Urals from antiquity to becoming part of Russia (IV century BC - XVI century): interdisciplinary archaeological research".

For citation: Kisagulov A.V., Bachura O.P., Ruslanov E.V. (2025) Seasonal structure of slaughter of domestic ungulates in the Chiyalik culture settlement Yabalakly-1 (Southern Urals). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 8-19. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-8-19. EDN: VYBZPZ.

В результате ежегодных работ комплексной Золотоордынской экспедиции ИИЯЛ УФИЦ РАН в среднем течении р. Дема выявлены селища Чшмы-1, Ябалаклы-1, -2 и -3, Новые Ябалаклы 1 и 2, Нижнехозятово 2, 3 и 5, относящиеся к чияликской культуре. Чияликская археологическая культура была выделена Е.П. Казаковым по результатам раскопок селища у деревни Чиялик (Актанышский район Татарстана), раскопки которого проводились в 1969 г. Данная культура фиксируется с конца IX – начала X в. н. э. и длится до начала XV века (Гарустович, 2015; Шорин, Шорина, Зыков, 2019; Szeifert, Türk et al., 2023).

Территория распространения чияликской культуры охватывает лесостепную зону Южного Урала. По современному административно-территориальному делению это земли современного Башкортостана, восточная часть Республики Татарстан, юго-восточный (Прикамский) участок Удмуртии, юг Пермского края (Кунгурская лесостепь), а также север Челябинской, южная часть Свердловской и запад Курганской областей Российской Федерации. В отдельные столетия носители культуры проникали в пределы других современных административных единиц, в частности, в лесостепь Самарской области. За время существования, в зависимости от внешнеполитических факторов (военной экспансии степняков – печенегов, огузов, кыпчаков и т. д.), территория ее распространения «пульсировала»: то, несколько сокращаясь и сдвигаясь к северу, то расширяясь, но всегда оставаясь в рамках лесостепной зоны. На данный

момент всего выявлено 170 памятников чияликской культуры: 101 селище, 36 грунтовых могильников, 20 городищ, 6 кладов, 3 одиночных погребения, 2 местонахождения, 1 случайная находка, 1 стоянка, датируемые пред- и золотоордынским временем (XII–XIV вв.). Среди этого многообразия чияликских памятников выделяются 3 каменных мавзолея, 8 кочевнических погребений и курганных могильников, 9 кладбищ с каменными надгробиями и 24 памятника чёрной металлургии этого же времени.

Чияликские памятники располагались на небольших высотах в долинах рек или по краям возвышенных террас. Небольшим раскопкам подвергались Игимское, Чияликское, Меллятамаское VI селища, на которых фиксировался культурный слой мощностью 0,2–0,4 м. Лучше изучены памятники среднего течения рек Белая и Дема (Горновское, Ябалаклинское 1, Подымаловское селища). Находки представлены обломками костей животных, фрагментами лепной круглодонной посуды гребенчато-шнурового облика, изделиями золотоордынского времени (пряслица, ножи, проколки, наконечники стрел, блесны) и т. д. Строительные объекты немногочисленны, среди них хозяйственные ямы, очаги, остатки фундаментов наземных (срубных) жилищ. Osteологический материал свидетельствует о высокой роли лошади и крупного рогатого скота в хозяйстве приуральского полукочевого населения.

За последние десятилетия исследований были накоплены археозоологические данные с ряда па-

мятников эпохи Золотой Орды на Южном Урале (Цалкин, 1967; Петренко, 1984; Петренко, 1988; Асылгараева, 2004; Галимова, Аськеев, 2011; Яворская, 2012; Ахатов, Бахшиев и др., 2018; Яворская, Недашковский, 2020; Яворская, 2021a; Яворская, 2021b; Тузбеков, Григорьева, Рослякова, 2022; Русланов, 2023; Русланов, Ахметова, Кисагулов, 2024; Рослякова, Григорьева и др., 2024). На данный момент зарегистрировано более 100 памятников чияликской культуры, однако полноценные раскопки с последующей публикацией выполнены только для 6 из них (Горновское, Игимское I, Меллятамакское VI, Подымалово I, Чияликское, Ябалаклы-1) (Иванов, Обыденнова и др., 2007; Казаков, Чижевский, Лыганов, 2016; Тузбеков, Григорьева, Рослякова, 2022; Русланов, 2022; Рослякова, Григорьева и др., 2024). Анализ остеологических материалов из археологических памятников позволяет осветить жизнедеятельность и жизнеобеспечение древних обществ. Показано, что в золотоордынскую эпоху (XIII–XIV вв.) у носителей чияликской культуры на территории лесостепного Предуралья значимой отраслью хозяйства выступает скотоводство (Тузбеков, Григорьева, Рослякова, 2022; Рослякова, Григорьева и др., 2024). Наиболее многочисленными являются кости крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и лошади (Тузбеков, Григорьева, Рослякова, 2022; Рослякова, Григорьева и др., 2024). Доля диких видов млекопитающих, а также птиц и рыб незначительна.

Одним из памятников чияликской культуры, для которого произведен анализ остеологической коллекции, является селище Ябалаклы-1. Памятник выявлен Е.В. Руслановым в 2021 г. (Русланов, 2023). Селище находится в 1,13 км к северу от северной окраины с. Ябалаклы Чишминского района Шингак-Кульского сельского совета на левом обрывистом берегу р. Дема. Полученный в ходе разведки археологический материал (фрагменты корчаг, кашинная посуда, стремя, части чугунных котлов) позволил датировать селище концом первой – второй половиной XIV в. и отнести его к чияликской археологической культуре (Русланов, 2023). Памятник, судя по насыщенности культурного слоя, является одним из долговременных поселений. Население, судя по полученным материалам, занималось скотоводством, плавкой металла, чугуна, возможно, изготовлением котлов. Особый интерес

вызывают хозяйственные ямы, отражающие весь хозяйственный спектр занятий насельников селища. Полученные результаты являются новейшими на данный момент по чияликской археологической культуре, ввиду того, что большинство поселений так и не введено в научный оборот, а их материалы, зачастую, утеряны.

Методика

Материалом для работы послужила остеологическая коллекция из раскопок селища Ябалаклы-1 (раскоп 2023 года). Таксономическая диагностика зубов домашних видов копытных устанавливалась при помощи сравнения ископаемых остатков с эталонными коллекциями музея Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург). Для определения сезона гибели животных были исследованы ростовые слои в корнях постоянных зубов. Ростовые слои состоят из зоны роста (летние слои) и линий замедленного роста (зимние слои), которые откладываются в известной сезонной последовательности (Клевезаль, 1988). У наземных млекопитающих, обитающих в северном полушарии, зона роста в цементе откладывается с конца весны до начала осени, а кольцевое пространство/зимний слой формируется в течение остальной части года (Клевезаль, 1988).

Для анализа были отобраны зубы хорошей сохранности трех видов домашних копытных – крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади. Сначала каждый зуб был залит в эпоксидную смолу (марка ED-20), предварительно смешанную с отвердителем полиэтиленполиамином (PERA). После отвердевания смолы залитые в нее зубы были разрезаны поперек алмазной пилой (IsoMet Low Speed). Для каждого образца было сделано несколько поперечных срезов. Затем каждый тонкий участок был отполирован вручную при помощи абразивов с постепенно уменьшающимся размером зерен. Отполированные участки изучались под стереомикроскопом в отраженном и поляризованном свете. Сезон гибели определяли по степени формирования конечного годовичного слоя зубного цемента по сравнению с предыдущими (предпоследними) годовыми слоями цемента. Зубы, которые были включены в анализ, происходят от животных разного возраста и из заведомо разных черепов и нижних челюстей, следовательно

но, исключено присутствие нескольких зубов от одной особи.

Для крупного и мелкого рогатого скота время гибели может быть определено до сезона года (Beasley, Brown, Legge, 1992). Особи, в зубах которых наблюдалось самое начало формирования новой зоны роста, погибли весной. Период гибели животных определяли как лето, если последняя зона роста в корневом цементе или дентине сформировалась не более чем на 50 % от полной ширины. В начале осени погибли особи, в зубах которых последняя зона роста сформировалась более чем на 50 %, но меньше 100 % от полной ширины предыдущих слоев.

Для лошадей время гибели может быть определено в более широких интервалах: холодный (ноябрь – февраль) или теплый сезон года (март – октябрь). В теплом сезоне в свою очередь надежно выделяется только самое его начало (март – апрель), когда только начинает формироваться очередной ростовой слой (Burke, Castanet, 1995).

Характеристика хозяйственной ямы № 1

В раскопе была выявлена хозяйственная яма № 1 (рис. 1). Яма подверглась частичному обрушению в результате береговой эрозии и была бы полностью уничтожена последующим половодьем. Яма выявлена на уровне 3 пласта в квадратах А1 и А1'.

Ябалаклы-1, селище. 2023г. Хозяйственная яма №1

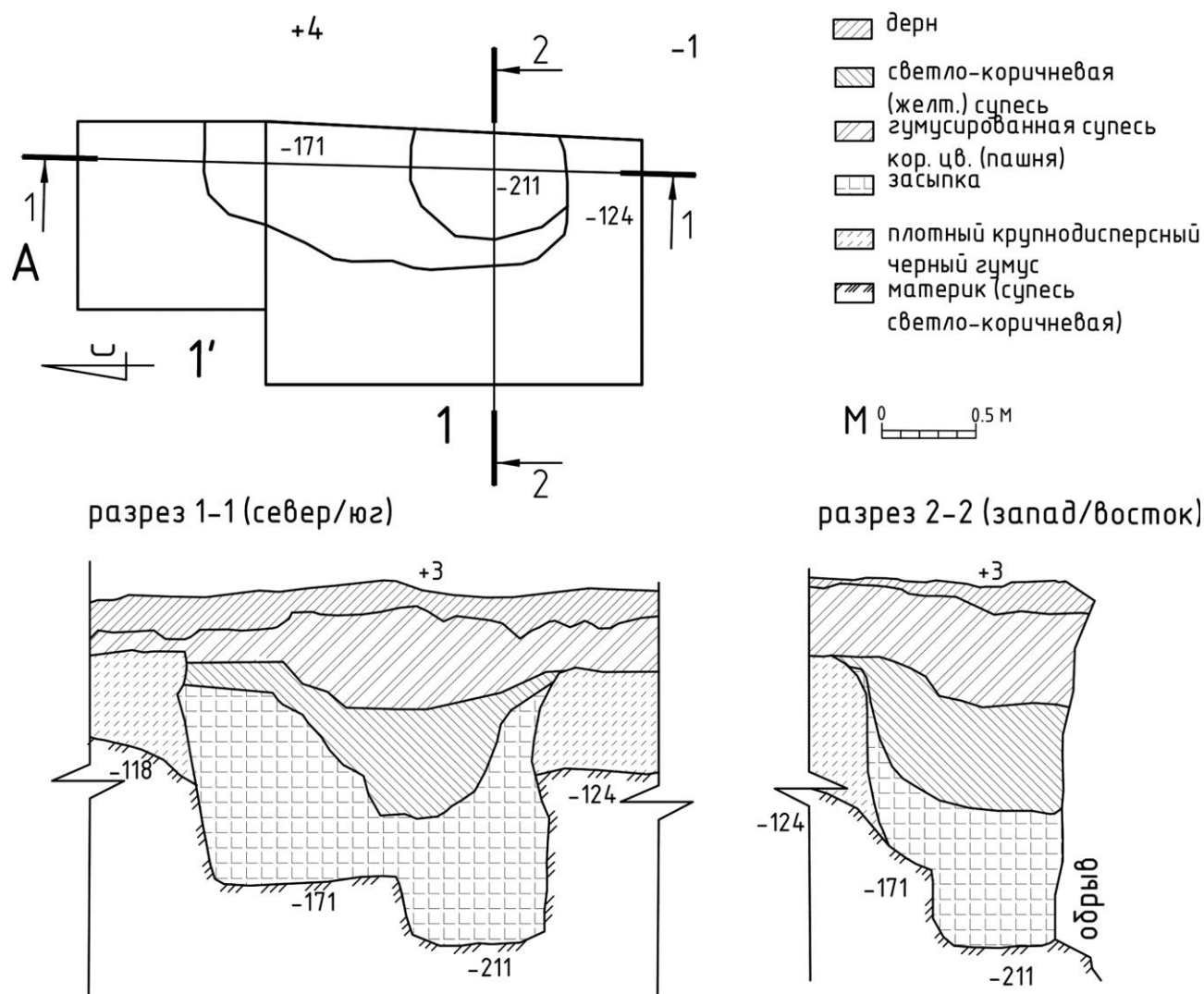

Рис. 1. Ябалаклы-1, селище: хозяйственная яма № 1
 Fig. 1. Yabalakly-1, settlement: household pit No. 1

Детальному изучению хозяйственной ямы и связанных с ней напластований способствовало ее частичное расположение под северной стенкой раскопа на линии квадратов Б1–А1. Удалось проследить заполнение ямы практически от самого устья и до дна. Т. к. северная часть ямы, при расширении к низу, не полностью попала в раскоп, было принято решение для доизучения ямы сделать врезку 1 × 1 м, получившую наименование квадрат А1'.

Выборка ямы производилась пластами по 15–20 см, яма разбиралась целиком, стратиграфия прослеживалась по восточной стенке ямы, защищенной вдоль обрыва реки и северной стенке по линии квадратов Б1–А1 и А1'. Всего в яме изучено 8 пластов.

В целом сохранившаяся часть ямы имеет овальную форму, вытянута по линии север-юг, длина ее 1,75 м, глубина от момента фиксирования на уровне 3 пласта составляет 1,35 м. При полном изучении ямы в ее южной части выявилась ниша-углубление, длина сохранившейся части по линии север-юг около 0,75 м, глубина 0,3 м. Ниша могла выполнять роль основной камеры хранения.

Устье ямы перекрыто слоем гумусированной супеси коричневого цвета (вероятно, заброшенная пашня) мощностью до 0,2 м. Описанную прослойку подстилает слой мелкодисперсной коричневой гумусированной супеси мощностью до 0,2 м, с включением костей животных, угля, обмазки, фрагментов керамики. Эти слои отмечены на уровне 2–3 пластов раскопа, до момента выявления очертания ямы. Сама яма выявлена по ярко-коричневому пятну прокала и слою золы по границам. Ниже на уровне 4 и 5 пластов прослежена линза прокала, содержащая в большом количестве золу, мелкий уголь. При исследовании наслоений на уровне 5 пласта выявлена наполовину разрушенная конструкция из песчаниковых камней и крупных кусков глиняной обмазки, по всей видимости, это остатки небольшого очага. Следы очага заканчиваются на уровне 6 пласта, что прослежено по тонкой зольной линзе, маркирующей начальную стадию его функционирования. Ниже прослежен мощный слой темного плотного гумуса мощностью 0,5–0,55 м, содержащего заплывы супеси и суглинка светло-коричневого цвета и тонкие зольные линзы от очага, стратиграфически располо-

женного выше. Находки льячки, шлака, всплесков металла, крупных обломков чугунных котлов вблизи ямы № 1, большое количество золы и мелкого угля в верхних ее напластованиях, линзы прокала дают основания предполагать, что в ходе функционирования яма на определенном этапе (уровень 5 пласта) могла служить как бытовым, так и производственным очагом (тепло-техническим сооружением), где, вероятно, происходила плавка металла.

Характеристика хозяйственной ямы № 2

В раскопе была выявлена еще одна хозяйственная яма № 2 (рис. 2). Яма подверглась частичному обрушению в результате береговой эрозии и была бы полностью уничтожена в результате последующего половодья. Яма выявлена на уровне 4 пласта в квадратах Б12, Б13, В12, В13. Детальному изучению хозяйственной ямы и связанных с ней напластований способствовало ее частичное расположение под бровкой по линии квадратов В13–Б13. Удалось проследить заполнение ямы практически от самого устья и до дна. Выборка ямы производилась пластами по 15–20 см, яма разбиралась целиком, стратиграфия прослеживалась по бровке квадратов В13–Б13. Всего в яме изучено 11 пластов.

Сохранившаяся часть ямы имеет овальную форму, вытянута по линии северо-запад – юго-восток, длина ее 2,2 м, глубина от момента фиксирования на уровне 4 пласта составляет 1,4 м. С южной и юго-западной стороны ямы зафиксированы остатки широкой ступени, ведущий в нишу в северной части ямы, углубленную на 0,2–0,3 м относительно уровня ступени. Можно предположить, что спуск в яму осуществлялся с южной стороны. При сооружении хозяйственной ямы жителями селища был прокопан не только слой погребенной почвы, но и слой материковой плотной супеси на глубину от 0,8 до 1 м.

Верхнее заполнение ямы образует слой гумусированной супеси коричневого цвета (вероятно, заброшенная пашня) мощностью до 0,2 м. Описанную прослойку подстилает слой мелкодисперсной коричневой гумусированной супеси мощностью до 0,2 м, с включением костей животных, угля, обмазки, фрагментов керамики. Сама яма выявлена по более темному заполнению и торчащим из нее крупным костям животных, хаотично расположен-

Ябалаклы-1, селище. 2023г.
Хозяйственная яма №2

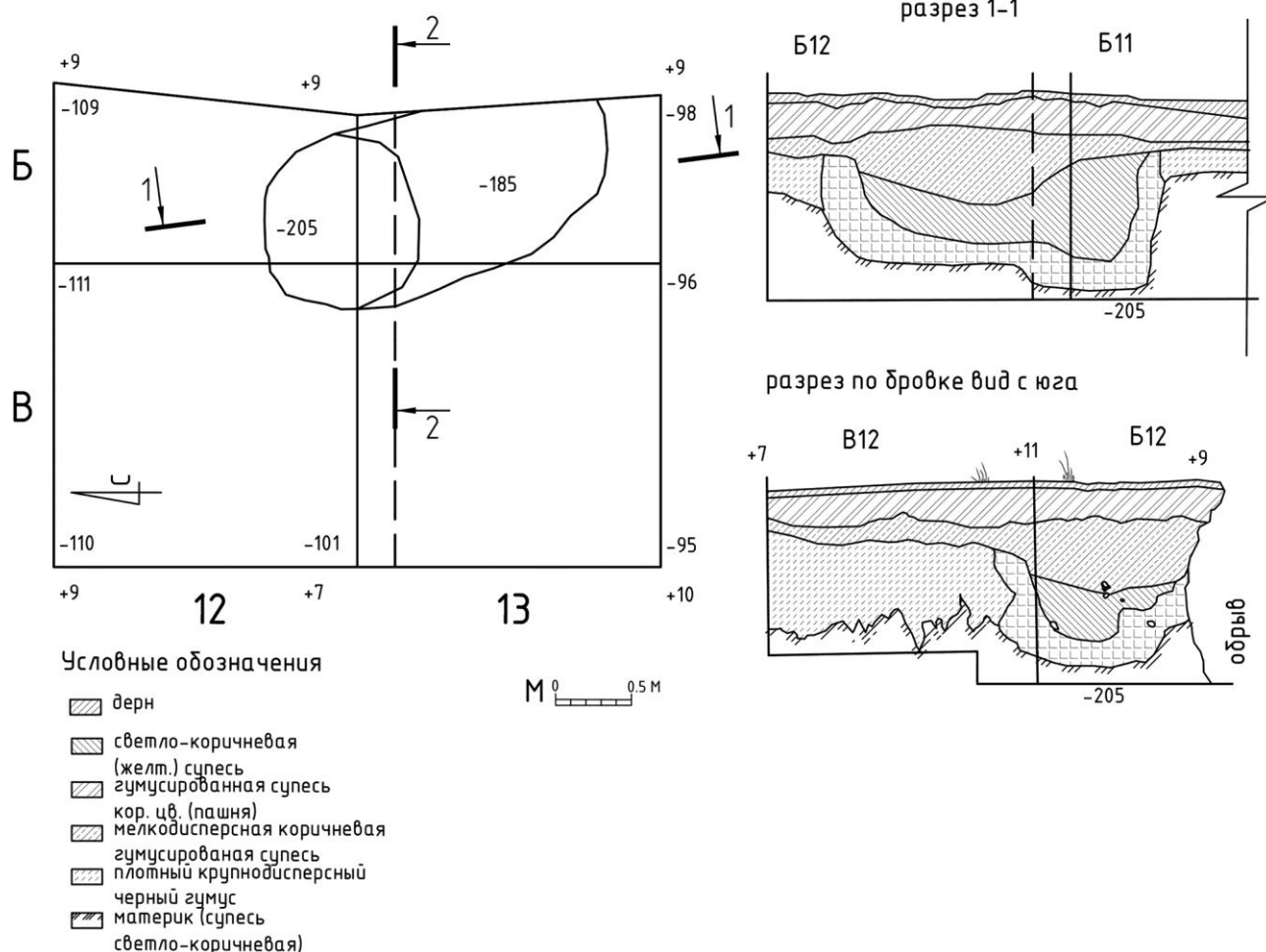

Рис. 2. Ябалаклы-1, селище: хозяйственная яма № 2
Fig. 2. Yabalakly-1, settlement: household pit No. 2

ных песчаниковых камней, обмазки. Далее характер напластований менялся в сторону уплотнения, потемнения и гумусированности заполнения ямы со значительным увеличением находок гончарной и поливной посуды, обломков котлов, костей животных и рыб, сломанных бытовых вещей. Участками слой темного плотного гумуса, содержащего находки, был просыпан тонкими золистыми прослойками без следов прокала и угля.

Важным выводом является фиксация хронологической последовательности обустройства и функционирования хозяйственно-бытовых ям № 1 и 2. Яма № 1 выявлена на уровне 3 пласта, в свою очередь очертания ямы № 2 проявились на уровне пласта 4. Следовательно, хронологический приоритет остается за ямой № 2, которая является наиболее ранней на исследованном участке селища. Находки льячки, шлака, всплесков металла, крупных обломков чугунных котлов вблизи ямы № 1,

линзы прокала, большое количество золы и мелко-го угля в верхних ее напластованиях дают основания предполагать, что, после того как яма перестала выполнять роль сбора бытового мусора, на определенном этапе она могла служить как бытовым, так и производственным очагом (теплотехническим сооружением), где, вероятно, происходила плавка металла. Яма № 2, судя по ее заполнению, состоящему из битой посуды, кухонных остатков, использованных и сломанных вещей, использовалась исключительно для сбора мусора.

Результаты

Стоит отметить, что костные остатки домашних копытных видов преобладают над всеми определенными до вида или рода костными остатками как в толще культурного слоя селища, так и в двух выборках из толщи хозяйственных ям (табл. 1) (Кисагулов, Русланов, 2025; Русланов, Кисагулов, 2025).

Таблица 1. Таксономический состав костных остатков, экз.
Table 1. Taxonomic composition of bone remains, in specimens

Таксон	Слой	Яма 1	Яма 2	Всего костей
Крупный рогатый скот – <i>Bos Taurus</i>	320	54	93	467
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	283	18	89	390
Мелкий рогатый скот – <i>Capra hircus</i> et <i>Ovis aries</i>	173	16	88	277
Верблюд – <i>Camelus</i> sp.	1	–	–	1
Собака – <i>Canis familiaris</i>	5	–	6	11
Заяц-беляк – <i>Lepus timidus</i>	–	–	2	2
Млекопитающее неопределимые (крупные) – <i>Mammalia</i> indet.	4218	271	331	4218
Млекопитающее неопределимые (мелкие) – <i>Mammalia</i> indet.	461	54	292	461
Млекопитающее неопределимые – <i>Mammalia</i> indet.	40	–	–	40
Птица неопределимая – <i>Aves</i> indet.	9	1	20	30
Рыба неопределимая – <i>Pisces</i> indet.	16	55	7	78
Моллюск – <i>Anodonta</i> sp.	9	1	1	11
Человек – <i>Homo sapiens</i>	–	–	1	1
Всего	5508	470	930	6908

Видно, что распределение костных остатков домашних копытных по ямам не одинаково. В выборке из хозяйственной ямы № 1 значительно преобладают кости крупного рогатого скота, тогда как в материалах из хозяйственной ямы № 2 доля костей лошади, крупного и мелкого рогатого скота приблизительно равна. Трудно судить о том, носит ли такое распределение целенаправленный или случайный характер, в силу относительно небольшого числа костей в яме № 1 (88 костей) и втрое превосходящего количества костей в яме № 2 (270 костей).

Анализ сезона забоя показал, что животные, остатки которых происходят из культурного слоя, погибли в теплое время года (весна – осень) (табл. 2). Для одного зуба крупного рогатого скота из слоя (квадрат Б/1, горизонт 2) сезон определен в очень широких пределах (поздняя осень – ранняя весна). Но, опираясь на общую картину забоя всех остальных животных, мы склоняемся к тому, что данная особь была забита ранней весной.

Наибольшее количество образцов было отобрано из ямы № 2. Несмотря на то, что зубы происходят из разных горизонтов, какой либо временной последовательности в сезонах гибели животных от верхних слоев к нижним не наблюдается. Это может быть обусловлено кратковременным использованием ямы и одномоментным прекращением с последующим перекрытием. О том, что яма № 2

использовалась относительно короткий промежуток времени (один сезон) косвенно говорят находки фрагментов одного горшка по всей толще ямы.

Из ямы № 1 проанализирован только один зуб. Особь крупного рогатого скота, которой принадлежал этот зуб, погибла в конце лета или в начале осени.

Таким образом, все животные, зубы которых анализировались, погибли в теплое время: с весны и до первой половины осени (табл. 2). Вероятно, такая картина забоя животных может свидетельствовать о сезонном характере данного селища, или, по крайней мере, о времени функционирования хозяйственных ям на селище, из которых происходит основной материал.

Домашний скот приносит потомство преимущественно в первой половине весны (март – апрель) (Храмцов, Григорьева и др., 2008)¹. Отсутствие костных остатков эмбрионов (зимний период, время беременности и вынашивания детенышей у домашнего скота) и новорожденных особей возрастом в несколько месяцев (март – май) косвенно свидетельствует о том, что селище не функционировало в холодный период года. Однако

¹ Храмцов В.В., Григорьева Т.Е., Никитин В.Я., Миролюбов М.Г. Акушерство и гинекология сельскохозяйственных животных: учеб. пособие для вузов / под ред. В.Я. Никитина. М. : КолосС, 2007. 197 с. EDN: TBWTVR.

Таблица 2. Сезон забоя и возраст домашних копытных
Table 2. The season and age of death of domestic ungulates

Объект	Локализация	Вид	Зуб	Возраст, лет	Сезон
Слой	кв. Б/1, гор. 2	Крупный рогатый скот	p2	5–6	Позднее лето – осень
Слой	кв. Б/1, гор. 2, развал		P4	7–8	Поздняя осень – ранняя весна
Слой	кв. Б/2, гор. 2		M1-2	3–4	Весна
Слой	кв. Б/8, гор. 3		M1-2	3–4,5	Весна
Слой	кв. Б/14, гор. 1		m1-2	5–6	Лето
Яма 1	Яма 1, гор. 7		M1-2	2	Позднее лето – осень
Яма 2	горизонт 4		m1-2	3–4,5	Позднее лето – осень
Яма 2	горизонт 5		P2-4	7–8	Позднее лето – осень
Яма 2	горизонт 6		M1-2	1–2,5	Позднее лето – осень
Яма 2	горизонт 7		m1-2	5–6	Осень
Яма 2	горизонт 9		m1-2	2–3	Весна
Яма 2	горизонт 9		i	2–5	Поздняя весна – лето
Слой	кв. Б/8, гор. 1	Мелкий рогатый скот	i	2–3	Лето
Яма 2	горизонт 5		M1-2	8–9	Весна
Слой	кв. Б/13, гор. 4	Лошадь	I/i	3–4	Поздняя весна – начало осени
Яма 2	горизонт 5		I/i	7–8	Поздняя весна – начало осени
Яма 2	горизонт 7		I/i	12–13	Поздняя весна – начало осени
Яма 2	горизонт 10		I/i	5–6	Поздняя весна – начало осени

следует иметь в виду то, что большая часть исследованного материала (зубов домашних копытных) получена из двух хозяйственных ям (12 из 18 зубов соответственно). Поэтому полученные результаты говорят скорее о времени происхождения и функционирования хозяйственных ям, а не селища в целом. Малочисленность зубов из культурного слоя связана с плохой сохранностью костей и зубов вне ям (сильная раздробленность и термическое воздействие), что делает их (зубы) непригодными для анализа сезона забоя.

Сравнивая полученные результаты с ранее опубликованными для селища чияликской культуры Подымалово 1 (Рослякова, Григорьева и др., 2024), можно отметить существенное различие (табл. 3). Анализ годовых слоев в зубах домашних копытных из материалов селища Подымалово 1 показывает, что среди всех трех домашних видов копытных присутствует по одной особи, погибшей в холодный сезон года. Если выделить две условные группы – теплый сезон (март – октябрь) и холодный сезон (ноябрь – февраль), то будет видно, что забой взрослых животных производился преимущественно в теплый период года. На холодный период приходится не более 15 % особей. Различия в сезоне забоя домашнего скота из остеологических матери-

алов Ябалакы-1 и Подымалово 1 могут объясняться не только различием в характере функционирования селищ. Стоит иметь в виду, что сезон забоя скота на Подымалово 1 анализировался по материалам, происходящим со всей площади памятника, в то время как материалы селища Ябалакы-1 преимущественно происходят из хозяйственных ям (11 из 18 зубов). Ямы, в силу специфичности накопления материала (мусорные ямы, функционировавшие короткий промежуток времени) не могут отражать характер использования всего селища.

Таблица 3. Сравнительная характеристика сезона забоя животных, экз.

Table 3. Comparative characteristics of the season of animal slaughter, in specimens

Вид	Ябалакы-1		Подымалово 1	
	Сезон забоя			
	теплый	холод- ный	теплый	холод- ный
Крупный рогатый скот	11	1?	7	1
Мелкий рогатый скот	2	–	6	1
Лошадь	4	–	4	1

Крупный рогатый скот преимущественно забивали во взрослом возрасте от 2 до 7 лет (см. табл. 2) (Кисагулов, Русланов, 2025; Русланов, Кисагулов, 2025). Это отвечает мясо-молочной направленности хозяйства. Доля зубов молодых ($n=9$), полувзрослых ($n=10$) и взрослых ($n=13$) особей мелкого рогатого скота приблизительно равна (там же). Вероятно, овцу и козу содержали не только для получения мяса, но и для получения молочной продукции и шерсти. Среди остатков лошади отмечены единичные зубы, принадлежащие молодым особям возрастом до 1 года (там же). Основная же доля принадлежит взрослым особям, от 2 лет и старше. Взрослых особей лошади могли использовать для тягловой и ездовой работы. Дополнительную информацию о сезоне забоя домашнего скота несут костные остатки новорожденных и молодых особей. Период рождения домашних видов копытных приходится на начало марта – конец апреля. В проанализированных материалах селища не отмечены кости эмбрионов и новорожденных особей крупного и мелкого рогатого скота, а также лошади, возрастом менее 3 месяцев. Это также указывает на то, что хозяйственные ямы селища не использовались в холодный период года (поздняя осень – зима – ранняя весна).

Чияликская культура в золотоордынский период характеризуется как минимум двумя хозяй-

ственными циклами, связанными с сезонными передвижениями, отразившимися на концентрации населения и территориальном расположении известных памятников. Весенне-осенний цикл связан с перекочевками вдоль крупных водных артерий (р. Белая, Дёма, Ик, Урашак и т. д.). Эти миграции со стадами были необходимы для сохранения кормовой базы для скота в холодное время года вблизи постоянных поселений. Так, например, для башкир конца XIX – начала XX в. при оседлом образе жизни указывается наличие летних кочевков (Руденко, 1955). С наступлением поздней осени население возвращалось на территории постоянных поселений, расположенные на небольших притоках второго и третьего порядка, где проживало преимущественно в холодное время года (с осени до весны или начала лета). В этот период крупный и мелкий рогатый скот содержали и выпасали вблизи поселений. Резюмируя, отметим, что чияликские группы осваивали пастбищный ареал скорее всего не выходящий за пределы Камско-Бельского междуречья, сезонно перемещаясь в границах освоенных хозяйственных угодий. Маршруты и траектории перекочевок определялись сезонной продуктивностью пастбищ, долин крупных рек, водоразделов.

Список источников

Асылгараева Г.Ш. Исследование остеологических материалов из археологических раскопок селищ Волжской Булгарии (к истории сельскохозяйственной деятельности средневекового населения Волго-Камья) // Археология и естественные науки Татарстана : сб. ст. Казань : Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2004. Кн. 2. С. 158–174. EDN: XUREDН.

Ахатов А.Т., Бахшиев И.И., Тузбеков А.И., Камалеев Э.В. Селище Подымалово-1 в Приуралье: новый памятник эпохи Золотой Орды в Башкирии (предварительные результаты) // История и педагогика естествознания. 2018. № 4. С. 28–32. DOI: 10.24411/2226-2296-2018-10407. EDN: YWWCBF.

Галимова Д.Н., Аськеев И.В. Изучение скелетов *Felis Catus* и *Canis familiaris* из средневековых археологических памятников с территории Республики Татарстан // Современная палеонтология: классические и новейшие методы-2011 : материалы VI и VII Всероссийских научных школ молодых ученых-палеонтологов (Москва, 5–7 октября 2009 г. и 4–6 октября 2010 г.). М. : Палеонтологический институт РАН, 2011. С. 71–84.

References

Asylgaraeva G.Sh. (2004) Study of osteological materials from archaeological excavations of the settlements of Volga Bulgaria (to the history of agricultural activity of the medieval population of the Volga-Kama region). *Archaeology and Natural Sciences of Tatarstan*. Kazan': Institute of History named after Shigabutdin Mardzhani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Book 2. P. 158-174. (In Russ.). EDN: XUREDН.

Akhatov A.T., Bakhshiev I.I., Tuzbekov A.I., Kamaleev E.V. (2018) Settlement Podimalovo-1 in the Urals: a new archaeological site of the Golden Horde period in Bashkiria (preliminary results). *History and Pedagogy of Natural Science*. No. 4. P. 28–32. (In Russ.). DOI: 10.24411/2226-2296-2018-10407. EDN: YWWCBF.

Galimova D.N., As'keev I.V. (2011) Study of skeletons of *Felis Catus* and *Canis familiaris* from medieval archaeological sites from the territory of the Republic of Tatarstan. *Sovremennaya paleontologiya: klassicheskie i noveishie metody-2011: materialy VI i VII Vserossiiskikh nauchnykh shkol molodykh uchenykh-paleontologov (Moskva, 5–7 oktyabrya 2009 g. i 4–6 oktyabrya 2010 g.) = Modern paleontology: classical and newest methods-2011. Proceedings of the VI and VII All-*

Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. № 15. С. 181–198. EDN: XCILYV.

Иванов В.А., Обыденнова Г.Т., Шутелева И.А., Щербakov Н.Б. Археологические исследования поселенческого памятника эпохи позднего средневековья // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография : Археологическая конференция, Уфа, 20–22 апреля 2007 года. Уфа : Китап, 2007. С. 306–311. EDN: SKGTCT.

Казакow Е.П., Чижевский А.А., Лыганов А.В. Меллятамаское VI селище чияликской культуры // Поволжская археология. 2016. № 2 (16). С. 219–243. EDN: WEBMFP.

Клевезаль Г.А. Регистрирующие структуры млекопитающих в зоологических исследованиях. М. : Наука, 1988. 285 с.

Кисагулов А.В., Русланов Е.В. Археозоологические материалы с селища эпохи позднего средневековья Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 1 (68). С. 96–104. DOI: 10.20874/2071-0437-2025-68-1-7. EDN: KVPFMF.

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Предуралья. М. : Наука, 1984. 174 с.

Петренко А.Г. Остеологические остатки животных из Болгара // Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М. : Наука, 1988. С. 252–268.

Рослякова Н.В., Григорьева И.М., Бачура О.П., Тузбеков А.И. Археозоологические материалы селища золотоордынского времени Подымалово-1 // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24. № 3. С. 587–606. DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.039. EDN: MZBERR.

Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1955. 394 с.

Русланов Е.В. Горновский археологический комплекс золотоордынского времени в Предуралье: к 60-летию научного изучения // Археология евразийских степей. 2022. № 6. С. 253–267. DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267. EDN: SFXVII.

Русланов Е.В. Селище Ябалаклы-1: новые материалы по чияликской культуре Южного Предуралья // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2023. Т. 22. № 5. С. 118–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130. EDN: LXTCSX.

Русланов Е.В., Ахметова Е.А., Кисагулов А.В. Использование фаланг лошади населением чияликской культуры по материалам селища Ябалаклы-1 (Южный Урал) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2024. Т. 23. № 5. С. 129–142. DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142. EDN: VZRNNJ.

Russian Scientific Schools of Young Paleontologists (Moscow, October 5–7, 2009 and October 4–6, 2010). Moscow: Paleontological Institute of the Russian Academy of Sciences. P. 71–84. (In Russ.).

Garustovich G.N. (2015) The Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in South Urals. *Ufa Archaeological Bulletin*. No. 15. P. 181–198. (In Russ.). EDN: XCILYV.

Ivanov V.A., Obydenнова G.T., Shuteleva I.A., Shcherbakov N.B. (2007) Archaeological research of a settlement site of the late Middle Ages. *Formirovanie i vzaimodeistvie ural'skikh narodov v izmenyayushcheysya etnokul'turnoi srede Evrazii: problemy izucheniya i istoriografiya : Arkheologicheskaya konferentsiya, Ufa, 20–22 aprelya 2007 goda = Formation and interaction of the Uralic peoples in the changing ethnocultural environment of Eurasia: problems of study and historiography. Archaeological conference, Ufa, April 20–22, 2007.* Ufa: Kitap. P. 306–311. (In Russ.). EDN: SKGTCT.

Kazakov E.P., Chizhevskii A.A., Lyganov A.V. (2016) Mellya-Tamak VI settlement of Chiyalik culture. *Volga region archaeology*. No. 2. (16). P. 219–243. (In Russ.). EDN: WEBMFP.

Klevezal' G.A. (1988) Recording structures of mammals in zoological research. Moscow: Nauka. 285 p. (In Russ.).

Kisagulov A.V., Ruslanov E.V. (2025) Archaeozoological materials from the late medieval settlement Yabalakly-1 (Southern Urals). *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. No. 1 (68). P. 96–104. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2025-68-1-7. EDN: KVPFMF.

Petrenko A.G. (1984) Ancient and Medieval animal husbandry of the Middle Volga and Cis-Urals. Moscow: Nauka. 174 p. (In Russ.).

Petrenko A.G. (1988) Osteological remains of animals from Bolgar. *The City of Bolgar. Essays on Craft Activity*. Moscow: Nauka. P. 252–268. (In Russ.).

Roslyakova N.V., Grigorieva I.M., Bachura O.P., Tuzbekov A.I. (2024) Archeozoological materials of the settlement of the Golden Horde time Podymalovo-1. *Ufa Archaeological Bulletin*. Vol. 24. No. 3. P. 587–606. (In Russ.). DOI: 10.31833/uav/2024.24.3.039. EDN: MZBERR.

Rudenko S.I. (1955) Bashkirs. Historical and Ethnographic Essays. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 394 p. (In Russ.).

Ruslanov E.V. (2022) Gornovo archaeological complex of the Golden Horde time in the Cis-Urals: to the 60th anniversary of scientific study. *Archaeology of the Eurasian Steppes*. No. 6. P. 253–267. (In Russ.). DOI: 10.24852/2587-6112.2022.6.253.267. EDN: SFXVII.

Ruslanov E.V. (2023) The Yabalakly-1 settlement: new materials on the Chiyalik culture of the Southern Urals. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History. Philology*. Vol. 22. No. 5. P. 118–130. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-5-118-130. EDN: LXTCSX.

Ruslanov E.V., Akhmetova E.A., Kisagulov A.V. (2024) The use of the horse phalanx by the Chiyalik culture population based on the materials of the settlement of Yabalakly-1 (South Urals). *Bulletin of the Novosibirsk State University. Ser. History, Philology*. Vol. 23. No. 5. P. 129–142. (In Russ.). DOI: 10.25205/1818-7919-2024-23-5-129-142. EDN: VZRNNJ.

Русланов Е.В., Кисагулов А.В. Животноводство и охота у населения чияликской культуры Южного Урала // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2025. Вып. 1 (47). С. 118–128. DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-118-128. EDN: BYVNMS.

Тузбеков А.И., Григорьева И.М., Рослякова Н.В. Результаты археозоологического исследования остеологического материала из раскопок селища Подымалово-1 в Башкирском Приуралье (2019 г.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2022. № 3 (77). С. 37–50. DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-37-50. EDN: LAGEKO.

Цалкин В.И. Домашние животные Золотой Орды // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1967. Т. LXXII. Вып. 1. С. 114–130.

Шорин А.Ф., Шорина А.А., Зыков А.П. О датировке и культурной принадлежности средневекового могильника Кордон Миассово 1 в горно-лесном Зауралье // История и современное мировоззрение. 2019. № 2. С. 63–70. EDN: DCBRMS.

Яворская Л.В. Костные останки животных из раскопа CLXII города Болгара: некоторые новые методы обработки и оценки археозоологических материалов // Поволжская археология. 2012. № 1. С. 216–237. EDN: RUJPKX.

Яворская Л.В. Археозоологические исследования городов Золотой Орды: современные интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественно-научных методов : сб. ст. М. : ИА РАН, 2021а. Вып. 5. С. 216–226. DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-906045-24-9.216-226. EDN: FYSHKI.

Яворская Л.В. К вопросу о функциях сельских поселений в экономической системе Золотой Орды // Поволжская Археология. 2021b. № 2 (36). С. 136–147. DOI: 10.24852/pa2021.2.36.136.147. EDN: JTGEJI.

Яворская Л.В., Недашковский Л.Ф. Археозоологические материалы Багаевского селища // Краткие сообщения Института археологии. 2020. № 261. С. 393–402. DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402. EDN: NIHSAJ.

Beasley M.J., Brown W.A.B., Legge A.J. Incremental Banding in Dental Cementum: Methods of Preparation for Teeth from Archaeological Sites and for Modern Comparative Specimens // International Journal of Osteoarchaeology. 1992. Vol. 2. P. 37–50. DOI: 10.1002/oa.1390020107.

Burke A., Castanet J. Histological Observations of Cementum Growth in Horse Teeth and their Application to Archaeology // Journal of Archaeological Science. 1995. Vol. 22. Iss. 4. P. 479–493. DOI: 10.1006/jasc.1995.0047.

Szeifert, B., Türk, A., Gerber, D., Csáky, V., Langó, P., Sztashenkov, D.A., Botalov, S.G., Sztigiykov, A.G., Zelenkov, A.S., Mende, B.G., and Szécsényi-Nagy, A. (2023). A korai magyar történelem régészeti és archeogenetikai kutatásának legfrissebb eredményei Nyugat-Szibériától a Középső-Volga vidékéig [Archaeological and genetic data from the Early Medieval cemeteries of the Volga and Ural region]. *Archaeologiai Értesítő* 147, 1, 33-74. DOI: 10.1556/0208.2022.00031. (In Hun.).

Ruslanov E.V., Kisagulov A.V. (2025) Animal husbandry and hunting in the population of the Chiyalik culture of Southern Urals. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*. Iss. 1 (47). P. 118-128. (In Russ.). DOI: 10.23951/2307-6119-2025-1-118-128. EDN: BYVNMS.

Tuzbekov A.I., Grigorieva I.M., Roslyakova N.V. (2022) The results of the archeozoological study of osteological material from 2019 excavations at the site of Podymalovo-1, the Bashkir Urals. *Problems of History, Philology, Culture*. No. 3 (77). P. 37–50. (In Russ.). DOI: 10.18503/1992-0431-2022-3-77-37-50. EDN: LAGEKO.

Tsalkin V.I. (1967) Domestic animals of the Golden Horde. *Bulletin of the Moscow Society of Naturalists. Department of Biology*. Vol. LXXII. Iss. 1. P. 114–130. (In Russ.).

Shorin A.F., Shorina A.A., Zykov A.P. (2019) About dating and cultural identity of the medieval burial ground Kor-don Miassovo 1 in the mountain-forest Ural. *History and Modern Worldview*. No. 2. P. 63–70. (In Russ.). EDN: DCBRMS.

Yavorskaya L.V. (2012) Animal bone remains from excavations CLXII of Bolgar city: some new methods of archaeological-zoological materials processing and appraisal. *Volga Region Archaeology*. No. 1. P. 216–237. (In Russ.). EDN: RUJPKX.

Yavorskaya L.V. (2021a) Archaeozoological studies of the cities of the Golden Horde: modern interpretations. *Analytical Studies of the Laboratory of Natural Science Methods*. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Iss. 5. P. 216–226. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-906045-24-9.216-226. EDN: FYSHKI.

Yavorskaya L.V. (2021b) To the question about the functions of rural settlements in the economic system of the Golden Horde. *Volga Region Archaeology*. No. 2 (36). P. 136–147. (In Russ.). DOI: 10.24852/pa2021.2.36.136.147. EDN: JTGEJI.

Yavorskaya L.V., Nedashkovskii L.F. (2020) Archaeozoological remains from the Bagaevka settlement. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. No. 261. P. 393–402. (In Russ.). DOI: 10.25681/IARAS.0130-2620.261.393-402. EDN: NIHSAJ.

Beasley M.J., Brown W.A.B., Legge A.J. (1992) Incremental Banding in Dental Cementum: Methods of Preparation for Teeth from Archaeological Sites and for Modern Comparative Specimens. *International Journal of Osteoarchaeology*. Vol. 2. P. 37–50. DOI: 10.1002/oa.1390020107.

Burke A., Castanet J. (1995) Histological observations of cementum growth in horse teeth and their application to archaeology. *Journal of Archaeological Science*. Vol. 22. Iss. 4. P. 479–493. DOI: 10.1006/jasc.1995.0047.

Szeifert, B., Türk, A., Gerber, D., Csáky, V., Langó, P., Sztashenkov, D.A., Botalov, S.G., Sztigiykov, A.G., Zelenkov, A.S., Mende, B.G., and Szécsényi-Nagy, A. (2023). Archaeological and genetic data from the Early Medieval cemeteries of the Volga and Ural region. *Archaeologiai Értesítő*. 147, 1, 33-74. DOI: 10.1556/0208.2022.00031. (In Hun.).

Информация об авторах

Кисагулов Антон Владимирович,
младший научный сотрудник Лаборатории проблем
сохранения биоразнообразия и особо охраняемых
природных территорий,
Институт экологии растений и животных УрО РАН,
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202, Россия,
e-mail: akis9119@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8653-8359>

Бачура Ольга Петровна,
кандидат биологических наук, старший научный
сотрудник Лаборатории палеоэкологии,
Институт экологии растений и животных УрО РАН,
620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 202, Россия,
e-mail: olga@ipae.uran.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4865-5167>

Русланов Евгений Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент, старший научный
сотрудник отдела археологических исследований,
Институт истории, языка и литературы Уфимского
федерального исследовательского центра РАН,
450054, г. Уфа, просп. Октября, 71, Россия,
e-mail: butleger@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22 января 2025 г.;
одобрена после рецензирования 19 февраля 2025 г.;
принята к публикации 24 февраля 2025 г.

Information about the authors

Anton V. Kisagulov,
Junior Researcher, Laboratories for the problems of
biodiversity conservation and specially protected natural
areas,
Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
202, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russia,
e-mail: akis9119@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-8653-8359>

Olga P. Bachura,
Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Paleoecology
Laboratory,
Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the
Russian Academy of Sciences,
202, 8 Marta St., Yekaterinburg 620144, Russia,
e-mail: olga@ipae.uran.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4865-5167>

Evgeniy V. Ruslanov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Senior Researcher of
the Department of archaeological research,
Institute of History, Language and Literature Ufa Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences,
71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russia,
e-mail: butleger@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0387-3360>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 22, 2025; approved
after reviewing February 19, 2025; accepted for publication
February 24, 2025.

Научная статья
УДК 930.26(571.63)
EDN: XVGUZU
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-20-32>

Система жизнеобеспечения и годичный цикл хозяйственной деятельности населения Краскинского городища

А.С. Малышев^{1, 2}

¹ Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

² Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН, Владивосток, Россия

Аннотация. В данной работе предлагается реконструкция системы жизнеобеспечения и годичный цикл хозяйственной деятельности Краскинского городища. Памятник расположен в Хасанском районе Приморского края и датируется периодом существования государства Бохай (698–926 гг.). Исследования на нём проводятся с 1980 г., и за 40 лет собрана значительная коллекция артефактов и экофактов, позволяющих реконструировать систему жизнеобеспечения. В работе применяется методика, основанная на анализе видового состава животных и растений, найденных на памятнике, а также на анализе потенциальной хозяйственной зоны вокруг городища и построении сезонности жизнеобеспечения. Добыча пищевых ресурсов осуществлялась в окрестностях памятника – условно выделены зоны радиусом в 2 км для земледелия и 10 км для охоты, собирательства, а также рыболовства соответственно. Для возделывания культурных растений использовалась надпойменная терраса р. Цукановки. Окружающие памятник леса могли быть местом охоты и собирательства, а морскими ресурсами богата бухта Экспедиции. Жизнеобеспечение имело циклический характер и зависело от смены времён года. Весной начинались сельскохозяйственный цикл, собирательство и ловля некоторых видов рыбы. Летом производились сельскохозяйственные работы (прополка и уборка раносозревающих культур) и значительно возрастала роль морских ресурсов ввиду их многообразия. Осенью происходили уборка оставшихся культур и сбор плодов диких растений. Зимой возрастала значимость охоты, а также ловли некоторых видов рыбы. На протяжении всего цикла, исходя из необходимости, забивались содержащиеся на городище свиньи и собаки. В целом, система жизнеобеспечения покрывала потребности населения в пищевых ресурсах, о чём говорит длительность заселения памятника.

Ключевые слова: раннее средневековье, государство Бохай, система жизнеобеспечения, адаптация, цикл хозяйственной деятельности, экофакты, зона хозяйственного использования, рыболовство, грядковая система земледелия

Для цитирования: Малышев А.С. Система жизнеобеспечения и годичный цикл хозяйственной деятельности населения Краскинского городища // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 20–32. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-20-32. EDN: XVGUZU.

Archaeology

Original article

Subsistence system and annual cycle of economic activity of the population of the Kraskino walled-town

Aleksandr S. Malyshev^{1, 2}

¹ Far Eastern federal university, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Vladivostok, Russia

² Far-Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia

Abstract. This paper proposes to reconstruct the life support system and the annual cycle of economic activity of the Kraskinskoye walled town. The site is located in the Khasansky District of Primorsky Krai and dates back to the period of the Bohai State (698–926). Research on it has been conducted since 1980 and over 40 years a significant collection of artifacts and ecofacts has been collected, allowing us to reconstruct the life support system. The work uses a methodology based on the analysis of the species composition of animals and plants found on the monument, as well as an analysis of the potential economic zone around

the settlement and the construction of the seasonality of life support. Food resources were obtained in the vicinity of the site - zones with a radius of 2 km are conventionally allocated for agriculture and 10 km for hunting, gathering, and fishing, respectively. The floodplain terrace of the Tsukanovka River was used to cultivate crops. The forests surrounding the site could have been a place of hunting and gathering, and the site is rich in marine resources, which could be collected from Expedicii Bay. Life support was cyclical and depended on the change of seasons. In the spring, the agricultural cycle, gathering and catching of some types of fish began. In the summer, agricultural work was carried out (weeding and harvesting of early-ripening crops) and the role of marine resources increased significantly due to their diversity. In the fall, the harvesting of the remaining crops and the collection of fruits of wild plants took place. In winter, the importance of hunting increased, as well as catching of some types of fish. Throughout the cycle, based on necessity, pigs and dogs kept on the settlement were slaughtered. In general, the life support system covered the needs of the population for food resources, as evidenced by the duration of settlement of the site.

Keywords: Early Medieval, Bohai State, life support system, adaptation, economic activity cycle, ecofacts, economic use zone, fishing, garden bed farming

For citation: Malyshev A.S. (2025) Subsistence system and annual cycle of economic activity of the population of the Kraskino walled-town. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 20-32. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-20-32. EDN: XVGUZU.

Введение

Краскинское городище находится в Хасанском районе, в юго-западной части Приморского края, в правобережной части долины реки Цукановка, впадающей в бухту Экспедиции (рис. 1). Расстояние между берегом реки и городищем 400 м, до ближайшего залива – 100 м, а ближайший населенный пункт, Краскино, расположен на северо-западе на расстоянии двух километров. Городище имеет форму, близкую к прямоугольнику. Периметр вала – 1380 м, ворота находятся в западной, южной и восточной его частях. Площадь внутренней поверхности памятника около 12,6 га. Хронологически и культурно городище относится к раннесредневековому тунгусо-маньчжурскому государству Бохай (698–926 гг.). Памятник являлся центром бохайского округа Яньчжоу, входившего в столичную область Восточной столицы (Крадин, Асташенкова и др., 2018. С. 79; Артемьева, Болдин, 1994. С. 58).

Возможности городища как морского порта активно использовались для торговли с танским Китаем, Японией и Корейским полуостровом (Гельман, 2019). Памятник являлся значимым административным центром, здесь находились керамическое и черепичное производства. Также, есть основания полагать наличие бронзолитейного производства и обработки черных металлов (Гельман, 2020).

Памятник систематически исследуется более сорока лет (Гельман, 2018). За это время обследована часть жилых кварталов и храмовый комплекс в северо-западной части городища, восточные ворота и участки крепостной стены. В культурном

слое на изученной территории памятника выделено от 5 до 6 строительных горизонтов¹ (Гельман, 2021). Среди собранных эофактов выделены остатки различных видов животных и растений, использовавшихся жителями городища в пищу и для хозяйственных нужд (Раков, Шарова, 2011; Гельман, Омелько и др., 2019; Омелько, Гельман и др., 2020). Проводились и палинологические исследования с целью определить климатическую ситуацию в период существования городища (Верховская, 2014; Лящевская, 2015).

Весь объем имеющихся на сегодняшний день данных делает возможной реконструкцию системы жизнеобеспечения городища. Эта информация может стать в дальнейшем основой для сравнения с материалами других памятников, что позволит понять, какие адаптации вырабатывало бохайское население, проживавшее на территории современного Приморья.

В данной работе была предпринята попытка реконструировать систему жизнеобеспечения и годичный цикл хозяйственной деятельности, сложившиеся у населения бохайского Краскинского городища. Под системой жизнеобеспечения в общем понимают оптимальную, научно обоснованную, целостную организацию жизни людей, дифференцированную в соответствии с социально-экономическими, экологическими и демографическими факторами (Казначеев, 1983. С. 113). Однако далеко не все аспекты этого определения восста-

¹ Строительный горизонт – совокупность относительно синхронных археологических объектов, обнаруженных на памятнике.

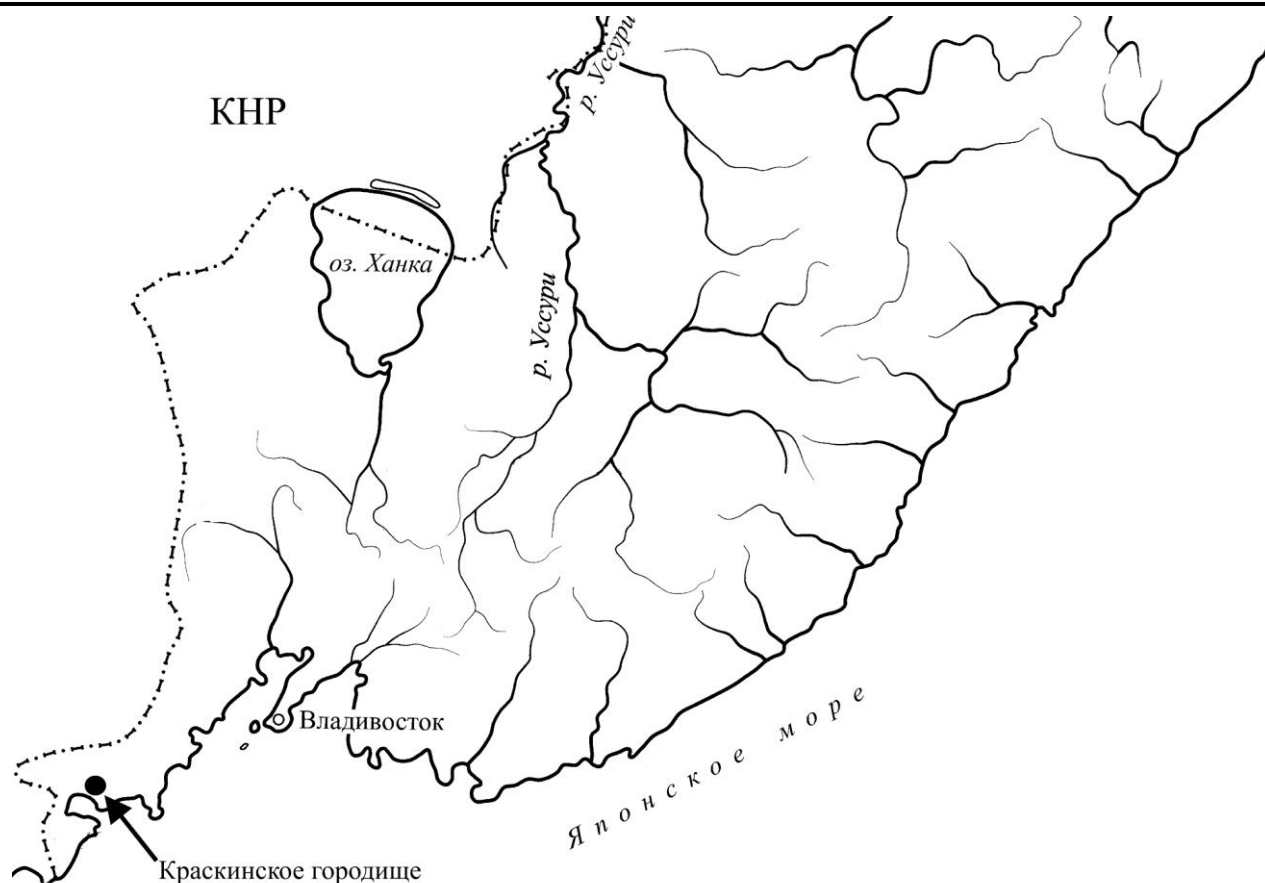

Рис. 1. Расположение Краскинского городища
Fig. 1. Location of Kraskino walled town

навливаемы с помощью методов археологии. Применительно к населению памятника – это совокупность стратегий, направленных на добычу и обработку ресурсов, необходимых для воспроизводства группы. Они, во-первых, выработаны людьми при проживании на изучаемой территории или принесены из предыдущего места обитания, во-вторых, изменяются в зависимости от природных условий циклично в течение года.

Источники и методы исследования

При реконструкции системы жизнеобеспечения использовались следующие опубликованные источники: археологические, письменные и этнографические. К археологическим относятся артефакты и экофакты, содержащие информацию об использовании человеком окружающей среды и полученные при изучении Краскинского городища с 1980 года. Экофакты были получены как при визуальном отборе, так и при использовании метода водной сепарации и просмотре лёгкой и тяжелой фракций. К письменным источникам относятся летописные сведения, переведённые и обработан-

ные Э.В. Шавкуновым (Артемьева, Болдин, 1994) и А.Л. Ивлиевым (Ивлиев, 2005). В летописях изредка встречается информация об использовании бохайцами пищевых ресурсов. Этнографические сведения, используемые в работе, связаны с народами, населявшими территории с аналогичными бохайскому времени экологическими условиями. К ним относятся корейцы (Аносов, 1928; Унтербергер, 1900), маньчжуры (Яшнов, 1926), китайцы (Арсеньев, 1914).

Реконструкция системы жизнеобеспечения автором осуществлялась согласно сложившейся в палеоэкологических исследованиях последовательности действий. Сначала собиралась информация о ресурсной базе населения изучаемого памятника. При изучении земледельческих обществ большое внимание уделялось агроклиматическим ресурсам, таким как сумма осадков за вегетационный период, изменение температуры почв за год и др. Кроме этого, местность вокруг памятника анализировалась с точки зрения доступности ресурсов.

Чтобы установить, какие ресурсы гипотетически могли использовать жители памятника, опре-

делялась зона хозяйственного использования. Изначально её выделяли при изучении групп охотников-собирателей (Binford, 1982). Позднее, этот метод был доработан и применён к группам ранних земледельцев (Вострецов, 2010)².

Зона хозяйственного использования представляет собой условный круг, в центре которого находится исследуемый памятник (рис. 2). Радиус круга означает территорию, в границах которой, наиболее вероятно, велась хозяйственная деятельность жителей памятника. Он зависит от сложности

транспортировки ресурсов от места, где они были собраны.

В этнографической и антропологической литературе на основе наблюдений установлены предельные расстояния, на которые люди уходят из места проживания в поисках ресурсов. Делается также поправка на рельеф местности. Наличие на пути к потенциальному полю возвышенностей, болот и водных преград делает дорогу более трудозатратной. Это понижает вероятность того, что люди будут располагать поля в подобных местах. По-

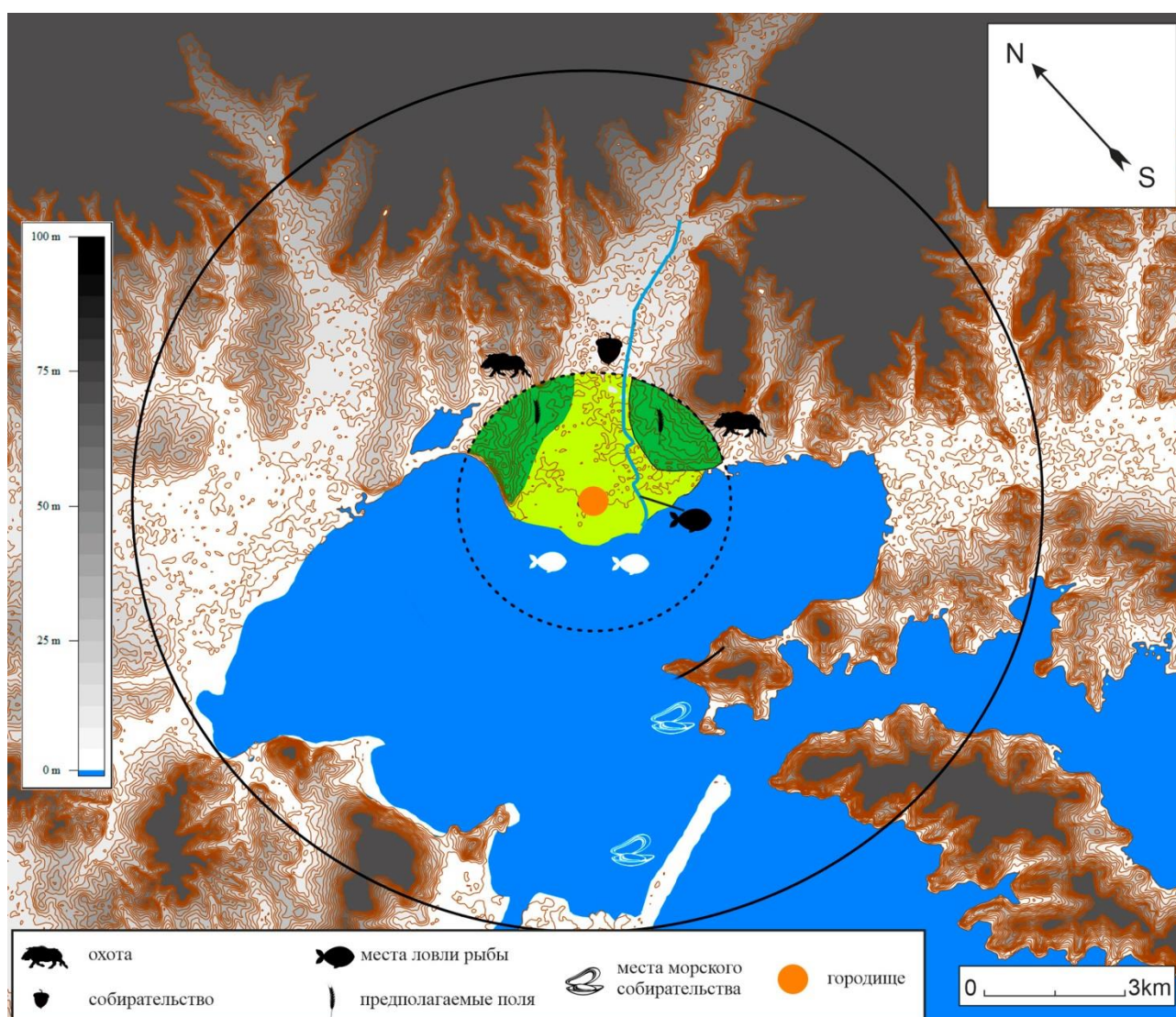

Рис. 2. Зона хозяйственного использования вокруг памятника
Fig. 2. Economic use zone of the site

² Вострецов Ю.Е. Приморские охотники-собиратели и земледельцы бассейна Японского моря: адаптация и взаимодействие в среднем и позднем голоцене (6500–1800 лет назад): специальность 07.00.06 «Археология»: дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Санкт-Петербург, 2010. Т. 1. 298 с. EDN: QFKNZF.

этому наряду с расстоянием важным параметром является и время, затрачиваемое на дорогу. Чаще всего земледельцы располагают поля на расстоянии, которое способны пройти не более, чем за 40 минут (Killion, 1990). Учитывая, что на работу в поле идут с сельскохозяйственным инструментом, то неспешным шагом со скоростью 3–4 км/ч за указанное время можно пройти 2–2,7 км. Для охоты чаще всего берется временной отрезок в 2 часа, соответственно максимальное расстояние при условии того, что охотники не будут ставить какой-либо промежуточный лагерь, – 10 км (Vita-Finzi, Higgs, 1970).

Далее выявляются системообразующие связи между населением и окружающей средой. В частности, определяется хозяйственно-культурный тип общества. Для земледельцев также устанавливается система земледелия. Хозяйственно-культурный тип и система земледелия непосредственно влияют на общества: определяют численность групп населения, проживавших на памятнике, их хозяйственную деятельность и социальную структуру. Если представляется возможным, прослеживается динамика взаимодействия населения и окружающей среды. Частью указанного взаимодействия является и выбор людьми места для проживания. Выбирая место для жизни, группы древнего населения могли руководствоваться близостью необходимых ресурсов, стратегическим положением, дающим обзор нижележащей долины и т. д.

Хозяйственная деятельность реконструируется через анализ экофактов и артефактов. При изучении экофактов используются результаты работы учёных естественников, в частности археозоологов и палеоботаников. Они определяют остатки костей животных и рыб, а также семян растений. Эти находки свидетельствуют о конкретном выборе жителей при извлечении природных ресурсов. Артефакты в свою очередь дают информацию о хозяйственной деятельности. После характеристики экофактов и артефактов осуществляется подсчёт энергетического вклада тех или иных ресурсов в диету. Но закрытые комплексы, содержащие в себе отходы жизнедеятельности одной группы людей за короткий промежуток времени, встречаются очень редко и связаны с раковинными кучами (Первые рыболовы..., 1998).

Для пищевых ресурсов также определяется сезонность их использования. Подобные исследования распространены в этнографии (Гринев, 1988), и встречаются в археологии (Вострецов, Короткий и др., 2015). В этнографии они основываются на сведениях, получаемых напрямую у информаторов, и наблюдениях. В археологии же исследователям приходится использовать косвенные данные. К ним относится информация о сезонности хозяйства у народов, проживавших на экологически сходной территории. Также используются сведения об экологии видов животных и растений, остатки которых находят на памятнике. Сезонность хозяйства представляют в форме различных диаграмм. В археологической литературе используются годовые циклы (Вострецов, Короткий и др., 2015) и гистограммы (Renfrew, Bahn, 2016. P. 305).

Чтобы определить, насколько потенциальные ресурсы территории отвечали запросам проживавшей на ней группы, необходимо оценить продуктивность зоны хозяйственного использования. Для этого необходимо знать, какое хозяйство практиковало население памятника. После определения типа хозяйства проводится расчет демографической емкости территории. На текущем уровне изученности Краскинского городища наиболее достоверными будут подсчеты продуктивности, осуществляемые по земледельческим культурам. Для этого нужно знать, сколько зерновых в год потребляет один человек и какая площадь была доступна под их посев.

Результаты и обсуждение

Краскинское городище в наше время окружает заболоченная пойма. В ней произрастают дикие растения, части которых пригодны в пищу. Выше поймы на терассах растут дубняки, богатые как дикими растениями, так и различными животными, такими как кабаны, косули и олени, а также расположены современные поля, где выращивают культурные растения. В бухте Экспедиции водится рыба, распространены различные моллюски. Стоит отметить, что в бохайское время ресурсная база могла отличаться, о чем есть ряд свидетельств. На городище Горбатка были найдены вымершие морские моллюски анадары (*Anadara inaequalis*, *Anadara subcrenata*), что говорит о более теплом гидрологическом режиме в бохайское время в це-

лом. Дубняки, произрастающие в окрестностях Краскинского городища, являются вторичной растительностью (Лящевская, 2015). Но для гипотетической реконструкции будет использоваться современная экологическая ситуация, поскольку пока в полной мере неясно, что представлял из себя климат в долине р. Цукановки в бохайское время.

Определяющим видом хозяйственной деятельности для бохайцев было земледелие, о чем свидетельствуют как выбор мест для поселений, так и находки сельскохозяйственных орудий, продуктов земледелия и животноводства (Артемьева, Болдин, 1994. С. 92). Вероятно, бохайцы практиковали грядковое земледелие (Прокопец, Болдин и др., 2021. С. 33). Подобная система была распространена у этнографического населения территорий Северо-Восточного Китая (Яшнов, 1926. С. 110) и Приморского края (Аносов, 1928. С. 36). Для посева на поле формируются гряды (ширина и высота разнятся). В следующий год поднимается почва на месте борозды и выполняет функцию грядки, что позволяет замедлить истощение плодородного слоя. Грядковая система позволяет обходиться небольшими площадями, однако требует большого количества удобрений. Известно, что дома при такой системе земледелия могут располагаться прямо в центре поля (Унтербергер, 1900. С. 113).

Выбор бохайцами места в пойме р. Цукановки можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, местное население могло с наименьшими потерями использовать имеющуюся ресурсную базу для поддержания жизнеспособности группы. Во-вторых, размещение поселения, а затем города в этом месте позволяло иметь доступ к водным маршрутам и использовать место как порт. Одним из важнейших пищевых ресурсов были продукты земледелия. Поэтому анализ зоны хозяйственного использования стоит начать с него.

На самом Краскинском городище расположение грядок невозможно, высокая плотность застройки не позволяет разместить поля в пределах города. Использование земли в устье р. Цукановки сомнительно по трём причинам. Во-первых – затопляемость устья. В климате периода существования государства Бохай выделяют смену относительно сухого периода относительно влажным с последующим наступлением относительно сухого (Лящевская, 2015). В середине существования

Бохая среднегодовая температура могла быть на два градуса выше современной (Мишкин, Петренко, Гвоздева, 2019). Рельеф территории мог незначительно отличаться, вероятно, что берег моря был ближе к городищу и сейчас, южнее него, мы видим поздние аллювиальные отложения. Во-вторых, единственная культура, для выращивания которой достоверно применялись земли вокруг городища, – заливной рис. Его выращивали корейцы в конце XIX – начале XX века. Остатки рисовых чеков видны и по сей день на спутниковых съемках. На Краскинском городище пока не найдено зерен риса, как и его пыльцы. Доминирующей культурой являлось просо. Для его культивации нижняя часть долины Цукановки слишком часто испытывает воздействие разливов реки во время сезона тайфунов в июле – сентябре.

Кроме того, в дельте р. Цукановки в 2013 году были отобраны споро-пыльцевые пробы грунта из бохайских курганов. Большая часть найденной пыльцы принадлежит деревьям и полевым травам и процент культурных видов минимален (Верховская, 2014). Пыльца культурных растений, согласно исследованиям, оседает в местах посева. Самое большое расстояние, на которое её может уносить, – до 2 км (Рябогина, Иванов, 2011). Из этого следует, что на указанном расстоянии от дельты посеvy культурных видов растений маловероятны. Также, в советское время в пойме находился сенокос и производился выпас скота – в двух километрах от городища находятся развалины бойни, которая функционировала во второй половине XX в.

Вероятно, поля могли находиться на северо-западе и северо-востоке от городища (см. рис. 2), на первой надпойменной террасе и её склонах. Здесь и в наше время видны следы сельскохозяйственного использования в XX в. Часть террасы засеивается в наше время. Она не затопливается в период тайфунов и находится в приемлемых, с точки зрения энергозатрат, пределах (1,5–2 км). Такое расстояние укладывается и во временные рамки 40–45 минут ходьбы от памятника. Использование осваиваемой сегодня поймы к югу от с. Цуканово (выше по течению р. Цукановки) маловероятно, поскольку поля бы находились слишком далеко (3 км и более) от городища.

Роль поймы вокруг городища на данный момент остается неясной. Было бы логично предпо-

ложить, что здесь могли пасти скот. В наше время местные пастухи нередко водят здесь табуны лошадей. Но население, использующее грядковую систему земледелия, не нуждается в большом количестве скота (Аносов, 1928. С. 45), а соответственно и в больших площадях для выпаса.

Ареал используемых морских биоресурсов можно условно обозначить радиусом в 10 км (Первые рыболовы..., 1998). К ним из всех экофактов можно отнести рыбу и моллюсков. В пользу 10-километровой зоны говорят находки спизулы сахалинской. Самое близкое к городищу место добычи находится в 7 км от него. Охота могла осуществляться также в десятикилометровой зоне. Для этого хорошо подходили окружавшие городище леса. В этом радиусе осуществлялось и собирательство.

В имеющихся письменных источниках нет сведений, прямо указывающих на использование пищевых ресурсов в Яньчжоу. Обычно указывается на то, что население северо-восточных районов Бохая занималось животноводством, охотой и собирательством (Артемьева, Болдин, 1994. С. 92). Так, область Шуайбинь, в которую входила часть современного Приморья, славилась своими лошадьми (Ивлиев, 2005. С. 468). В связи с этим особенно ценными являются сведения, которые даёт археология.

Орудия труда, найденные на памятнике, свидетельствуют о том, что население городища занималось земледелием, охотой, а также рыболовством. На городище встречаются обломки лемехов плугов, и один целый плуг был найден при зачистке по уровню пола в жилище № 10. Плуг, найденный в слое, стратиграфически относимом к периоду бытования жилища, может свидетельствовать о вовлеченности этого домохозяйства в сельскохозяйственные работы. На памятнике также найдено более сотни наконечников стрел разных типов. Вероятно, часть из них предназначалась для охоты. Исследователи отмечают и находки рыболовных снастей – крючков и грузил (Крадин, Асташенкова и др., 2018. С. 96).

Среди сельскохозяйственных культур по числу находок наибольшее количество занимают просынные (*Setaria italica*, *panicum miliaceum*). Также найдены два вида ячменя, пшеницы, фасоль, соя, окультуренный горошек, люцерна (*Medicagosativa*)

и конопля. В целом, набор аналогичен другим бохайским памятникам Приморья.

Дикорастущие виды идентифицированы на памятнике среди карбонизированных остатков. Это семена горчицы, мари городской, водного перца, плодов черемухи, скорлупы сосны корейской и ореха лещины (Гельман, Омелько и др., 2019). Также исследователи предполагают использование населением ряда клубневых растений, которые и сейчас произрастают в окрестностях городища (Гельман, Омелько и др., 2019).

Судя по значительному количеству находок, большую роль в жизнеобеспечении городища играли моллюски. Всего на памятнике обнаружено семь промысловых видов двухстворчатых моллюсков (Гельман, Омелько и др., 2019. С. 35). Больше всего было собрано раковин спизулы сахалинской. Видимо, она была основным промысловым видом для местных жителей.

Охотились на косулю, благородного оленя, кабана, барсука, лисицу. Количество костей диких животных среди остеологического материала незначительно (3 %). Это может означать, что куда большее значение имело использование в пищу домашнего скота. К последнему относятся находки костей коровы, лошади, свиньи и собаки. Больше всего найдено костей коровы (47 % от всех костей домашних животных). Исследователи полагают, что это может быть обусловлено торговым назначением города – скот мог использоваться как тяговая сила для повозок (Гельман, Омелько и др., 2019).

Надо понимать, что определенные экофакты не удалось соотнести со строительными горизонтами, выделенными на городище. Это могло бы детализировать систему жизнеобеспечения и показать динамику использования пищевых ресурсов. Имеющаяся же на данный момент информация представляет собой усредненный срез за весь период бытования городища.

Для определения сезонности земледелия используются сведения об агроклиматических ресурсах Хасанского района (Агроклиматические ресурсы..., 1973. С. 72)³. В частности, информация о среднесуточной температуре почвы и времени

³ Агроклиматические ресурсы Приморского края. Ленинград: Гидрометеиздат, 1973. 148 с.

прихода тайфунов. Эти переменные могли значительно отличаться в бохайское время, но на данный момент мы не можем знать необходимую к учёту погрешность.

Все культуры, выращиваемые бохайцами, были яровыми. Это значит, что сельскохозяйственный цикл начинался весной. В конце марта – начале апреля, когда на полях тает снег, начиналась подготовка полей к засеву. Вспахивалось поле, убирались сорняки и формировались гряды. В зависимости от экологии конкретной культуры, сев мог начинаться в разное время. Раньше всех можно было сеять ячмень и пшеницу – примерно с середины по конец второй декады апреля. Просяные, безопаснее всего было высаживать в последние дни апреля и начале мая, поскольку на фазе всходов они боятся заморозков (Медведев, Сметанникова, 1981. С. 222)⁴. В это же время сеяли бобовые.

У проживавших в сходных экологических условиях корейцев прополка происходила три-четыре раза за лето (Аносов, 1928. С. 35). Вероятно, так же было и у бохайцев. Раньше всего созревали ячмень и пшеница. Восковая спелость, во время которой обычно начинается сбор урожая, у них наступала в конце июля. Судя по всему, просяные культуры следовало собирать примерно в этот период. В августе – сентябре на территории Приморского края начинается сезон тайфунов, которые могут как затруднить сами работы по уборке урожая, так и повредить растения. В более быстром созревании и защите от воздействия воды помогала грядковая система. Исследованиями установлено, что благодаря лучшей обогреваемости посеянного зерна солнцем, температура поверхности грядки на 3–5° С выше (Корчагин, Мазиров, Щукин, 2021. С. 20)⁵. Это могло приводить к тому, что всходы происходили на 2–4 дня раньше (Митрофанов, Анциферова, 2020. С. 306), что особенно важно в условиях начала сезона тайфунов. Для лучшей защиты от наводнений, грядки часто формируют так, чтобы борозды шли параллельно течению реки (Арсеньев, 1914. С. 71). Позже всего убирались бо-

бовые, в наше время они доходят до восковой спелости в первой декаде октября.

Население городища могло быть обеспечено зерновыми, начиная с августа. Безусловно, далее начинался процесс обработки урожая и далеко не сразу зерно становилось пищей. Бохайцы сохраняли часть урожая в хозяйственных ямах и корчагах, находившихся во дворах их домов. Возможно, существовали и амбары. Это позволяло обеспечить себя углеводной пищей до начала следующей весны, когда начинали появляться доступные для сбора дикие растения.

Периоды сбора различных дикоросов на территории Приморья установлены в литературе (Коляда, Белов и др., 2022). Исходя из этих данных, найденные и гипотетически возможные для использования виды могли собираться в период с апреля по сентябрь включительно. Некоторые растения, например, черемуха – запасались впрок и могли использоваться также зимой и ранней весной.

В настоящее время места промысла спизулы расположены на глубине 4–7 м вдоль песчаной косы Назимова. Также значительно присутствие в культурных отложениях мидии Грея. Мидии Грея обитают вблизи открытого побережья и скалистых мысов на глубине от 1 до 15 м. Судя по образцам с Краскинского городища, жители добывали мидий с больших глубин (Раков, Шарова, 2011). Добыча моллюсков, вероятно, относилась к летнему периоду. Об этом говорят кольца роста на сколах раковин спизулы сахалинской.

Жители городища также занимались рыболовством. Хотя кости рыб плохо сохраняются на памятнике, исследователи смогли идентифицировать некоторые из них. Это пиленгас, сельдь, горбуша и рыба-собака (Гельман, Омелько и др., 2019).

Пиленгас весной выходит из рек, где происходила зимовка, в море. В июне – июле происходит нерест на мелководье. Затем осенью он мигрирует в реки на зимовку (Новиков, Соколовский и др., 2002. С. 195)⁶. Наиболее выгодное время лова, судя по всему, – лето и зима. Его могли ловить на ямах в

⁴ Медведев П.Ф., Сметанникова А.И. Кормовые растения европейской части СССР. Ленинград : Колос, 1981. 336 с.

⁵ Корчагин А.А., Мазиров М.А., Щукин И.М. Общее земледелие: учеб. пособие. Владимир : Владимирский государственный университет, 2021. 193 с.

⁶ Новиков Н.П., Соколовский А.С., Соколовская Т.Г., Яковлев Ю.М. Рыбы Приморья. Владивосток : Дальпресс, 2002. 547, [2] с.

реках зимой, и во время нереста летом на мелководье. Скопление рыбы в предсказуемых местах в течение длительного периода могло обеспечивать хороший улов.

Сельдь могли ловить в период, когда она выходит на нерест в прибрежную полосу в заросли морской травы и водорослей. Икрометание у этого вида происходит, в основном, на глубине 3–4 м (Вострецов, Короткий и др., 2015). Нерест длится с марта по май, в июне рыба уходит для нагула в открытые воды. При реконструкции системы жизнеобеспечения ранних земледельцев на Зайсановке-7 4500 лет назад, Л.Е. Беседнов и Ю.Е. Вострецов отметили, что наилучшее время для лова сельди – с конца марта по конец первой декады июня. Это утверждение вполне применимо и к ситуации на Краскинском городище. Зайсановка-7 расположена в 7 км на восток от городища, на берегу бухты Экспедиции в аналогичных экологических условиях. Безусловно, Зайсановка-7 относится к зайсановской культурной традиции и была заселена в более ранний период. Также сельдь можно ловить с низкими затратами ресурсов во время позднеосеннего ледостава (Там же. С. 205). Горбушу жители городища могли ловить летом, когда у неё начинается период нереста в реках.

Охота на диких животных могла осуществляться в течение всего года. Возможно, её значение повышалось в зимний период.

Крупный рогатый скот традиционно используется у местного населения как тягловый и не выращивается на убой. Но, возможно, что старые и непригодные для работы особи могли забиваться. В таком случае, для этого больше всего подходит осень, когда скот наиболее откормлен за летний сезон (рис. 3). Что касается таких видов как свинья и собака, в Восточной Азии они используются как мясные животные и могли забиваться в течение всего года, по мере необходимости.

В сложившейся у жителей городища системе жизнеобеспечения значительную роль играло земледелие – этому есть прямые и косвенные свидетельства. В большинстве собранных в разных частях городища проб были найдены зерновки культурных растений. Кроме того, земледельческий уклад в целом был характерен для бохайского населения (Артемьева, Болдин, 1994. С. 94). Помимо этого, бохайцы активно использовали ресурсы,

получаемые с помощью рыболовства, охоты и собирательства.

Выводы

На основе накопленных за годы исследований материалов, среди которых как артефакты, так и экофакты, изученные с помощью естественнонаучных методов, была предварительно реконструирована системы жизнеобеспечения Краскинского городища. К сожалению, имеющиеся источники не позволяют проследить её изменения на протяжении всего времени обитания памятника. Полученные результаты представляют собой скорее усредненную картину.

Жители городища вели комплексное хозяйство, используя все доступные пищевые ресурсы: культурные виды растений, скот, диких животных, моллюсков и рыбу, а также дикие растения.

Для анализа зоны хозяйственного использования были выделены участки следующего радиуса: 2 км вокруг городища – для земледелия, 10 км – для охоты и собирательства, рыболовства и сбора моллюсков. В указанных зонах как функциональные выделены экотопы и элементы ландшафта. Первая надпойменная терраса долины р. Цукановки обеспечивала посевные площади для сельскохозяйственных культур. Функции самой поймы пока остаются под вопросом, возможно, что здесь были сенокосы. Окружающие памятник леса и луга были местом охоты на диких животных, кости которых найдены на городище. Акватория бухты Экспедиции служила источником морских ресурсов, таких как различные виды рыб и моллюсков.

Жизнеобеспечение имело циклический характер и зависело от смены времён года. Весной начинался сельскохозяйственный цикл, а также становилось возможным собирательство листьев и корней. Летом увеличивалось разнообразие доступных морских видов. Осенью завершался сельскохозяйственный цикл и появлялась возможность сбора плодов ряда растений. Зимой возрастала роль охоты, которая в целом могла осуществляться весь год. В течение всего года жители городища использовали свиней и собак для получения белковой пищи. Об эффективности системы жизнеобеспечения говорит длительность заселения памятника – он существовал вплоть до распада го-

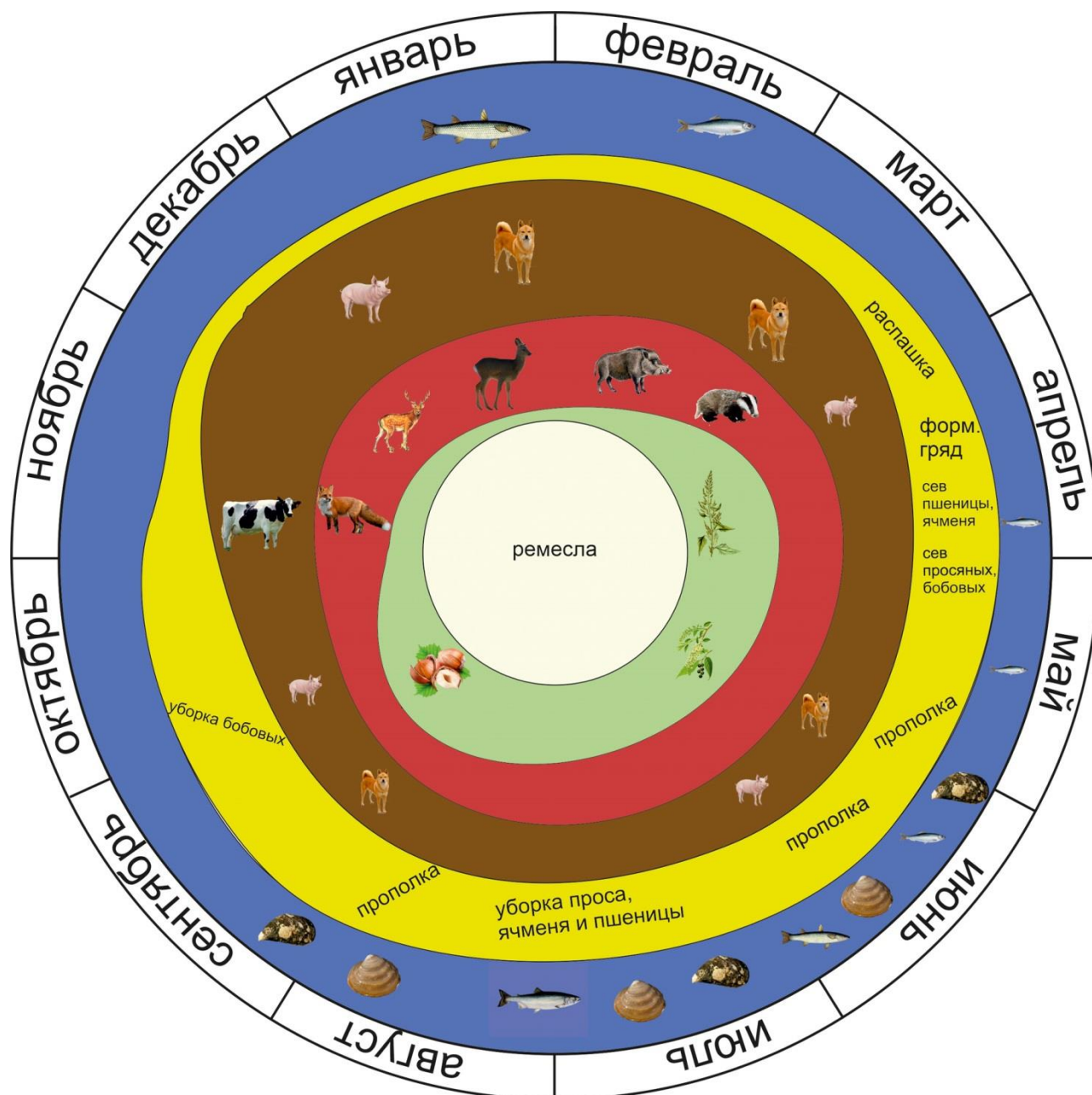

Рис. 3. Годичный цикл хозяйственной деятельности населения Краскинского городища
 Fig. 3. Annual cycle of economic activity of the population of Kraskino walled town

сударства Бохай. Сведения об изменениях в использовании тех или иных пищевых ресурсов на данный момент отсутствуют. Это обусловлено неравномерной изученностью строительных горизонтов и тем, что ещё не все экофакты определены археозоологами и археоботаниками. Такая работа планируется в дальнейшем.

Полученные результаты могут стать основой для сравнения с системой жизнеобеспечения других бохайских памятников в будущем, поскольку на данный момент других таких реконструкций для бохайских памятников не проводилось. Это позволит определить стратегии адаптации, выработанные бохайцами для собственного воспроизводства на территории современного Приморья.

Список источников

Аносов С.Д. Корейцы в Уссурийском крае. Хабаровск; Владивосток : Книжное дело, 1928. 86 с.

References

Anosov S.D. (1928) Koreans in the Ussuri region. Khabarovsk; Vladivostok: Knizhnoye delo, 86 p. (In Russ.).

Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае. Очерк историческо-этнографический // Записки Приамурского отдела Императорского Русского Географического Общества. Хабаровск : Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. Т. X. Вып. 1. [6], II, 203, 4 с.

Артемова Н.Г., Болдин В.И., Гельман Е.И., Дьякова О.В., Ивлиев А.Л., Конькова Л.В. и др. Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М. : Наука, 1994. 217, [2] с. EDN: YQOPBQ.

Верховская Н.Б. Результаты палинологического изучения голоценовых отложений в районе раскопок Краскиных курганов в устье р. Цукановка // Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2013 году. Сеул : Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2014. С. 184–188.

Вострецов Ю.Е., Короткий А.М., Епифанова А.В., Беседнов Л.Н., Раков В.А., Сергусева Е.А. Система жизнеобеспечения на поселении Зайсановка-7: модель адаптации ранних земледельцев к условиям жизни на побережье Приморья // Лев Николаевич Беседнов – исследователь древнего рыболовства : сборник научных статей. Владивосток : Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук, 2015. С. 200–212. EDN: VQKGHT.

Гельман Е.И. Бохайский город в российской истории: от архимандрита Палладия до наших дней // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 1 (44). С. 60–72. DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/60-72. EDN: YUJYVA.

Гельман Е.И. Внутренняя и внешняя торговля в государстве Бохай // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 25. С. 151–166. DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10040. EDN: ZJPZHC.

Гельман Е.И. Ремёсла бохайцев (по материалам Краскинского городища) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 3 (53). С. 75–92. DOI: 10.24866/1997-2857/2020-3/75-92. EDN: VDMMMV.

Гельман Е.И. Нижний строительный горизонт Краскинского городища // Археология евразийских степей. 2021. № 4. С. 17–30. DOI: 10.24852/2587-6112.2021.4.17.30. EDN: POEVLC.

Гельман Е.И., Омелько В.Е., Лящевская М.С., Баштанник С.В., Бондаренко О.В., Раков В.А., Еловская О.А. Роль растений и животных в системе жизнеобеспечения населения Краскинского городища // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 3 (49). С. 31–38. DOI: 10.24866/1997-2857/2019-3/31-38. EDN: UBRTHQ.

Гринев А.В. Годовой хозяйственный цикл тлинкитов // Экология американских индейцев и эскимосов. Проблемы индеанистики : сборник статей. М. : Наука, 1988. С. 117–124.

Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский

Arsen'ev V.K. (1914) Chinese in Ussuri region. Historical and ethnographic essay. *Notes of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Khabarovsk: Tip. kancelyarii Priamurskogo general-gubernatora. Vol. X. Iss. 1. [6]. II. 203. 4 p. (In Russ.).

Artem'eva N.G., Boldin V.I., Gel'man E.I., D'yakova O.V., Ivliev A.L., Kon'kova L.V. et al. Bohai state (698-926) and tribes of Russian Far East (1994). Moscow: Nauka. 217. [2] p. (In Russ.). EDN: YQOPBQ.

Verkhovskaya N.B. (2014) The results of a palynological study of Holocene deposits in the area of excavations of the Kraskinsky mounds at the mouth of the river Tsukanovka. *Archaeological research on Kraskino walled town in Russian Primorye in 2013*. Seoul: Northeast Asian History Foundation; Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 184-188 p. (In Russ.).

Vostrecov Yu.E., Korotkii A.M., Epifanova A.V., Besednov L.N., Rakov V.A., Sergusheva E.A. (2015) Subsistence system at the settlement of Zaisanovka-7: a model of adaptation of early farmers to living conditions on the Primorye coast. *Lev Nikolaevich Besednov – researcher of ancient fishing: collection of scientific articles*. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. P. 200-212. (In Russ.). EDN: VQKGHT.

Gelman E.I. (2018) Bohai walled town in Russia history: from archimandrite Palladius to present days. *Ecumene. Regional Studies*. No. 1 (44). P. 60-72. (In Russ.). DOI: 10.24866/1998-6785/2018-1/60-72. EDN: YUJYVA.

Gel'man E.I. (2019) Internal and external trade in Bohai state. *Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. Vol. 25. P. 151-166. (In Russ.). DOI: 10.24411/2658-5960-2019-10040. EDN: ZJPZHC.

Gel'man E.I. (2020) Bohai crafts according to archaeological data from the Kraskino fortress site. *Humanities Studies in Eastern Siberia and Far East*. No. 3 (53). P. 75-92. (In Russ.). DOI: 10.24866/1997-2857/2020-3/75-92. EDN: VDMMMV.

Gel'man E.I. (2021) Lower construction horizon of Kraskino hillfort. *Archaeology of the Eurasian Steppe*. No. 4. P. 17-30. (In Russ.). DOI: 10.24852/2587-6112.2021.4.17.30. EDN: POEVLC.

Gel'man E.I. et al. (2019) The role of plants and animals in the livelihood of Kraskino fortress population. *Humanities Studies in Eastern Siberia and Far East*. No. 3 (49). P. 31-38. (In Russ.). DOI: 10.24866/1997-2857/2019-3/31-38. EDN: UBRTHQ.

Grinev A.V. (1988) The annual economic cycle of the Tlingit. *Ecology of American Indians and Eskimos. Problems of Indian Studies. Collection of articles*. Moscow: Nauka. P. 117-124. (In Russ.).

Ivliev A.L. (2005) Essay of the history of Bohai. The Rus-

Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Монография. Владивосток : Даль-наука, 2005. С. 449–475. EDN: YQEQNI.

Казначеев В.П. Очерки теории и практики экологии человека М. : Наука, 1983. 261 с. EDN: RZYAXZ.

Коляда А.С., Белов А.Н., Берсенева С.А., Репш Н.В., Розломий Н.Г. Пути использования дикорастущих пищевых растений Приморского края (Российская Федерация) // Электронный научно-производственный журнал «Агро-ЭкоИнфо». 2022. № 5 (53). Порядковый номер 9. DOI: 10.51419/202125511. EDN: HKPJWO.

Крадин Н.Н., Асташенкова Е.В., Бакшеева С.Е., Гельман Е.И., Гридасова И.В., Ивлиев А.Л. и др. Города средневековых империй Дальнего Востока. М. : Изд-во восточной литературы, 2018. 367 с. EDN: ХХАНОН.

Лящевская М.С. Результаты палинологического изучения отложений раскопа в жилом квартале Краскинского городища // Археологические исследования на Краскинском городище в Приморском крае России в 2014 году I. Сеул : Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2015. Т. 1. С. 351–354.

Микишин Ю.А., Петренко Т.И., Гвоздева И.Г. Поздняя фаза атлантического периода голоцена на юге Приморья // Успехи современного естествознания. 2019. № 12. С. 96–107. EDN: WPKWA.

Митрофанов Ю.И., Анциферова О.Н. Гребнистый способ посева зерновых культур на осушаемых землях // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. 2020. Т. 21. № 3. С. 301–312. DOI: 10.30766/2072-9081.2020.21.3.301-312. EDN: PABZIY.

Омелько В.Е., Гельман Е.И., Гасилин В.В., Винокурова М.А. Дикие и домашние животные в жизнеобеспечении бохайского города Яньчжоу // Россия и АТР. 2020. № 4 (110). С. 161–174. DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10057. EDN: SHYYZH.

Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана / отв. ред. Ю.Е. Вострецов. Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1998. 389 с. EDN: YDXARP.

Прокопец С.Д., Болдин В.И., Чон Сонмок, Стоякин М.А., Чон Юнхи. Археологические исследования на городище Николаевское I в российском Приморье. Тэджон : Государственный исследовательский институт культурного наследия республики Корея, 2021. 375 с.

Раков В.А., Шарова О.А. Результаты анализа малакофауны Краскинского городища по материалам раскопок 2009 г. // Археологические исследования российско-корейской экспедиции на Краскинском городище в российском Приморье в 2009 году. Сеул : Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2011. С. 310–313.

Рябогина Н.Е., Иванов С.Н. Древнее земледелие в Западной Сибири: проблемы аргументации, палеоэтно-

sian Far East in prehistory and the middle ages: discoveries, problems, hypotheses. Monograph. Vladivostok: Dal'nauka. P. 449-475 (In Russ.). EDN: YQEQNI.

Kaznacheev V.P. (1983) Essays on the theory and practice of human ecology. Moscow: Nauka. 261 p. (In Russ.). EDN: RZYAXZ.

Kolyada A.S., Belov A.N., Berseneva S.A., Repsh N.V., Rozlomii N.G. (2022) Ways of using wild food plants in Primorye territory (Russian Federation). *Electronic Scientific and Production Journal AgroEcoInfo*. No. 5 (53). (In Russ.). DOI: 10.51419/202125511. EDN: HKPJWO.

Kradin N.N., Astashenkova E.V., Baksheeva S.E., Gel'man E.I., Gridasova I.V., Ivliev A.L., et al. (2018) Cities of medieval empires of Russian Far East. Moscow: Izdatelstvo vostochnoi literaturi. 367 p. (In Russ.). EDN: ХХАНОН.

Lyashchevskaya M.S. (2015) Results of a palynological study of excavation deposits in a residential area of the Kraskinsky walled town. *Archaeological research on Kraskino walled town in Russian Primorye in 2014 I*. Seoul: Northeast Asian History Foundation; Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. Vol. 1. P. 351-354. (In Russ.).

Mikishin Yu.A., Petrenko T.I., Gvozdeva I.G. (2019) Late phase of Atlantic period of the Holocene in southern Primorye (Russian Far East). *Advances in Modern Natural Science*. No. 12. P. 96-107. (In Russ.). EDN: WPKWA.

Mitrofanov Yu.I., Antsiferova O.N. (2020) Ridge method of sowing crops on drained lands. *Agricultural science of Euro-North-East*. Vol. 21. No. 3. P. 301-312. (In Russ.). DOI: 10.30766/2072-9081.2020.21.3.301-312. EDN: PABZIY.

Omel'ko V.E. et al. (2020) Wild and domestic animals in life support of the Yanzhou City of the Bohai State. *Russia and the Asia-Pacific*. No. 4 (110). P. 161-174. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026-8804-2020-10057. EDN: SHYYZH.

Vostretsov Yu.E. (1998) The first fishers in Peter the great bay. Environment and ancient man in Boisman bay. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 389 p. (In Russ.). EDN: YDXARP.

Prokopets S.D., Boldin V.I., Chon Sonmok et al. (2021) Archaeological research at the site of Nikolaevskoe I in Russian Primorye. Tadjon : Gosudarstvennyi issledovatel'skii institut kul'turnogo naslediya respublik Koreya. 375 p. (In Russ.).

Rakov V.A., Sharova O.A. (2011) Results of the analysis of the malacofauna of the Kraskino walled-town based on materials from excavations in 2009. *Archaeological research on Kraskino walled town in Russian Primorye in 2009*. Seoul: Northeast Asian History Foundation. P. 310-313. (In Russ.).

Ryabogina N.E., Ivanov S.N. (2011) Ancient agriculture in Western Siberia: problems of argumentation, paleoethno-

танические методы и анализ фактов // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 96–106. EDN: OJMKJZ.

Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. СПб.: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1900. [2], VIII, 324, [2], XX с.

Яшнов Е.Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии: экономический очерк. Харбин : Тип. Китайской Восточной железной дороги, 1926. VIII, 525, [3] с.

Binford L.R. (1982). The archaeology of place. *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 1. Iss. 1. P. 5-31. DOI: 10.1016/0278-4165(82)90006-X.

Killion T.W. (1990). Cultivation Intensity and Residential Site Structure: An Ethnoarchaeological Examination of Peasant Agriculture in the Sierra de los Tuxtlas, Veracruz, Mexico. *Latin American Antiquity*. Vol. 1. Iss. 3. P. 191–215. DOI: 10.2307/972161.

Renfrew C., Bahn P. (2016) Archaeology. Theories, Methods and Practice. 7th edition. London: Thames & Hudson. 672 p.

Vita-Finzi C., Higgs E.S., Sturdy D., Harriss J., Legge A.J., Tippet H. (1970). Prehistoric economy in the Mount Carmel area of Palestine: site catchment analysis. *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 36. P. 1-37. DOI: 10.1017/S0079497X00013074.

Информация об авторе

Малышев Александр Сергеевич,

ассистент департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет,
690922, Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10, Россия;
лаборант сектора раннесредневековой археологии,
Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ
ДВО РАН,
690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, Россия,
e-mail: alexandrm463@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0005-5626-4675>

Вклад автора

Малышев А.С. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 октября 2024 г.; одобрена после рецензирования 15 января 2025 г.; принята к публикации 27 января 2025 г.

botanic methods, and analysis of data. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. Iss. 4 (48). P. 96-106. (In Russ.). EDN: OJMKJZ.

Unterberger P.F. (1900) Primorsky region 1856-1898. St. Petersburg: Tip. V.F. Kirshbauma. [2]. VIII. 324, [2], XX p. (In Russ.).

Yashnov E.E. (1926) Chinese peasant economy in Northern Manchuria: economic essay Harbin: Tipografiya Kitaiskoi Vostochnoi zheleznai dorogi. VIII. 525, [3] p. (In Russ.).

Binford L.R. (1982). The archaeology of place. *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 1. Iss. 1. P. 5-31. DOI: 10.1016/0278-4165(82)90006-X.

Killion T.W. (1990). Cultivation Intensity and Residential Site Structure: An Ethnoarchaeological Examination of Peasant Agriculture in the Sierra de los Tuxtlas, Veracruz, Mexico. *Latin American Antiquity*. Vol. 1. Iss. 3. P. 191–215. DOI: 10.2307/972161.

Renfrew C., Bahn P. (2016) Archaeology. Theories, Methods and Practice. 7th edition. London: Thames & Hudson. 672 p.

Vita-Finzi C., Higgs E.S., Sturdy D., Harriss J., Legge A.J., Tippet H. (1970). Prehistoric economy in the Mount Carmel area of Palestine: site catchment analysis. *Proceedings of the Prehistoric Society*. Vol. 36. P. 1-37. DOI: 10.1017/S0079497X00013074.

Information about the author

Aleksandr S. Malyshev,

assistant of the department of history and archaeology,
School of Arts and Humanities,
Far Eastern federal university,
10, v. Ajax, Russian Island, Vladivostok 690922, Russia;
laboratory assistant of the sector of early medieval
archeology,
Institute of History, Archaeology and Ethnology of Far-
Eastern Branch of the RAS,
89, Pushkinskaya St., Vladivostok 690001, Russia,
e-mail: alexandrm463@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0005-5626-4675>

Contribution of the author

Malyshev A.S. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 7, 2024; approved after reviewing January 15, 2025; accepted for publication January 27, 2025.

Научная статья

УДК 902

EDN: YPSPXK

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-33-48>

Птицы Усть-Полуя и коренные народы Северо-Западной Сибири

Т.Ю. Номоконова¹, А.В. Гусев², Р.Дж. Лозей^{1,3}

¹ Университет Саскатчевана, Саскатчеван, Канада

² ГАУ ЯНАО Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского, Салехард, Россия

³ Университет Альберты, Эдмонтон, Канада

Аннотация. Регион Северо-Западной Сибири содержит во многом уникальные археологические данные по взаимоотношениям между прошлыми и настоящими отношениями коренных народов и их птицами. Наиболее важные материалы в этом плане были получены из святилища Усть-Полуй, расположенного на территории г. Салехарда в Ямало-Ненецком автономном округе, которое использовалось в основном примерно 2000 лет назад. В результате многолетних раскопок на этом памятнике было получено много изображений птиц и птицеподобных существ, сделанных из дерева, рога и металла, а также большая коллекция костей птиц, включая захоронение целых туш. В данной статье обсуждаются пути, в которых образы птиц, их туши и отдельные части могут предоставить новые взгляды на то, как люди воспринимали этих существ и соотносились с ними в этом регионе Сибири. С этой целью, во-первых, интегрируются знания ненцев, ханты и манси о птицах, чтобы продемонстрировать, как их жизни переплетаются с жизнями птиц через мировоззрение, идентичность и духовное благополучие. Обзор отношений людей и птиц суммируется по их значимости как родственников, богов и предков, а также духов и посланников. Во-вторых, приводится описание более 70 изображений птиц, найденных на святилище Усть-Полуй. Они сгруппированы по трем основным категориям: водоплавающие, дневные хищники и совы. В итоге обсуждаются результаты предыдущих таксономических определений более 12 000 костей птиц с данного памятника, в рамках которых определяются связи между прошлыми и настоящими взаимоотношениями людей и птиц в данном регионе.

Ключевые слова: птицы, птицеподобные существа, изображения, Усть-Полуй, Ямал, Сибирь, ханты, манси, ненцы, зооархеология

Благодарности. Исследование осуществлено при поддержке грантов Social Sciences and Humanities Research Council of Canada (№ IG 435-2014-0075 и IG 435-2021-001). Авторы выражают благодарность Ямало-Ненецкому окружному музейно-выставочному комплексу имени И.С. Шемановского в Салехарде и Музею антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого в Санкт-Петербурге за предоставление доступа к изображениям птиц Усть-Полуя, хранящихся в их фондах и Ульяне Морозовской за помощь в оформлении данной публикации. Данная статья посвящается Наталье Викторовне Федоровой, чья любовь к изображениям животных и археологии Ямало-ненецкого автономного округа стала вдохновением этого научного проекта.

Для цитирования: Номоконова Т.Ю., Гусев А.В., Лозей Р.Дж. Птицы Усть-Полуя и коренные народы Северо-Западной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 33–48. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-33-48. EDN: YPSPXK.

Archaeology

Original article

Ust'-Polui Birds and Indigenous People of Northwestern Siberia

Tatiana Nomokonova¹, Andrei V. Gusev², Robert J. Losey^{1,3}

¹ University of Saskatchewan, Saskatoon, Canada

² The Shemanovsky Museum-Exhibition Complex, Salekhard, Russia

³ University of Alberta, Edmonton, Canada

Abstract. The region of Northwestern Siberia has a long-term and very unique archaeological record of the relationships between Indigenous people and birds. The most important collection in regard to these relationships is from Ust'-Polui, a sacrifice center located in the city Salekhard of the Iamal-Nenets Autonomous district. Decades of archaeological excavations at this site, which was used approximately 2000 years ago, have produced multiple images of birds and bird-like beings made from wood, antler and metal, as well as a large bird bone assemblage, including some bird burials. This article explores the ways in which the bird imagery, bird bodies and their parts can provide new insights into how people perceived, identified, and related to birds in this region of Siberia. This is accomplished first by incorporating Nenets, Khanty, and Mansi knowledge about birds to demonstrate how their lives are entangled with those of birds through worldviews, identities, and spiritual well-being. We overview these peoples' relationships with birds as relatives, gods and ancestors, and spirits and messengers. Second, we provide a description of over 70 avian images that were found at Ust'-Polui which are mainly structured around three groups, including waterfowl, diurnal raptors, and owls. We also integrate results of previously conducted taxonomic identifications of over 12,000 avian remains from the site that provide a compelling context that allows us to link the past and present human-avian relationships in this region.

Keywords: birds, bird beings, imagery, Ust'-Polui, Iamal, Khanty, Mansi, Nenets, Siberia, zooarchaeology

Acknowledgements. Funding for this work was supported by grants from the Social Sciences and Humanities Research Council of Canada (IG 435-2014-0075 and IG 435-2021-001). The authors would like to thank the staff of the Museum Complex of I.S. Shemanovski (Salekhard) and the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography in St. Petersburg (Kunstkamera) for granting access to the archaeological imagery from Ust'-Polui curated at their facilities and Uliana Morozovskaia for help in preparing this publication. This article is devoted to Natalia V. Fedorova, whose passion and love for animal imagery and archaeology of the Iamal-Nenets region inspired this project.

For citation: Nomokonova T., Gusev A.V., Losey R.J. (2025) Ust'-Polui Birds and Indigenous People of Northwestern Siberia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 33-48. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-33-48. EDN: YPSPXK.

Введение

Жизнь коренных народов севера часто тесно переплетается с жизнью птиц. Соответственно можно ожидать, что такие тесные связи в прошлом имели физическое отражение и в археологических материалах, будь то изображения птиц, предметы, изготовленные из частей тела птиц, или особое обращение с телами птиц. Такие взаимоотношения часто были сложными, характеризующимися изменчивостью ролей и способностей птиц и птицеподобных существ, что широко демонстрируется знаниями коренных народов севера.

Данное исследование сосредоточено на Северо-Западе Сибири, где многие группы хантов, манси и ненцев охотятся и употребляют в пищу птиц, и вместе с тем с глубокой древности ассоциируют своё родство с определенными видами птиц (Аксанова, Бауло и др., 2005; Бауло, 2011; Народы западной Сибири..., 2005). По некоторым представлениям, отдельные виды птиц неразрывно связаны с людьми, начиная с рождения, и наделялись функциями их духовных защитников. Множество различных птиц и птицеподобных существ фактически сосуществуют и помогают формировать людей. Например, души людей иногда принимают форму птиц, некоторые души птиц могут помочь человеку уснуть и видеть сны, а другие могут при-

вести к тому, что человек потеряется в лесах (Мифология Манси, 2001¹; Народы западной Сибири..., 2005; Лехтисало, 1998; Лукина, 2005). Птицы также помогали в создании самой земли, поднимая сушу со дна моря, чтобы сформировать землю, которую сейчас населяют люди и другие существа (Адаев, 2007; Мифология Манси, 2001¹; Головнев, 1995). Передвижение птиц и их вокальные сигналы являются одновременно и маркерами, и создателями сезонных изменений (Адаев, 2007; Мифология Манси, 2001¹; Народы западной Сибири..., 2005; Лукина, 2005; Зенько-Немчинова, 2006), и мигрирующие птицы могут переносить души умерших в другие земли или уровни космоса (Лехтисало, 1998).

Ханты, манси и ненцы исторически взаимодействовали с птицами и птицеподобными существами через деревянную скульптуру, рисунки и орнаменты, посредством особого обращения с телами птиц. Например, изображения птиц делаются на колыбелях, чтобы защитить души детей и успокоить их плач (Зенько, 1997; Лукина, 1985; Федоро-

¹ Мифология Манси / А.В. Бауло, И.Н. Гемуев, А.А. Люцидарская и др.; гл. ред. И.Н. Гемуев // Энциклопедия уральских мифологий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 2. 195 с. EDN: SXOMEN.

ва, 1988), татуировки птиц создаются для предотвращения потери души человека (Мифология Манси, 2001¹; Зенько, 1997), и рукоятки ложек, используемых при обрядах сезонных жертвоприношений, изготавливаются в виде фигур птиц для демонстрации линии родства (Мифология Манси, 2001)¹. Кроме того, металлические изображения птиц, в виде заколок, иногда носят на косах женщин, действуя как физические проявления и динамичные части связи между двумя мирами или уровнями космоса. Среди некоторых групп, высушенные туши белых журавлей считаются телесной формой божеств, и эти существа помогают обеспечить семейное счастье (Мифология Манси, 2001¹; Народы западной Сибири..., 2005).

Традиции создания маленьких резных и металлических отливок птиц и особое обращение с их тушами, начались в Северо-Западной Сибири как минимум 2000 лет назад. Лучшими доказательствами этому являются находки на археологическом памятнике Усть-Полуй, расположенном на территории г. Салехарда в Ямало-Ненецком автономном округе (рис. 1а). Исследование этого объекта позволило выявить большое разнообразие деревянных, металлических и костяных артефактов

в одном комплексе, а также останков животных и людей (см.: Бачура, Косинцев и др., 2017; Визгалов, Кардаш и др., 2013; Гусев, 2014; Гусев, Федорова, 2012; Гусев, Федорова, 2017; Федорова, 2000; Чернецов, 1953; Losey, Fleming et al., 2018a; Losey, Nomokonova et al., 2018b; Moszyńska, 1974; Nomokonova, Losey et al., 2024). В данной работе обсуждаются птицы, костные остатки и изображения которых также присутствовали в материалах Усть-Полуя в контексте знаний и восприятия птиц коренными народами Северо-Западной Сибири.

Птицы и птицеподобные существа на Северо-Западе Сибири

Знания и восприятие птиц у коренных народов Северо-Западной Сибири основаны на долгосрочных взаимодействиях и общем опыте общения с этими животными, через которые птицы стали взаимосвязаны с ландшафтами и повседневной жизнью. Такие знания варьируются от понимания их поведения и мест обитания до их генеалогических и космологических позиций в мире, включая их способности отправлять сообщения и предоставлять духовное руководство и защитную помощь. Кроме того, птицы понимаются и рассматриваются

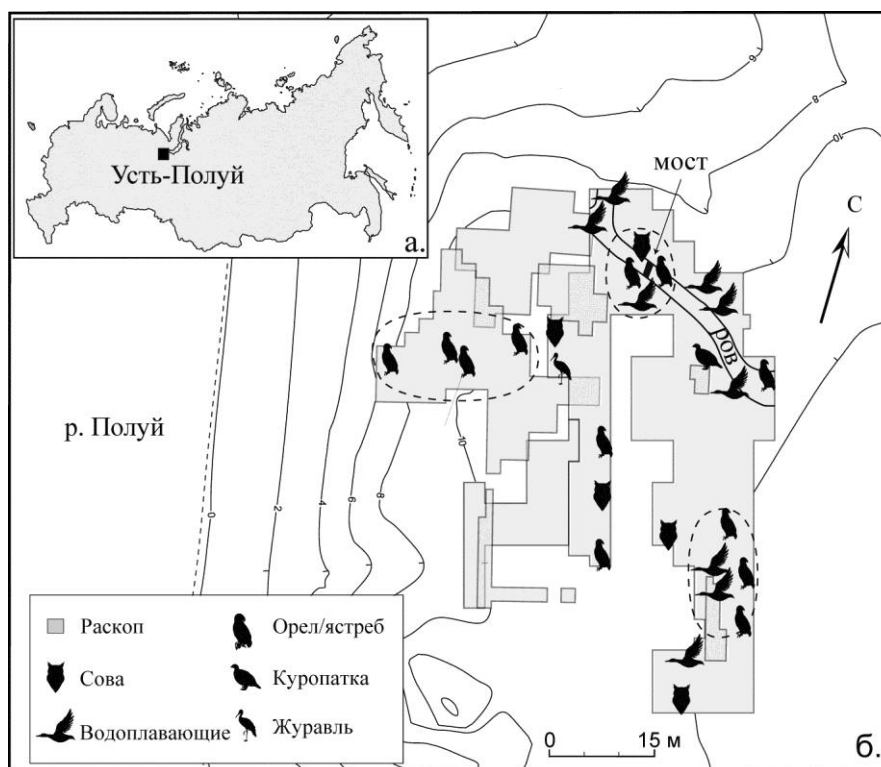

Рис. 1. а) Географическое местонахождение Усть-Полуй в пределах Российской Федерации; б) расположение изображений птиц на планиграфии памятника Усть-Полуй

Fig. 1. a) Location of Ust'-Polui within the Russian Federation; b) Location of bird imagery at Ust'-Polui

как живые существа, иногда родственные людям, обладающие священными качествами, действующими как соединители между сферами космоса, имеющие трансформационные способности и являющиеся физическими проявлениями местных богов и духов. Ниже мы приводим краткое описание знаний манси, хантов и ненцев, касающееся отношений этих коренных народов с птицами и птицеподобными существами. Это описание организовано по трем пересекающимся темам: птицы-родственники, птицы-боги и предки и птицы-души или посланники.

Птицы-родственники

Мир в представлениях ненцев, хантов и манси структурирован по трем основным уровням. Это верхний мир птиц, средний мир наземных животных и нижний мир рыб и амфибий. Для некоторых групп хантов каждый уровень ассоциируется с определенной птицей: верхний – с орлом, средний – с тетеревом, а нижний – с гагарой (Головнев, 1995). Бог птиц у манси – *Мир-сусне-хум*, младший брат главного бога, является также ‘царем’ птиц и представляется в облике лебедя или журавля (Мифология Манси, 2001)¹. Определенные виды птиц воспринимаются как предки-родственники и поэтому являются одними из самых священных животных. У лесных ненцев глухарь, кедровка и гагара наиболее тесно связаны с людьми, так как они являются братьями и сестрами, и сами были людьми в прошлом. Лебеди, орлы, ястребы, гуси, тетерева, филины, гоголи, трясогузки и чайки также идентифицируются как родственники среди некоторых манси и хантов (Зенько, 1997).

Родство между некоторыми птицами и людьми, вероятно, возникло и затем укрепилось благодаря наблюдениям за их внешним видом, внутренней анатомией и их особенностями существования, все из которых могут иметь сходство с образом и телом человека. Например, некоторые ханты ассоциируют своих предков с гагарами, потому что их крики звучат как человеческий плач, и также утверждают, что гагары на самом деле когда-то были людьми (Адаев, 2007). Известно, что у некоторых птиц почки по форме напоминают человеческие (Зенько-Немчинова, 2006). Лебеди могут образовывать пары на всю жизнь (Зенько, 1997), и по наблюдениям хантов, они даже менструируют,

что дополнительно указывает на их первоначальный статус как людей (Адаев, 2007). Эти ассоциации и представления накладывали определенные правила на обращение с телами птиц. Например, у некоторых групп хантов действует запрет есть лебедей и занимать их территорию (Адаев, 2007; Народы западной Сибири..., 2005). Некоторые манси могли есть мясо и яйца лебедей, но должны были отдавать их шкуры и кости богам в жертву, или сушить тушу птицы и хранить ее как семейного защитника (Адаев, 2007). Другие группы помещали кусочек жира на кончик клюва лебедя, когда принесли его тело в дом (по сути, кормя лебедя), и делали подношение своим богам, оставляя миску с мясом лебедя на крыше своего жилища (Лукина, 2010).

Птицы-боги и предки

Некоторые виды птиц имеют божественное происхождение или воспринимались как воплощения божеств на земле. Они также считаются важной частью некоторых родословных линий и идентичностей. Среди наиболее часто упоминаемых птиц в этой разнообразной категории – ястребы, филины и гуси, но также упоминаются орлы, лебеди, журавли, трясогузки, чайки, гагары, кукушки, куропатки, кедровки и сороки (Аксянова, Бауло и др., 2005; Бауло, 2011; Мифология Манси, 2001¹; Народы западной Сибири..., 2005; Зенько-Немчинова, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006). Эти птицы служат защитниками рода, домашних хозяйств или целых поселений, приносят удачу в охоте и рыболовстве, обеспечивают долгую жизнь и помогают женщинам иметь детей (Мифология Манси, 2001)¹.

Проживание рядом с такими божественными существами регулируется правилами охоты и потребления птиц. Например, некоторые манси, оберегаемые *Ворсик-ойкой* («старик-трясогузка»), не должны были убивать трясогузок, в то время как те, кто находится под защитой *Хортхан-ойкой* («старик-ястреб»), не могут есть птиц, убитых ястребами (Мифология Манси, 2001)¹. У ненцев действует запрет убивать и употреблять в пищу священных птиц, включая орлов, чаек, воробьев, ворон и кукушек (Адаев, 2007; Хомич, 1966). А некоторые группы хантов и их олени защищены младшим сыном главного бога *Нума*, который часто

принимает форму гуся, и соответственно они никогда не охотятся и не убивают гусей. Другим группам не разрешалось убивать поганок, гагар, журавлей и чаек. Если, например, поганка была случайно убита, ее тушу высушивают и хранят – плоть не едят (Перевалова, Карачаров, 2006).

Птицеподобные существа, такие как эти предки и защитники, часто понимаются и изображаются как имеющие комбинированные птичьи и антропоморфные черты. Чаще всего это птичьи герои или воины, такие как *Хортхан-ойка* («старик-ястреб») и *Йипыг-ойка* («старик-филин») у манси, которые изображены на деревянных фигурах птицы/человека, особенно на священных местах (Мифология Манси, 2001)¹. Изготавливались и металлические изображения птиц, иногда с антропоморфными лицами/головами в сочетании с птичьими телами (Мифология Манси, 2001)¹. Такие образы, наряду с другими предметами и частями птиц (например, высушенные туши журавлей, шкуры гагар, кости тетерева, перья лебедя), хранятся в различных местах. Например, их могут поместить в священные ящики и нарты, с другими предметами-защитниками предков дома или в специальных жилищах этих предков, или их могут носить на косах и пришивать к священным шапкам, поясам и одеялам (Аксанова, Бауло и др., 2005; Мифология Манси, 2001¹; Народы западной Сибири..., 2005; Зенько, 1997; Зенько-Немчинова, 2006; Перевалова, Карачаров, 2006; Федорова, 1994).

Птицы – души и посланники

Многие группы ненцев, хантов и манси понимают, что души принимают форму местных птиц, и эти души обитают в области человеческой головы, существуя среди волос (Аксанова, Бауло и др., 2005). Одной из таких душ является *лили*, душа, дыхание или живая сущность. Она представляется в образе кукушки или утки и в легендах хантов и манси часто помогает герою-воину преодолеть трудные ситуации (Мифология Манси, 2001¹; Зенько, 1997; Чернецов, 1959). В случае смерти человека душа покидает тело и направляется в другой мир, но перед этим она некоторое время живет в лесу в облике птицы. Повстречаться с такой птицей считается плохим знаком, поскольку она может вызвать смерть живого человека, забрав с собой его душу (Зенько, 1997). Чтобы души умерших

оставались с их телами, рисуются изображения птиц на гробах, или вырезаются деревянные фигуры уток и закрепляются на могильных крестах или на надгробиях (Народы западной Сибири..., 2005). Эти изображения привлекают души и не позволяют им уйти в неподходящие места, так как души умерших могут покинуть мир живых только с птицами. Похоронные обряды проводились с прибытием уток весной, если человек умер зимой, или с отлетом уток осенью, если человек умер летом. Эти обряды включали поедание первых сезонных уток и сжигание их перьев вместе с вещами умершего (Аксанова, Бауло и др., 2005; Народы западной Сибири..., 2005). Кости жертвенных уток собирались и хранились в одном месте, как например, в специально изготовленном миниатюрном деревянном жилище (Зенько, 1997).

Другая птица, необходимая для сна или вместилца души человека, живет в лесу в виде глухаря, кукушки или чайки. Она присутствует в человеке только тогда, когда тот спит (Аксанова, Бауло и др., 2005; Мифология Манси, 2001¹; Зенько, 1997; Чернецов, 1959). Потеря человеком своей сон-птицы из-за стресса или действия злых духов считается опасной ситуацией. Восстановить связь можно было, нарисовав или вырезав изображение птицы на колыбели, если речь шла о ребенке, для взрослого же – решалось нанесением соответствующей татуировки на руке или плече (Зенько, 1997; Федорова, 1988; Чернецов, 1959).

Как и во многих других регионах, некоторые птицы на Северо-Западе Сибири, такие как гагары, утки, чайки и орлы, почитаются как помощники шаманов и могут помогать их душам перемещаться между мирами (Народы западной Сибири..., 2005; Лехтисало, 1998; Перевалова, Карачаров, 2006). Прибытие птиц весной является символом начала нового года и празднования богов солнца и грома. У лесных ненцев гуси приносят гром, и гром – это тип птицы, которая живет в море и способна поднимать воду в небо и выливать ее из клюва, что порождает молнии и гром (Зенько-Немчинова, 2006; Лехтисало, 1998). Приветствие Солнца и Грома весной происходило через обряды, где жертвовали оленей и делали деревянные резные изображения водоплавающих птиц. Эти изображения ставили на верхушки березовых столбов в местах жертвоприношений (Зенько-Немчинова, 2006;

Лехтисало, 1998). Некоторые ненцы также делали изображения уток и гагар и размещали их на верхушке своих жилищ (Лехтисало, 1998).

Птицы в Усть-Полуе

Усть-Полуй расположен на территории города Салехарда, на северо-восточном берегу реки Полуй, недалеко от её слияния с рекой Обь, крупнейшим водоразделом Западной Сибири (рис. 1а). Памятник Усть-Полуй представляет собой святилище раннего железного века с основным периодом использования с 260 года до н. э. до 140 года кал. н. э. (Гусев, Федорова, 2017; Losey, Fleming et al., 2018a). Функционирование памятника в качестве святилища определяется характером находок и планиграфии, схожими с исторически описанными местами жертвоприношений коренных народов Северо-Западной Сибири. На Усть-Полуе найдены многочисленные антропоморфные и зооморфные изображения и необычное скопление останков собак, а также других видов животных. Площадка памятника также имела ограждение в виде неглубокого рва с остатками моста-перехода и деревянной изгороди из веток и кольев, высотой до 0,7 м, что не могло выполнять функцию реальной защиты (Алексашенко, Брусницина, Попова, 2003²; Гусев, Федорова, 2012; Гусев, Федорова, 2017; Федорова, 2000; Чернецов, 1953; Losey, Nomokonova et al., 2018b; Moszyńska, 1974).

В результате археологических исследований на Усть-Полуе обнаружено более 70 изображений птиц, выполненных из дерева, рога, мамонтового бивня, сланца, бересты и бронзы. Эти изображения были найдены во время раскопок В.С. Адриановым в 1935–1936 гг. и А.В. Гусевым и Н.В. Федоровой в 1993–2015 гг. (Гусев, Федорова, 2012; Гусев, Федорова, 2017; Чернецов, 1953). Большинство изображений птиц Усть-Полуя можно отнести к трем основным категориям: водоплавающие птицы, дневные хищные птицы и совы. Также присутствуют несколько изображений журавлей и куропаток (Алексашенко, 2002. С. 197; Гусев, Федорова, 2012. С. 56).

Изображения птиц на Усть-Полуе найдены в разном контексте. Образы водоплавающих птиц, вырезанных из дерева, были обнаружены только в Северо-Западной части памятника (рис. 1б). Они встречены в основном в заполнении рва, особенно в районе моста-перехода. Заполнение рва было перекрыто оползающим по его краям грунтом, это способствовало формированию линз мерзлоты, обеспечивших сохранность органических артефактов. Бронзовые отливки хищных птиц и изображения различных видов птиц из рога оленя и бивня мамонта были обнаружены по всей площади памятника, включая тот же участок рва и моста-перехода. Особенно большое количество предметов было собрано из двух частей Усть-Полуя (рис. 1б). Первое – это западное скопление изображений орлов/ястребов. Второе – это юго-восточное скопление дневных хищных и водоплавающих птиц, выполненных из бронзы и рога оленя. Некоторые из этих предметов, вероятно, были изготовлены прямо на Усть-Полуе, что подтверждается находками сланцевых моделей для бронзового литья, остатками металлообработки и стружками из рога и кости от работы с этими материалами (Гусев, Федорова, 2017).

Водоплавающие птицы

Водоплавающие птицы, в основном похожие на уток и гусей, представлены 26 экз., 19 из которых вырезаны из дерева, четыре из рога, два из бивня мамонта и одна сделана из глины (рис. 2). Их длина варьируется от 2,6 до 22,5 см. Шестнадцать из них – это птицы, изображённые как плавающие на поверхности, в основном утки, и они сделаны из дерева (рис. 2.5). У них показано плоское брюхо и изображена только верхняя часть тела, которая видна над водой. Три изображения из дерева, по-видимому, показывают птиц в профиль или в полете; у двух из них есть отверстия для крепления к другим предметам (рис. 2.7). Один предмет из дерева сделан в форме тела утки, при этом тело является ложкой (рис. 2.6). Пять предметов – это головы птиц, четыре из которых вырезаны на ручках ложек из рога и бивня мамонта, и один слишком фрагментирован, чтобы определить его первоначальную форму (рис. 2.2,4; Алексашенко, Брусницина, Попова, 2003. С. 44²). Также присутствует часть возможной головы и шеи гуся, вылепленная из глины (рис. 2.1).

² Алексашенко Н.А., Брусницина А.Г., Попова Т.А. Усть-Полуй: I век до н. э. Каталог выставки. Санкт-Петербург – Салехард : Кунсткамера, 2003. 76 с.

Рис. 2. Изображения водоплавающих птиц, найденные на Усть-Полуе
 Fig. 2. Images of aquatic birds at Ust'-Polui

Все водоплавающие птицы изображены индивидуально, целиком или только через передачу головы, за одним исключением. На конце одной ручки ложки из рога вырезаны два изображения, похожие на голову зайца с уткой, расположенной прямо сверху, возможно, в спящем положении (рис. 2.3). Изображения водоплавающих птиц на ручках ложек, весьма реалистичны и детализированы. В то же время многие деревянные птицы фрагментированы. У некоторых отсутствуют головы (отломлены до или после оставления), и все они отличаются меньшим вниманием к деталям.

Дневные хищные птицы

Изображения дневных хищных птиц (орлов/ястребов) встречены на 28 экз. (рис. 3). Боль-

шинство из них сделаны из рога (12 экз.) и девять – из бронзы. Кроме того, найдены три изображения из бивня, одно вырезано из бересты, одно из плоского камня и два изображения зафиксированы на сланцевых моделях для изготовления отливок. Размеры изображений варьируются от 1,1 до 5,0 см. Образы хищных птиц из рога и бивня монтажа (полные тела и только головы) часто делались на ручках ложек (рис. 3.5,9; Гусев, Федорова, 2012. С. 49), гребнях (рис. 3.8,11) и скребках по шкуре, также присутствуют на ременной пряжке (Moszyńska, 1974. Р. 97) и предметах неизвестного назначения (рис. 3.6–7). Отчетливо выделяется многократно повторяющийся сюжет на роговых предметах – одна или две птицы, переданные в профиль во время поедания с опущенными вниз

Рис. 3. Изображения дневных хищных птиц, найденные на Усть-Полуе
Fig. 3. Images of eagles/hawks at Ust'-Polui

шеями (рис. 3.10–11; Алексащенко, Брусницина, Попова, 2003. С. 48²). На двух таких предметах показан орел/ястреб, клюющий отделённые головы северных оленей (рис. 3.8,10).

Большинство бронзовых изображений выполнены в виде подвесок и бляшек с петелькой на обороте (рис. 3.1–3; Гусев, Федорова, 2012. С. 54). Обычно они передают орла/ястреба в полный рост и с распростертыми крыльями, при этом голова выполнена часто объёмно, а тело представляет собой плоскостное изображение. В одном случае изображен хищник, возвышающийся над медведем, а под его лапами и на теле медведя находятся группы из трех антропоморфных фигур (рис. 3.3). В других случаях орлы/ястребы показаны в ряд по три, сидящими рядом друг с другом, или как одно тело птицы с тремя головами (Алексащенко, Брусницина, Попова, 2003. С. 21²; Чернецов, 1953. С. 137). Одиночная подвеска из камня представляет собой довольно простое изображение хищника в профиль (рис. 3.4).

Совы

В коллекции артефактов Усть-Полуя присутствуют 14 изображений сов (рис. 4). Шесть из них отлиты из бронзы, четыре вырезаны из рога и два из дерева. Оставшиеся два изображения – это сланцевые модели для отливок. Длина этих предметов варьируется от 2,7 до 10,6 см. Совы встречаются на различных изделиях, таких как навершие рукоятки ложки (рис. 4.6), а также в виде подвесок и брошей (рис. 4.1–4).

По отличительным признакам возможна идентификация по крайней мере четырех изображений, передающих длиннохвостую неясыть (*Strix uralensis*), судя по характерной форме головы и длинному хвосту птицы. Такие совы изображены одиночно на шести бронзовых предметах (рис. 4.1–2,4; Алексащенко, Брусницина, Попова, 2003. С. 20²) и в одном случае над четвероногим животным (рис. 4.3). Один фрагмент предмета из рога также может изображать неясыть (рис. 4.5). Кроме того, был найден фрагмент сланцевой формы фигурки длиннохвостой неясыти, где сова имеет аналогичную форму, как описано выше. Все бронзовые предметы с изображением сов имеют одну петлю на обратной стороне, что указывает на их ношение на одежде (рис. 4.1–4). Изображения

длиннохвостых неясытей показывают птиц в полный рост с расправленными крыльями (рис. 4.1,3–4), за исключением двух предметов. Один изображен с крыльями, обернутыми вперед вокруг тела (рис. 4.2), возможно, представляющим птицу, сидящую на ветке в состоянии покоя. Вторая неясыть в отчетливой форме выглядит не цельной, но изображена в профиль (рис. 4.5) и является единственным изображением этой птицы, вырезанным из рога.

Оставшиеся изображения сов наиболее похожи на филина (*Bubo bubo*), белую сову (*Bubo scandiacus*), ушастую сову (*Asio otus*) и ястребиную сову (*Surnia ulula*). Один филин, идентифицированный таковым из-за его коротких откинутых ушных пучков и формы головы, показан в обеспокоенной позе на ручке ложки из рога (рис. 4.6). Его когти ориентированы в сторону чаши ложки, но его тело полностью повернуто в противоположном направлении. Также присутствует одна возможная белая сова, вырезанная из рога, которая имеет характерный узкий клюв и округлую голову, с телом, показанным в профиль, и головой на перед (рис. 4.7). Этот предмет имеет прямоугольный уступ внизу для крепления к другому предмету. Два изображения, возможно, ушастых сов, вырезаны из дерева и рога (рис. 4.8–9). Эти птицы идентифицируются по их удлинённым вертикальным ушным пучкам. Один деревянный предмет, возможно, выполнен в виде ястребиной совы (рис. 4.11), у которой четко очерченное лицо или 'бровные' выступы, хорошо проработанные на этом предмете. Назначение изделия неясно. Наконец, один предмет из сланца в Усть-Полуе может быть комбинированной фигурой совы/человека (рис. 4.10); этот предмет является формой для бронзового литья.

Остатки скелетов птиц

Раскопки в Усть-Полуе выявили в общей сложности 12 802 останки птиц не менее чем от 65 видов от 10 различных отрядов. Остальная фаунистическая коллекция в основном состоит из пресноводных рыб, северных оленей и собак (Бачура, Косинцев и др., 2017; Визгалов, Кардаш и др., 2013; Косинцев, Бачура и др., 2012; Potapova, Panteleyev, 1999). Большинство костей птиц (~62 %) принадлежат к отряду курообразных. Этот отряд представлен пятью видами куропаток и тетеревиными, но

Рис. 4. Изображения сов, найденные на Усть-Полуе
Fig. 4. Images of owls at Ust'-Polui

численно доминирует белая куропатка (*Lagopus lagopus*, 6899 экз.). Водоплавающие птицы, гагары и поганки – это вторая по численности категория, но она самая разнообразная по количеству представленных видов. Эта категория включает 3643 экземпляра (28 %) из 29 различных видов гагар, поганок, лебедей, гусей и уток. Наиболее распространены белолобый гусь (*Anser albifrons*, 883 экз.), за ним следует чирок-свистунок (*Anas crecca*, 521 экз.) и гуменник (*Anser fabalis*, 482 экз.).

Кости дневных хищных птиц, орлов, ястребов и соколов, также обнаружены на Усть-Полуе. Вместе они представлены 633 экземплярами не менее чем от девяти видов. Останки орлана-белохвоста (*Haliaeetus albicilla*) являются наиболее многочисленными (552 экз.), составляя 87 % всех экземпляров дневных хищных птиц. Было идентифицировано шесть видов сов, представленных в общей сложности 46 костями. Многие из них принадлежат белой сове (*Bubo scandiacus*, 32 экз.), остальные – болотной сове (*Asio flammeus*), ястребиной сове (*Surnia ulula*), длиннохвостой неясыти (*Strix uralensis*), бородатой неясыти (*Strix nebulosa*) и филину (*Bubo bubo*).

Также были найдены два вида журавлей, включая 19 костей стерха (*Grus leucogeranus*) и серого журавля (*Grus grus*). Кроме того, было идентифицировано восемь видов ржанкообразных (береговых птиц, 234 экз.) и шесть видов воробьинообразных, включая врановых (156 экз.). Большинство останков береговых птиц принадлежат серебристой чайке (*Larus argentatus*).

Некоторые туши птиц и их части были обработаны по-разному. Кости птиц использовались для изготовления изделий, среди которых наиболее представлены ложки из грудных костей водоплавающих птиц (Пантелеев, Потапова, 2000; Moszyńska, 1974) и трубчатые кости, использующихся как игольники (Гусев, Федорова, 2012; Гусев, Федорова, 2017; Nomokonova, Losey et al., 2024). Некоторые останки птиц несли на себе следы разделки, особенно те, что принадлежали куропаткам (Пантелеев, Потапова, 2000). Это, вероятно, указывает на то, что разделка и пищевое употребление птиц велись непосредственно на памятнике. На иное обращение указывают останки беркута (*Aquila chrysaetos*) – у большинства черепов была отрезана верхняя часть мозгового отдела (Пантелеев, Пота-

пова, 2000). Интересно, что рядом с концентрацией 15 черепов собак (все они имели разбитые мозговые отделы), которые интерпретировались как останки жертвоприношений собак (Адрианов, 1936), были найдены и несколько черепов куропаток.

Одним из отличительных способов обработки останков птиц является находка высушенного или мумифицированного тела птицы в берестяной коробке, найденной в заполнении рва. К сожалению, эта птица не была своевременно идентифицирована и недоступна для дальнейшего изучения (Гусев, Федорова, 2012. С. 14). На памятнике было найдено много останков орланов-белохвостов (Бачура, Косинцев и др., 2017; Пантелеев, Потапова, 2000). Выделяется как минимум два случая оставления целых тушек орланов-белохвостов, найденных в заполнении рва (Бачура, Косинцев и др., 2017). Также следы поражения костей крыльев и ног у некоторых орланов указывает на временное их содержание в неволе (Пантелеев, Косинцев, 2010).

Обсуждение

Изображения птиц на Усть-Полуе можно интерпретировать как проявление прошлых отношений между птицами, птицеподобными существами и людьми в Северо-Западной Сибири. Изображения указывают на то, что птицы имели сложные духовные роли, включая их способности к перевоплощению, также могли служить проявлением идентичности. Дополнительными свидетельствами таких отношений с птицами являются найденные скелеты птиц, наличие захороненных туш хищных птиц и различная обработка частей туш некоторых видов птиц.

Важность взаимодействия с птицами проявилась в таксономическом разнообразии останков птиц Усть-Полуя. Фаунистическая коллекция представлена более 65 видами птиц, включая куропаток, водоплавающих, хищных и врановых, обитающих в этом регионе Сибири. Куропатки и водоплавающие птицы наиболее многочисленны в коллекции, но присутствие нескольких других видов особенно примечательно. К ним относятся необычно высокое количество отдельных костей и даже целых туш орланов-белохвостов, а также останки нескольких видов сов, которые, вероятно, не были обычными продуктами питания (в отличие от во-

доплавающих птиц и куропаток). При этом изображения птиц Усть-Полуя в основном передают водоплавающих птиц, особенно уток, и дневных хищных птиц, а не куропаток, последние из которых наиболее многочисленны в фаунистической коллекции. Налицо явная избирательность при подборе прототипа. Примечательно, что изображения сов хорошо соответствуют диапазону видов сов, найденных на Усть-Полуе (Бачура, Косинцев и др., 2017; Potapova, Panteleyev, 1999). Следует отметить, что многие изображения птиц на Усть-Полуе являются довольно реалистичными, отражают узнаваемые черты конкретных видов птиц и их поведенческих характеристик.

Типы материалов, использованных для создания изображений на Усть-Полуе, позволяют выявить закономерности. Например, для трех основных групп изображений целые тела водоплавающих птиц в основном вырезаны из дерева, в то время как орлы или ястребы в основном отлиты из бронзы. Совы были сделаны из нескольких видов материалов: бронзы, рога и дерева. Нет ни одного изображения водоплавающей птицы (гуся или утки) из бронзы, и нет изображений орлов и ястребов, вырезанных из дерева. В такой избирательности проявляются связи функции и изображения. Бронзовые отливки хищных птиц (как дневных, так и ночных) были сделаны для ношения в качестве подвесок и брошек. Деревянные изображения водоплавающих птиц кажутся полными скульптурами птиц, и ни одно из них, по-видимому, не предназначено для ношения на человеческом теле, лишь для некоторых характерны следы закрепления на неких подставках. В то же время различные виды, включая водоплавающих птиц, могли быть вырезаны на ручках ложек из рога, для которых вероятно было мало ограничений. Почему именно так были реализованы эти видовые предпочтения неизвестно, но они, безусловно, были значимы для древнего населения.

Между находками Усть-Полуя и этнографическими данными о вовлечении птиц и их изображений в сакральные практики просматривается отчетливая связь. Многие из видов изображенных птиц известны как птицы-родственники, птицы-боги и предки, включая филина, ястреба, журавля и гуся. Некоторые бронзовые изображения хищных птиц на Усть-Полуе имеют антропоморфные черты

или антропоморфные фигуры на своих телах (рис. 3.3; рис. 4.4,10). Эти объекты напоминают деревянные столбовые фигуры, изображающие *Йулыг-ойку* («старика-филина»), которые изготавливались некоторыми манси на их священных местах (Мифология Манси, 2001)¹. Напомним, что ложки с ручками-навершиями в форме птиц, специально изготавливались некоторыми манси для оставления их богам и предкам на таких священных местах (Мифология Манси, 2001)¹, и несколько птичьих фигур были найдены на ручках ложек на Усть-Полуе. Кроме того, металлические изображения птиц, похожие на те, что были найдены в Усть-Полуе, часто оставлялись на священных местах или носились на косах в качестве личной защиты (см.: Мифология Манси, 2001¹; Народы западной Сибири..., 2005; Зенько, 1997). Наконец, сходства можно увидеть в изображениях уток и гагар, которые исторически вырезались из дерева ненцами и оставлялись на их священных местах. Они закреплялись на березовых столбах для встречи Солнца и Грома весной или для защиты душ умерших на погребениях (Зенько-Немчинова, 2006; Лехтисало, 1998).

С трупами некоторых птиц на Усть-Полуе обращались по-разному, включая захоронение туш орланов-белохвостов, помещение тела птицы в берестяную коробку, неоднократное разрезание черепов беркутов и концентрация черепов куропаток возле черепов собак. Некоторые обращения с тушами птиц на Усть-Полуе находят близкие аналогии в ранее описанных местных традициях хранения высушенных туш птиц на священных местах или со священными предметами, хранящимися в жилищах и нартах. Такие туши сохраняются для различных целей, включая использование в качестве средств для восстановления охотничьей удачи или как материальные представления божественной или родовой птицы с защитными силами (Адаев, 2007; Народы западной Сибири..., 2005; Лукина, 2005).

Изображения дневных хищных птиц, включая головы северных оленей, не имеют близких параллелей в региональной этнографии, но здесь возможно предложить несколько вариантов интерпретаций. Возможно, северные олени были жертвенными животными, убитыми людьми. Через предоставление головы божествам, принявшим птичий облик, осуществлялась передача да-

ра. В другом варианте хищные птицы могли быть вовлечены в транспортировку душ оленей после смерти – некоторые птицы (но не хищные) несли на себе роли переносчиков душ, как было описано ранее. Необычно высокое количество останков орланов в Усть-Полуе, возможно, дополнительно указывает на стабильные в прошлом практики включения этих птиц и других дневных хищных птиц в обрядовые действия, которые затем запоминались через создание изображений этих птиц и их деятельности.

Заключение

Птицы являлись и до сих пор являются активной частью мировоззрения и идентичности среди многих коренных народов Северо-Западной Сибири. Это подтверждается знаниями и представлениями о птицах и птицеподобных существах у манси, хантов и ненцев. Несколько из таких практик находят параллели и в археологических материалах Усть-Полуя, что демонстрирует длительное и устойчивое отношение к роли птиц в обозначен-

ном регионе. Многие из этих функций имели отчетливый священный характер, что укрепляет понимание Усть-Полуя как крупного регионального святилища.

Дать более конкретное понимание значения тел и изображений птиц в Усть-Полуе непросто, учитывая, что птицы демонстрируют множественные и чередующиеся роли среди коренных групп региона. Анализ изображений и костей птиц с Усть-Полуя показал, что птицы были важны по различным причинам для многих групп коренных народов, посещающих эту местность. Они были источниками питания, а также воспринимались как родственники людей, имели божественный статус, обеспечивали защиту, действовали как посланники и проводники душ. Туши птиц были съедены и похоронены на месте, их кости были видоизменены для использования в качестве изделий, и их изображения служили духовными защитниками, посланниками и формами общения с птицеподобными существами, предками и духами.

Список источников

Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с. EDN: PVNRHL.

Адрианов В.С. ...Резюме доклада «Разведочная раскопка в устье реки Полуя у города Сале-Хорда» // Отчетная археологическая сессия Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР. Ленинград: Тип. Акад. наук СССР, 1936. 4 с.

Аксянова Г.А., Бауло А.В., Первалова Е.В., Руткай-Миклян Э., Соколова З.П., Солдатова Г.Е., Талигина Н.М., Тыликова Е.И., Федорова Н.В. Сынские ханты. Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2005. 350, [1] с. EDN: RKVVKF.

Алексашенко Н.А. Кожевенное производство на Ямале (археология и этнография) // Уральский исторический вестник. 2002. № 8. С. 184–198. EDN: VOPFQX.

Бауло А.В. Священные места тотемных предков в орнитоморфном облике у обских угров // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Томского государственного ун-та, 2011. Вып. 9. С. 324–338.

Бачура О.П., Косинцев П.А., Гимранов Д.О., Корона О.М., Некрасов А.Е., Пантелеев А.В. Усть-Полуй: хозяйственная деятельность населения и природное окружение // Археология Арктики. Вып. 4 «Усть-Полуй: материалы и исследования»: коллективная монография в двух томах.

References

Adaev V.N. (2007). Traditional ecological culture of the Khants and Nenets. Tiumen': VektorBuk. 240 p. (In Russ.). EDN: PVNRHL.

Adrianov V.S. (1936) Excavation survey near the Polui River mouth near Salekhard city in 1935. *Otchetnaia Arkheologicheskaja Sessia Instituta Antropologii, Arkheologii i Etnografii AN USSR = Reporting Archaeological Session of the Institute of Anthropology, Archaeology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences*. Leningrad: Tip. Akad. nauk SSSR. 4 p. (In Russ.).

Aksyanova G.A., Baulo A.V., Perevalova E.V., Ruttkai-Miklian E., Sokolova Z.P., Soldatova G.E., Taligina N.M., Tylikova E.I., Fedorova N.V. (2005). Syn Khanty. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 350, [1] p. (In Russ.). EDN: RKVVKF.

Aleksashenko N.A. (2002). Tanning industry in Yamal (archaeology and ethnography). *Ural Historical Journal*. No. 8. P. 184–198. (In Russ.). EDN: VOPFQX.

Baulo A.V. (2011) Sacred places of bird-like totem ancestors among Ob Ugr. *Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the Mirror of the Past*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: Tomsk State University. Iss. 9. P. 324–338. (In Russ.).

Bachura O.P., Kosintsev P.A., Gimranov D.O., Korona O.M., Nekrasov A.E., Panteleev A.V. (2017). Ust'-Polui: subsistence practices of its inhabitants and natural surroundings. *Arkheologiya Arktiki. Iss. 4. Ust'-Polui: Materialy i Issledovaniia = Archaeology of the Arctic. Iss. 4 "Ust'-Polui:*

Екатеринбург : Деловая пресса, 2017. Том 1. С. 81–99.
EDN: TZJUMZ.

Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Нефтеюганск : Институт археологии севера; Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2013. 376 с. EDN: VLZWVT.

Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург : УрО РАН, 1995. 606 с. EDN: RRXGSN.

Гусев А.В. Комплекс предметов, связанных с оленеводством, по материалам святилища Усть-Полуй (Нижнее Приобье) // Уральский исторический вестник. 2014. № 2 (43). С. 53–62. EDN: QIQFSA.

Гусев А.В., Федорова Н.В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–2012 гг. Салехард : Север. изд-во, 2012. 59 с.

Гусев А.В., Федорова Н.В. Археология Арктики. Вып. 4 «Усть-Полуй: материалы и исследования»: коллективная монография в двух томах. Т. 2 / науч. ред. О.Н. Корочкова. Екатеринбург : Деловая пресса, 2017. 232 с. EDN: REEVRD.

Зенько А.П. Представления о сверхъестественном в традиционном мировоззрении обских угров. Новосибирск : Наука, 1997. 152 с.

Зенько-Немчинова М.А. Сибирские лесные ненцы: историко-этнографические очерки. Екатеринбург : Баско, 2006. 272 с.

Косинцев П.А., Бачура О.П., Корона О.М., Некрасов А.Е., Пантелеев А.В. Историко-экологические исследования археологического памятника Усть-Полуй // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй», г. Салехард, 27–30 ноября 2012 г. Екатеринбург : Изд-во «Деловая пресса», 2012. С. 80–85. EDN: ZAGCHT.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Томск : Изд-во Томского университета, 1998. 136 с.

Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск : Изд-во Томского ун-та, 1985. 365 с. EDN: KJFHKM.

Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья: источники по этнографии. В 5 т. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. Т. 2. Средняя Обь. Вах [в 2 кн.]. Кн. 1. 256 с. EDN: UNTQONT.

Лукина Н.В. Ханты от Васюганья до Заполярья. Источники по этнографии. В 5 т. Томск : Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2010. Т. 5. Конда, Тромъёган, Лямин. Казым. 400 с. EDN: ETTACM.

Materials and Research". A collective monograph in two volumes. Ekaterinburg: Delovaia Pressa. Vol. 1. P. 81-99. (In Russ.). EDN: TZJUMZ.

Vizgalov G.P., Kardash O.V., Kosintsev P.A., Lobanova T.V. (2013). Historical ecology of the population of the north of Western Siberia. Nefteyugansk: Institut arkheologii severa; Ekaterinburg: Izd-vo AMB. 376 p. (In Russ.). EDN: VLZWVT.

Golovnev A.V. (1995). Talking Cultures: Samoedic and Ugr Traditions. Ekaterinburg: UrO RAN. 606 p. (In Russ.). EDN: RRXGSN.

Gusev A.V. (2014). Reindeer herding complex from the Ust-Poluy (Lower Ob Region) sacred place site. *Ural Historical Journal*. No. 2 (43). P. 53-62. (In Russ.). EDN: QIQFSA.

Gusev A.V., Fedorova N.V. (2012). Ancient Sacred Site Ust'-Polui: Features, Activities, Artefacts. Excavation Results of Planigraphic and Stratigraphic Investigations from 1935 to 2012. Salekhard: Severnoe Izdatel'stvo. 59 p. (In Russ.).

Gusev A.V., Fedorova N.V. (2017). Arctic Archaeology. Iss. 4. Ust'-Polui: Materials and Investigations. In 2 Vol. Ekaterinburg: Delovaia Pressa. Vol. 2. 232 p. (In Russ.). EDN: REEVRD.

Zen'ko A.P. (1997). Predictions about the Supernatural in the Traditional Worldview of the Ob Ugr. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.).

Zen'ko-Nemchinova M.A. (2006). Siberian Forest Nenets: Historic-Ethnographic Essays. Ekaterinburg: Basko. 272 p. (In Russ.).

Kosintsev P.A., Bachura O.P., Korona O.M., Nekrasov A.E., Panteleev A.V. (2012). Historic-ecological investigations of the archaeological site Ust'-Polui. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu otkrytiya pamyatnika arkheologii «Drevnee svyatilishche Ust'-Polui», g. Salekhard, 27–30 noyabrya 2012 g. = Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of the Discovery of the Archaeological Site "Ancient Sanctuary Ust'-Polui", Salekhard, November 27-30, 2012. Ekaterinburg : Delovaya pressa. P. 80-85. (In Russ.). EDN: ZAGCHT.*

Lekhtisalo T. (1998). Mythology of Iurak-Samoed (Nenets). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. 136 p. (In Russ.).

Lukina N.V. (1985). Die Entwicklung der materiellen Kultur bei den Chanten (Eastern Group). Tomsk: Tomsk University. 365 p. (In Russ.). EDN: KJFHKM.

Lukina N.V. (2005). Khanty from Vasuigan'ia to Zapoliar'ia: Ethnographic Sources. In 5 vol. Tomsk: Tomsk University. Vol. 2. Middle Ob'. Vakh. In 2 books. Book 1. 256 p. (In Russ.). EDN: UTQONT.

Lukina N.V. (2010) Khanty from Vasuigan'ia to Zapoliar'ia. Ethnographic Sources. In 5 vol. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. Vol. 5. Konda, Trom'egan, Liamin, Kazym. 400 p. (In Russ.). EDN: ETTACM.

Народы западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. Москва: Наука, 2005. 804, [1] с. EDN: UCJNUF.

Пантелеев А.В., Косинцев П.А. Орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*) из археологического памятника Усть-Полуй // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 214–218. EDN: NCMHEV.

Пантелеев А.В., Потапова О.Р. Позднеголоценовые птицы из археологической стоянки окрестностей г. Салехарда (север Западной Сибири) // Русский орнитологический журнал. 2000. Т. 9. № 106. С. 3–31. EDN: JQQVIT.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия «ГРАФО», 2006. 352 с. EDN: QPFGH.

Федорова Е.Г. Ребенок в традиционной мансийской семье // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Ленинград: Наука, 1988. С. 80–95. EDN: JHEWUI.

Федорова Е.Г. Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. Санкт-Петербург: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), 1994. 283, [2] с. EDN: JSDCWH.

Федорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала: сб. статей. Екатеринбург – Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 54–66. EDN: YFRTRR.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. Москва – Ленинград: Наука, 1966. 329 с.

Чернецов В.Н. Бронза Усть-Полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. Материалы и исследования по археологии СССР. № 35. Москва: Академия Наук СССР, 1953. С. 121–178.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Труды института этнографии. Новая серия. Т. 51. Москва: Академия Наук ССР, 1959. С. 114–156.

Losey R.J., Fleming L.S., Nomokonova T., Gusev A.V., Fedorova N.V., Garvie-Lok S., Bachura O.P., Kosintsev P.A., Sablin M.V. Human and dog consumption of fish on the Lower Ob River of Siberia: Evidence for a major freshwater reservoir effect at the Ust'-Polui site // Radiocarbon. 2018a. Vol. 60. Iss. 1. P. 239–260. DOI: 10.1017/RDC.2017.77.

Losey R.J., Nomokonova T., Gusev A.V., Bachura O.P., Fedorova N.V., Kosintsev P.A., Sablin M.V. Dogs were domesticated in the Arctic: culling practices and dog sledding at Ust'-Polui // Journal of Anthropological Archaeology. 2018b. Vol. 51. P. 113–126. DOI: 10.1016/j.jaa.2018.06.004.

Moszyńska W. The material culture and economy of Ust-Poluy // Prehistory of Western Siberia. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1974. P. 75–112. DOI: 10.2307/j.ctt1w6td3q.

Nomokonova T., Losey R.J., Gusev A.V., Kohut G., Razdymakha S., Vozelova L., Plekhanov A.V. The one-eyed Elder woman stitches an ornament: needles, needle cases, and women from the Iamal-Nenets region of Arctic Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. 2024. Vol. 74. P. 101589. DOI: 10.1016/j.jaa.2024.101589.

Gemuev I.N., Molodin V.I., Sokolova Z.P. (2005). People of Western Siberia: Khanty, Mansi, Sel'kupy, Nentsy, Ents, Nganasany, Kety. Moscow: Nauka. 804, [1] p. (In Russ.). EDN: UCJNUF.

Panteleev A.V., Kosintsev P.A. (2010). White-tailed eagle (*Haliaeetus albicilla*) from the archaeological site Ust'-Polui. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. No. 2(13). P. 214–218. (In Russ.). EDN: NCMHEV.

Panteleev A.V., Potapova O.R. (2000) Late Holocene birds from an archaeological site near Salekhard (North-Western Siberia). *The Russian Journal of Ornithology*. Vol. 9. No. 106. P. 3–31. (In Russ.). EDN: JQQVIT.

Perevalova E.V., Karacharov K.G. (2006). Angan River and its Inhabitants. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN; Stidiya "GRAFO". 352 p. (In Russ.). EDN: QPFGH.

Fedorova E.G. (1988). A child in the traditional Mansi family. *Traditional Child-Raising Among the Peoples of Siberia*. Leningrad: Nauka. P. 80–95. (In Russ.). EDN: JHEWUI.

Fedorova E.G. (1994). Historic-Ethnographic Essays about Material Culture of Mansi. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera). 283, [2] p. (In Russ.). EDN: JSDCWH.

Fedorova N.V. (2000). Reindeer, dog, Kulai phenomena, and legend about Sikhirtia. *Drevnosti Yamala: sb. statei = Antiquities of Yamal: collection of articles*. Ekaterinburg-Salekhard: UrO RAN. Iss. 1. P. 54–66. (In Russ.). EDN: YFRTRR.

Khomich L.V. (1966). Nenets. Historic-Ethnographic Essays. Moscow-Leningrad: Nauka. 329 p. (In Russ.).

Chernetsov V.N. (1953). Bronze of the Ust'-Polui period. *Ancient History of the Lower Ob Region. Materials and Research on the Archeology of the USSR*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. P. 121–178. (In Russ.).

Chernetsov V.N. (1959). Ob Ugrs' belief about the soul. *Research and materials on questions of primitive religious beliefs. Works of the Institute of Ethnography. New series*. Vol. 51. Moscow: Academy of Sciences of the USSR. P. 114–156. (In Russ.).

Losey R.J., Fleming L.S., Nomokonova T., Gusev A.V., Fedorova N.V., Garvie-Lok S., Bachura O.P., Kosintsev P.A., Sablin M.V. Human and dog consumption of fish on the Lower Ob River of Siberia: Evidence for a major freshwater reservoir effect at the Ust'-Polui site // Radiocarbon. 2018a. Vol. 60. Iss. 1. P. 239–260. DOI: 10.1017/RDC.2017.77.

Losey R.J., Nomokonova T., Gusev A.V., Bachura O.P., Fedorova N.V., Kosintsev P.A., Sablin M.V. Dogs were domesticated in the Arctic: culling practices and dog sledding at Ust'-Polui // Journal of Anthropological Archaeology. 2018b. Vol. 51. P. 113–126. DOI: 10.1016/j.jaa.2018.06.004.

Moszyńska W. The material culture and economy of Ust-Poluy // Prehistory of Western Siberia. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1974. P. 75–112. DOI: 10.2307/j.ctt1w6td3q.

Nomokonova T., Losey R.J., Gusev A.V., Kohut G., Razdymakha S., Vozelova L., Plekhanov A.V. The one-eyed Elder woman stitches an ornament: needles, needle cases, and women from the Iamal-Nenets region of Arctic Siberia // Journal of Anthropological Archaeology. 2024. Vol. 74. P. 101589. DOI: 10.1016/j.jaa.2024.101589.

Potapova O.R., Panteleyev A.V. Birds in the Economy and Culture of Early Iron Age Inhabitants of Ust' Poluisk, Lower Ob' River, Northwestern Siberia // Smithsonian Contributions to Paleobiology. 1999. No. 89. P. 129-137.

Информация об авторах

Номоконова Татьяна Юрьевна,
PhD, профессор, Отделение антропологии,
Университет Саскатчевана,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: tatiana.nomokonova@usask.ca,
<https://orcid.org/0000-0002-8756-1681>

Гусев Андрей Васильевич,
научный сотрудник сектора археологии и этнографии,
ГАУ ЯНАО Ямало-Ненецкий окружной музейно-
выставочный комплекс им. И.С. Шемановского,
629008, г. Салехард, ул. Чубынина, 38, Россия,
e-mail: gusev_av2004@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1812-4741>

Лозей Роберт Дж.,
PhD, профессор, Отделение антропологии,
Университет Альберты,
13-15 HM Tory Build., Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
e-mail: robert.losey@ualberta.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-3615-8160>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж. являются членами редакционной коллегии журнала «Известия Лаборатории древних технологий» с 2014 года, но не имеют отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах авторы не заявляли.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2025 г.; одобрена после рецензирования 3 марта 2025 г.; принята к публикации 10 марта 2025 г.

Potapova O.R., Panteleyev A.V. Birds in the Economy and Culture of Early Iron Age Inhabitants of Ust' Poluisk, Lower Ob' River, Northwestern Siberia // Smithsonian Contributions to Paleobiology. 1999. No. 89. P. 129-137.

Information about the authors

Tatiana Nomokonova,
PhD, Associate Professor, Department of Anthropology,
University of Saskatchewan,
55 Campus Drive, Saskatoon, SK, S7N 5B1, Canada,
e-mail: tatiana.nomokonova@usask.ca,
<https://orcid.org/0000-0002-8756-1681>

Andrei V. Gusev,
Scientific Researcher, Sector of Archaeology and
Ethnography,
Shemanovsky Museum-Exhibition Complex,
38, Chubynin St., Salekhard 629008, Russia,
e-mail: gusev_av2004@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1812-4741>

Robert J. Losey,
PhD, Professor, Department of Anthropology,
University of Alberta,
13-15 HM Tory Build., Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
e-mail: robert.losey@ualberta.ca,
<https://orcid.org/0000-0003-3615-8160>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

Nomokonova T., Losey R.J. have been members of the editorial board of the Journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" since 2014, but they did not take part in making decision about publishing the article under consideration. The article was reviewed following the Journal's review procedure. The authors did not report any other conflicts of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted February 1, 2025; approved after reviewing March 3, 2025; accepted for publication March 10, 2025.

Научная статья
УДК 94(47).048+568.9
EDN: ZHNIXM
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-49-61>

Многофакторный анализ основных характеристик китайских кораблей при осадах Албазина

А.Ю. Лохов¹, И.Е. Ерёмин², А.В. Нацвин²

¹ Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, Благовещенск, Россия

² Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

Аннотация. В середине XVII века началось активное освоение Восточной Сибири и Дальнего Востока Московским Царством. Организованные походы русских экспедиционных отрядов казаков и первопроходцев оказались вполне успешными и привели к возникновению разветвленной системы укрепленных опорных пунктов – острогов, располагавшихся на прибрежных территориях речных судоходных путей. Так, в 1665–1666 гг. возник «Албазинский» острог, который по сути являлся первым укрепленным поселением русских первопроходцев на Амуре. Сложившаяся ситуация по освоению Дальневосточного региона русскими не могла не беспокоить императора Цинского Китая, что в свою очередь послужило основанием развития маньчжурского речного флота для логистических целей. Маньчжурскими военачальниками уделялось серьезное внимание ремонту и строительству военных речных судов для переброски войск и материального обеспечения для спланированных боевых действий против русских, осваивавших и развивавших новые территории. Постройка боевых кораблей, а также обучение их экипажей стало острой необходимостью при решении проблемных вопросов логистики, связанных с первой попыткой передислокации маньчжурских войск на север для предстоящей осады Албазина в 80-х гг. XVII в. Продолжая изучать состав маньчжурского экспедиционного корпуса, авторами в настоящей работе продемонстрирована замена тривиальных классических способов теоретических исследований истории методом системного анализа данных, позволяющего выявить достаточно новые научные факты без использования какой-либо новой и ранее неизвестной информации. Наглядно проиллюстрировав очевидные преимущества подобного методологического перехода на типичных примерах, наиболее близких к тематике описываемого исследования, а именно, определения фактического количества артиллерийских орудий и общего числа солдат, непосредственно участвовавших в первой осаде Албазинского острога летом 1685 года, в работе был раскрыт состав цинской речной флотилии, сформированной для проведения этой осады.

Ключевые слова: Албазинский острог, диспозиции маньчжурских войск, джонка, Лантань, орудие, осада, реконструкция, речная флотилия, 3D-модель

Для цитирования: Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Многофакторный анализ основных характеристик китайских кораблей при осадах Албазина // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 49–61. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-49-61. EDN: ZHNIXM.

History

Original article

Multifactorial analysis of the main characteristics of Chinese ships during the siege of Albazin

Aleksei Yu. Lokhov¹, Ilya E. Eremin², Aleksei V. Natsvin²

¹ The Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky Far Eastern Higher Combined Arms Command School, Blagoveshchensk, Russia

² Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

Abstract. In the middle of the XVII century, the active development of Eastern Siberia and the Far East by the Muscovite Kingdom began. The actions of the Russian expeditionary detachments of Cossacks and pioneers turned out to be quite successful and

led to the emergence of an extensive system of fortified strongholds - prisons located on the coastal territories of river shipping routes. So, in 1665-1666, the Albazin fortress appeared - the first fortified settlement of Russian pioneers on the Amur River. The current situation could not but worry the Emperor of Qing China, in connection with which the Manchu military leaders paid serious attention to the repair and construction of military river vessels. The construction of warships, as well as the training of their crews, became an urgent need in solving problematic logistics issues related to the first attempt to redeploy Manchurian troops to the north for the upcoming siege of Albazin in the 80s of the XVII century. Continuing to study the composition of the Manchurian expeditionary force, the authors in the present work demonstrate the replacement of trivial classical methods of theoretical research of history by the method of systematic data analysis, which allows us to identify fairly new scientific facts without using any new and previously unknown information. Having clearly illustrated the obvious advantages of such a methodological transition using typical examples closest to the subject of the described study, namely, determining the actual number of artillery pieces and the total number of soldiers directly involved in the first siege of the Albazin fortress in the summer of 1685, the composition of the Qing river flotilla formed to conduct this siege was revealed.

Keywords: Albazin fortress, dispositions of Manchurian troops, junk, Lantan, cannon, siege, reconstruction, river flotilla, 3D-model

For citation: Lokhov A.Yu. Eremin I.E., Natsvin A.V. (2025) Multifactorial analysis of the main characteristics of Chinese ships during the siege of Albazin. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 49-61. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-49-61. EDN: ZHNIXM.

Всестороннее изучение хода военных действий, развернувшихся вокруг Албазинского острога в рамках двух его последовательных осад, предпринятых Цинским Китаем в 1685 и 1686–1689 годах, вызывает неослабевающий интерес отечественных учёных ещё со времени первого сплава Муравьёва-Амурского в середине XIX века (Маак, 1859; Голубцов, 1902; Новиков-Даурский, 1953; Мелихов, 1974; Александров, 1984; Мясников, 1980; Беспрозванных, 1986; Артемьев, 1999; Дорогин, 2002; Красноштанов, 2008; Черкасов, Зайцев, Онищук, Сухоруков, 2011; Черкасов, Беляков, 2012; Беляков, Вальчак и др., 2014; Албазинский острог, 2019; Забияко, Трухин, 2021; Демидова, Мясников, 1969¹; Демидова, Мясников, 1972²; Гуревич, Моисеев, 1989³; Трухин, Крюков, 2019⁴). Однако, несмотря на прилагаемые ими усилия, фактическая характеристика сил и средств рассматриваемого вооружённого столкновения, сформировавшаяся на текущий момент времени, представлена лишь в общем виде и вызывает множество вопросов,

нуждающихся в дополнительной проработке и детализации. При этом ключевая причина относительно низкого уровня детализации названного события объективно обусловлена самим принципом классического (индуктивного) подхода, традиционно используемого при проведении российских научно-исторических студий и подразумевающего описание любой системы путём перехода от частного к общему. Достаточно очевидно, что в подобном случае особое значение приобретает правильность толкования исходной справочной информации, поступающей в основной научный оборот. Действительно, ретроспективная удалённость используемой фактуры существенно влияет на адекватность современного восприятия как самой сущности объекта исследований, так и фактических процессов его развития.

В свою очередь прикладные исторические изыскания могут опираться на применение системного (дедуктивного) подхода, широко распространённого в области естественных наук и основанного на принципиальной целесообразности описания любой системы в рамках перехода от общего к частному (Саблин, 2013; Ерёмин, Трухин, Бугаев, 2019; Ерёмин, Нацвин, Трухин, 2020; Ерёмин, Нацвин, Трухин, Лохов, 2020; Ерёмин, Нацвин, Трухин, Черкасов, 2020; Ерёмин, Коробий, Нацвин и др., 2021; Ерёмин, Нацвин, Лохов, 2021; Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2022а; Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2023; Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2024а). В качестве наглядной иллюстрации очевидных преимуществ подобного методологического перехода можно

¹ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1969. Т. 1. 1608–1683. 613 с.

² Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1972. Т. 2. 1686–1691. 835 с.

³ Международные отношения в Центральной Азии, XVII–XVIII вв. : документы и материалы / сост. Б.П. Гуревич, В.А. Моисеев. М. : Наука, 1989. Кн. 1. 373, [2] с.

⁴ Албазинское воеводство (сборник документов) / Трухин В.И., Крюков В.В. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск, 2019. 628 с.

продемонстрировать то, что тривиальная замена классических способов теоретических исследований методами системного анализа данных приводит к выявлению достаточно новых научных фактов без использования какой-либо новой и ранее неизвестной информации. Рассмотрим два типичных примера, наиболее близких к тематике описываемого исследования, а именно, весьма актуальные задачи определения фактического количества артиллерийских орудий и общего числа солдат, непосредственно участвовавших в первой осаде Албазинского острога летом 1685 года.

Прежде всего, остановимся на противоречивости общепринятой информации о количественном и качественном составе китайской артиллерии (Албазинский острог, 2019; Трухин, Крюков, 2019⁵). Действительно, русские архивы одновременно свидетельствуют, что в ходе вооружённого противостояния при осаде Албазинской крепости китайских пушек было: 250 штук проломных и полковых (крестьянин Никифоров); 150 полковых и 50 проломных (воевода Толбузин); 100 полковых и 40 проломных (китайские переговорщики). То есть, во всех случаях количество орудий было указано приблизительно около двух сот единиц. В свою очередь из допроса китайского дезертира, пойманного на месте сгоревшего острога через месяц после его осады, было выяснено, что у маньчжурских войск имелось в наличии только 30 больших и 15 малых пушек, что практически в пять раз меньше, чем в российских источниках. В связи с чем возникает задача, для разрешения которой необходим системный подход. Таким образом, системное решение исследуемой задачи потребовало подбора и анализа необходимой дополнительной информации, характеризующей технические параметры китайской артиллерии второй половины XVII века, а также общие правила её боевого применения (Moretti Tomaso, 1673; Лю Сюй, 1989; Ван Чжаочунь, 1991; Аюшин, 1998. С. 108–109; Хуанг Й-Лонг, 2009; Багрин, 2009а; Багрин, 2009b; Пастухов, Багрин, Васильев, 2013; Громов, 2019). Кроме того, весьма важная роль в поиске системного решения была отведена детализации картографического

рисунок «Luosha» из рукописного китайского атласа XVII века (Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2021).

При этом общий результат системного анализа обобщенной исходной информации о составе китайской артиллерии, действительно участвовавшей в первой осаде Албазина, подробно описанный в ранее опубликованной работе авторов, выглядит следующим образом (Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2024b). Больших проломных пушек «Вонгу цзянцзюнь пао» калибром 20 фунтов (14,5 см) было 3 штуки. Средних проломных пушек «Шэньцзянь гон цзянцзюнь пао» калибром в 15 фунтов (13,0 см) – 4 штуки. Малых проломных пушек «Хунъипао» калибром в 7 фунтов (10,0 см) – 5 штук. Медных полковых пищалей «Шэнвей цзянцзюнь пао» калибром в 1,5 фунта (5,0 см) – 8 штук. Железных длинноствольных пищалей «Саньципао-Лунпао» калибром в 0,5 фунта (3,0 см) – 10 штук. Железных пищалей «Саньципао-1» калибром в 0,5 фунта (3,0 см) – 15 штук. В общей совокупности количество китайских орудий составляет 45 единиц. Естественно, что подобный детализированный перечень качественно превосходит свой традиционный информационный аналог, обладая при этом наиболее возможным перекрестным соответствием используемым справочным данным.

В свою очередь системное переосмысление справочной информации о количестве реально участвовавших в исследуемом историческом событии китайских войск (Артемьев, 1993; Мандзяк, 2002; Бобров, Худяков, 2008; Степанов, 2011; Багрин, 2013; Трухин, Багрин, 2019) позволяет вполне обосновано утверждать, что экспедиционный корпус Лантаня состоял из конного отряда в 960 всадников и двух пехотных знамённых дивизий, имевших общую численность в 7020 солдат (Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2022b; Лохов, Ерёмин, Нацвин, 2024c). При этом можно заметить, что указанное значение вписывается в формат его русского определения в диапазоне от пяти до десяти тысяч человек, но превышает китайские данные о пяти с половиной тысячах воинов (Албазинский острог, 2019; Трухин, Крюков, 2019⁶). Причина этого обстоятельства обусловлена учётом в китайских архивах только боевых пехотинцев, число которых в рамках предлагаемого описания составляет 5400 человек.

⁵ Албазинское воеводство (сборник документов) / Трухин В.И., Крюков В.В. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск, 2019. 628 с.

⁶ Там же.

Таким образом, чёткое понимание типовой структуры китайского регулярного корпуса даёт возможность максимальной детализации изначально противоречивых исходных данных.

Вполне очевидно, что архивные документы любого государства носят свои национальные особенности, обусловленные самобытностью и оригинальностью его культурных традиций. Подобное утверждение касается не только текстовых описаний, но и схематических материалов, оформленных в необычной для нас проекции, но легко узнаваемых нами по характерным манерам изображения, присущим той или иной культуре государств. Поэтому, предвзяв основную часть исследования, стоит отдельно отметить возможность выявления весьма важной исторической информации, зашифрованной на китайских картографических рисунках изучаемого периода посредством соответствующих условных обозначений. Именно к таким документам относится рукописный китайский атлас «Aihun, Luosha, Taiwan, Nei Menggutu», созданный на рубеже XVII–XVIII веков.

При этом наиболее известным у российских историков фрагментом названного собрания карт является рисунок «Luosha», непосредственно связанный с обороной Албазина при его осаде китайским войском. Авторами же данный рисунок идентифицируется и рассматривается, как боевой графический документ, который схематичной отображает состав и боевые позиции осаждающих войск. Именно чёрно-белая фотокопия названного рисунка вошла в сборник «Русско-китайские отношения в XVII веке» под именем «Китайский рисунок, изображающий оборону Албазина» (Демидова, Мясников, 1972⁷). Сам же атлас охватывает четыре приграничные области Цинского Китая XVII–XVIII веков: Айхунь – военную колонию середины XVII века, основанную на берегу Амура (рис. 1), Лоча – русский лагерь в Восточной Сибири (рис. 2), Тайвань и Пескадорские острова, а также Внутреннюю Монголию. Общий вид документа – это рукопись на шёлке, представляющая собой свиток размером 55 на 585 см.

Время создания атласа приходится на начальный период Цинской династии, агрессивная поли-

тика которой позволила Китаю стать одним из самых сильных в военном отношении государств на территории современного Дальнего Востока. Естественно, что ранняя династия Цин не могла не войти в противоречие с конфуцианским представлением о социальном порядке и нуждалась в модификации традиционной китайской идеологии. Именно с этой целью был разработан особый вид исторических трудов – «Фанлюэ» или «Цзилюэ» – «стратегические планы» или «описания войн» (Трухин, Крюков, 2019)⁸.

Достаточно очевидно, что активное освоение восточной Сибири и Дальнего Востока Московским Царством, начавшееся с походов отрядов казаков и первопроходцев в середине XVII века, привело к напряжению международной обстановки на указанных территориях. При этом действия русских экспедиционных отрядов оказались вполне успешными и привели к возникновению разветвленной системы укрепленных опорных пунктов – острогов, располагавшихся на прибрежных территориях речных судоходных путей. Возводимые крепости совершенствовались, со временем становились воеводствами со своей организационно-штатной структурой и приобретали статус государственных. Разраставшиеся вокруг острогов поселения, образовывали военно-административные центры и фактически утверждали права Русского государства на вновь освоенные территории в данном регионе. Естественно, что сложившаяся ситуация не могла не беспокоить императора Цинского Китая. Поэтому 5 января 1683 года им было отдано распоряжение Нингутаскому цзянцзюню Бахаю (маньчжурскому полководцу, военному коменданту г. Нингуты, в котором была организована главная цинская военная база, необходимая маньчжурам в их войнах с русскими землепроходцами во второй половине XVII в.) о необходимости уделить серьёзное внимание ремонту и строительству военных речных судов. При этом в помощь Бахаю был послан шаншу (начальник) ведомства финансов Исанъа, доставивший в Гирин (Цзилинь) высококвалифицированных судостроителей. Кроме того, для постройки боевых кораблей, а также обучения

⁷ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1972. Т. 2. 1686–1691. 835 с.

⁸ Албазинское воеводство (сборник документов) / Трухин В.И., Крюков В.В. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск, 2019. 628 с.

Рис. 1. Картографический рисунок «Aihun» из рукописного китайского атласа XVII века
Fig. 1. Cartographic drawing “Aihun” from the handwritten Chinese Atlas of the XVII century

Рис. 2. Картографический рисунок «Luosha» из рукописного китайского атласа XVII века
Fig. 2. Cartographic drawing “Luosha” from the handwritten Chinese Atlas of the XVII century

их экипажей в Нингуту был переведён перешедший на сторону маньчжуров минский военачальник Линь Син-чжу. Однако при первой же попытке передислокации маньчжурских войск на север, сразу возникла логистическая проблема их обеспечения провиантом и военным снаряжением, что потребовало дополнительного времени для её решения (Мелихов, 1974). В некоторой мере, данный факт столь продолжительной подготовки к предстоящему походу позволил защитникам Албазина выиграть время и продолжать проводить фортифика-

ционные работы по повышению обороноспособности деревянного острога, расширенного в 1682 году.

Таким образом, уже 4 апреля 1683 года Канси утвердил систему снабжения войск, дислоцированных в Гирикуне, согласно которой предполагалось, что всё необходимое им зерно будут поставлять китайские деревни, находившиеся на внутренней территории Цинской империи. В случае же плавания судов по маньчжурской территории их охрана должна была обеспечиваться силами самих маньчжуров, а за границами «Ивового палисада» (сеть укреплений,

сооружённых в период династии Цин в конце XVII века для предотвращения проникновения китайцев в Маньчжурию, протяжённостью более 1300 км из плотной живой изгороди, состоящей из двух параллельных земляных валов, на вершине которых в три параллельных ряда высаживались ивы, разделённые между собой ровом шириной 3,7 м и глубиной 2,7 м) сопровождать суда поручалось монгольским воинам (Мелихов, 1981). Кроме того, послав Лантаня и Пенчуняна в разведку Яксы (Албазина), Цинское правительство обязало шилана Гэрта замерить фарватер реки Ляохэот Цзюйлюхэ до Дэнсэтуна, а фудутуна Валиха определить глубину реки Итуньхэ от Итунькоу до Итуньмыня и скорость течения реки Ирмыньхэ. Выполнив поставленную задачу, Гэрту доложил, что по указанному участку может пройти «малое» транспортное судно длиной в 3 чжана (11 метров), после чего в устье Цзюйлюхэ началась постройка 60 подобных судов. В свою очередь Валиха выяснил, что по Итуньхэ могут плавать «средние» корабли снабжения длиной в 3,5 чжана (13 метров), которые следует построить на верфях Гирина в количестве 100 единиц (Мелихов, 1974).

Вернувшись из разведки, Лантань доложил императору, что (Демидова, Мясников, 1972⁹): *«От города Айхуня до того места, где сливаются реки Хэйлунцзян [Амур] и Сунъали [Сунгари], на лошадях можно доехать за полмесяца. От места слияния этих двух рек до города Якса [Албазина] на лошадях путь можно проделать за один месяц, а на судах против течения – за три месяца. Хотя на судах и дольше, но прямо к Яксе можно доставить и провиант, и тяжелые орудия... Относительно судов докладываем, что на Хэйлунцзянеих имеется больших – 40, малых – 26. Но на больших судах продовольствие и снаряжение можно доставить лишь медленно, и вследствие этого может быть нарушено снабжение войска, которое выступит сухопутьем. Поэтому лучше использовать малые суда, а для этого нужно построить еще 56 судов, чтобы их было 80, ибо из числа имеющихся малых судов 2 вышли из строя».*

Комплексный анализ представленной выше информации, заимствуемой из китайских архивов, позволяет прийти к выводу, что цинская речная флотилия, сформированная для обеспечения доставки войск для проведения первой осады Албазина, включала в себя две базовые разноплановые составляющие. Во-первых, в её состав входили малые транспортно-боевые корабли, предназначенные для непосредственной перевозки сил и средств экспедиционного корпуса Лантаня к месту предстоящих боевых действий. Во-вторых, были специально построены многочисленные суда тылового обеспечения, часть которых могла быть включена в состав основной эскадры, а остальные функционально реализовывали текущее снабжение передовых военных отрядов. Стоит отметить, что данный вывод целиком и полностью подтверждается изображениями двух различных типов китайских судов, легко детализируемых на рисунках «Aihun» и «Luosha» (рис. 3).

С другой стороны, в русских архивах описывается крушение одного из китайских боевых кораблей (Албазинский острог, 2019), на котором находилось до 50 человек и одна большая пушка. Учитывая, что ствол подобного орудия весил порядка 2000 кг (Лю Сюй, 1989; Ван Чжаочунь, 1991), то его массу можно приравнять к общему весу 25 полностью экипированных и вооружённых бойцов. Иными словами, общая грузоподъёмность малых транспортно-боевых кораблей составляла, примерно, до 75 воинов. Однако ни русские, ни китайские документы не дают возможности фактически оценить их реальные размеры и характерный внешний облик, достаточно интересные для визуальной реконструкции изучаемого исторического события.

Поэтому не возникает каких-либо особых сомнений в том, что исследуемые военные корабли и транспортные суда представляли собой китайские джонки – плоскодонные парусные корабли, предназначенные для плавания по рекам и вблизи морского побережья. При этом точное время изобретения джонки достоверно неизвестно, но уже во время существования династии Хань они были достаточно широко распространены. Кроме того, в раннем средневековье джонки стали использоваться и в военных целях, заплывая в воды Индонезии и даже Индии (Levathes, 1996; Dreyer, Stearns, 2007). Таким образом, они распространи-

⁹ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1972. Т. 2. 1686–1691. 835 с.

Рис. 3. Фрагменты картографических отчетов о подготовке и ходе первой осады Албазина: средние и малые корабли снабжения (слева); малые транспортно-боевые корабли (справа)

Fig. 3. Fragments of cartographic reports on the preparation and progress of the first siege of Albazin: medium and small supply ships (left); small transport and combat ships (right)

лись по всей Юго-Восточной Азии и стали использоваться для длительных морских переходов (Andrade, 2011; Bonner, 1997).

Отличительными чертами джонки служили паруса, связанные горизонтальными рейками, а также приподнятые нос и корма судна. Данное судно было плоскодонным, что обеспечивало его небольшую осадку, необходимую для плавания по мелководью, а курсовая устойчивость обеспечивалась за счёт массивного руля, который не имел крепежных петель и удерживался тросами, идущими под днищем, поэтому он мог легко подниматься и опускаться (Hans K. Van Tilburg, 2007; A military history of China, 2002; Wortzel and Higham, 1999). Наиболее распространенный вариант джонки имел длину в 45,2 м и ширину в 9,2 м. При этом на трёх её мачтах располагались паруса из бамбуковой драйки, а высота грот-мачты составляла 28,5 м с диаметром основания около одного метра. Кроме того, конструкция корпуса включала в себя 37 шпангоутов, так называемых ребер жёсткости корпуса судна, изготавливаемых из дерева или металла, обеспечивающих его высокую прочность, и предусматривала наличие водонепроницаемых переборок, что делало джонку весьма надёжным судном (рис. 4).

Таким образом, торгово-транспортная джонка, по сути, являлась судном двойного назначения, которая с помощью относительно простых манипуляций могла быть успешно модифицирована в качестве боевого или десантного корабля. Для этого было достаточным усилить щит амилеера фаль-

шбортов её верхней палубы и дооснастить судно артиллерийскими орудиями китайского или корейского производства, предназначенными для ведения огня не только железными ядрами, но и зажигательными стрелами (рис. 5 и 6).

В рамках предположения, что вышеуказанные параметры являются характеристиками большой речной джонки, то её уменьшенный вариант должен был отличаться только общей длиной корпуса, уменьшенной на пятую часть. Именно такой малый корабль, обладавший габаритными размерами 36 на 9 м, мог реализовать перевозку до 60 солдат десанта, а его грузоподъёмность составляла до 75 человек, учитывая судовую команду экипажа из 15 матросов. Но корабли обеспечения оказывались вдвое меньшими и обслуживались судовой командой из шести матросов. Данные сведения, присутствуют в китайских архивах (Мелихов, 1974; Демидова, Мясников, 1972¹⁰). Таким образом, сотня китайских транспортно-боевых джонок, упоминаемых русскими архивными документами XVII века (Албазинский острог, 2019; Трухин, Крюков, 2019¹¹), практически обладала возможностью доставить под Албазин 5400 пехотинцев и 20 осадных орудий с их расчётами, составлявшими порядка

¹⁰ Русско-китайские отношения в XVII веке : материалы и документы. В 2 т. / сост. и обраб. текста Н.Ф. Демидовой и В.С. Мясникова. М. : Наука, 1972. Т. 2. 1686–1691. 835 с.

¹¹ Албазинское воеводство (сборник документов) / Трухин В.И., Крюков В.В. Изд. 2-е, испр. и доп. Хабаровск, 2019. 628 с.

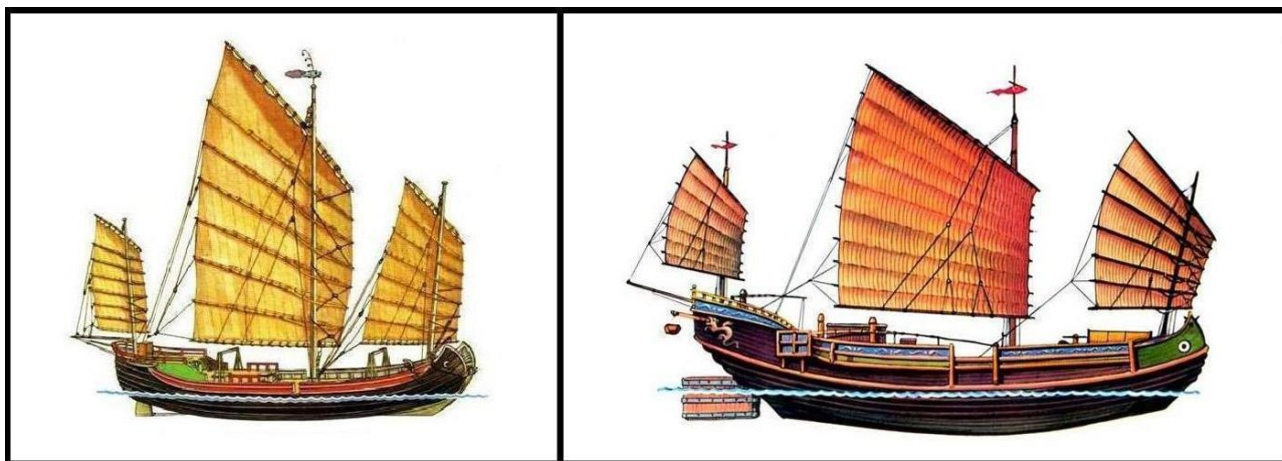

Рис. 4. Малая (слева) и большая (справа) китайские торгово-транспортные джонки

Fig. 4. Small (left) and large (right) Chinese trade and transport junks

Рис. 5. Историческое изображение морского боя китайских джонок с пиратами XVIII века

Fig. 5. Historical image of the naval battle of Chinese junks with pirates of the XVIII century

Рис. 6. Малая (слева) и большая (справа) китайские транспортно-боевые джонки

Fig. 6. Small (left) and large (right) Chinese transport and combat junks

200 человек. При этом солдаты вспомогательных подразделений в количестве 1620 человек должны были передвигаться в пешем порядке по левому берегу Амура, выполняя функции бурлаков, тянущих корабли против течения. Факт того, что пере-

движение названной части корпуса Лантяня осуществлялось по левому берегу, а его конница двигалась правобережьем, подтверждается расположением китайских опорных пунктов Айхунь (ныне пос. Гродеково, Амурской области) и Эсули (ныне

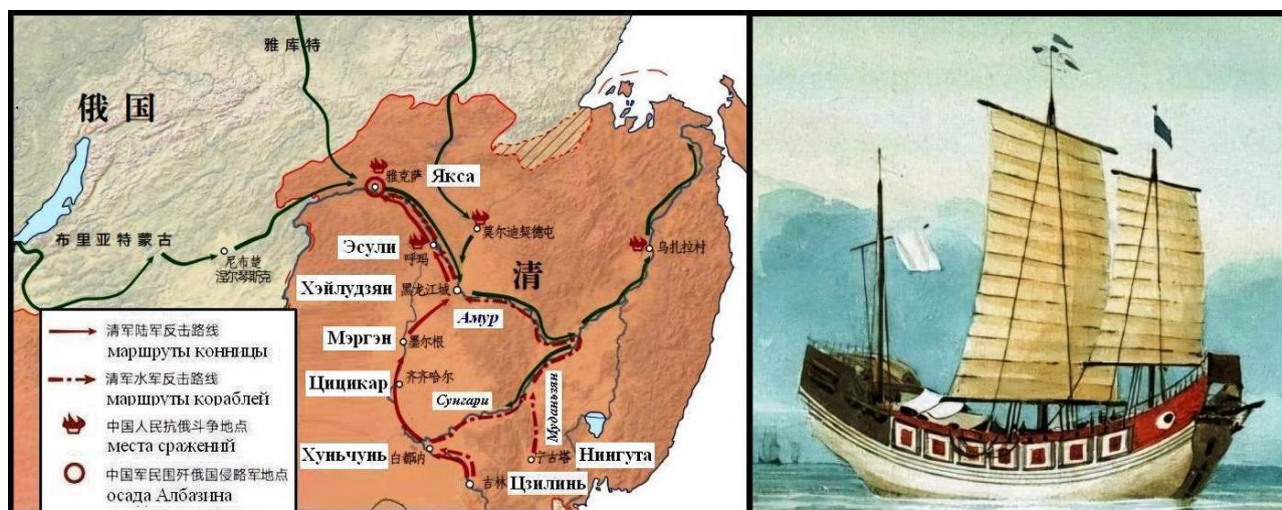

Рис. 7. Маршруты выдвижения корпуса Лантаня в 1685 году и малые боевые корабли
 Fig. 7. The routes of the advance of the Lantan corps in 1685 and small warships

пос. Сергеевка, Амурской области) на российской территории (рис. 7).

В заключение статьи необходимо отметить, что расширение традиционной сферы гуманитарных знаний, характеризующее глобальным упрощением удалённого доступа к цифровым двойникам культурных памятников и электронным копиям исторических документов, обусловило формирование достаточно нового научного направления, называемого Digital Humanities – «Цифровыми гуманитарными науками». При этом ключевой особенностью подобного подхода является возможность воплощения прикладных научных методик, основанных на интеграции классических исторических исследований с мощным инструментарием IT-технологий, например, разработка 3D-моделей конкретных объектов, на базе которых могут быть реализованы их весьма наглядные и достаточно

красочные физические макеты. Таким образом, представленная в настоящей работе информация, заимствованная из иностранных источников, преимущественно из китайских, в совокупности с историческими фактами, содержащимися в российских архивах, позволяет не только раскрыть количественный и качественный состав цинской речной флотилии, сформированной для обеспечений проведения первой осады Албазина, но и после цифровой обработки вполне может послужить основой для создания диспозиции подразделений маньчжурских войск и последующей визуализации в 3D-формате. В итоге, получившийся с помощью предложенного авторами метода результат позволит значительно расширить представление общей картины осады Албазинского острога и получить новые направления в исследовании его истории и истории России в целом.

Список источников

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2019. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. 271 с.

Артемьев А.Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 1993. № 4–5. С. 129–136.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Изд-во Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999. 335 с.

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS. 348 p. (In Russ.).

Aleksandrov V.A. (1984) Russia on the Far Eastern frontiers (the second half of the XVII century). Khabarovsk: Publishing House. 271 p. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1993) New materials on the heroic defense of the Albazin fortress in 1685 and 1686–1687. *Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences*. No. 4–5. P. 129–136. (In Russ.).

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS. 335 p. (In Russ.).

Аюшин Н.Б. Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Владивосток : Дальнаука, 1998. Т. 3. С. 107–114.

Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII в. (по материалам письменных источников) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009а. № 1 (8). С. 63–76. EDN: OYPTHP.

Багрин Е.А. Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII в. (по материалам письменных источников) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009b. № 2 (9). С. 100–109. EDN: OYPTQV.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служивых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История, 2013. 284, [3] с.

Беляков А.О., Вальчак С.Б., Степанов Д.Ю., Черкасов А.Н., Чхаидзе В.Н. Православное миссионерство на Дальнем Востоке и Албазинская Спасская пустынь // Религиоведение. 2014. № 1. С. 28–43. EDN: SNKGST.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений: XVII – середина XIX в. Хабаровск : Кн. изд-во, 1986. 336 с.

Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 776 с. EDN: SEUDMR.

Голубцов Н.З. История древнего города Албазина. Благовещенск : Тов. Д.О. Мокин и Ко, 1902. 28 с.

Громов А.В. Большие пушки императора Канси. Орудия учэньюнгун да цзяньцзюнь в собрании ВИМАИВиВС // Война и оружие. Новые исследования и материалы : тр. IX Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. СПб.: Изд-во Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, 2019. Ч. 1. С. 264–280.

Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2002. 287 с. EDN: WMQFBX.

Ерёмин И.Е., Коробий Е.Б., Нацвин А.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Высокотехнологичный макет Албазинского острога // Информатика и системы управления. 2021. № 3 (69). С. 3–24. DOI: 10.22250/isu.2021.69.3-24. EDN: PYOORO.

Ерёмин И.Е., Нацвин А.В., Лохов А.Ю. Онтологическая модель острога Никифора Черниговского // Информатика и системы управления. 2021. № 4 (70). С. 13–29. DOI: 10.22250/isu.2021.70.13-29. EDN: PEFMJA.

Ayushin N.B. (1998) Artillery in the struggle for the Albazin fortress. *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem vostoке v XVII–XIX vv.: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya = Russian Pioneers in the Far East in the XVII-XIX Centuries: Historical and Archaeological Research*. Vladivostok: Dal'nauka. Vol. 3. P. 107-114. (In Russ.).

Bagrin E.A. (2009a) Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources). *Ecumene. Regional Studies*. No. 1. P. 63-76. (In Russ.). EDN: OYPTHP.

Bagrin E.A. (2009b) Regional features of fire-arms usage in Siberia and the Far East in XVII century (according to the written sources). *Ecumene. Regional Studies*. No. 2. P. 100-109. (In Russ.). EDN: OYPTQV.

Bagrin E.A. (2013) Warfare of the Russians on the eastern border lands of Russia in the 17th century: Tactics and armament of military personnel in the Baikal region, Transbaikalia and the Amur region. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 284, [3] p. (In Russ.).

Belyakov A.O., Valchak S.B., Stepanov D.Yu., Cherkasov A.N., Chkhaidze V.N. (2014) Orthodox missionary work in the Far East and Spasskiy monastery of Albazin. *Religious Studies*. No. 1. P. 28-43. (In Russ.). EDN: SNKGST.

Besprozvannykh E.L. (1986) Amur region in the system of Russian-Chinese relations: XVII - mid. XIX century. Khabarovsk: Publishing House. 336 p. (In Russ.).

Bobrov L.A., Khudjakov Ju.S. (2008) Armament and Tactics of the Nomads of Central Asia and Southern Siberia during the Late Medieval and Early Modern Ages (15th - first half of the 18th century A.D.). St. Petersburg: St. Petersburg State University. Faculty of Philology. 776 p. (In Russ.). EDN: SEUDMR.

Golubtsov N.Z. (1902) The history of the ancient city of Albazin. Blagoveshchensk: Comrade D.O. Mokin and Co. 28 p. (In Russ.).

Gromov A.V. (2019) The big guns of the Kangxi Emperor. Guns of “wuchengyungu da jianjun” in the collection of VIMAIViVS. *Voina i oruzhie. Novye issledovaniya i materialy: tr. IX mezhdunar. nauch.-prak. konf. V 2 ch. = War and Weapons. New Research and Materials: Proceedings of the IX International Scientific Practice Conference*. St. In 2 pt. St. Petersburg: Publishing House of the Military Historical Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops. Pt. 1. P. 264-280. (In Russ.).

Doronin B.G. (2002) Historiography of Imperial China of the XVII-XVIII centuries. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 287 p. (In Russ.). EDN: WMQFBX.

Eremin I.E., Korobii E.B., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2021) High-tech model of the Albazin fortress. *Informatics and Control Systems*. No. 3 (69). P. 3-24. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2021.69.3-24. EDN: PYOORO.

Eremin I.E., Natsvin A.V., Lokhov A.Y. (2021) Ontological model of Nikifor Chernigovsky' ostrog. *Informatics and Control Systems*. No. 4 (70). P. 13-29. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2021.70.13-29. EDN: PEFMJA.

Ерёмин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И., Черкасов А.Н. Трёхмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. IV // Информатика и системы управления. 2020. № 4 (66). С. 3–16. DOI: 10.22250/isu.2020.66.3-16. EDN: DKOXFY.

Ерёмин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И. Трёхмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления. 2020. № 2 (64). С. 43–56. DOI: 10.22250/isu.2020.64.43-56. EDN: GAWDTQ.

Ерёмин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Трёхмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления. 2020. № 3 (65). С. 14–25. DOI: 10.22250/isu.2020.65.14-25. EDN: QZQUQW.

Ерёмин И.Е., Трухин В.И., Бугаев С.Н. Трёхмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. I // Информатика и системы управления. 2019. № 4 (62). С. 10–25. DOI: 10.22250/isu.2019.62.10-25. EDN: CNVYS.

Забияко А.П., Трухин В.И. Албазинский Спасский монастырь: основные вехи истории и результаты исследований // Религиоведение. 2021. № 1. С. 34–50. DOI: 10.22250/2072-8662.2021.1.34-50. EDN: HMBMXD.

Красноштанов Г.Б. Никифор Романов Черниговский: документальное повествование. Иркутск: ГУК АЭМ «Тальцы»; Репроцентр А1, 2008. 378 с. EDN: QKIQWH.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Артиллерия в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 3. С. 115–126. DOI: 10.21285/2415-8739-2021-3-115-126. EDN: IDYORG.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. I // Вестник Брянского государственного университета. 2022а. № 3 (53). С. 70–82. DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-70-82. EDN: MIJHPI.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Организационная структура китайской армии в ходе первой осады Албазинского острога // Известия Лаборатории древних технологий. 2022б. Т. 18. № 4. С. 112–123. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-112-123. EDN: RJQQYZ.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. II // Вестник Брянского государственного университета. 2023. № 1. С. 110–118. DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-110-118. EDN: WRXRNN.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. III // Вестник Брянского государственного университета. 2024а. № 1. С. 56–65. DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-56-65. EDN: NNMTEZ.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Фактологическая реконструкция организации китайской армии при первой осаде Албазина // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2024б. № 3 (57). С. 160–168. DOI: 10.18324/2224-1833-2024-3-160-168. EDN: ZFMUVC.

Лохов А.Ю., Ерёмин И.Е., Нацвин А.В. Многофактор-

Eremin I.E., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Cherkasov A.N. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. IV. *Informatics and Control Systems*. No. 4 (66). P. 3-16. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2020.66.3-16. EDN: DKOXFY.

Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. II. *Informatics and Control Systems*. No. 2 (64). P. 43-56. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2020.64.43-56. EDN: GAWDTQ.

Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2020) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. III. *Informatics and Control Systems*. No. 3 (65). P. 14-25. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2020.65.14-25. EDN: QZQUQW.

Eremin I.E., Trukhin V.I., Bugaev S.N. (2019) Three-dimensional computer modeling of the Albazin fortress of the period of 1684. I. *Informatics and Control Systems*. No. 4 (62). P. 10-25. (In Russ.). DOI: 10.22250/isu.2019.62.10-25. EDN: CNVYS.

Zabiyako A.P., Trukhin V.I. (2021) Albazin Spassky Monastery: major milestones in history and research results. *Religious Studies*. No. 1. P. 34-50. (In Russ.). DOI: 10.22250/2072-8662.2021.1.34-50. EDN: HMBMXD.

Krasnoshtanov G.B. (2008) Nikifor Romanov Chernigovskii: a documentary narrative. Irkutsk: GUK AEM "Tal'tsy"; Reprocenter A1. 378 p. (In Russ.). EDN: QKIQWH.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2021) Artillery during the first siege of the Albazin fort. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 17. No. 3. P. 115–126. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2021-3-115-126. EDN: IDYORG.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022a) Historical and archaeological modeling of the Albazin fort during the second siege. I. *Bulletin of the Bryansk State University*. No. 3 (53). P. 70-82. (In Russ.). DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-03-70-82. EDN: MIJHPI.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022b) Organizational structure of the Chinese Army during the first siege of the Albazin Fortress. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 112-123. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-112-123. EDN: RJQQYZ.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023) Historical and archaeological modeling of the Albazin fort during the second siege. II. *Bulletin of the Bryansk State University*. No. 1. P. 110-118. (In Russ.). DOI: 10.22281/2413-9912-2023-07-01-110-118. EDN: WRXRNN.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024a) Historical and archaeological modeling of the Albazin fort during the second siege. III. *Bulletin of the Bryansk State University*. No. 1. P. 56-65. (In Russ.). DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-56-65. EDN: NNMTEZ.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024b) Factual reconstruction of the organization of the Chinese army during the first siege of Albazin. *Problems of Socio-Economic Development of Siberia*. No. 3 (57). P. 160-168. DOI: 10.18324/2224-1833-2024-3-160-168. EDN: ZFMUVC.

Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2024c) Multifac-

ный анализ состава и организации китайской артиллерии при осадах Албазина // Известия Лаборатории древних технологий. 2024с. Т. 20. № 4. С. 67–83. DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-67-83. EDN: SLEMUH.

Маак Р.К. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 г. Р. Маком. СПб.: Изд. члена-соревнователя Сиб. отд. С.Ф. Соловьева, 1859. 577 с.

Мандзяк А.С. Военские традиции народов Евразии. М.: АСТ, 2002. 381, [2] с.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.

Мелихов Г.В. Ивовый палисад – граница Цинской империи // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 115–123. EDN: UIBGDL.

Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII веке. М.: Наука, 1980. 312 с.

Новиков-Даурский Г.С. Открытие Амура русскими и начало освоения края // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. 1953. Т. 2. С. 28–51.

Пастухов А.М., Багрин Е.А., Васильев С.Г. Коллекция артиллерийских орудий Забайкальского краеведческого музея им. А.К. Кузнецова // Альманах «История оружия». Запорожье, 2013. № 8/9. С. 149–163.

Саблин И.В. Историческая геоинформатика: от визуализации к пострепрезентативному анализу // Историческая информатика. 2013. № 1. С. 10–16. EDN: RMULYZ.

Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 53–58. EDN: PATEWJ.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (дата обращения 20.05.2024).

Черкасов А., Беляков А. Археологические исследования в Албазино // Родина. 2012. № 5. С. 47. EDN: PAWCCX.

Черкасов А., Зайцев Н., Онищук В., Сухоруков Н. Албазинская экспедиция. Современные геофизические методы в исследовании Албазинского острога // Родина. 2011. № 12. С. 59–63. EDN: PATEWT.

Ван Чжаочунь. История китайского огнестрельного оружия. Пекин: Военно-научное изд-во, 1991. 518 с. (На китайском языке).

Лю Сюй. История артиллерии древнего Китая. Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 1989. 327 с. (На китайском языке).

Хуанг Й-Лонг. Взлет и падение типичных пушек из композитного металла, отлитых в период Мин-Цин // Цинь-Хуайский журнал китайских исследований, 2009. С. 73–136. (На китайском языке).

A military history of China / edited by David A. Graff and Robin Higham. Boulder: Westview press, 2002. xii + 316 p.

Andrade T. 2011. Lost Colony: The Untold Story of China's First Great Victory over the West. Princeton: Princeton University Press. 448 p. DOI: 10.1515/9781400839537.

torial analysis of the composition and organization of Chinese artillery during the siege of Albazin. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 20. No. 4. P. 67-83. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2024-4-67-83. EDN: SLEMUH.

Maak R.K. (1859) A trip to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855 by R.K. Mak. St. Petersburg: : Izd. S.F. Solovyova. 577 p. (In Russ.).

Mandzyak A.S. (2002) Military traditions of the peoples of Eurasia. Moscow: AST. 381, [2] p. (In Russ.).

Melikhov G.V. (1974) Manchus in the North-East (XVII century). Moscow: Nauka. 246 p. (In Russ.).

Melikhov G.V. (1981) Willow fence - the border of the Qing Empire. *Issues of history*. No. 8. P. 115-123. (In Russ.). EDN: UIBGDL.

Myasnikov V.S. (1980) The Qing Empire and the Russian State in the XVII century. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.).

Novikov-Daurskii G.S. (1953) The discovery of Amur by Russians and the beginning of the development of the region. *Notes of the Amur Regional Museum of Local Lore and the Society of Local Lore*. Vol. 2. P. 28-51. (In Russ.).

Pastukhov A.M., Bagrin E.A., Vasil'ev S.G. (2013) Collection of artillery pieces of the Transbaikalian Museum of Local Lore named after A.K. Kuznetsov. *The History of Weapons*. Zaporozh'e. No. 8/9. P. 149-163. (In Russ.).

Sablin I.V. (2013) Historical GIS: from visualization to post-representational analysis. *Historical Computer Science*. No. 1. P. 10-16. (In Russ.). EDN: RMULYZ.

Stepanov D. (2011) Albazin in the XVII century: military and spiritual fortress of the Amur region. *Rodina*. No. 12. P. 53-58. (In Russ.). EDN: PATEWJ.

Trukhin V.I., Bagrin E. A. (2019) Albazinsky prison in 1665/1666–1689: fortification and defenders - the experience of historical reconstruction. *History of military affairs: research and sources*. Vol. 10. P. 385-431. (In Russ.). Available from: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (accessed 05/20/2024).

Cherkasov A., Belyakov A. (2012) Archaeological research in Albazin. *Rodina*. No. 5. P. 47. (In Russ.). EDN: PAWCCX.

Cherkasov A., Zaitsev N., Onishchuk V., Sukhorukov N. (2011) Albazin expedition. Modern geophysical methods in the study of the Albazin fortress. *Rodina*. No. 12. P. 59-63. (In Russ.). EDN: PATEWT.

Wang Zhaochun. (1991) The history of Chinese firearms. Beijing: Military Scientific Publishing House. 518 p. (In Chinese).

Liu Xu. (1989) The history of the artillery of ancient China. Shanghai: Shanghai People's Publishing House. 327 p. (In Chinese).

Huang Y-Long. (2009) The rise and fall of typical composite metal cannons cast in the Ming-Qing period. *Qin-Huai Journal of Chinese Studies*. P. 73-136. (In Chinese).

A military history of China / edited by David A. Graff and Robin Higham. Boulder: Westview press, 2002. xii + 316 p.

Andrade T. (2011) Lost Colony: The Untold Story of China's First Great Victory over the West. Princeton: Princeton University Press. 448 p. DOI: 10.1515/9781400839537.

Bonner A. Alas! What brought Thee Hither?: The Chinese in New York 1800-1950. University Press Copublishing Division / Fairleigh Dickinson University Press, 1997. 216 p.

Dreyer Edward L., Stearns Peter. Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405-1433. Pearson Longman, 2007. 238 p.

Hans K. Van Tilburg. Chinese Junks on the Pacific: Views from a Different Deck. University Press of Florida, 2007. 272 p.

Levathes Louise. When China ruled the seas: The Treasure Fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. New-York: Oxford University Press, 1996. 252 p.

Moretti Tomaso. A treatise of artillery, or, Great ordinance. London: Printed by William Godbid and are to be sold by N. Brooke ..., 1673. [10], 124 p., [6] folded leaves of plates : ill.

Wortzel, Larry M, and Robin Higham. Dictionary of Contemporary Chinese Military History. Westport, Conn: Greenwood Press, 1999. xv + 334 pp.

Информация об авторах

Лохов Алексей Юрьевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище им. Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, 675021, г. Благовещенск, ул. Ленина, 158, Россия, e-mail: kluger999@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Ерёмин Илья Евгеньевич,

доктор технических наук, профессор, профессор кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет, 675021, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, Россия, e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Алексей Викторович Нацвин,

аспирант кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет, 675021, г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21, Россия, e-mail: natsvin1998@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 августа 2024 г.; одобрена после рецензирования 14 января 2025 г.; принята к публикации 27 января 2025 г.

Bonner A. Alas! What brought Thee Hither?: The Chinese in New York 1800-1950. University Press Copublishing Division / Fairleigh Dickinson University Press, 1997. 216 p.

Dreyer Edward L., Stearns Peter. Zheng He: China and the Oceans in the Early Ming Dynasty, 1405-1433. Pearson Longman, 2007. 238 p.

Hans K. Van Tilburg. Chinese Junks on the Pacific: Views from a Different Deck. University Press of Florida, 2007. 272 p.

Levathes Louise. When China ruled the seas: The Treasure Fleet of the Dragon Throne, 1405-1433. New-York: Oxford University Press, 1996. 252 p.

Moretti Tomaso. A treatise of artillery, or, Great ordinance. London: Printed by William Godbid and are to be sold by N. Brooke ..., 1673. [10], 124 p., [6] folded leaves of plates : ill.

Wortzel, Larry M, and Robin Higham. Dictionary of Contemporary Chinese Military History. Westport, Conn: Greenwood Press, 1999. xv + 334 pp.

Information about the authors

Aleksei Yu. Lokhov,

Cand. Sci. (History), Associate Professor, Tactics Department, The Far Eastern Higher Combined Arms Command School named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky, 158, Lenin St., Blagoveshchensk 675021, Russia, e-mail: kluger999@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Ilya E. Eremin,

Dr. Sci. (Technical), Professor, Professor, Department of Information and Control Systems, Amur State University, 21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia, e-mail: ilya.eremin.70@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Aleksei V. Natsvin,

Postgraduate, Department of Information and Control Systems, Amur State University, 21, Ignatevskoye Highway, Blagoveshchensk 675021, Russia, e-mail: natsvin1998@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 7, 2024; approved after reviewing January 14, 2025; accepted for publication January 27, 2025.

История

Научная статья
УДК 93\94
EDN: TMSZBW
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-62-71>

Иоганн Готфрид Гердер и его глава «Славянские народы»: Источники взглядов Гердера на славянские народы

А.А. Лапунов

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Глава «Славянские народы» историософского трактата «Идеи к философии истории человечества» немецкого философа Иоганна Готфрида Гердера оказала существенное влияние на славянскую интеллигенцию начала XIX века. Несмотря на то, что в историографии существует значительное число исследований, изучающих и анализирующих данное влияние, практически нет работ, посвященных фактам формирования взглядов Гердера на славянские народы: какими источниками он пользовался и что из них позаимствовал, какие идеи эпохи Просвещения нашли отражение в этой главе. Авторы статьи поставили перед собой задачу провести анализ широкого комплекса источников и идей, которые могли сформировать представления Гердера о славянах в главе «Славянские народы»: как влияние идей конкретных авторов и трудов, с которыми знакомился Гердер на протяжении всей жизни, так и влияние общих идей, которые господствовали на момент конца XVIII века. В ходе анализа были, в том числе, привлечены малоизвестные научному сообществу работы Й.К. фон Йордана, А. Шлёцера, И.К.В. Мёзена, К.Г. фон Антона. В ходе исследования авторы пришли к выводу, что Гердер, во-первых, воспринимает и приводит многие стереотипы, господствующие о славянах в XVIII веке. Во-вторых, Гердер находится непосредственно под влиянием немецкой и богемской (чешской) славяноведческой историографии. Особо можно выделить нескольких авторов: А. Шлёцера, И.К.В. Мёзена и К.Г. фон Антона, а также Й.К. фон Йордана. В-третьих, немецкий философ или своеобразно заимствует и интерпретирует материал, полученный им из прочитанных работ, или же подтверждает сведениями из них какие-либо свои представления о славянских народах, которые могли сложиться у него на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: Иоганн Готфрид Гердер, историософский трактат «Идеи к философии истории человечества», славянские народы, стереотипы и топосы о славянских народах, эпоха Просвещения, эпоха Романтизма, история идей, Карл Готлиб фон Антон, история исторического знания, история науки, славяноведение XVIII в.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке», <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Лапунов А.А. Иоганн Готфрид Гердер и его глава «Славянские народы»: Источники взглядов Гердера на славянские народы // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 62–71. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-62-71. EDN: TMSZBW.

History

Original article

Johann Gottfried Herder and his chapter “Slavian nations”: Sources of Herder's views on the Slavic peoples

Alexei A. Lapunov

Saint-Petersburg University, Saint-Petersburg, Russia

Abstract. The chapter ‘Slavian nations’ of the historiosophical treatise ‘Ideas on the Philosophy of the History of Mankind’ by the German philosopher Johann Gottfried Herder had a significant influence on the Slavic intelligentsia of the early 19th century.

Despite the fact that there is a significant number of studies in historiography studying and analyzing this influence, there are practically no works devoted to the facts of the formation of Herder's views on the Slavic peoples: what sources he used and what he borrowed from them, what ideas of the Enlightenment were reflected in this chapter. The authors of the article set themselves the task of analyzing a wide range of sources and ideas that could have shaped Herder's ideas about the Slavs in the chapter 'Slavian nations': both the influence of the ideas of specific authors and the works that Herder encountered throughout his life, and the influence of general ideas that dominated at the time of the end of the 18th century. The analysis included little-known to the scientific community works by J.K. von Jordan, A. Schlözer, J.K.W. Moesen, K.G. von Anton. In the course of the study, the authors came to the conclusion that Herder, first of all, perceives and cites many stereotypes that developed about the Slavs in the 18th century. Secondly, Herder is under the direct influence of German and Czech Slavic historiography. Several authors can be especially singled out: A. Schlözer, J.K.W. Moesen and K.G. von Anton, as well as J.K.W. von Jordan. Thirdly, the German philosopher either borrows and interprets the material he received from the works he read, or confirms with information from them any of his ideas about the Slavic peoples that he could have developed throughout his life.

Keywords: Johann Gottfried Herder, historiosophical treatise "Ideas on the Philosophy of the History of Mankind", Slavic peoples, stereotypes and topoi about Slavic peoples, Age of Enlightenment, Age of Romanticism, history of ideas, Karl Gottlieb von Anton, history of historical knowledge, history of science, Slavic studies of the 18th century

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Science Foundation, project No 23-78-10064 "Western Outskirts of the Russian Empire: Problems of Ethno-Confessional Incorporation in the 18th Century", <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> at St. Petersburg State University.

For citation: Lapunov A.A. (2025) Johann Gottfried Herder and his chapter "Slavian nations": Sources of Herder's views on the Slavic peoples. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 61-71. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-62-71. EDN: TMSZBW.

Введение

Иоганн Готфрид Гердер (1744–1803 гг.) – ярчайший представитель позднего Просвещения и раннего Романтизма. Его перу принадлежит «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791 гг.) (Гердер, 1977), историософский трактат, в котором содержится его видение славянских народов. Содержащаяся в этом труде глава «Славянские народы» (Гердер, 1977. С. 470–472), идеи, которые развивает в ней автор, самым значительным образом повлияли на развитие славяноведения эпохи романтизма, а также на целую плеяду представителей славянской интеллигенции первой половины XIX века.

Несмотря на то, что существует значительное число исследований, изучающих и анализирующих данное влияние (Andraschke, Loos, 2002; Bittner, 1929; Knoll, 1996; Loužil, 2005; Maxwell, 2011; Zdeněk, 2007; Жукова, 2007; Лескинен, 2014. С. 25; Собестианский, 2011. С. 10–18), тем не менее в них практически не затрагивается вопрос формирования взглядов самого Гердера на славянские народы. В обобщающих работах о Гердере также практически не содержится сведений о славистической стороне деятельности немецкого философа (Гайм, 2011. С. 213–298; Гулыга, 1975. С. 60–99; Гулыга, 1977). Правда, небольшим исключением служит довольно извест-

ная монография Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения» (Вульф, 2003. С. 447–461), в которой присутствует анализ факторов, способствовавших формированию взглядов Гердера на славянские народы, в том числе, и в главе «Славянские народы». Однако анализ представлений немецкого философа является довольно однобоким – акцент сделан на ориенталистскую концепцию Э. Саида, поэтому взгляды Гердера интерпретируются в рамках идей ориентализма.

Материал, методы, обзор

Авторы статьи поставили перед собой задачу провести анализ широкого комплекса источников и идей, которые могли сформировать представления Гердера о славянах в главе «Славянские народы» трактата «Идеи к философии истории человечества»: как влияние идей конкретных авторов и трудов, с которыми знакомился Гердер на протяжении всей жизни, так и влияние общих идей, которые господствовали на момент конца XVIII века. А.А. Лапуновым уже была высказана и обоснована точка зрения, согласно которой лужицкий ученый Карл Готлиб фон Антон оказал существенное влияние на взгляды Гердера (Лапунов, 2021b. С. 104–111). Гердер, как и фон Антон, развивал идею о великом будущем славян-

ского мира. Оба автора сходны в своих представлениях о славянском характере. Они упоминают в своих трудах хозяйственные занятия славян, пишут об их музыкальности и важности сохранения фольклора славян. Отдельно подчеркивают принадлежность славян к коренным народам Европы. Также стоит упомянуть так называемый «вендский» дискурс. В свою очередь, в данной статье будет проанализировано и возможное влияние на Гердера таких ученых, как Й.К. фон Йордан, А. Шлёцер, И.К.В. Мёзен и ряда других авторов XVIII века.

Результаты и обсуждение

16 книга (четвертой части) труда «Идеи к философии истории человечества», вышедшая в 1791 г., содержит интересующую нас главу «Славянские народы». Его переписка с И.Ф. Харткнохом подтверждает, что черновик новой книги был написан уже в 1788 г. (Гулыга, 1977. С. 628–629), а начал он ее писать сразу после выхода третьей книги в 1785 г. Гердер испытывал некоторые трудности при создании четвертой книги.

Об источниках, которыми пользовался Гердер при составлении главы, судить трудно.

Во времена Гердера существовал целый ряд ученых, которые писали о славянах. В самом конце главы Гердер перечисляет их: «Фриш, Попович, Мюллер, Йордан, Штриттер, Геркен, Мёзен, Антон, Добнер, Таубе, Фортис, Зульцер, Россиньоль, Доброский, Фойгт, Пельцель и др.» (Гердер, 1977. С. 471). При анализе главы невозможно точно определить степень использования этих трудов Гердером. Быть может, он только упомянул «полезные, превосходные труды по истории славянского народа» (Гердер, 1977. С. 472).

Исходя из перечисленных фамилий, можно сделать вывод, что Гердер находился под влиянием в первую очередь немецкой и богемской (чешской) историографии. Из шестнадцати фамилий десять фамилий – немецкие авторы (Й.Л. Фриш, Й.З. Попович, Г.Ф. Мюллер (Ф.М. Миллер), Й.К. фон Йордан, И.В. Штриттер, Ф.В. Геркен, И.К.В. Мёзена, К.Г. фон Антон, Ф.В. фон Таубе, Ф.Й. Зульцер) и четыре чешских (Г. Добнер, Й. Добровский, А. Фойгт¹,

М. Пельцель). Однако стоит отметить, что все, представленные чешские (богемские) авторы, писали на немецком языке, поэтому были известны широкому немецкому научному сообществу и за пределами Чехии.

Уже упоминалось, что огромное влияние на Гердера оказал лужицкий ученый К.Г. фон Антон. Известно, что Гердер и фон Антон были лично знакомы и находились в дружеских отношениях. Еще в 1779 г., когда фон Антон издал свою работу об истории ордена тамплиеров, Гердер написал на нее рецензию, где высказал об этой книге самое высокое мнение (Гайм, 2011. С. 175–176). Сохранилось также письмо известного немецкого филолога тех лет К.А. Бёттигера к своему другу фон Антону. Он пишет 31 декабря 1791 г. в письме лужицкому ученому: «В вашем последнем письме содержалась масса поучительного и увлекательного. Мне пришлось зачитать Гердеру отрывки из него, при этом присутствовал и Гете, и мы хотели бы, чтобы и вы были с нами... Также он [Гердер], пожалуй, жаждал бы услышать ваше суждение как знатока о том, что он сказал о мирных смиренных вендах и их братьях в четвертой части своих “Идей”» (Zeil, 1968. P. 202). Бёттигер часто посылал «приветы» от Гердера фон Антону.

«Славянские народы, – начинает главу Гердер, – занимают на земле больше места, чем в истории» (Гердер, 1977. С. 470). В эпоху Просвещения существовал тезис о славянах как о «неисторическом народе», который и повторяет Гердер. Например, его современник, учитель и затем оппонент, И. Кант вовсе не упоминал по этой причине о Восточной Европе². Чуть позже, уже в начале XIX века, нечто подобное о славянах будет считать и Г.В.Ф. Гегель³. Даже ученые-

же поэта К.Г. фон Фойгта, с которым Гердер был лично знаком. Скорее всего здесь имеется в виду первый, так как последний никак не был связан со славянами или славистикой.

² «Россия еще не составляет того, что нужно для определенного понятия о природных задатках, готовых к развитию, а Польша уже не составляет того; национальности же Европейской Турции никогда не были и не будут тем, что необходимо для усвоения определенного народного характера; ввиду этого очерк их [характера] вполне можно здесь опустить» (Кант, 1994. С. 360).

³ «Кроме того, в Восточной Европе мы находим огромную славянскую нацию ... Вся эта масса исключается из нашего

¹ К сожалению, до конца непонятно, какого из Фойгтов имеет в виду Гердер – чешского историка А. Фойгта или

слависты эпохи Просвещения констатировали, что история славянских народов исследована плохо. Например, Й. Добровский отмечал: «Славяне, этот великий, могучий и широко раскинувшийся через всю Европу народ, не знает своего происхождения» (Dobrovsky, 1782. Р. 1). Для многих ученых XVIII века, славяне, таким образом, представляли из себя своеобразный «этнографический материал», нежели народ со своей древней историей.

Однако даже несмотря на эту свою критическую заметку об «неисторичности» славянских народов, Гердер далее явно воспринимает и приводит сарматскую теорию происхождения древних славян: «Мы прежде всего встречаем их на Дону, потом на Дунае» (Гердер, 1977. С. 470), таким образом, он говорит о движении славян с востока на запад – от Дона к Дунаю. Сарматская теория, наравне с иллирийской, продолжала господствовать в историографии конца XVIII века (Нидерле, 2013. С. 7–9). О том, что славяне в древности назывались «сарматами», говорили в своих работах и Ф.В. Геркен, который считал, что «первооснову истории славян следует искать у сарматов» (Gercken, 1771. Р. 9–16); и Миллер, который писал, что «Многие думают, да сие вероятно, что под тем названием [сарматов] разумели славян, пока об имени сем ещё не знали, которое не прежде как в пятом веке стало известно» (Миллер, 1773. С. 4), и Ф.М. Пельцель, который называл предками славян конкретно языгов – одно из сарматских племен (Pelcl, 1771. Р. 19–21), и фон Антон, который предложил свою довольно оригинальную концепцию на этот счёт (Лапунов, 2021а. С. 104–105). Все эти авторы перечислены Гердером в сноске в конце главы, о которой упомянуто выше.

С «неисторичностью» славян связано и другое распространенное тогда мнение – топос о «неевропейскости» (Вульф, 2003. С. 226–516; Езерник, 2017. С. 5–12) славян. Оно находило свое отражение, в том числе, в исторических концепциях многих европейских ученых. Г.Ф. Мил-

лер, к примеру, предполагает, что славяне могут происходить из Азии⁴. Немецкий орнитолог, ботаник, зоолог и путешественник И.Р. Форстер, основываясь на названиях славянских животных, утверждал, что славяне происходят от южных азиатов (von Anton, 1783. Р. 1–2). Итальянский путешественник А. Фортис, автор «Путешествия в Далмацию», упомянул там славяноязычных морлахов: «Я увидел обычаи, поэзию, музыку, одежды и жилища столь же татарские, как и в Сибири» (Fortis, 1984. С. 80).

Однако Гердер считал славян коренным европейским народом (Лапунов, 2021b. С. 110–111). Скорее всего немецкий философ подчеркнул данные представления из труда фон Антона, в котором доказывался тезис о славянах, как о коренном европейском народе (Лапунов, 2021а. С. 104–105).

Далее Гердер перечисляет «чудовищные пространства», населенные славянами⁵. Описания географического расселения славян, по-видимому, были основаны на «Всеобщей северной истории» А. Шлёцера, который писал: «...Я не знаю ни одного народа на всей земле, который распространил бы себя, свой язык, свою власть и свои колонии, так поразительно широко» (Schlözer, 1771. Р. 222). Список славянских регионов Гердера, разделенный на четыре группы (Северная Германия; другие западные славяне и

⁴ «Может статься, что они сим именем и прежде уже назывались, когда греческие и римские писатели ничего еще о них не слыхали; может статься, что они за долгое время пред тем под другим каким именем были известны; может быть, как вероятно, что они, как и другие народы, из отдаленной Азии происходят. Однако сие нам неизвестно по тому, что никакой писатель о том не говорит, и не сыскуешь таких исторических доводов, кои бы нас в тому удостоверяли» (Миллер, 1773. С. 29).

⁵ «От Дона до Эльбы, от Восточного до Адриатического моря. По эту сторону Карпат их поселения простирались от Люнебурга через Мекленбург, Померанию, Бранденбург, Саксонию, Лужицу, Богемию, Моравию, Силезию, Польшу, Россию, а по ту сторону Карпат они уже издавна жили в Молдавии и Валахии и со временем все больше распространяли свои владения, чему способствовало немало обстоятельств, и, наконец, император Ираклий поселил их в Далмации, и они основали царства Славонию, Боснию, Сербию, Далмацию. И в Паннонии их было тоже очень много; из Фриуля они заняли юго-восточную оконечность Германии» (Гердер, 2013. С. 470).

обзора потому, что она до сих пор не выступала как самостоятельный момент в ряду обнаружений разума в мире. Здесь нас не касается, произойдет ли это впоследствии...» (Гегель, 1993. С. 368).

русские; словенцы; другие южные славяне), также соответствует по своей внутренней последовательности тому порядку, который использовал в своем изложении Шлёцер (Schlözer, 1771. P. 221–241).

Заселить столь огромные территории славянам удалось благодаря тому, что они были «увлекаемые в путь другими народами» (Гердер, 1977. С. 470): это были готы, гунны и булгары. Все вместе они «немало потрепали Римскую империю, обычно, которым они помогали или служили» (Гердер, 1977. С. 470), затем «следовали за немцами и занимали территории, оставленные теми, пока огромные пространства не оказались в их руках» (Гердер, 1977. С. 470). «Повсюду славяне оседали на землях, оставленных другими народами» (Гердер, 1977. С. 470), – констатирует Гердер. Данные сведения явно указывают на западных славян географически, а также на словенцев и хорватов. Эти представления были распространены в богемской историографии, а затем через нее попадают и в немецкую историографию, которой пользовался Гердер. Например, Й.К. фон Йордан писал, что «традиция всего славянского народа отдает должное Чеху и Леху, которые без шума оружия нашли землю, пригодную для проживания... и с самого начала обосновались там» (de Jordan, 1745. P. 25). И.К.В. Мёзен писал нечто подобное о вендах: что они «получили большую часть своих крупнейших владений в качестве колонистов провинций, которые были оставлены другими народами, и посему были обложены налогами суверенных стран» (Moehsen, 1781. P. 64). Основываясь на сведениях Прокопия Кессарийского, Мёзен отмечает, обобщая все славянские народы: «Но не следует судить об их храбрости по победоносному духу нации, которая была способна достичь всех своих больших и обширных владений в основном без враждебных нападений...» (Moehsen, 1781. P. 70). Гердер, таким образом, следует данной традиции богемской историографии и повторяет данный историографический топос.

Возникает вопрос, что способствовало успеху славян в освоении этих земель? В первую очередь Гердер отмечает занятия славян и их нрав. Описывая их занятия, он представляет их, как превосходных земледельцев, скотоводов, ремес-

ленников, торговцев⁶ (Гердер, 1977. С. 470). Гердер вполне мог заимствовать информацию из работы фон Антона. Так, лужицкий ученый перечисляет следующие занятия древних славян: «земледелие, охота, разведение пчел и скота» (von Anton, 1783. P. 138–142). Можно заметить, что у Гердера древние славяне занимаются той же хозяйственной деятельностью, что и у фон Антона. Лужицкий ученый, говоря о занятиях славян, перечисляет их умения ковать металл, торговать, ткать полотно и холст, отливать металлы (золото, серебро, железо, свинец, медь) (von Anton, 1783. P. 149–154). Структура текста этой части главы у Гердера совпадает со структурой работы фон Антона, у которого земледельческие и ремесленные занятия описаны в разных главах. Гердер тоже описывает их порознь, отделив друг от друга небольшим отступлением про славянские торговые города.

Также Гердер явно привлекает и сведения Мёзена. Последний приводит в пример чешские рудники в Богемии и соляные колодцы лужицких сербов в Галле. «Они» – пишет о занятии славян Мёзен – «также изготавливали грубые шерстяные ткани и другие изделия, их одежду везли на Север и в Прибалтику. (...) Они (...) делали (...) мед (...). Винета на Балтийском море была описана в 983 году как один из самых выдающихся торговых городов этой страны» (Moehsen, 1781. P. 64). Мёзен, опираясь на сведения Адама Бременского и Гельмольда из Босау, сформулировал теорию о том, что древние славяне занимались торговлей

⁶ «Они любили земледелие, любили разводить скот и выращивать хлеб, знали многие домашние ремесла и повсюду открывали полезную торговлю изделиями своей страны, произведениями своего искусства. По всему берегу Восточного моря, начиная от Любека, они построили морские города; Винета на острове Рюген была среди этих городов славянским Амстердамом; они вступали в союз и с пруссами, курами и леттами, о чем свидетельствуют языки этих народов. На Днепре они построили Киев, на Волхове – Новгород, и оба эти города вскоре стали цветущими торговыми городами, соединявшими Черное море с Восточным и переправлявшими товары Востока в Северную и Западную Европу. В Германии они занимались добычей руды, умели плавить металл, заливать его в формы, они варили соль, изготавливали полотно, варили мед, сажали плодовые деревья (...)» (Гердер, 2013. С. 470).

и были отличными мореходами. Он подтверждает это тем фактом, что они чеканили свою монету.

Далее Гердер уделяет внимание славянскому характеру, не без основания утверждая, что их особый характер также способствовал освоению новых земель. Особо он выделял трудолюбие, миролюбие славян, их гостеприимство «до расточительства», милосердие и их «музыкальность» (Гердер, 1977. С. 470–471). Гердер был не первым автором, который сформулировал концепцию славянского характера. Такие ученые, как Мёзен, и в особенности, фон Антон тоже исследовали эту тему. Мёзен, основываясь на византийских источниках и немецких хрониках, перечислял практически те же качества, что и позже Гердер (Moehsen, 1781. Р. 63–64). Однако именно фон Антон был первым ученым, кто впервые подходит критически к «реконструкции» нравов и характера древних славян, используя при этом широкий комплекс исторических, этнографических и травелогических источников. В «Первом опыте описания...» фон Антон выделяет и милосердие, и гостеприимство, и свободолюбие. Кроме этого, фон Антон довольно подробно излагает сведения, из которых можно сделать вывод о способности славян к музыке: «Весь народ был и до сих пор является очень музыкальным. Без пения и музыки ничего не предпринимается, не совершается, а язык, каким бы грубым и хриплым он ни казался, прекрасно приспособлен для пения. Всегда очень приятно послушать песню, на каком бы из диалектов она ни исполнялась» (von Anton, 1783. Р. 143). Работа фон Антона содержит описания музыкальных инструментов славян во всем их множестве и разнообразии. Можно предположить, что и фон Антон, и Гердер заимствовали идею об особой любви славян к музыке у Фортиса. Именно Фортис был первым, кто собрал и издал славянский фольклор Далматинского побережья⁷ (Fortis, 1984. Р. 66–67, 70–75).

⁷ «У морлахов бывают древние сходки, особенно в домах, где живёт несколько молодых женщин; благодаря этим сходкам сохраняются в памяти древние народные рассказы. Музыканты всегда посещают собрания и поют старинные *pisme*, или песни, подыгрывая себе на инструменте, называемом *guzla*, который имеет только одну сторону, сплетённую из многочисленных конских волос. Мотив, на который поются эти героические песни, необычно уныл и

Миролюбие славян Гердер мог подчеркнуть из сведений Феофилакта Симокатты, у которого есть сюжет о трех славянах, которые носили цитры вместо военного снаряжения, «потому что не умели обращаться с оружием» (Симокатта, 1957. С. 139–140). Или же из хроники Вацлава Гаека из Либочан, который говорил о том, что у славян: «...не было оружия, только луки и стрелы, и они использовали их только против дичи» (Hájek V. z Libočan, 1981. Р. 75). Однако большинство его предшественников и современников считало древних славян довольно-таки воинственным народом. Тезис о том, что славяне были «врагами разбоя и грабежа», мог быть подчеркнут Гердером из богемской историографии. Согласно тогдашнему мнению, племена, когда-то жившие в Германии, и особенно чехи, были «покорными и послушными», что часто ассоциировалось с предположением, что они вряд ли имели какую-либо предрасположенность к преступлению (von Anton, 1783. Р. 35).

Заимствуя сведения о занятиях славян из работ других авторов, Гердер подтверждает ими свои прежние суждения, которые сложились у него ранее.

Еще в 1777 году, в статье «О сходстве средневековой английской и немецкой поэзии и о прочем, отсюда следующем» немецкий философ отмечал, что «все нецивилизованные народы поют и действуют [торгуют]; они поют о том, что совершают [чем торгуют], воспевая свои действия [торговые сделки]» (Гердер, 1959. С. 68). В «Дневнике моего путешествия в 1769 году» Гердер, говоря об украинцах, писал об их «веселом нраве, музыкальности...» (Гердер, 1959. С. 324). Поэтому, приведенные выше сведения произведений фон Антона, Мёзена и Фортиса о древних

монотонен; кроме того, они поют в нос, что прекрасно сочетается с их инструментом»; «Тем не менее эти песни производят огромное впечатление на слушателей, которые стремятся выучить их наизусть; и я видел, как некоторые вздыхали и плакали над пассажами, которые мне нисколько не казались трогательными. Возможно, такое действие производит сила иллирийских слов, которые морлахи понимают лучше меня; и возможно, что мне кажется более вероятным, их безыскусные умы, не слишком обременённые мыслями, с большей готовностью воспринимают любой поворот сюжета как нечто поразительное».

славянах, прекрасно ложатся на представления самого Гердера.

Миролюбием славянских народов пользовались их соседи, например, немецкие народы, которые «совершили в отношении их [славян] великий грех» (Гердер, 1977. С. 471). Автор детально рассказывает о том, как были завоеваны и поработаны славяне «немецкими народами» – франками, саксами и данами (Гердер, 1977. С. 471). По его мнению, именно из-за этого меняется нрав славян: «Не удивительно ли, если бы после столетий порабощения эта нация, до крайности ожесточенная против своих христианских господ и грабителей, не переменила свой мягкий характер на коварную и жестокую леность раба?» (Гердер, 1977. С. 471).

Кажется возможным, что здесь мы видим заимствование Гердером концепции оценки отрицательных качеств славян у фон Антона. Лужицкий ученый неоднократно подчеркивал, что отрицательные качества славянских народов не были присущи им изначально. Порабощение славян немцами и церковью и плохое обращение привели к появлению таких качеств в славянском характере. Коварство и пренебрежительное отношение к собственности, о которых писал фон Антон, – это те самые свойства характера, которые, как можно предположить, мог бы назвать Гердер «жестокостью раба». Но фон Антон при этом отмечал, что такими славяне являются только в отношении своих врагов – немцев (Лапунов, 2021b. С. 109–110).

Несмотря на эти отрицательные качества, Гердер в конце главы высказывает идею о великом будущем славян, они «пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства» (Гердер, 1977. С. 471). Эта идея перекликается с мыслью фон Антона. Лужицкий ученый писал в 1783 г., что «они [славяне] питаются надеждой, что однажды снова смогут вскинуть голову и подчинить своих угнетателей» (von Anton, 1783. P. 36).

Заключение

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сказать, что при написании главы «Славянские народы» историософского трактата «Идеи к философии истории человечества» Гер-

дер, во-первых, воспринимает и приводит многие стереотипы, господствующие о славянах в XVIII веке. Во-вторых, Гердер находится непосредственно под влиянием немецкой и богемской (чешской) славяноведческой историографии. В особенности он опирался на работы нескольких авторов: А. Шлёцера, И.К.В. Мёзена и К.Г. фон Антона, а также Й.К. фон Йордана. В-третьих, немецкий философ или своеобразно заимствует и интерпретирует материал, полученный им из прочитанных работ, или же подтверждает какие-либо свои представления о славянских народах, которые могли сложиться у него на протяжении всей жизни.

Итак, Гердер вслед за многими учеными тех лет повторяет тезис о неисторичности славянских народов, однако при этом далее приводит распространенную на тот момент в славистической историографии сарматскую теорию происхождения славян. Несмотря на то, что многие ученые не считали славян европейским народом, Гердер, как и его современник фон Антон, считает славян частью народов Европы. Так же как и Шлёцер, Гердер перечисляет «чудовищные пространства», которые славяне заселили благодаря тому, что они, увлекаемые другими народами, мирно селились на оставленных землях ушедших народов (такой же намек есть и в богемской историографии, и у фон Йордана). Закреплению на этих территориях способствовали также занятия славян и их особый характер. Эти сведения можно найти также в трудах Мёзена и фон Антона. Особенный упор Гердер делает на миролюбии славянских народов. Намек на это же качество славян можно найти и у Феофилакта Симокатты, и в богемской историографии. Кроме этого, он говорит об особой «музыкальности» славян. Об этом качестве Гердер упоминал задолго до написания главы, подтверждение своего мнения он вполне мог найти у А. Фортиса и фон Антона. Говоря о славянском характере, стоит отметить схожесть мнения Гердера и фон Антона. Они оба полагали, что некоторые отрицательные качества появляются у славянских народов вследствие завоевания и порабощения славян немцами. Однако, несмотря на это, Гердер, как и фон Антон, верит в великое будущее славянских народов.

Список источников

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 548, [1] с.

Гайм Р. Гердер, его жизнь и сочинения. СПб. : Наука, 2011. Т. II. 963 с.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 477, [2] с.

Гердер И.Г. Избранные сочинения. М.-Л. : Государственное издательство художественной литературы, 1959. LIX, 392 с.

Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. 703 с.

Гулыга А.В. Гердер. Издание 2-е, доработанное. М. : Мысль, 1975. 179 с.

Гулыга А.В. Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» – послесловие к книге: Иоганн Готфрид Гердер, Идеи к философии истории человечества. М. : Наука, 1977. С. 612–648.

Езерник Б. Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников. М. : Лингвистика, 2017. 355, [1] с.

Жукова Е.П. Гердер и славянство // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 17–19. EDN: KVUPNP.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Иммануил Кант. Собрание сочинений в восьми томах. М. : Чоро, 1994. Т. 7. С. 137–376.

Лапунов А.А. «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян» Карла Готтлиба фон Антона как первая славяноведческая энциклопедия // Ноябрьские чтения-2020. Сборник статей по итогам XII Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Санкт-Петербург, 05–06 декабря 2020 года. СПб. : Скифия-принт, 2021а. С. 102–108. EDN: YDKHUW.

Лапунов А.А. Карл Готтлиб фон Антон и Иоганн Готфрид Гердер // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2021b. № 3 (59). С. 104–113. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.106-115. EDN: LVHNJG.

Лескинен М.В. Характерология славян в русской интерпретации: способы изображения гендерных типов «этнического другого» во второй половине XIX в. // Токови Историје. 2014. № 3. С. 11–50. EDN: QWVNTL.

Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. Санктпетербург : О-во, старающееся о напеч. книг, 1773. [6], 132 с.

Нидерле Л. Славянские древности. М. : Новый Акрополь, 2013. 742, [1] с.

Симокатта Ф. История. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 224 с.

Собестианский И.М. Учения о национальных особенностях характера и юридического быта древних славян: Историко-критическое исследование. М. : Либроком, 2011. 352 с.

References

Vul'f L. (2003) *Inventing Eastern Europe: A Map of Civilization in the Consciousness of the Enlightenment*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 549 p. (In Russ.).

Gaim R. (2011) *Herder, his life and writings*. St. Petersburg: Nauka. Vol. II. 963 p. (In Russ.).

Gegel' G.V.F. (1993) *Lectures on the philosophy of history*. St. Petersburg: Nauka. 479 p. (In Russ.).

Gerder. I.G. (1959) *Selected works*. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury. LIX. 392 p. (In Russ.).

Herder I.G. (1977) *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*. Moscow: Nauka, 703 p. (In Russ.).

Gulyga A.V. (1975) *Herder*. Moscow: Mysl'. 179 p. (In Russ.).

Gulyga A.V. (1977) *Herder and his "Ideas for the Philosophy of the History of Mankind"* – afterword to the book: Johann Gottfried Herder, *Ideas for the Philosophy of the History of Mankind*. Moscow: Nauka. P. 612–648. (In Russ.).

Ezernik B. (2017) *Wild Europe. The Balkans through the eyes of Western travelers*. Moscow: Lingvistika. 356 p. (In Russ.).

Zhukova E.P. (2007) *Herder and Slavicism. Cultural Life of the South of Russia*. No. 6 (25). P. 17–19. (In Russ.). EDN: KVUPNP.

Kant I. (1994) *Anthropology from a pragmatic point of view*. Immanuel Kant. *Sobranie sochinenii v vos'mi tomakh = Immanuel Kant Collected Works in Eight Volumes*. Vol. 7. Moscow: Choro. P. 137–376. (In Russ.).

Lapunov A.A. (2021a) Karl Gottlob von Anton's «The first experience of describing the origin, customs, tempers, opinions and knowledge of the ancient Slavs» as the first encyclopedia of Slavic studies. *Noyabr'skie chteniya-2020. Sbornik statei po itogam XII Vserossiiskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Sankt-Peterburg, 05–06 dekabrya 2020 goda = November Readings 2020. A collection of articles based on the results of the XII All-Russian Conference of students, postgraduates and young scientists. Sankt-Peterburg, December 05–06, 2020*. P. 102–108. (In Russ.). EDN: YDKHUW.

Lapunov A.A. (2021b) Karl Gottlieb Anton and Johann Gottfried Herder. *Herald of Tver State University. Series: History*. No. 3 (59). P. 104–113. (In Russ.). DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.106-115. EDN: LVHNJG.

Leskinen M.V. (2014) *Characterology of the Slavs in the Russian interpretation: ways of depicting gender types of the "ethnic other" in the second half of the XIX century*. *Tokovi Historije*. No. 3. P. 11–50. (In Russ.). EDN: QWVNTL.

Miller G.F. (1773) *About the peoples who have lived in Russia since ancient times*. St. Petersburg: O-vo, starayushcheesya o napech. knig. [6]. 132 p. (In Russ.).

Niderle L. (2013) *Slavic antiquities*. Moscow: Novyi Akropol'. 743 p. (In Russ.).

Simokatta F. (1957) *History*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 224 p. (In Russ.).

Sobestianskii I. (2011) *The teachings on the national characteristics of the character and legal life of the ancient Slavs*. Moscow: Librokom. 352 p. (In Russ.).

Andraschke P., Loos H. Ideen und Ideale: Johann Gottfried Herder in Ost und West. Freiburg in Breisgau: Rombach, 2002. 339 p. (In German).

Bittner K. Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg : Gebrüder Stiepel. 1929. P. 1-150. (In German).

de Jordan I.C. S.R.M. De originibus slavicus, opus chronologico-geographico-historicum. Vindobonæ, Typis Joan. Jacobi Jahn in P. I. & Gregorii Kurtzböck in reliquis, 1745. 315 p. (In Latin).

Dobrovsky J. Abhandlung über den Ursprung des Namens Tschech (Čzech) Tschechen. Praha (Prag); Vídeň (Wien) : gedruckt bey Johann Ferdinand Edlen von Schönfeld. 1782. 16 p. (In German, Czech, Greek).

Fortis A. Put po Dalmaciji, priredio-Josip Bratulić. Zagreb: Globus. 1984. XXVII, 303 p. (In Serbo-Croatian).

Gercken P.W. Versuch in der ältesten Geschichte der Slaven: besonders in Teutschland. Leipzig, 1771. P. 1-120. (In German).

Hájek z Libočan, Václav. Kronika česká. Praha: Odeon, 1981. 736, [3] p. (In Czech).

Knoll S.b. Herders Nationalismus - Debatte ohne Ende // Nationen und Kulturen: zum 250. Geburtstag Johann Gottfried Herders. Würzburg: Königshausen & Neumann, 1996. P. 239-248. (In German. In Eng.).

Loužil J. K zápasu o J.G. Herdera u nás // Czech Literature. 2005. Vol. 53. No. 5. Pp. 637-653. (In Czech).

Maxwell A. Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography // Traditiones: Journal of the Institute of Slovenian Ethnology. 2011. Vol. 40. No. 2. Pp. 79-95. (In Eng.). DOI: 10.3986/Traditio2011400205.

Moehsen J.K.W. Beschreibung einer Berlinischen Medaillen-Sammlung, die vorzüglich aus Gedächtnis-Münzen berühmter Aerzte besteht : in welcher verschiedene Abhandlungen, zur Erklärung der alten und neuen Münzwissenschaft, imgleichen zur Geschichte der Arzneigelahrtheit und der Litteratur eingerücktet sind. Zweiter Theil, Nebst einer Geschichte der Wissenschaften in der Mark Brandenburg, besonders der Arzneiwissenschaft : von den ältesten Zeiten an bis zu Ende des sechzehnten Jahrhunderts ; Mit Kupfern. Berlin und Leipzig : bey George Jacob Decker, Königl. Hof-Buchdrucker, 1781. 567 p. (In German).

Pelcl F.M. Kurzgefaßte Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis auf die itzigen Zeiten. Prag: Clemens, 1774. 662 p. (In German).

Schlözer A.L. Allgemeine Nordische Geschichte. Halle: bey Johann Justinus Gebauer, 1771. 636 p. (In German).

von Anton K.G. Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig: Böhme, 1783. B. 1. 162 p. (In German).

Zdeněk D. Johann Gottfried Herder and the Czech National Awakening: A Reassessment. Pittsburgh: University of Pittsburgh. 2007. 53 p. DOI: 10.5195/cbp.2007.136.

Zeil W. Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben : zum 150. Todestag des Oberl. Gelehrten - eines Wegbereiters der Slawistik // Lětopis : Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung : Reihe B. Bautzen 15 (1968), 1. - s. 1-17; 2. - 175-220. (In German).

Andraschke P., Loos H. (2002) Ideen und Ideale: Johann Gottfried Herder in Ost und West. Freiburg in Breisgau: Rombach. 339 p. (In German).

Bittner K. (1929) Herders Geschichtsphilosophie und die Slawen. Reichenberg : Gebrüder Stiepel. P. 1-150. (In German).

de Jordan I.C. S.R.M. (1745) De originibus slavicus, opus chronologico-geographico-historicum. Vindobonæ, Typis Joan. Jacobi Jahn in P. I. & Gregorii Kurtzböck in reliquis. 315 p. (In Latin).

Dobrovsky J. (1782) Abhandlung über den Ursprung des Namens Tschech (Čzech) Tschechen. Praha (Prag); Vídeň (Wien) : gedruckt bey Johann Ferdinand Edlen von Schönfeld. 16 p. (In German, Czech, Greek).

Fortis A. (1984) Put po Dalmaciji, priredio-Josip Bratulić. Zagreb: Globus. XXVII. 303 p. (In Serbo-Croatian).

Gercken P.W. (1771) Versuch in der ältesten Geschichte der Slaven: besonders in Teutschland. Leipzig. P. 1-120. (In German).

Hájek z Libočan, Václav. Kronika česká. Praha: Odeon, 1981. 736, [3] p. (In Czech).

Knoll S.b. (1996) Herders Nationalismus - Debatte ohne Ende. Nationen und Kulturen: zum 250. Geburtstag Johann Gottfried Herders. Würzburg: Königshausen & Neumann. P. 239-248. (In German. In Eng.).

Loužil J. (2005) K zápasu o J.G. Herdera u nás. Czech Literature. Vol. 53. No. 5. P. 637-653. (In Czech).

Maxwell A. (2011) Herder, Kollár, and the Origins of Slavic Ethnography. Traditiones: Journal of the Institute of Slovenian Ethnology. Vol. 40. No. 2. P. 79-95. (In Eng.). DOI: 10.3986/Traditio2011400205.

Moehsen J.K.W. (1781) Beschreibung einer Berlinischen Medaillen-Sammlung, die vorzüglich aus Gedächtnis-Münzen berühmter Aerzte besteht : in welcher verschiedene Abhandlungen, zur Erklärung der alten und neuen Münzwissenschaft, imgleichen zur Geschichte der Arzneigelahrtheit und der Litteratur eingerücktet sind. Zweiter Theil, Nebst einer Geschichte der Wissenschaften in der Mark Brandenburg, besonders der Arzneiwissenschaft : von den ältesten Zeiten an bis zu Ende des sechzehnten Jahrhunderts ; Mit Kupfern. Berlin und Leipzig : bey George Jacob Decker, Königl. Hof-Buchdrucker. 567 p. (In German).

Pelcl F.M. (1774) Kurzgefaßte Geschichte der Böhmen, von den ältesten bis auf die itzigen Zeiten. Prag: Clemens. 662 p. (In German).

Schlözer A.L. (1771) Allgemeine Nordische Geschichte. Halle: bey Johann Justinus Gebauer. 636 p. (In German).

von Anton K.G.(1783) Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig: Böhme. B. 1. 162 p. (In German).

Zdeněk D. (2007) Johann Gottfried Herder and the Czech National Awakening: A Reassessment. Pittsburgh: University of Pittsburgh. 53 p. DOI: 10.5195/cbp.2007.136.

Zeil W. (1968) Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben : zum 150. Todestag des Oberl. Gelehrten - eines Wegbereiters der Slawistik. Lětopis : Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung : Reihe B. Bautzen 15, 1. 1-17 s; 2. - 175-220. (In German).

Информация об авторе

Лапунов Алексей Алексеевич,
младший научный сотрудник, Институт истории,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
Россия,
e-mail: alexlapunov@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0008-6021-7179>

Information about the author

Alexei A. Lapunov,
Junior Research Fellow, Institute of History,
Saint Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya Line, Saint Petersburg 199034, Russia,
e-mail: alexlapunov@gmail.com,
<https://orcid.org/0009-0008-6021-7179>

Вклад автора

Лапунов А.А. выполнил исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провел обобщение
и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Lapunov A.A. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2024 г.;
одобрена после рецензирования 30 января 2025 г.;
принята к публикации 10 февраля 2025 г.

Article info

The article was submitted November 18, 2024;
approved after reviewing January 30, 2025; accepted for
publication February 10, 2025.

История

Научная статья

УДК 344.643

EDN: RVFGJJ

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-72-80>

Опыт взаимодействия Управы благочиния с негосударственными организациями в деле борьбы с пожарами в Иркутске в XIX в.

В.В. Черных

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье обобщается опыт взаимодействия Управы благочиния с различными негосударственными организациями, способствовавшими координации как профилактической деятельности, так и практической в деле борьбы с пожарами в конкретном городе – Иркутске. Показано зарождение системы противодействия пожарам через создание профессиональных пожарно-полицейских команд, добровольных пожарных обществ, частных и полугосударственных пожарных дружин, воинских формирований, страховых обществ, гражданского общества под эгидой хозяйственного департамента Министерства внутренних дел. Дан историографический обзор основных разделов и направлений статьи, отмечен вклад рассматриваемой темы как историков-краеведов, так и исследователей, рассматривавших данную проблему в общероссийском аспекте. Социокультурный опыт по становлению системы пожарной безопасности сибирского города на основе как государственного регулирования, так и добровольного участия показывает наглядный пример использования его и в настоящее время как в области профилактики и тушения пожаров, так и правового обеспечения. Осуществлен анализ реформ в области пожарной безопасности города в рассматриваемый период, а именно: были определены с учетом местных условий число кварталов и частей города; каждая пожарная часть укомплектована необходимым количеством пожарного инструмента, обоза, лошадей и фурманов. Для каждой части были построены пожарное депо для содержания лошадей, обоза и квартиры руководителя пожаротушения. Отмечен вклад государства, хозяйственного департамента МВД и губернского руководства в организации и помощи в становлении различных видов пожарной охраны. Выявлено, что на размещение пожарной команды средства выделял город и филантропы-купцы, а на содержание обоза, лошадей и ремонт оборудования назначалась ежегодная субсидия из средств казны.

Ключевые слова: Иркутск, Управа благочиния, пожар, Строительный устав, Пожарный устав, профессиональные пожарно-полицейские команды, добровольное пожарное общество, частные пожарные команды, «Страховое общество взаимного страхования от огня», хозяйственный департамент МВД, Иркутский военный округ

Для цитирования: Черных В.В. Опыт взаимодействия Управы благочиния с негосударственными организациями в деле борьбы с пожарами в Иркутске в XIX в. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 72–80. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-72-80. EDN: RVFGJJ.

History

Original article

The experience of interaction of the Deanery board with non-governmental organizations in fighting fires in Irkutsk in the XIX century

Vladimir V. Chernykh

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia

Abstract. The article summarizes the experience of cooperation between the Deanery Council and various non-governmental organizations that have facilitated the coordination of both preventive and practical activities in fighting fires in a particular city, Irkutsk. It shows the emergence of a fire fighting system through the creation of professional fire and police teams, voluntary fire brigades, private and semi-public fire brigades, military formations, insurance companies, and civil society under the auspices of the Economic department of the Ministry of Internal Affairs. A historiographical overview of the main sections and directions of the

article is given, and the contribution of the topic under consideration is noted by both local historians and researchers who have considered this problem from an all-Russian perspective. The socio-cultural experience of establishing a fire safety system in a Siberian city based on both state regulation and voluntary participation shows a clear example of its use at the present time in current, both in the field of fire prevention and extinguishing, as well as legal support. An analysis of the reforms in the field of fire safety of the city during the period under review was carried out, namely: the number of quarters and parts of the city were determined taking into account local conditions; each fire station is equipped with the necessary number of fire tools, wagons, horses and cart. A fire station was built for each unit to house horses, a wagon train, and the apartment of the fire extinguishing supervisor. The contribution of the state, the Economic Department of the Ministry of Internal Affairs and the provincial leadership in organizing and helping to establish various types of fire protection was noted. It was revealed that the city and philanthropic merchants allocated funds for the placement of the fire brigade, and an annual subsidy from the treasury was allocated for the maintenance of the wagon train, horses and equipment repairs.

Keywords: Irkutsk, Deanery Council, fire, Building regulations, Fire regulations, professional fire and police teams, voluntary fire society, private fire brigades, Mutual Fire Insurance Company, economic Department of the Ministry of Internal Affairs, Irkutsk Military District

For citation: Chernykh V.V. (2025) The experience of interaction of the Deanery Board with non-governmental organizations in fighting fires in Irkutsk in the XIX century. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 72-80. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-72-80. EDN: RVFGJJ.

Управа благочиния – это городской полицейско-административный орган Российской империи, созданный в 1782 г., для правоохранительной, судебной деятельности и для организации борьбы с пожарами. Предтечей создания данного органа можно считать учреждение в 1763 г. такого специализированного органа, призванного вести борьбу с пожарами, как «Пожарная контора», преобразованная в 1892 г. в Пожарную экспедицию (Романов 2000. С. 45), а также принятие документа, именуемого «Наказ о градском благочинии» от 6 апреля 1649 г., напоминавшего инструкцию по тушению пожаров. В данной статье проанализирован исторический опыт по борьбе с пожарами вышеуказанного правительственного органа и взаимодействию его с негосударственными организациями, участвовавшими в обеспечении пожарной безопасности сибирского города.

Первые пожарно-полицейские команды города Иркутска создаются в 1808 г. после образования в стране Министерства внутренних дел. Руководителям Управ благочиния, сталкивавшимся с бесконечными и многовековыми предрассудками при тушении пожаров, выражавшимися в укоренившихся традициях тушить пожары, обращаясь к молебнам и церковным атрибутам, понадобилось полтора века для преодоления этих устаревших представлений. Наконец, образование именно профессиональных команд (Романов, 2000. С. 44–45) стало однозначным рубежом отказа от этих пережитков.

Иркутск до самого большого пожара в его истории, случившегося в 1879 г. был полностью дере-

вянный, как, впрочем, большинство городов России, за исключением Санкт-Петербурга и Екатеринбурга, построенных в XVIII в. преимущественно из камня. Лишь церкви и часть присутственных мест строились в городах из камня, что обусловлено наличием неограниченного количества строевого леса. Отсюда и такая высокая пожароопасность. Образование Управ благочиния и особенно Министерства внутренних дел (1802 г.) послужило серьёзным основанием постановки пожарного дела, во-первых, на профессиональную основу; во-вторых, становлению иных социальных институтов, способствовавших борьбе с пожарами, и в-третьих, созданию между последними взаимодействия по профилактике и ликвидации пожарных бедствий.

Решение вышепоставленных задач облегчает летописный свод, составленный летописцами Иркутска П.И. Пежемским и В.А. Кротовым (Иркутская летопись, 1911), А.И. Лосевым (Лосев, 1996), Н.С. Романовым (Романов, 1914; Романов, 1993; Романов, 1994), в котором скрупулёзно, день за днём, освещаются события города на всём протяжении рассматриваемого периода, в том числе, затрагиваются и вопросы противопожарной организации и противодействия пожарам с привлечением различных служб и организаций. Общее представление о развитии пожарного дела в городе за три века даёт нам книга, выполненная в стиле хрестоматии М.Н. Агапитовым и С.Н. Чашиним (Агапитов, Чашин, 2006), а также монографии автора (Черных, 1998; Черных, 2010). Взаимодействие со сложившейся пожарной структурой города име-

ло место также при содействии добровольных пожарных обществ, что отражено в ряде статей иркутских историков (Пуляев, 1910; Черных, 2006), и общества взаимного страхования пожаров от огня (Черных, Белозерцев, 1997), что отражено в монографии авторов В.В. Черных, А.В. Чернов, В.В. Синиченко, посвящённой противопожарному страхованию в России (Черных, Чернов, Синиченко, 2007). Общий детерминистский подход сложившихся отношений взаимопомощи отмечен также в работах авторов А.П. Чехова (Чехов, 1892), Н.Н. Щаблова (Щаблов, 1996), А. Пуришкевича (Пуришкевич, 1909) и особенно Н.Ю. Новичковой (Новичкова, 2020), исследовавшей социокультурный опыт становления всех видов пожарной охраны в соответствующем веке. В ракурсе поставленной проблемы исследовательская процедура не выполнялась, поэтому будет любопытно рассмотреть взаимодействие различных структур в обеспечении пожарной безопасности города. Основные виды пожарной охраны и их становление отмечены в издании (МВД России. Энциклопедия, 2002)¹.

Тот факт, что первые три пожарно-полицейские команды были организованы в Иркутске в 1808 г. сразу после образования подобных команд в Санкт-Петербурге и Москве, в значительной степени связано с назначением иркутским губернатором действительного статского советника Николая Ивановича Трескина, приступившего к своим обязанностям 11 октября 1806 г. Город тонул в грязи, улицы были узкими, проездам на место пожара мешали тупики. Возложенные на полицию обязанности по тушению пожаров игнорировались, пожарных инструментов практически не было, пожары происходили по 8–10 раз в месяц, организованной и эффективной борьбы с ними не отмечено (Агапитов, Чашин, 2006. С. 108–112). Не было специально подготовленных, технически образованных для исполнения ответственных обязанностей пожарных специалистов. Руководство тушением пожаров брали на себя обер-полицмейстеры, абсолютно не компетентные в этом деле, что только усугубляло борьбу с огнём (Черных, 2010. С. 52, 59).

В результате проведенной Н.И. Трескиным пожарной реформы были в кратчайшие сроки осуществлены следующие мероприятия: создана кадровая пожарно-полицейская команда из бывших военных в количестве 80 человек во главе с руководителем – брандмейстером; начато возведение пожарной каланчи в 1811 г.; в 1813 г. приступили к строительству пожарных депо сразу в четырех пожарных частях; началось комплектование пожарных частей заливными трубами и другим пожарным инвентарем. Первый пример взаимодействия показал «Приказ общественного призрения», приобретший для города новую пожарную заливную машину (Агапитов, Чашин, 2006. С. 114; Черных, 2010. С. 387–390).

В короткий срок непосредственно губернатором Трескиным было разработано и отправлено в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий МВД «Положение о содержании пожарной части в губернском городе Иркутске». Этот, большой, охватывающий все основные проблемы борьбы с огнем документ, был утвержден Министерством и рекомендован к реализации. Кстати данный Департамент был создан в 7 (19) июля 1811 г. в составе Министерства внутренних дел Российской империи для заведования всеми отраслями государственного хозяйства (кроме надзора за исполнением законов и полицейских функций). В управлении этого ведомства находилось также построение и содержание всех публичных зданий в государстве². А это обеспечивало прочные связи взаимодействия Департамента с городскими думами и особенно с архитектурно-строительным отделом в отношении возведения зданий с учётом пожарной безопасности. Необходимо отметить, что Указ о регулировании застройки с учётом вышеуказанных требований был получен в Иркутске ещё в 1785 г., на основании которого и был утверждён генеральный план города, но только при участии губернатора Трескина в 1809 году из департамента поступил альбом с чертежами и противопожарными указаниями. Несмотря на то, что застройка по типовым проектам затронула в

¹ Мешалкин Е.А. Добровольная пожарная охрана // МВД России. Энциклопедия. М. : Объединенная редакция МВД России : ОЛМА-Пресс, 2002. 624 с. С. 178.

² Образован Департамент государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел. URL: <https://www.prilib.ru/history/619399> (дата обращения 25.07.2024).

основном центральные кварталы города, тем не менее это отразилось на увеличении ширины улиц, что способствовало более быстрому прибытию на пожары пожарного обоза и эффективному пожаротушению. По проекту рекомендовалось также застраивать центр города в основном каменными сооружениями, что однозначно было нацелено на противодействие пожарным бедствиям (Черных, 1998. С. 34).

С принятием типового проекта по возведению зданий с противопожарными требованиями всё больше появляется комбинированных зданий с каменным нижним этажом и верхним деревянным. Строительный Устав 1857 г. ещё более ужесточил эти требования и обязал малейшие отклонения от требований непосредственно согласовывать с хозяйственным департаментом МВД. И если на просьбу Иркутского губернатора в 1865 г. о возведении вторых деревянных этажей на первых каменных, МВД ответило одобрительно, то уже в 1882 г. аналогичное ходатайство было отклонено, что свидетельствует о возросших требованиях и повышению внимания к пожарному состоянию городов и, несомненно, более плотному взаимодействию в данных вопросах (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 31. Оп. 1. Д. 759. Л. 46, 112, 121; Оп. 3. Д. 36, Л. 28–30). Как следует из устава 1857 г., общий надзор за строительством возлагался в губерниях на губернские или областные строительные и дорожные комиссии (Черных, 2010. С. 178).

Определенная помощь профессиональным пожарным командам исходила от частных и ведомственных пожарных команд. Летописец Романов отмечал активную деятельность при тушении пожаров думской пожарной команды и особенно пожарной команды почетного гражданина города купца Ф.К. Трапезникова (Романов, 1993. С. 294), участвовавшей в тушении многих городских пожаров, в том числе и в большом пожаре 1879 г., когда он со своими двумя пожарными машинами отстоял дома Поповой и тем самым преградил дальнейшее распространение огня, избавив от уничтожения значительную часть города. Братья Фёдор и Сергей Трапезниковы во время этого пожара совершили невозможное, помимо спасения от огня дома Поповой, они спасли ещё несколько присутственных мест, расположенных на Шелашниковской улице

(ныне Октябрьской Революции), в том числе Губернское управление, Окружное интендантство со складами, Детский приют, вторую полицейскую часть и губернаторский дом.

К сожалению, город встретил большой пожар 1979 года, не обладая достаточным количеством пожарных команд. Четыре профессиональных команды по одной в каждом районе, одна думская и одна частная спасти город не смогли, лучшая его часть выгорела. Удивляет, что 75 заводов и фабрик, имевшихся в это время в городе, не владели не то что пожарной командой, но даже пожарными машинами и водоливными трубами.

После этого пожарного бедствия многие предприятия призадумались над проблемой пожарной безопасности. Конечно, формирование любой пожарной команды имело свои особенности, но принципы их создания и организации достаточно похожи. Наглядным примером тому может служить история развития пожарной команды в таком экзотическом месте, как Александровская тюрьма, расположенная в селе Александровским, в 72 верстах от Иркутска.

Как село, так и тюрьма, за исключением корпусов для арестантов, были деревянными. Пожарного оборудования, за исключением одной паровой пожарной машины и нескольких бочек, в предместье не было. Отсутствие естественных водоёмов близ села и тюрьмы ещё в большей степени усугубляло пожарную обстановку. Пожар тюрьмы 1890 г., уничтоживший полностью все её деревянные строения и только чудом не перекинувшийся на село (Черных, 2010. С. 218), вынудил администрацию Иркутска заложить и каменные корпуса, и церковь, и мастерские. Но самое главное – в тюрьме была создана пожарная охрана, инициатором которой стал врач Г.И. Гольшух, здраво рассудивший, что среди политических арестантов есть немалое количество людей с техническим образованием, которых можно привлечь в пожарную команду в соответствии с их профессиональными навыками. Конечно, пожарная команда тюрьмы, неплохо укомплектованная, регулярно тренировавшаяся, привлекалась в основном к тушению пожаров в округе и реально помочь находившемуся в 72 км Иркутску едва ли могла, но она облегчила профессиональным городским пожарным командам тушение пожаров в сельской местности.

Эффективность тюремной команды была замечена городом, что выразилось в её субсидировании и обеспечении разнообразной пожарной техникой (Черных, 1998. С. 218).

История борьбы с огнём тесно связана с активным участием воинских подразделений – стрельцы при Иване Грозном, регулярные войска при Петре Первом, всегда были на переднем плане ликвидации пожаров. С появлением профессиональных пожарных команд пальма первенства пожаротушения переходит к ним, но в тех случаях, когда справится с пожаром они не в силах, при наличии в городах воинских соединений, именно они привлекаются к тушению в обязательном порядке и действуют в соответствии с предписаниями и инструкциями очень умело и активно, чему немало способствовали и учения по пожаротушению, заложенные в воинском Артикуле. Не было исключением в этом отношении и Иркутск, в котором ещё в 1764 г. был учрежден Иркутский гарнизонный батальон.

И вполне естественным является привлечение воинских подразделений в тех городах, где они размещались, к тушению пожаров. Иркутский батальон неоднократно принимал участие как в тушении крупных городских пожаров, так и лесных. В связи с чем в гарнизоне регулярно проводились тренировки солдат-пожарных, за ними были закреплены определенные технические противопожарные средства, включая водоливные трубы и подобие пожарного обоза. Участие гарнизона в ликвидации самого крупного иркутского пожара в июне 1879 г. скрупулезно описано подполковником Д.Д. Ларионовым (Ларионов, 1880. С. 13–18), особо отметившим, что только воинские чины не были подвержены панике, с достоинством и честью выполняли функцию по тушению строений, спасению людей и имущества.

Известно также привлечение иркутского Восточно-Сибирского военного округа в 1896 г. к тушению больших лесных пожаров в 40 км от Иркутска. Тогда под руководством полковника Лапинского и сотни солдат город был спасен не только от серьезного задымления, но и приближающегося к нему пожара (Черных, 1998. С. 43).

Несомненно, важная роль в деле противодействия пожарам принадлежит добровольным пожарным обществам, оказывающим ощутимую по-

мощь профессиональным пожарным командам (Ландзэн, 1910. С. 10). Противодействовать огненной стихии, тем более в период урбанизации и промышленного переворота, немногочисленные пожарные депо зачастую не могли; ощущая это, население со второй половины XIX начинает создавать добровольные пожарные общества. Эта инициатива снизу получила широкое распространение в стране, и не случайно в 1893 г. все эти общества были объединены в «Российское пожарное общество» с резиденцией главного совета в столице.

Самоуправленческая инициатива пожарного добровольчества также проявилась в связи с отсутствием в Городовых положениях 1870 и 1892 годов конкретных статей по пожарному благоустройству городов и обязанностей городских управлений (Городских дум и Земств) по защите населения от пожарных бедствий. Эти положения как бы подтолкнули население к самоорганизации в этом деле, что собственно и произошло (Черных, 2010. С. 73).

Иркутское добровольное пожарное общество (ДПО) было создано 8 апреля 1881 г. В его создании проявилась инициатива снизу, но она была сразу подхвачена руководством города в лице иркутского головы Д.Д. Демидова. Общественность была представлена почетным гражданином города Ф.К. Трапезниковым. Фёдор Трапезников был просто увлечен борьбой с огнём. Им был еще до образования общества создан за личный счёт пожарный обоз, который и стал основой вольного пожарного общества. Немалую лепту в организацию и дальнейшее содержание пожарного обоза сыграли пожертвования купцов и владельцев предприятий города братьев Трапезниковых, С.К. Сукачёва, А.М. и К.М. Сибиряковых и др. А.М. Сибиряков, будучи в Лондоне, приобрёл две пожарных машины, которые пожертвовал Иркутскому добровольному пожарному обществу. Купцы-промышленники, надеясь на помощь пожарного общества в тяжёлую минуту, регулярно жертвовали на деятельность пожарного обоза немалые средства. Уже в год учреждения общества в 1881 г. в число учредителей записалось 249 лиц на правах членосоревнователей с ежегодным взносом по 13 рублей, помимо непосредственно членов общества, ещё 165 человек сделали пожертвования на 7 770 рублей (ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 385. Л. 1) и уже в первый год своего существования Общество насчи-

тывало 414 жертвователей, обеспечивших по тем временам весьма приличную сумму – более 11 тысяч руб.

Членами ДПО были люди, во-первых, заинтересованные в пожарном деле, во-вторых, тяготевшие к технике. Поэтому не случайно в него записывались многие ремесленники, содержатели и владельцы мастерских и фабричных заведений (последние ответственно посылали своих рабочих на тушение пожаров), интеллигенция.

Общество, в значительной степени взяло на себя профилактические виды противопожарной деятельности, тем самым освободив профессиональные команды от этой рутинной, но важной работы. Наиболее подготовленные члены общества (из технической интеллигенции) проводили среди населения беседы на противопожарные темы, разъясняли жителям как надо действовать при пожарах, участвовали в рытье водоёмов, ремонте дорог, возведении помещений для добровольной пожарной команды.

С момента образования ДПО купец Ф. Трапезников передал в его пользование пожарный обоз, общество приняло на обслуживание колодец, отремонтировало выделенное под пожарное депо здание. Пожарное депо в значительной степени содержалось за счёт пожертвований, которые носили достаточно постоянный характер, особенно их количество увеличивалось после больших пожаров. Так, например, в 1882 г. Совет сиропитательного дома Е. Медведниковой и учреждённого при ней банка пожертвовали 5000 рублей, страховые общества – 800 руб. и т. д.

Бурное начало деятельности общества сменилось к 1886 году спадом, что было связано с относительно благополучными противопожарными годами. Это насторожило как членов ДПО, осознавших снижение материальной поддержки, так и Иркутского губернатора графа А.П. Игнатьева, ощутившего, что нарушение взаимодействия между профессиональными пожарными и командами ДПО обостряет противопожарную обстановку города. По инициативе губернатора (Романов, 1993. С. 132) 12 февраля 1886 г. состоялось общее собрание Общества с жёсткой повесткой по поводу существования Иркутского ДПО и оживления его деятельности. Новым руководителем ДПО становится человек, одержимый пожарным делом, хорошо

известный иркутянам и пользующейся несомненным авторитетом, С.К. Трапезников. Новый совет ДПО поставил конкретные цели по активизации деятельности общества в области улучшения пожарного обоза и водоснабжения. В течение года ДПО отметилось сооружением городского колодца на улице Большой и доведением его объема до 70 бочек. Была достигнута договоренность для вольных водовозов по доставке воды на пожар по интересующим их ценам. В начале следующего года помещение ДПО было телефонизировано (Черных, 1998. С. 77). За два года пожарная команда ДПО, неоднократно участвовавшая в тушении пожаров, зачастую прибывавшая на пожар раньше профессиональной команды, приобрела необходимый опыт и по мастерству сравнялась с ней, что было отмечено брандмейстером Иркутской полицейско-пожарной команды П.М. Мякининым, проводившим инспекторскую проверку. Брандмейстер в своем рапорте председателю Совета общества отметил, что в результате ночной проверки пожарной команды вольного общества, по сигналу «Тревога», прибытие было осуществлено к Управе Благочиния за 2,5 минуты, команда прибыла в полном составе. А через месяц уже губернатор А.П. Игнатьев, проводя тревогу всем пожарным соединениям, отмечал скорость прибытия вольного общества, укомплектованность и исправное техническое состояние обоза (Черных, 2010. С. 76).

И как бы подтверждая возросший профессионализм, пожарный обоз ДПО через месяц в условиях сильного ветра, без помощи полицейско-пожарных команд города, ликвидировал большой пожар, охвативший 12 домов в предместье Жилкино.

На регулярные пожертвования и взносы держались лошади обоза, техника для обоза, конюхи, служители команды, закупалась форменная одежда. Особенностью пожарной команды ДПО являлось то, что она функционировала только в летний период с 1 апреля по 1 октября, что было сопряжено с небольшим количеством пожаров в зимнее время, материальной стороной и отсутствием собственного, специального помещения. В начале XX века эта проблема была устранена и у команды общества в 1905 г. появилось добротное помещение в центре города. Что же касается профилактической деятельности и проведения лекционно-пропагандистских мероприятий, то они орга-

низовывались круглый год (ГАИО. Ф. 70. Оп. 4а. Д. 38. Л. 13).

В начале 1982 г. утверждается новый Устав ДПО (Иркутские повествования, 2003. С. 77), чётко расписавший функциональные должностные обязанности всех членов общества. С принятием нового Устава произошла реорганизация Совета, в результате из его состава были городская голова и полицмейстер. Скорее всего, это было непродуманное решение, нарушавшее сложившееся взаимодействие между двумя структурами, обеспечивающими безопасность города от пожаров.

Вклад добровольной пожарной команды в борьбе с городскими пожарами несомненен, только за летний сезон 1890 года пожарный обоз общества участвовал в 18 пожарах, причём 2 из них ликвидировал самостоятельно (Черных, 2010. С. 76).

Определённое влияние на развитие пожарного дела оказало и противопожарное страхование, ведь любой собственник стремится обезопасить свое хозяйство (Пуляев, 1910. С. 3–4), предприятие, имущество от стихийных катаклизмов, а наиболее часто из них встречающиеся – это пожарные бедствия.

Первоначальной формой страхования признано страхование взаимное, так как сам принцип страхования социален, поэтому государственное страхование (подразумеваем взаимное) более совершенное, чем акционерное, то есть коммерческое.

Взаимное страхование в России родилось в 1765 г., но в провинциальных городах оно появилось в основном во второй половине XIX столетия. Вопрос о становлении взаимного страхования в Иркутске начал подниматься городской думой в 70-х годах XIX века, но только в 1981 г. в Думе было обсуждено решение о формировании Устава общества с последующей его организацией (Черных, Белозерцев, 1997. С. 116). Однако понадобилось еще несколько лет для согласования по ряду спорных вопросов с хозяйственным департаментом МВД, после которого 19 апреля 1884 г. Устав общества был принят. 27 августа 1884 г. состоялось первое собрание общества, утвердившее основные правила по страхованию имущества, таблицы премий, сметы расходов, инструкции, и определившее конкретные цели общества, заключающиеся в невысоких, доступных страховых взносах для владельцев движимого и недвижимого имущества. А также образование такого запасного капитала, что-

бы проценты с него покрывали пожарные убытки, а страхователи освобождались от взноса страховых премий; ну и предусмотреть возможность использования страхового капитала на другие расходы. Таким образом, в основу структуры и деятельности общества закладывались принципы добровольности и коллегиальности, а по правовому положению – это, как явствовало из Устава общества, была чисто общественная организация, что являлось залогом её финансовой самостоятельности и определенной независимости от государства (Черных, Чернов, Синиченко, 2007. С. 146–148).

При пожарном страховании все здания и сооружения в Иркутске были поделены на разряды по роду материалов, из которых возведены постройки и сооружения (всего девять разрядов), и в зависимости от пожароопасности осуществлялось страхование этих объектов. Страховые общества отчисляли в пользу пожарной охраны 25 копеек с каждой тысячи застрахованного имущества, что, естественно, являлось существенной поддержкой противопожарной службе города. Большую поддержку общества взаимного страхования получали от Хозяйственного департамента МВД в марте 1984 г., принявшего Положение «Об установлении правительственного надзора за деятельностью страховых учреждений и обществ», где однозначно была гарантирована поддержка именно взаимным обществам страхования, в том числе и противопожарного страхования (Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1287. Оп. 7. Д. 2386. Л. 35–68).

Таким образом, опыт пожарного взаимодействия в девятнадцатом столетии в городе Иркутске (и в других городах Российской Империи) осуществлялся посредством согласования и взаимопомощи профессиональных полицейско-пожарных команд; частных пожарных дружин; добровольного пожарного общества с его пожарным депо; страхового взаимного пожарного общества, отчислявшего немалые средства в фонд поддержки борьбы с огнём; добровольных отчислений граждан города на противопожарные нужды, в том числе и дарение дорогостоящей заграничной пожарной техники; в инициативных действиях по пожарной безопасности города губернатора и первого отделения хозяйственного департамента МВД Российской Империи.

Список источников

Агапитов М.Н., Чашин С.Н. Пожарное дело в истории освоения и развития Восточной Сибири (1661–1950 гг.). Иркутск, 2006. 504 с.

Иркутская летопись (Летопись П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / с предисл., добавлениями и примеч. И.И. Серебrenникова // Труды Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1911. № 5. [2], 418 с.

Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. / автор-составитель А.К. Чернигов. Иркутск : Оттиск, 2003. Т. 1. 464 с.

Ландэзен Ф.Э. Опыт пожарного законодательства / Опыт составления общих оснований пожарного законодательства. СПб. : Тип. И.М. Флейтмана, 1911. 24 с.

Ларионов Д.Д. Губернский город Иркутск: пожары 22-го и 24-го июня 1879 г. Иркутск : Тип. Н.Н. Синицына, 1880. [4], 110, IV с.

Лосев А.И. Обзорение разных происшествий, до истории и древностей касающихся, в Иркутской губернии и в сопредельных оной странах бывших, сообразно предписанию г-на главного губерний начальника сочиненное губернским землемером, надворным советником, императорского Санкт-Петербургского Вольного экономического общества членом Антоном Лосевым в городе Иркутске в 1812-м году / публ., коммент. В.П. Шахерова // Летопись города Иркутска XVII–XIX вв. / сост. и науч. ред. Н.В. Куликаускаене. Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1996. С. 111–230, 277–300.

Новичкова Н.Ю. Социокультурный опыт обеспечения пожарной безопасности в городах Российской империи : монография. Иваново : Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, 2020. 267 с.

Пуляев И.М. Очерк двадцатипятилетней деятельности Иркутского общества – взаимного страхования имуществ от огня : с общ. кратк. свед. о страховании. Иркутск : Тип. М.П. Окунева, 1910. 108 с.

Пуришкевич В.М. Национальное бедствие России [О сельских пожарах]. СПб. : Рус. нар. союз им. Михаил архангела; Типография «Россия», 1909. 263, [2] с.

Романов И.Е. Пожарная охрана в дореволюционной России. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. 89 с.

Романов Н.С. Иркутская летопись, 1857–1880 (Продолжение «Летописи» П.И. Пежемского и В.А. Кротова) / под ред. И.И. Серебrenникова // Труды Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Иркутск : Паровая типография И.П. Казанцева, 1914. № 8. 410, XV с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / вступ. ст. Н.В. Куликаускаене. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 542, [2] с.

Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. / сост., предисл. и примеч. Н.В. Куликаускаене. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 560 с.

References

Agapitov M.N., Chashchin S.N. (2006) Fire fighting in the history of the development of Eastern Siberia (1661-1950). Irkutsk. 504 p. (In Russ.).

Pezhenskii P.I., Krotova V.A. (1911) Irkutsk Chronicle. *Works of East-Siberian Branch of Emperor's Russian Geographic Society*. Irkutsk: Steam Printing House of I.P. Kazantsev. No. 5. 420 p. (In Russ.).

Chernigov A.K. (2003) Irkutsk narratives. 1661-1917 years. In 2 vol. Irkutsk: Ottisk. Vol. 1. 464 p. (In Russ.).

Landesen F.E. (1911) The experience of fire legislation. St. Petersburg: I.M. Fleitman's type, 24 p. (In Russ.).

Larionov D.D. (1880) The provincial city of Irkutsk: Fires on June 22 and 24, 1879. Irkutsk: Publishing House of N.N. Sinitsyn. [4], 110, IV p. (In Russ.).

Losev A.I. (1996) Review of various incidents concerning the history and antiquities in the Irkutsk province and in the neighboring countries of the former ... *Chronicle of the city of Irkutsk of the XVII-XIX centuries*. Irkutsk: East Siberian Publishing House. P. 111-230, 277–300. (In Russ.).

Novichkova N.Yu. (2020) Socio-cultural experience of fire safety in the cities of the Russian Empire. Monograph. Ivanovo: Ivanovo Fire and Rescue Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 267 p. (In Russ.).

Pulyaev I.M. (1910) An essay on the twenty-five-year activity of the Irkutsk society for mutual property insurance against fire (with general brief information about insurance). Irkutsk: Publishing House of M.P. Okunev. 108 p. (In Russ.).

Purishkevich V.M. (1909) The national disaster of Russia [On rural fires]. St. Petersburg: Russian People's Union named after Michael the Archangel; Publishing House "Russia". 265 p. (In Russ.).

Romanov I.E. (2000) Fire protection in pre-revolutionary Russia. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 89 p. (In Russ.).

Romanov N.S. (1914) Irkutsk Chronicle, 1857-1880: Continuation of the "Chronicle" by P.I. Pezhemsky and V.A. Krotov. Proceedings of the East Siberian Department of the Russian Geographical Society. Irkutsk: Steam Publishing House of I.P. Kazantsev. No. 8. 410, XV p. (In Russ.).

Romanov N.S. (1993) Chronicle of the city of Irkutsk from 1881 to 1901. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 544 p. (In Russ.).

Romanov N.S. (1994) Chronicle of the city of Irkutsk for 1902-1924. Irkutsk: East Siberian Publishing House. 560 p. (In Russ.).

Черных В.В. История пожарного дела Иркутской области (1800–1990) : монография. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 1998. 224 с.

Черных В.В. Образование и предназначение добровольных пожарных обществ в Иркутской губернии в 1881–1917 гг. // Силовые структуры России: страницы истории. Сборник статей. Иркутск : ВСИ МВД РФ, 2006. С. 7–17.

Черных В.В. История борьбы с огнём в России : монография. Иркутск : Оттиск, 2010. 592 с. EDN: QNPLLN.

Черных В.В., Белозерцев В.С. Доклады правления Иркутского общества взаимного страхования от огня как источник изучения истории пожарного дела // Проблемы деятельности правоохранительных органов и противопожарной службы : тез. 2-й открытой межвузовской научно-практ. конференции 24–26 апр. 1996 г. Иркутск : ИВШ МВД РФ, 1996. С. 115–117.

Черных В.В., Чернов А.В., Синиченко В.В. История противопожарного страхования в России. 1827–1920 гг. (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2007. 235 с. EDN: QSLYRX.

Чехов А.П. Исторический очерк пожарного дела в России. СПб. : Изд. кн. А.Д. Львова, 1892. [8], 196 с.

Щаблов Н.Н. Пылающая Русь. Страницы из истории пожарного дела государства Российского. СПб. : Б. и., 1996. 483 с.

Информация об авторе

Черных Владимир Васильевич,
доктор исторических наук, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664071, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия, e-mail: tchernykhsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5607-2535>

Вклад автора

Черных В.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 16 октября 2024 г.; одобрена после рецензирования 24 декабря 2024 г.; принята к публикации 13 января 2025 г.

Chernykh V.V. (1998) History of fire fighting in the Irkutsk region (1800-1990). Monograph. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 224 p. (In Russ.).

Chernykh V.V. (2006) Formation and purpose of voluntary fire fighting societies in Irkutsk province in 1881-1917. Power structures of Russia: pages of history. Collection of articles. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. P. 7-17. (In Russ.).

Chernykh V.V. (2010) The history of fighting fire in Russia. Monograph. Irkutsk: Ottisk. 592 p. (In Russ.). EDN: QNPLLN.

Chernykh V.V., Belozertsev V.S. (1996) Reports of the Board of the Irkutsk Mutual Fire Insurance Society as a source for studying the history of fire fighting. *Problems of law enforcement agencies and fire service: The second interuniversity scientific and practical conference*. 24–26 April, 1996. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. P. 115-117. (In Russ.).

Chernykh V.V., Chernov A.V., Sinichenko V.V. (2007) History of fire insurance in Russia. 1827-1920 (based on materials from Eastern Siberia). Irkutsk. 235 p. (In Russ.). EDN: QSLYRX.

Chekhov A.P. (1892) Historical sketch of fire fighting in Russia. St. Petersburg.: Publishing House of A.D. L'vov. [8]. 196 p. (In Russ.).

Shchablov N.N. (1996) Flaming Russia. Pages of history Pages from the history of fire fighting in the Russian State. St. Petersburg. 483 p. (In Russ.).

Information about the author

Vladimir V. Chernykh,
Dr. Sci. (History), Professor Department of Philosophy and Socio-Humanitarian Disciplines, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov St., Irkutsk 664071, Russia, e-mail: tchernykhsa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5607-2535>

Contribution of the author

Chernykh V.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 16, 2024; approved after reviewing 24 December, 2024; accepted for publication January 13, 2025.

История

Научная статья

УДК 325.11

EDN: RKWRTW

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-81-92>

Важные фрагменты переселенческой повседневности в жизни белорусских переселенцев на территории Уфимского уезда

А.В. Дмитриев

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Белорусы Башкортостана – один из самых малоизученных и недооцениваемых народов республики, роль которого в формировании переселенческого движения была огромной, особенно на рубеже XIX–XX вв. В настоящее время в Башкортостане сохранились очаги поселений с потомками белорусских переселенцев. Тема переселения белорусов в Уфимскую губернию является одной из самых сложных в современной историографии ввиду отсутствия пока что полноценной теоретико-методологической, фактографической и источниковедческой базы. С этой целью привлекаются выкупные дела, обнаруженные в Фонде Российского государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга (Ф. 592. Оп. 35). Из 643 изученных дел по Уфимскому уезду было выявлено 49 дел по образованию товариществ белорусскими переселенцами в период с 1893 по 1910 г. Автор полагает, что именно Гродненская губерния дала наибольшее количество переселенцев в Уфимский уезд из всех белорусских губерний: активизация процесса заселения Уфимского уезда белорусами началась в 1892–1893 гг. благодаря переселению белорусов из Пружанского уезда Гродненской губернии, основавших в 1893 г. Почаевское товарищество, которое было, видимо, одним из первых белорусских товариществ. Белорусы скупали земли в основном в Нагаевской, Архангельской, Ново-Троицкой и Урман-Кудейской волостях, а в самом переселенческом движении наблюдалась общинность и стремление к коллективному, «гуртовому» проживанию, причем вне зависимости от места выхода. Однако нельзя не учитывать фактор внутренней миграции в среде белорусов, которые перемещались из одной волости в другую и уходили даже в другие уезды.

Ключевые слова: крестьянские миграции, переселенческое делопроизводство, белорусы, Гродненская губерния, Пружанский уезд, переселение белорусов в Уфимскую губернию, крестьянское товарищество, дела о выдаче ссуды, Крестьянский поземельный банк

Для цитирования: Дмитриев А.В. Важные фрагменты переселенческой повседневности в жизни белорусских переселенцев на территории Уфимского уезда // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 81–92. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-81-92. EDN: RKWRTW.

History

Original article

Important issues of the daily life of Belarusian settlers in the territory of the Ufa district

Alexander V. Dmitriev

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

Abstract. Belarusians of Bashkortostan are one of the most poorly studied and underestimated peoples of the republic, whose role in the formation of the migration movement was enormous, especially at the turn of the 19th and 20th centuries. At present, there are pockets of settlements with descendants of Belarusian settlers in Bashkortostan. The topic of the migration of Belarusians to the Ufa province is one of the most complex in modern historiography due to the lack of a full-fledged theoretical, methodological, factual and source study base. For this purpose, the redemption cases found in F. 592. L. 35 of the Russian State Historical Archive (St. Petersburg) are used. Of the 643 cases studied in the Ufa district, 49 cases were identified on the formation of partnerships by Belarusian settlers in the period from 1893 to 1910. The author believes that it was the Grodno province that

gave the largest number of settlers to the Ufa district of all the Belarusian provinces: the intensification of the process of settling the Ufa district by Belarusians began in 1892-1893 thanks to the resettlement of Belarusians from the Pruzhany district of the Grodno province, who founded the Pochaev partnership in 1893, which was, apparently, one of the first Belarusian partnerships. Belarusians bought up land mainly in the Nagaevskaya, Arkhangelskaya, Novo-Troitskaya and Urman-Kudeyskaya volosts, and in the migration movement itself, there was a communal spirit and a desire for collective, "herd" living, regardless of the place of origin. However, one cannot ignore the factor of internal migration among Belarusians, who moved from one volost to another and even went to other counties.

Keywords: peasant's migrations, resettlement records management, Belarusians, Grodno province, Pruzhany district, resettlement of Belarusians to the Ufa province, peasant's partnership, loan issuance cases, Peasant Land Bank

For citation: Dmitriev A.V. (2025) Important issues of the daily life of Belarusian settlers in the territory of the Ufa district. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 81-92. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-81-92. EDN: RKWRTW.

Введение

Переселенческое делопроизводство в Башкортостане до сих пор находится на стадии прогрессивных исследований. Среди большого количества народностей, которые переселялись в современный Башкортостан на протяжении последних 500 лет (русские, марийцы, мордва, украинцы, чуваша, тептяри, мишари, мещеряки), белорусы внесли также свой существенный вклад в этот процесс, однако Белоруссия до сих пор представляет собой своего рода «белое пятно» в географии переселенческих процессов на территории Уфимской губернии, что отмечалось нами ранее (Дмитриев, 2020; Дмитриев, 2022).

В настоящее время в Башкортостане сохранились очаги поселений с потомками белорусских переселенцев. На сегодняшний день в Башкирии проживают 11 680 белорусов (0,29 % от численности всего населения республики).

Материал и методы

К исследованию привлекаются материалы 643 дел о выдаче ссуд крестьянским товариществам Уфимского уезда из Фонда 592, описи 35 Российского государственного исторического архива (г. Санкт-Петербург). Эти товарищества были образованы выходцами из Витебской, Виленской, Минской, Гродненской и Могилевской губерний.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (логический, исторический, анализа и синтеза, а также метод описания) и специально-исторические (историко-сравнительный, историко-типологический, проблемно-хронологический). Все эти методы в совокупности позволили нам выявить необходимые документы в фонде РГИА, их классифицировать и

хронологически распределить, а также провести сравнительный анализ, что в результате помогло выявить специфику переселенческого процесса в среде белорусов на рубеже XIX–XX вв.

Обсуждение

Ключевую роль в исследованиях по истории заселения русским населением территории Южного Урала, которые появились в XVIII–XIX вв., сыграли работы В.М. Черемшанского (Черемшанский, 1859), М.К. Любавского (Любавский, 1996) и П.И. Рычкова (Рычков, 1896), одним из первых внесшего вклад в изучение переселений в Оренбургский край. Более подробно эту проблему рассматривали М.В. Свирелин (Свирелин, 1876), Н.В. Ремезов (Ремезов, 1889), А.А. Кауфман (Кауфман, 1904), М.П. Красильников (Красильников, 1918) и др., которые проанализировали причины таких крестьянских миграций, и среди причин было малоземелье. На это в свое время обратили еще внимание В.П. Михайлов и В.А. Абрютин, которые главными причинами переселения крестьянских масс указывали также малоземелье, высокие арендные цены на землю и желание увеличить свои средства приобретением большого количества земли (Абрютин, 1898; Михайлов, 1897).

Проблема миграции в Уфимскую губернию не уходила на второй план и во времена советской историографии (Фиельструп, 1926). Роль правительства и крестьянства в переселенческом процессе была впервые в советской историографии обозначена Н.В. Устюговым (Устюгов, 1959). Позже вышли труды Ю.С. Зобова (Зобов, 1993), Д.П. Самородова (Самородов, 1996), А.И. Акманова (Акманов, 1994), М.М. Утягулова (Утягулов, 2007), Р.Б. Шайхисламова (Шайхисла-

мов, 2013), Г.Х. Япарова (Япаров, Уляева, Юланова, 2016).

В 1912–1913 гг. в Уфимской губернии насчитывалось всего 865 белорусских хозяйств (7672 человека), и основными уездами расселения были Уфимский (Архангельская, Караякуповская, Нагаевская, Новоселовская, Ново-Троицкая и Урман-Кудейская волости), Белебеевский (Альшеевская, Имянликуливская, Казангуловская и Ильинская волости) и Стерлитамакский (Дуван-Табынская, Ильчик-Темировская, Калкашевская, Кармышевская волости)¹.

После обильного притока белорусских беженцев в Уфимскую губернию в ходе Первой мировой войны, количество этих переселенцев Башкортостана существенно возросло. Показательны в этом смысле материалы двух переписей 1917 и 1920 гг., подворные карточки которых обработаны М.И. Родновым (табл. 1).

Таблица 1. Количество белорусского населения по уездам Уфимской губернии в 1917 и 1920 гг. (по данным М.И. Роднова)²

Table 1. The number of Belarusian population by districts of the Ufa province in 1917 and 1920 (according to M.I. Rodnov)

Уезд	1917	1920
Уфимский	15 348 чел.	15 742 чел. (Роднов, 2014. С. 24)
Белебеевский	4732 чел.	3855 чел. (Роднов, 2009. С. 26)
Стерлитамакский	346 хозяйств и 2128 чел. (Роднов, 2010. С. 130)	–
Златоустовский	–	980 чел. (Роднов, 2009. С. 120)
Бирский	420 чел.	604 чел. (Роднов, 2009. С. 120)

¹ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. 2. Таблицы. Уфа: Электрическая типография товарищества «Печать», 1914. С. 254–255.

² Роднов М.И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года : справочник. СПб. : Свое издательство, 2014. 143 с.

Результаты

Судя по тому, что в 1920 году в Уфимском уезде проживало 15742 белоруса, включая беженцев (Роднов, 2014. С. 24)³, этот уезд Уфимской губернии оказался наиболее привлекательным для многих белорусских переселенцев (табл. 2), поскольку отражал те ландшафтные особенности, которые белорусским переселенцам казались родными: «Основной поток крестьянской колонизации устремился на малозаселенные территории центральной и южной Башкирии. Новоселы подбирали земли, напоминавшие родные места. В степной и лесостепной части края селились уроженцы из южнорусских, приволжских и украинских губерний, выходцы из северорусских губерний, белорусы и латыши предпочитали лесные волости» (История Башкортостана, 2006. С. 13).

Прежде чем перейти непосредственно к анализу полученных данных, следует отметить несколько существенных моментов.

Во-первых, неизвестно точное/максимально близкое к точному количество прибывших в Уфимский уезд белорусов по годам – с 1893 по 1910 гг. Эту статистику очень сложно выявить: необходимо комплексно привлекать источники, то есть наряду с делами о выдаче ссуды следует изучать метрические книги, в которых нередко указывались прежние места выхода, хотя в свое время В.А. Абрютин провел подсчет по переселенцам из белорусских губерний не только на основании заключенных сделок с крестьянским поземельным банком, но и исходя из количества образованных переселенческих поселков, жители которых могли и не состоять в крестьянских товариществах (Абрютин, 1898. С. 91).

Во-вторых, не все, вошедшие в товарищества домохозяева, закреплялись на новом месте; много кто возвращался обратно «на старину», не сумевшие обзавестись хозяйством. Причины были разные – от получения неверной информации от ходоков и отсутствия финансовой прочности до невозможности прижиться из-за климатических и географических условий. Все это было одним из результатов «слепого» переселения крестьян в 1880–1890-е гг., в котором было немало самоходов и самовольно переселявшихся крестьян.

³ Там же.

В-третьих, дела о выдаче ссуды, являясь официальным юридическим документом о приобретении товариществом земли, отражали, естественно, такую же официальную статистику по прибывшим переселенцам и составу их семей, и эта статистика хранилась в волостном правлении, у нотариуса и в Уфимском отделении крестьянского поземельного банка в виде копий списка товарищества. Довольно много переселенцев оставались «без прописки» и жили на аренде земельных участков, в лучшем случае. В худшем – перебивались с места на место. В таком случае переселенцы не были повязаны обязательствами ни с банком, ни с волостным правлением, но до определенной поры⁴.

В-четвертых, необходимо учитывать фактор внутренних миграций, когда переселенцы, приехав в один уезд/волость, не создав сельского общества, не приписавшись к волости, не сформировав товарищества, прожив «нелегально» какое-то время, переезжали в другие волости и даже уезды губернии (Михайлов, 1897. С. 12, 15).

Одним из таких показательных примеров внутренней миграции может служить переселение группы белорусских крестьян из Гродненской губернии (местечко Новый Двор Волковысского уезда), которые в начале 1890-х гг. приехали в Нагаевскую волость. Метрические книги по селу Охлебинино начинают фиксировать их прибытие с 1892 г. С этого времени до 1900 г. из этого местечка в волость прибыло, по меньшей мере, 23 домохозяина с семьями (общее количество человек неизвестно): Ботвичи, Гамановичи, Гончаревичи, Грушевские, Касинские, Каскевичи, Лисовские, Пожарицкие, Романовские, Сычевники, Филипповичи, Ширинга – как видно, носители западнорусских фамилий (Дмитриев, 2022). Из них только два домохозяева – Андрей Николаевич Ширинга и Яков Ильич Грушевский (хотя он сразу выбыл) – вступили в 1895 г. в Новодворское товарищество и купили землю (Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 592. Оп. 35. Д. 1835). Остальные жили на условиях аренды, причем не создав сельского общества и не приписавшись к волости, и проходили только по метрическим книгам.

⁴ Это характеризовало вообще переселенчество как таковое.

Прибывшие белорусы стали обзаводиться хозяйствами в починках Малеевском, Криница⁵, хуторах Балажинского общества⁶ и основали даже одноименный починок Новодворский⁷, хотя документально подтвержденные нюансы такого обустройства, к большому сожалению, неизвестны. С конца 1890-х годов в починок Криница начали переселяться жители, которые ранее проживали в Малеевском починке (Дмитриев, 2020. С. 214). Иными словами, в среде переселенцев наблюдалось своеобразное «броуновское движение» даже внутри одной волости между соседними населёнными пунктами.

Расселившись в этих местах, белорусы не спешили покупать землю через крестьянский поземельный банк. Только один из них, Михаил Степанович Ботвич, купил единолично 8 дес. (7,5 дес. удобной) земли в даче помещиков Малеева и Шипова, которая находилась как раз в колонии Балажи. Этой дачей владел некто латыш Петр Дукут, у которого в 1893 г. Михаил Ботвич и приобрел землю за 460 руб., из которых 300 руб. Дукут получил сразу от покупателя наличными, а оставшиеся 160 руб. Ботвич взял в кредит у банка в рассрочку на 34,5 года (Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 871).

В 1900–1903 гг. некоторая часть белорусов решила покинуть Уфимский уезд и переселилась в Дуван-Табынскую волость Стерлитамакского уезда, основав там в 1903 г. Ново-Петровское товарищество.

Такие переселенческие «бумеранги» были не редкостью, и отследить эти внутримиграционные процессы крайне тяжело, если в распоряжении нет комплекса источников: метрических книг, дел о выдаче ссуды, статистических описаний хозяйств по волостям, журналов заседаний губернского по крестьянским делам присутствия, и не только. Все

⁵ Починок был основан переселенцами из разных селений Сухопольской волости Пружанского уезда Гродненской губернии.

⁶ Колония Балажи (Baložu ciems) была основана латышскими переселенцами (Чегодаев Е.А. Латыши Башкортостана: формирование и функционирование этнической группы (конец XIX – начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2015).

⁷ Починок исчез к 1915 г. (Дмитриев, 2020. С. 214–215).

материалы, за исключением дел о выдаче ссуды, хранятся в Центральном государственном истори-

ческом архиве Республики Башкортостан (г. Уфа).

Перейдем к рассмотрению таблицы 2.

Таблица 2. Крестьянские товарищества, основанные белорусскими переселенцами (и при их участии) в Уфимском уезде Уфимской губернии с 1893 по 1910 гг. (по материалам РГИА. Ф. 592. Оп. 35)

Table 2. Peasant's partnerships founded by Belarusian settlers (and with their participation) in the Ufa district of the Ufa province from 1893 to 1910 (based on materials from the Russian State Historical Archives. F. 592. L. 35)

№	Название товарищества	Кол-во душ	Год образования	Водворение в волость Уфимского уезда	Регион выхода
1	Ошмянское	26/101 ⁸	1898	Благовещенская	Виленская губерния
2	Вольдзиковское	15/55	1898	Караякуповская	
3	Ново-Лугомовичское	48/167	1900	Ново-Троицкая	
4	Светло-Ключевское	5/16	1901	Урман-Кудейская	Витебская губерния
5	Софроновско-Витебское* ⁹	4/12/49 ¹⁰	1901	Урман-Кудейская	
6	Юрьевское	2/4	1901	Урман-Кудейская	
7	Курсишевское	3/7	1904	Урман-Кудейская	
8	Дунское	2/4	1904	Урман-Кудейская	
9	Ратниковское	2/3	1906	Урман-Кудейская	Могилевская губерния
10	Песочно-Будское		1902		
11	Федоровское	7/27	1902	Благовещенская	
12	Михайловское*	3/15/21	1904	Архангельская	
13	Поносовское*	14/61/224	1905	Новоселовская	
14	Терешковичское	5/11	1905	Архангельская	Минская губерния
15	Гомельское*	12/26/56	1909	Урман-Кудейская	
16	Ергазинское	3/10	1901	Урман-Кудейская	
17	Почаевское	4/11	1893	Нагаевская	Гродненская губерния
18	Максимовско-Трифоновское	3/8	1893	Архангельская	
19	Криницкое	9/25	1895	Нагаевская	
20	Новодворское	5/12	1895	Нагаевская	
22	2-ое Криницкое	8/22	1899	Нагаевская	
23	Ново-Муравское	10/33	1900	Архангельская	
24	Петровское	5/20	1900	Архангельская	
25	Ковалевичское	2/3	1901	Нагаевская	
26	Шавкуновское*	11/30/39	1901	Ново-Троицкая	
27	Бакуновское	2/4	1901	Нагаевская	
28	Великосельское	13/33	1901	Ново-Троицкая	
29	Старуновское	27/96	1901	Ново-Троицкая	
30	Лесковское	15/60	1901	Ново-Троицкая	
31	Метлицкое	2/7	1901	Нагаевская	
32	Медведевское*	1/3/160	1903	Архангельская	
33	Тепловское*	1/4/143	1903	Архангельская	

⁸ Первая цифра – количество белорусских домохозяев, вторая цифра – общее количество человек в товариществе, включая домохозяина.

⁹ Под знаком * указываются товарищества со смешанным этническим составом, где присутствуют белорусы.

¹⁰ В товариществах со смешанным этническим составом: первая цифра – количество белорусских домохозяев; вторая цифра – количество человек в белорусских домохозяйствах, включая домохозяина; третья цифра – общее количество человек в товариществе вместе с белорусами.

35	Бакуновское	4/9	1904	Нагаевская	Гродненская губерния
36	Емельяновское	3/6	1904	Нагаевская	
37	Ковалевское	4/12	1904	Нагаевская	
38	Котранское	5/16	1906	Архангельская	
39	Ново-Успенское	5/21	1906	Архангельская	
40	2-ое Новиковское*	9/34/54	1906	Ново-Троицкая	
41	1-ое Большаковское	9/25	1906	Архангельская	
42	Бычковское	8/17	1908	Архангельская	
43	Русское*	2/9/55	1908	Архангельская	
44	Яловиновское	4/11	1908	Архангельская	
45	Семеновское	2/6	1908	Архангельская	
46	3-е Исаковское*	14/41/89	1908	Архангельская	
48	3-е Черемисско-Надеждинское*	1/3/84	1909	Ново-Троицкая	
49	Ириновское*	6/21/39	1910	Нагаевская	
Итого	Основанные белорусскими переселенцами	37 товариществ			
	Основанные при участии белорусских переселенцев	12 товариществ			

Из таблицы 2 можно увидеть характер водворения и расселения белорусов по волостям Уфимского уезда и этнический состав товариществ.

Нагаевская и Архангельская волости стали для большинства только что образованных белорусских товариществ новой родиной. Больше всего переселенцев было из Пружанского уезда Гродненской губернии, откуда, по всей видимости, и начался основной переселенческий ход в Уфимский уезд. В 1893 году было основано Почаевское товарищество, а более ранние упоминания о белорусских товариществах отсутствуют.

В отличие от русских поселений, поселки белорусов складывались по принципу территориальной близости, даже если это были переселенцы из западных и восточных окраин Белоруссии. Белорусы старались подселаться даже больше к малороссам, чем к великороссам, поскольку в силу сложившихся исторических процессов белорусская и малороссийская культуры обладают общими тесными языковыми, социокультурными, этнографическими маркерами и архетипами.

С великороссами белорусы тоже находили общий язык и образовывали общие переселенческие поселки. Например, в Ириновском товариществе из 12 домохозяев белорусы составляли половину; аналогичная ситуация была в 3-м Исаковском товариществе, где из 28 домохозяев белорусских переселенцев было 14. Во 2-м Новиковском това-

риществе доля белорусов была даже чуть выше – 12 домохозяев из 20, а в Шавкуновском товариществе из 14 домохозяев белорусов было 11.

В Уфимском уезде было много хозяйств, относившихся к частновладельческим, хотя немало было и вотчинных башкирских земель. Из всех исследованных товариществ только Гомельское осуществило покупку земли у башкир-вотчинников деревни Казаяк-Кутушевой. Они продали белорусам свыше 552 десятины при станции Улу-Теляк Самаро-Златоустовской железной дороги.

Белорусские переселенцы покупали в основном у частных владельцев. Крестьянский поземельный банк выдавал сначала ссуду на 34,5 года, затем крестьяне могли ее брать уже на 55,5 лет. Среднее количество домохозяев в товариществе варьировалось от 5 до 10 человек. Редко когда белорусы вступали в товарищества большим коллективом (в отличие от малороссийских переселенцев). Исключение здесь могут составить Ново-Лугомовичское (48 домохозяев и 167 душ м. п.), Ошмянское (26 домохозяев и 101 душа м. п.) и Старуновское (27 домохозяев и 96 душ м. п.) товарищества.

В Нагаевской волости основным источником сделок с переселенцами были дворяне Заварицкие. Коллежский ассессор землевладелец Николай Александрович Заварицкий продавал землю довольно активно и в больших количествах всем без

исключения переселенцам. В период с 1893 по 1906 гг. белорусы купили у него более 500 десятин земли. Основными участками покупки для белорусов были владения Заварицкого. Сделки Николай Заварицкий предпочитал совершать сам, однако есть случай, когда он при непосредственном участии мещанина Александра Ефимовича Ефимова продал земельные участки на более чем 40 десятин Шавкуновскому товариществу, располагавшиеся при поселке Пыхановском. Кроме дворян Заварицких, в Нагаевской волости были владения Л.Я. Старостиной и А.Я. Чистовской, у которых белорусы Криницкого товарищества купили 100 десятин земли при деревне Шеланы.

В Благовещенской волости одними из крупнейших землевладельцев были Дашковы, у которых белорусы Ошмянского товарищества купили участки на более чем 500 десятин в даче Благовещенского завода. Много частных владений было в Архангельской волости. Там белорусы активно скупали земли у П.П. Подашевского, у М.И. Большаковой (1-е Большаковское), имевшей участки на западе волости, при починке Романовском, и других землевладельцах.

В Ново-Троицкой волости белорусам предлагалась земля, находившаяся в частном владении у И.Е. Златоверховцева (Великосельское товарищество), у Т.З. Шляпина, который продал Лесковскому товариществу более 156 десятин. В Ново-Троицкой волости земельными участками владел также помещик немецкого происхождения А.И. Вейнберг, чьи земли находились в основном при деревне Тикеевой и Симском починке. Именно там белорусами Старуновского товарищества было выкуплено 390 десятин земли.

Другой категорией землевладельцев были уфимские, стерлитамакские и белебеевские купцы и мещане, у которых белорусы также заторговывали землю. Очень оживленные сделки проходили у купцов Позолотина, Золотовой, Гороховой и Петровой.

Последней категорией продавцов были крестьяне. Например, известно, что в Бишаул-Курпеч-Табынской поземельной даче они продали белорусам Новодворского и 2-го Криницкого товариществ несколько десятков десятин. Обычно такие продажи были связаны с тем, что крестьяне переходили на новое место жительства, правда, далеко не все

такие сделки официально проходили через крестьянский поземельный банк, нотариуса и волостное правление.

Немало продавцов было и среди латышских крестьян. Например, Михаил Ботвич из Нового Двора Гродненской губернии единолично купил у латыша Петра Дукуты 8 десятин в земле рядом с латышской колонией Балажи; эти земли находились в даче помещиков Малеева и Шипова. Белорусы Метлицкого и Бакуновского товариществ поступили аналогичным образом: они заторговывали у латышей Фрида/Фридриха Пажа и Петера Крастина 18 и 19 десятин соответственно и поселились вблизи деревни Багармыш. Кроме латышей, землю продавали также евреи: в 1898 г. некто Казаков (он же Казак) Шай Мошкович, при посредстве крестьянского банка, продал 240 десятин Вольдкизовскому товариществу; белорусы поселились при деревне Холмогоровой в Караякуповской волости.

Итак, белорусские переселенцы сосредоточились в основном в центральной и восточной частях Уфимского уезда, создавая компактные поселения в Нагаевской, Архангельской, Ново-Троицкой и Урман-Кудейской волостях (Дмитриев, 2022. С. 673–675).

Несмотря на отмеченный нами выше фактор общинности и стремления к совместному проживанию друг с другом, прибывшие белорусы расселялись внутри Уфимского уезда хотя и компактно, но далеко не всегда с учетом прежнего места выхода (Дмитриев, 2022. С. 673). Казалось бы, если переселенцы прибыли из одной деревни/села/местечка/околотка/хутора из Белоруссии, то им было бы проще селиться так же коллективно и на новом месте.

Взяв в качестве примера и проанализировав все образованные в период с 1893 по 1910 гг. товарищества белорусов из Гродненской губернии (РГИА. Ф. 592. Оп. 35) было выявлено 22 товарищества, основанные белорусами, и 8 – при участии белорусов, доля которых в зависимости от состава товариществ была разной), мы пришли к следующим выводам:

I. Было выявлено 176 домохозяев, из которых 149 указаны с прежним местом выхода, а 27 домохозяев уже приписаны к уезду и волости в Уфимской губернии. Из 149 переселенцев 139 человек – выходцы из Пружанского уезда, что составляет

93 %. Доля приехавших из Сухопольской волости этого уезда составляет 40 % (57 домохозяев). Ниже приводятся 43 населенных пункта Гродненской губернии, откуда в период с 1893 по 1910 гг. состоялся выход белорусов в Уфимский уезд (с фамилиями домохозяев можно ознакомиться в (Дмитриев, 2022. С. 676–677):

- 1) деревня Лихосельцы – 15 домохозяев;
- 2) деревня Клетно – 10;
- 3) деревня Великое Село – 9;
- 4) село Мурава – 8;
- 5) деревня Новоселки – 8;
- 6) деревня Лихачи – 6;
- 7) деревня Щерба – 6;
- 8) деревня Галены – 6;
- 9) деревня Чабахи – 6;
- 10) деревня Приколось – 5
- 11) деревня Бакуны – 5;
- 12) деревня Хвалово 1-е – 4;
- 13) деревня Старуны – 4;
- 14) деревня Яловка – 4;
- 15) деревня Бузуны – 3;
- 16) деревня Хитевщина – 3;
- 17) деревня Броды – 3;
- 18) село Котры – 3;
- 19) деревня Голосятины – 3;
- 20) деревня Жадены – 2;
- 21) деревня Ялово – 2;
- 22) село Сухополь – 2;
- 23) деревня Чепели – 2;
- 24) деревня Воля – 2;
- 25) деревня Хвалово 2-е – 3;
- 26) деревня Стойлы – 2;
- 27) деревня Купичи – 2;
- 28) деревня Пески – 2;
- 29) деревня Борки – 2;
- 30) местечко Новый Двор – 2;
- 31) деревня Поддубно – 1;
- 32) деревня Клепачи – 1;
- 33) деревня Александровка – 1;
- 34) деревня Лески – 1;
- 35) деревня Гриневичи – 1;
- 36) деревня Роубецк – 1;
- 37) деревня Хидры – 1;
- 38) деревня Избицы – 1;
- 39) деревня Обруб – 1;
- 40) деревня Малая Дедовка – 1;
- 41) село деревня Подбродяны – 1;

- 42) деревня Гулевичи – 1;
- 43) деревня Пацынич – 1¹¹.

II. Многие переселенцы из одного и того же населенного пункта на старой родине расселялись часто в разных волостях Уфимского уезда, причем даже выходцы с одной и той же фамилией. Мы позволим назвать это явление «переселенческой дисперсией». Так, из деревни Лихосельцы вышло 15 семей белорусов, купивших землю через крестьянский поземельный банк, и эти семьи вошли в разные товарищества:

1. Васковщук Мирон Осипов, Карунос Григорий Федоров, Карунос Яким Федоров, Свистун Никита Дмитриев, Шерешовец Герасим Романов: Котранское, 1906, Архангельская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 2168. Л. 10 об.).

2. Карунос Григорий Семенов: Бакуновское, 1904 г., Нагаевская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 2104. Л. 4).

3. Карунос Давид Степанов, Карунос Макарий Прокофьев, Карунос Михаил Петров, Небыт Василий Иванов, Харитончик Иван Семенов, Харько Степан Фомин: Великосельское, 1901 г., Ново-Троицкая волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 2005. Л. 4).

4. Харитончик Иван Миронов, Харитончик Мирон Иванов: Ново-Успенское, 1906 г., Архангельская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 2197. Л. 4 об.).

5. Шерешовец Михаил Михайлов: 3-е Исаковское, 1908 г., Архангельская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 2255. Л. 10 об.).

Как видно, выехав из одного и того же поселения, белорусы в разные годы расселялись в Архангельской, Нагаевской и Ново-Троицкой волостях. Похожая неравномерная ситуация наблюдалась с переселенцами из деревни Клетно:

1. Гавра Андриян Михайлов, Гавра Даниил Михайлов, Каретка Никита Андреев, Красько Яков Осипов, Родион Степан Прокофьев: Ново-Муравское, 1900 г., Архангельская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 1962. Л. 4).

2. Козорез Осип Михайлов: 2-е Криницкое, 1899 г., Нагаевская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 1921. Л. 4).

¹¹ Этимологии этих фамилий посвящена наша статья (Дмитриев, 2022).

3. Козорез Максим Михайлов, Козорез Григорий Осипов, Остапчук Михаил Павлов: Максимовско-Трифоновское, 1893 г., Архангельская волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 1816. Л. 4).

4. Лукаша Осип Лукьянов: Шавкуновское, 1901 г., Ново-Троицкая волость (РГИА. Ф. 592. Оп. 35. Д. 1986. Л. 4).

III. Некоторые домохозяева выходили из товариществ и записывались в другие, что являлось определенным фактором внутренней миграции, даже если эти миграции затрагивали переходы между близлежащими хуторами и деревнями. Например, братья Шумские (Иван Домникович и Онуфрий Домникович) вступили сначала в Ново-Успенское товарищество в 1906 г., а уже в 1908 г. записались в Русское. Осип Филиппович Ханило сначала состоял в Ново-Муравском товариществе (1900), но потом вступил в 1903 г. в Тепловское. Были случаи, когда такие переселения между товариществами вели к «прописке» переселенца и закреплению его за волостью. Так, Михаил Павлович Остапчук в 1893 г. вступил в Максимовско-Трифоновское товарищество, а в 1910 г. появился уже как член Ириновского товарищества и житель Маллеевского починка Нагаевской волости. Михаил Антонович Вашкевич сменил даже три товарищества: Криницкое (1893), 2-е Криницкое (1895) и в 1906 г. переехал из Нагаевской волости в соседнюю Архангельскую, вступив там в 1-е Большаковское товарищество и купив землю; в списке товарищества он уже указан как житель Романовского починка. Его сын, Андрей Михайлович Вашкевич, вошедший также в товарищество, автоматически прописался вместе с отцом.

Иногда отец семейства входил в одно товарищество, а сыновья впоследствии уходили от отца, женились и вступали в другие товарищества. Например, интересный случай произошел с семьей Емельяна Сидоровича Пстыга¹², который в 1893 г. был одним из учредителей Почаевского товарищества. При нем находились три сына, которые были

еще, по всей видимости, не женаты. Один из сыновей, Петр Емельянович Пстыга, в 1903 г. решил перебраться в Стерлитамакский уезд вместе с белорусскими переселенцами из Нового Двора и вступил с ними в Ново-Петровское товарищество, которое упоминалось выше. Разочаровавшись, видимо, в условиях нового места жительства, он вернулся обратно к своему отцу и братьям в Нагаевскую волость и в 1904 г. основал с братьями Романом и Матвеем Емельяновское товарищество.

Следует отметить, что уход белорусов из Уфимского уезда в соседний Стерлитамакский был обусловлен чаще всего малоземельем, поскольку в таких плотно заселенных волостях, как Нагаевская, Урман-Кудейская, Архангельская, Ново-Троицкая, свободной земли становилось все меньше и меньше, а Стерлитамакский уезд предлагал гораздо больше пространств для обустройства хозяйств и пользовался популярностью у переселенцев меньше, причем в этом случае белорусы, по всей видимости, не боялись оказаться в этнокультурной и языковой изоляции. Например, в 1899 г. на переселение в Стерлитамакский уезд пошел белорус Григорий Кондратьевич Ровнейко, который приехал из деревни Хвалово 1-е Сухопольской волости Пружанского уезда Гродненской губернии и вошел в 1895 г. в Криницкое товарищество. Пожив некоторое время в Нагаевской волости, он решил уехать за более чем 40 км и вступил в Липовское товарищество 22, которое позже положило начало формированию деревни Липовки Бишкаиновской волости.

Заключение

Таким образом, можно подвести основные итоги проведенного исследования:

1. Белорусы Башкортостана – один из самых малоизученных и недооцениваемых народов республики, роль которого в формировании переселенческого движения была огромной, особенно на рубеже XIX–XX вв. Лучшее всего исследована этнография белорусов. На сегодняшний день в Башкирии проживают 11 680 белорусов, что составляет 0,29 % от численности всего населения республики. В 1920 г. только в одном Уфимском уезде их проживало 15 742 человек вместе с беженцами.

2. Было изучено 643 дела по Уфимскому уезду (Ф. 592. Оп. 35 РГИА), что позволило сделать вывод,

¹² Кстати, один из родственников Емельяна Пстыга – Иван Иванович Пстыго, советский летчик штурмовой авиации, Герой Советского Союза, Кавалер семи орденов Красного Знамени, командующий ВВС Группы советских войск в Германии, командующий 16-й воздушной армией, начальник Центральной инспекции безопасности полётов авиации Вооруженных Сил СССР, маршал авиации.

что за менее чем двадцать лет, с 1893 по 1910 гг. белорусами из Могилевской, Минской, Виленской, Витебской и Гродненской губерний было основано в общей сложности 49 крестьянских товариществ, 27 из которых возникли исключительно в среде белорусов. В силу того, что многие дела были утрачены в советское время, таких товариществ могло быть больше.

3. Мы полагаем, что активизация процесса заселения Уфимского уезда белорусами началась в 1892–1893 гг. благодаря переселению белорусов из Пружанского уезда Гродненской губернии, основавших в 1893 г. Почаевское товарищество, которое было, видимо, одним из первых (первым?) белорусским товариществом. Проанализировав дела по товариществам, основанным «гродненскими» белорусами в период с 1893 по 1910 гг., мы пришли к выводу, что 93 % домохозяев оказались выходцами из Пружанского уезда, а Гродненская губерния дала наибольшее количество переселенцев (из 43-х населенных пунктов) в Уфимский уезд из всех белорусских губерний.

Список источников

Абрютин В.А. Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии: Отчет по командировке члена Уфимского губернского Присутствия В.А. Абрютина, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа: Тип. губернского правления, 1898. 98, 94 с.

Акманов И.Г. Хозяйство населения Южного Урала в XVII–XVIII вв. // Очерки социально-экономической истории Южного Урала в XVI–XX вв. Уфа: БашГУ, 1994. С. 104–113.

Дмитриев А.В. Некоторые факты из истории переселения белорусских крестьян Гродненской губернии в конце XIX – начале XX веков (на примере местечка Новый Двор) // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 211–219. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.34. EDN: RGYTXX.

Дмитриев А.В. Антропонимы белорусского происхождения из Гродненской губернии на территории Уфимского уезда Уфимской губернии в 1890–1900-е годы // Вестник Башкирского университета. 2022. Т. 27. № 3. С. 671–686. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.33. EDN: FJKAOP.

Зобов Ю.С. Политика правительства по регулированию крестьянского переселенческого движения в первой половине XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 1993. № 2 (6). С. 22–28. EDN: WAGRJP.

История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. В 2 т. Уфа: Гилем, 2006. Т. 1. 300, [1] с.

4. Белорусы скупали земли в основном в Нагаевской, Архангельской, Ново-Троицкой и Урман-Кудейской волостях у помещиков, купцов, мещан и крестьян. Нельзя не учитывать также фактор внутренней миграции в среде белорусов, которые перемещались из одной волости в другую и уходили даже в другие уезды, что было вызвано, по всей видимости, малоземельем из-за уже компактно освоенных территорий в Уфимском уезде другими переселенцами.

5. В переселенческом движении белорусов наблюдалась общинность и стремление к коллективному, «гуртовому» проживанию, причем вне зависимости от места выхода.

Таким образом, тема переселения белорусов в Уфимскую губернию имеет свои многогранные перспективы исследования и является, на наш взгляд, одной из самых сложных в современной историографии ввиду отсутствия пока что полноценной теоретико-методологической, фактографической и источниковедческой базы. Однако эти пробелы и предстоит восполнить.

References

Abryutin V.A. (1898) Settlers and the resettlement case in the Ufa district of the Ufa province. *Report on the mission of the member of the Ufa Provincial Presence V.A. Abryutin, compiled on the instructions of the Ufa Governor N.M. Bogdanovich*. Ufa: Tip. gubernskogo pravleniya. 98, 94 p. (In Russ.).

Akmanov I.G. (1994) Economy of the population of the Southern Urals in the 17th–18th centuries. *Essays on the socio-economic history of the Southern Urals in the 16th–20th centuries*. Ufa: Bashkir State University. P. 104–113. (In Russ.).

Dmitriev A.V. (2020) Some facts from the history of resettlement of Belarusian peasants from the Grodno province to the Bashkir region in the late 19th – early 20th centuries (on the example of Novy Dvor). *Bulletin of the Bashkir University*. Vol. 25. No. 1. P. 211–219. (In Russ.). DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.1.34. EDN: RGYTXX.

Dmitriev A.V. (2022) Anthroponyms of Belarusian origin from Grodno province on the territory of Ufa county (Ufa province) in 1890–1900s. *Bulletin of the Bashkir University*. Vol. 27. No. 3. P. 671–686. (In Russ.). DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2022.3.33. EDN: FJKAOP.

Zobov Yu.S. (1993) Government policy on regulating peasant migration movement in the first half of the 19th century. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. No. 2 (6). P. 22–28. (In Russ.). EDN: WAGRJP.

Gvozdikovo I.M., Rodnova M.I. (2006) History of Bashkortostan in the second half of the XIX – early XX century. In 2 vol. Ufa: Gilem. Vol. 1. 300, [1] p. (In Russ.).

Кауфман А.А. К вопросу о заселении казенных земель Самарской, Уфимской и Оренбургской губерний: Отчет члена Ученого комитета Министерства З. и Г. И. А.А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. Ч. 3. / М[во] З[емледелия] и Г[ос]. И[муществ]. Департамент государственных земельных имуществ. Санкт-Петербург: Тип. В.Ф. Киршбаума, 1904. XVI, 125, 142 с.

Красильников М.П. Экономическое положение Уфимского края и тенденции в его развитии. Уфа: Типо-литография Высочайше утвержденного товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1918. 28 с.

Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Московского университета, 1996. 682 с.

Михайлов В.П. Переселенцы и переселенческое дело в Sterlitamakском уезде Уфимской губернии: отчет по командировке неперменного члена Уфимского губернского присутствия В. Михайлова, составленный по поручению г. Уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Уфа: Тип. губернского правления, 1897. [2]. XII. 282 с.

Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии: Переселенческая эпопея. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1889. 260, III с.

Роднов М.И. Крестьянство Белебеевского уезда по переписи 1920 года: этнический состав. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2009. 121 с. EDN: QPQSGN.

Роднов М.И. Крестьянство Sterlitamakского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 2010. 132 с. EDN: QPSDIT.

Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Оренбургский губ. стат. ком., 1896. 93, [2] с.

Самородов Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период, 60–90-е гг. XIX в. Sterlitamak: Sterlitamakский государственный педагогический институт, 1996. 261, [2] с.

Свирилин М.В. Колонизация Оренбургского края в первой половине XVIII в. // Древняя и новая Россия. 1876. Т. 2. № 6. С. 178–186; Т. 2. № 7. С. 232–243.

Устюгов Н.В. Из истории русской крестьянской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы 1958 г. Таллин: Академия наук Эстонской СССР, 1959. С. 33–42.

Утягулов М.М. Переселенческая политика царского правительства в Башкирии (вторая половина XIX – начало XX в.). Уфа: Гилем, 2007. 120 с.

Фиельструп Ф.А. Этнический состав населения Приуралья: с этнографической картой и дополнениями к ней. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1926. [2], 37 с.

Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбургского губернского правления, 1859. [4], IV, 472 с.

Kaufman A.A. (1904) On the issue of settling state lands in the Samara, Ufa and Orenburg provinces: Report of a member of the Scientific Committee of the Ministry Z. and G. I. A.A. Kaufman on a business trip in the summer of 1903. Sankt-Peterburg: Tip. V.F. Kirshbauma. Pt. 3. XVI, 125, 142 p. (In Russ.).

Krasil'nikov M.P. (1918) Economic situation of Ufa region and trends in its development. Ufa: Tipo-litografiya Vysochaishe utverzhennogo tovarishchestva I.N. Kushnerev i K^o. 28 p. (In Russ.).

Lyubavskii M.K. (1996) A review of the history of Russian colonization from ancient times to the 20th century. Moscow: Lomonosov State Moscow University. 682 p. (In Russ.).

Mihailov V.P. (1897) Settlers and the resettlement case in the Sterlitamak district of the Ufa province: report on the mission of the permanent member of the Ufa Provincial Presence V. Mikhailov, compiled on the instructions of the Ufa governor N.M. Bogdanovich. Ufa: Tip. gubernskogo pravleniya. [2]. XII. 282 p. (In Russ.).

Remezov N.V. (1889) Essays from the life of wild Bashkiria: The Epic of Migration]. Moscow: Tipo-litografiya Tovari-shchestva I.N. Kushnerev i Ko. 260, III p. (In Russ.).

Rodnov M.I. (2009) Peasantry of Belebeevsky district according to the 1920 census: ethnic composition. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS. 121 p. (In Russ.). EDN: QPQSGN.

Rodnov M.I. (2010) The peasantry of Sterlitamak district according to the 1917 census. Ufa. 132 p. (In Russ.). EDN: QPSDIT.

Rychkov P.I. (1896) History of Orenburg (1730-1750). Orenburg: Orenburgskii gub. stat. kom. 95 p. (In Russ.).

Samorodov D.P. (1996) Russian peasant resettlement to Bashkiria in the post-reform period, 60-90s, XIX century. Sterlitamak: Sterlitamakskii gos. pedagog. in-t. 263 p. (In Russ.).

Svirelin M.V. (1876) Colonization of the Orenburg region in the first half of the 18th century. *Ancient and Modern Russia*. Vol. 2. No. 6. P. 178-186; Vol. 2. No. 7. P. 232-243. (In Russ.).

Ustyugov N.V. (1959) From the history of Russian peasant colonization of the Southern Trans-Urals in the 18th century. *Yearbook of the Agrarian History of Eastern Europe 1958*. Tallin: Academy of Sciences of the Estonian SSR. P. 33-42. (In Russ.).

Utyagulov M.M. (2007) The resettlement policy of the Tsarist government in Bashkiria (second half of the 19th - early 20th century). Ufa: Gilem. 120 p. (In Russ.).

Fiel'strup F.A. (1926) Ethnic composition of the population of the Urals: with an ethnographic map and additions to it. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. [2], 37 p. (In Russ.).

Cheremshanskii V.M. (1859) Description of the Orenburg province in economic, statistical, ethnographic and industrial terms. Ufa: Tip. Orenburgskogo gubernskogo pravleniya. [4], IV, 472 p. (In Russ.).

Шайхисламов Р.Б. Государственные крестьяне Южного Урала до отмены крепостного права. Уфа : РИЦ БашГУ, 2013. 120 с. EDN: VRKTBV.

Япаров Г.Х., Уляева А.Г., Юланова Э.М. Переселение народов и земельные отношения на территории Башкортостана: исторический, правовой и экономический экскурс. Монография. Уфа : Башкирский государственный аграрный университет, 2016. 227 с. EDN: YHSMPX.

Информация об авторе

Дмитриев Александр Владиславович,
кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики,
Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого,
195251, г. Санкт-Петербург, ул. Политехническая, 29
литера Б, Россия,
e-mail: avd84@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

Вклад автора

Дмитриев А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 21 октября 2024 г.; одобрена после рецензирования 5 декабря 2024 г.; принята к публикации 23 декабря 2024 г.

Shaikhislamov R.B. (2013) State peasants of the Southern Urals before the abolition of serfdom. Ufa: RIC BashGU. 120 p. (In Russ.). EDN: VRKTBV.

Yaparov G.Kh., Ulyayeva A.G., Yulanova E.M (2016) Migration of peoples and land relations in the territory of Bashkortostan: historical, legal and economic excursion. Ufa: Bashkir State Agrarian University. 227 p. (In Russ.). EDN: YHSMPX.

Information about the author

Alexander V. Dmitriev,
Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Higher School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29, Building B, Politekhnicheskaya St., Saint Petersburg 195251, Russia,
e-mail: avd84@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-3632-793X>

Contribution of the author

Dmitriev A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted October 21, 2024; approved after reviewing December 5, 2024; accepted for publication December 23, 2024.

Научная статья

УДК 94(470)

EDN: PGHTIB

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-93-103>

Русская авиация Первой мировой: об организационно-техническом состоянии, проблемах и боевой роли

А.В. Олейников^{1,2}

¹ Мелитопольский государственный университет, Мелитополь, Россия

² Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

Аннотация. Статья посвящена общему обзору состояния российской авиации в Первой мировой войне, ее организационно-техническому состоянию, специфике боевого применения. Так как в начале войны технические возможности (как воздушных машин, так и их вооружения) существенно ограничивали боевые возможности зарождающегося рода войск, во многом поэтому на Русском фронте в данный период авиация применялась в основном для решения разведывательных и корректировочных задач. Но по прошествии всего 2 лет уже решается самый широкий спектр боевых задач. Важнейшими функциями авиации были: 1) наблюдение, разведка и аэрофотосъемка; 2) оказание помощи артиллерии; 3) борьба с вражеской авиацией; 4) работа по наземным целям; 5) поддержание связи; 6) выполнение специальных поручений. Русская военная авиация, несмотря на исключительные трудности, которые сопровождали ее жизнедеятельность с самого рождения, в течение всей Первой мировой войны жертвенно и с честью пронесла свое боевое знамя до последних дней участия в войне, облегчая тяжкий ратный труд наземных войск и способствуя их победам. Из разведывательного инструмента в начале войны авиация превратилась в полноценный род оружия. Появились виды авиации (разведывательная, бомбардировочная, истребительная). Специальный тип самолета-штурмовика в ходе этой войны не появился, для штурмовых действий применялись существующие типы машин. Авиация готовила прорыв позиционной обороны, корректировала стрельбу артиллерии, бомбила войска, базы снабжения и штабы противника, внося более чем весомую лепту в эффективность действий наземных войск эпохи Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русский фронт, русская авиация, авиационные дивизионы, авиационные отряды, авиационные роты, аэрофотосъемка, штурмовая авиация, истребительная авиация, аэропланы

Для цитирования: Олейников А.В. Русская авиация Первой мировой: об организационно-техническом состоянии, проблемах и боевой роли // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 93–103. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-93-103. EDN: PGHTIB.

History

Original article

Russian aviation in the First World War: the organisational and technical situation, problems and combat role

Alexey V. Oleynikov^{1,2}

¹ Melitopol State University, Melitopol, Russia

² Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

Abstract. The article is devoted to a general overview of the state of Russian aviation in the World War I, its organizational and technical state, and the specifics of combat use. At the beginning of the war, the technical capabilities (both of aircraft and their armament) severely limited the combat capabilities of the nascent branch of the armed forces. In many respects, therefore, aviation on the Russian front at this time was mainly used for reconnaissance and corrective tasks. However, after only 2 years, the most diverse combat tasks were solved. The most important functions of aviation were: 1) surveillance, reconnaissance and aerial photography; 2) providing assistance to artillery; 3) fight against enemy aircraft; 4) work on ground targets; 4) maintaining commu-

nication; 5) execution of special assignments. Russian military aviation, despite the exceptional difficulties that accompanied its life from its very birth, throughout the First World War, sacrificially and honorably carried its battle flag until the last days of participation in the war - facilitating the hard military work of ground troops and contributing to their victories. From a reconnaissance tool at the beginning of the war, aviation turned into a full-fledged weapon. Types of aviation appeared (reconnaissance, fighter bomber). A special type of attack aircraft did not appear during this war; existing types of aircraft were used for assault operations. Aviation prepared a breakthrough of positional defenses, adjusted artillery fire, bombed troops, supply bases and enemy headquarters - making a more than significant contribution to the effectiveness of the actions of ground forces during the World War I.

Keywords: World War I, Russian Front, Russian aviation, aviation divisions, aviation detachments, aviation companies, aerial photography, attack aviation, fighter aviation, airplanes

For citation: Oleynikov A.V. (2025) Russian aviation in the First World War: the organisational and technical situation, problems and combat role. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 93-103. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-93-103. EDN: PGHTIB.

Статья не претендует на исчерпывающий характер по обозначенной теме – в ней на основе, прежде всего, документов, мы дадим обзор общего состояния русской авиации и увидим специфику ее применения.

Но вначале кратко охарактеризуем историографию и источниковую базу по теме.

Важное значение имеют общие работы, рассматривающие развитие мировой и отечественной авиации как в довоенный период, так и в период Первой мировой войны (Дузь, 1989; Дузь, 1979; История воздухоплавания и авиации..., 1944; Рохмистров, 2004; Куликов, 2014).

Важное значение имеют работы военного летчика и руководителя В.М. Ткачева (Ткачев, 2007; Ткачев, 1917¹), как и наставления эпохи Великой войны (Наставление..., 1916)².

Особое место занимают работы, посвященные отдельным частям русской авиации, ее машинам или операциям, в которых авиация применялась (Финне, 2005; Александров, 1998; Ионов, 1940; Кондратьев, 1995; Кондратьев, 1996; Маслов, 2006; Обухович, Никифоров, 2003; Хлопотов, 2004; Баргатинов, 2005³; Хайрулин, 2008; Никольской, 2010; Куликов, Хайрулин, 2014; Хайрулин, Куликов, 2015; Томич, 2022).

Можно вспомнить и труды, посвященные боевой технике русской армии периода Первой мировой войны и специфике ее применения (Олейников, 2025).

Наконец важны статьи современного периода, в том числе в электронных изданиях (Олейников А.В. Воздушная битва Первой мировой. Ч. 1. В небе над Восточной Пруссией⁴; Олейников А.В. «Кавказская» авиация⁵; Олейников А.В. 1916 год на Восточном фронте: борьба за господство в воздухе⁶; Олейников А.В. Самолеты Моонзунда⁷).

Первостепенное значение традиционно имеет источниковая база – документальные материалы (Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Они и лежат в основе нашей работы: мы использовали целый ряд фондов: среди них документы Ставки, фронтов, армий, управлений и учреждений по принадлежности (Ф. 493, 2003, 2019, 2031, 2048, 2067, 2144, 41105).

Все вышеуказанные материалы помогут нам воссоздать палитру состояния российской авиации

¹ Ткачев В.М. Материал по тактике воздушного боя. Б. м. : Б. и., 1917. 61 с.

² Россия. Военные уставы и наставления. Наставление по применению авиации на войне. 1916 г. : Проект : Изд. распоряжением августейшего зав. авиацией и воздухоплаванием в действующей армии. Киев : Тип. Штаба Киев. воен. округа, 1916. 125, 24 с.

³ Баргатинов В.А. Крылья России: полная иллюстрированная энциклопедия. М. : Эксмо, 2005. 1054, [1] с.

⁴ Олейников А.В. Воздушная битва Первой мировой. Ч. 1. В небе над Восточной Пруссией // Битва Гвардий. URL: <https://btgv.ru/history/great-war/восточный-рубейж/1914/air-battle-of-the-first-world-war-part-i-in-the-sky-over-east-prussia/> (дата обращения 20.08.2024).

⁵ Олейников А.В. «Кавказская» авиация // Битва Гвардий. URL: <https://btgv.ru/history/great-war/восточный-рубейж/кавказский-фронт/caucasian-aviation/> (дата обращения 20.08.2024).

⁶ Олейников А.В. 1916 год на Восточном фронте: борьба за господство в воздухе // Битва Гвардий. URL: <https://btgv.ru/history/great-war/восточный-рубейж/1916/1916-on-the-eastern-front-the-struggle-for-air-supremacy/> (дата обращения 20.08.2024).

⁷ Олейников А.В. Самолеты Моонзунда. URL: <http://warspot.ru/38-samolety-moonzunda> (дата обращения 20.08.2024).

в годы войны, увидеть некоторые тенденции и специфику развития молодого рода оружия.

Вступив в войну, Россия располагала 244 (Дузь, 1979. С. 241) боевыми самолетами (в 6 ротах и 39 отрядах; также Всероссийским аэроклубом был сформирован добровольческий авиаотряд). Столь высокая численность воздушного флота к началу войны (для сравнения – применительно к тому же периоду: 232 самолетами располагали немцы, причем германские машины являлись также в основном устаревшими; 138 самолетами располагали французы, причем в основном теми же «Ньюпорами» и «Фарманами», но французов выручало наличие 370 пилотов-частников и значительного количества спортивных аэропланов; британцы имели лишь 56 машин) оказалась достигнута с помощью мобилизации парков авиашкол и аэроклубов.

В строю оказались машины в основном французских типов: «Фарманы», «Ньюпоры» (скорости в диапазоне 100 км/ч при потолке в 1500–2000 м) и (в небольшом количестве) «Мораны-Парасоли» и «Депердюссены». Разнотипность самолетного парка сказывалась вплоть до конца войны.

Кроме того, находилось на вооружении и незначительное число аэропланов отечественных типов – это, прежде всего, тяжелые бомбардировщики типа «Илья Муромец», эскадренные истребители С-16 и гидропланы различных модификаций конструкции Д.П. Григоровича. Отечественные модели отличались более высокими качествами, чем аналоги «иностранцы» (а у некоторых аналоги отсутствовали), но их малочисленность не позволила оказать ощутимого влияния на ход военных действий.

Также в России почти отсутствовали резервные самолеты (в отличие от союзников и противника). И что особо важно в случае длительной войны производственные мощности союзников и противников России превышали отечественные (если перед войной французская авиационная промышленность выпускала около 50, а германская свыше 100 самолетов в месяц, то Россия – 30–40 машин).

Первые же боевые действия со всей очевидностью продемонстрировали, что по мобильности авиация равных себе (среди прочих родов оружия) не имеет. Тяжелые условия, в которых пришлось действовать русской авиации, не смогли сломить духа летчиков, летчиков-наблюдателей и техников, внесших не только весомый вклад в дело борьбы с

врагом, но и в проработку приемов и способов применения авиации.

Например, именно тогда русские пилоты отработали тактику истребительного группового боя (ведущий/ведомый), освоили совместные групповые полеты бомбардировщиков/истребителей, глубокую разведку вражеского тыла, ночные полеты. Именно тогда появилась отечественная штурмовая авиация. В конечном итоге действия авиации приобрели оперативное значение: без авиаразведки, взаимодействия авиаторов и артиллеристов, борьбы за господство в воздухе серьезная операция стала невыполнима. Русскими асами было совершено много подвигов в воздухе, впервые применен воздушный таран, а изданные (например, В.М. Ткачевым) труды по тактике воздушного боя оказали огромное влияние на развитие авиации.

И хотя война и застала авиацию в начале развития, накануне октября 1917 г., она представляла собой внушительную силу: в нее входило 14 авиационных дивизионов, 91 авиационный отряд, Эскадра воздушных кораблей «Илья Муромец» (4 боевых отряда), 32 гидроотряда и др. части и учреждения с около 35000 человек личного состава и около 1500 аэропланов.

Костяком структуры российской авиации были дивизионы (в составе нескольких отрядов), отряды (различного типа в зависимости от уровня и решаемых задач – армейские и корпусные, истребительные, артиллерийские (корректировщики), разведывательные и крепостные), являвшиеся боевыми частями, и роты (административные единицы, решавшие задачи материально-технического обеспечения). Как гласил документ, авиационная рота должна обслуживать технические нужды авиаотрядов в военное время (причем, рота может «опекать» отряды как одной, так и нескольких армий). Такая рота располагала походными ангарами, ремонтной базой, автомобилями и др. специальным имуществом. Также рота для лучшего выполнения своих функций создавала передовые и промежуточные склады, к которым были придвинуты и небольшие мастерские (в т.ч. автомобильные) – для мелкого текущего ремонта авиационной техники (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 29. Л. 231 об.). Например, боевой состав отрядов 6-й авиационной роты к 1 января 1915 г. был следующим: 7-й корпусной авиационный отряд (5 Ньюпоров, 1 Моран), 8-й корпусной авиационный отряд

(6 Ньюпоров), 24-й корпусной авиационный отряд (5 Фарманов), 26-й корпусной авиационный отряд (6 Фарманов), 3-й корпусной авиационный отряд (4 Фармана), 12-й корпусной авиационный отряд (5 Ньюпоров, 1 Моран Парасоль), отряд самолетов «Илья Муромец» (1 Илья Муромец). За предшествующий месяц рота отремонтировала 2 Фармана и 3 Ньюпора (в ремонте – 3 Фармана, Ньюпор и пленный австрийский Авиатик), 3 легковых и 4 грузовых автомобиля. Штаб роты – г. Львов (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 614. Л. 113–114).

Несмотря на то, что количество отрядов (как правило) совпадало с числом корпусов, они последним подчинены не были. В приказе по армии обычно указывался сектор работы отряда, тогда как информация об обстановке должна была поступать из штаба корпуса. Авиаотряд непосредственно подчинялся командиру авиационного дивизиона, а комдив – начальнику разведотдела штаба армии. Постановку задач на проведение разведки осуществляли генерал-квартирмейстер (через начальника разведотдела армии) или (редко) командиры корпусов.

Основываясь на архивных данных, посмотрим на масштаб развития военно-воздушных сил России в Первую мировую войну.

Так, к 15 февраля 1917 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1224. Л. 165) на фронтах и в их ближнем тылу находилось 77 авиационных отрядов, имевших, в основном, на вооружении Мораны, Вуазены, Фарманы, Ньюпоры, Спады, Антатры, Кодроны и германские машины различных моделей.

Численность личного состава (и тенденции соответствующего роста) и его убыль на финальном этапе участия России в мировой войне мы увидим в таблице 1 ниже (РГВИА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 86. Л. 20, 22, 23, 24, 26, 30; РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1224. Л. 146).

Несмотря на то, что на вооружении русской авиации находились тихоходные машины (в основном «Лебедь», «Парасоль» и «Вуазен» с радиусом действия 100–150 км и полетной скоростью 120 км в час и менее), ей следовало действовать интенсивно и эффективно. В то же время некоторые типы германских самолетов (например, «Альбатрос») давали 168 км в час. Неудивительно активное использование русскими трофейных германских и австрийских самолетов.

Составить впечатление о материальной части нам также помогут несколько интересных документов. Так, 12-й авиационный дивизион к сентябрю 1916 г. (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 228. Л. 84–84 об.) имел 8 Вуазенов в 10-м корпусном авиационном отряде (3 французских, 3 производства завода Лебедева и 2 производства завода Дукс); Ньюпор-бимоноплан и 4 Морана-Парасоля во 2-м корпусном авиационном отряде (2 французских и 3 завода Лебедева); 2 «пленных» Альбатроса, 2 Депердюзена и 2 Вуазена в 23-м корпусном авиационном отряде (французский, Дукса и 2 – завода Лебедева); 3 Вуазена в 33-м корпусном авиационном отряде (французский, Дукса, Лебедева); 4 Вуазена (все французские) в 12-м армейском авиационном отряде; Бебе, 2 Ньюпора, Моран Ж, Моран Парасоль, Депердюзен (3 французских, 2 Дукса и Лебедева) в 12-м Истребительном авиационном отряде и наконец Альбатрос в управлении 12-го дивизиона (производства Лебедева). Еще 6 машин были в ремонте.

13-й корпусной авиационный отряд в сентябре 1916 г. располагал 5 Вуазенами (2 Дукса, 2 французских и завода Лебедева) (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 228. Л. 776).

22-й корпусной авиационный отряд, действовавший при 20-м армейском корпусе в январе 1917 г., располагал 5 летчиками и 4 летчиками-наблюдателями при 5 исправных (4 Морана Парасоля и «Альбатрос») и 4 неисправных самолетах (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 803. Л. 168).

В 1-м корпусном авиационном отряде, действующем при 2-м Кавказском армейском корпусе, к 8 марта 1917 г. насчитывалось 8 летчиков и 5 летчиков-наблюдателей при 4 исправных (Моран Парасоль и 3 Ньюпора) и 5 неисправных самолетах (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 803. Л. 589).

А вот состав 10-го авиационного дивизиона в январе 1917 г.: (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 635. Д. 803. Л. 379 об.–380) (табл. 2).

Если посмотреть на обеспеченность соединений и объединений в разные периоды войны авиационной техникой, то получается также интересная картина. Так, к 15 декабря 1915 г. в состав авиации 1-й армии входило 16 исправных (Моран Парасоль, 4 Фармана, 3 Ньюпора, 7 Вуазенов, Альбатрос) и 9 неисправных самолетов во 2-м, 29-м, 1-м и 4-м Сибирских корпусных, 5-м армейском

Таблица 1. Численность личного состава и его убыль на финальном этапе участия России в Первой мировой войне

Table 1. The number of personnel and its decline at the final stage of Russia's participation in the First World War

	На 1 октября 1916 г.	На 1 декабря 1916 г.	На 1 января 1917 г.	На 1 февраля 1917 г.	На 1 марта 1917 г.	На 1 мая 1917 г.	На 1 сентября 1917 г.
Пилотов на указанную дату – в строю	453 в авиаотрядах действующей армии (283 офицера, 170 нижних чинов), 41 в тыловых авиаотрядах (32 офицера, 9 нижних чинов), в дивизионах – 25, в парках – 26 (все офицеры). Итого – 545 человек	518 в авиаотрядах действующей армии (323 офицера, 195 нижних чинов), 41 в тыловых авиаотрядах (32 офицера, 9 нижних чинов), в дивизионах – 28, в парках – 33 (все офицеры). Итого – 620 человек	529 в авиаотрядах действующей армии (323 офицера, 206 нижних чинов), 42 в тыловых авиаотрядах (33 офицера, 9 нижних чинов), в дивизионах – 34, в парках – 35 (все офицеры). Итого – 640 человек	536 в авиаотрядах действующей армии (327 офицеров, 209 нижних чинов), 42 в тыловых авиаотрядах (34 офицера, 8 нижних чинов), в дивизионах – 39, в парках – 36 (все офицеры). Итого – 653 человека	580 в авиаотрядах действующей армии (345 офицеров, 235 нижних чинов), 46 в тыловых авиаотрядах (37 офицеров, 9 нижних чинов), в дивизионах – 37, в парках – 38 (все офицеры). Итого – 701 человек	625 в авиаотрядах действующей армии (377 офицеров, 248 нижних чинов), 53 в тыловых авиаотрядах (41 офицеров, 12 нижних чинов), в дивизионах и управлениях авиации армий фронтов и авиационных групп истребителей – 43, в парках – 38 (все офицеры). Итого – 759 человек	636 в авиаотрядах действующей армии (411 офицеров, 225 нижних чинов), 72 в тыловых авиаотрядах (42 офицера, 30 нижних чинов), в дивизионах и управлениях авиации армий фронтов и авиационных групп истребителей – 45, в парках – 38 (все офицеры). Итого – 791 человек
Выбыло из строя в предшествующий месяц летчиков и наблюдателей	4 человека (2 офицера и 2 нижних чинов): из них 2 человека погибли в воздушном бою или во время боевого полета, 1 человек погиб во время падения (не от действий неприятеля) на аэродроме, пропали без вести или попали в плен – 1 человек	2 человека (2 офицера): из них 1 человек погиб во время падения (не от действий неприятеля) на аэродроме, и 1 человек умер от ран	4 человека (2 офицера и 2 нижних чина) – погибли во время падения (не от действий неприятеля) на аэродроме	10 человек: 2 человек погибли в воздушном бою или во время боевого полета, 4 человека погибли во время падения (не от действий неприятеля) на аэродроме, и 4 человека пропали без вести или попали в плен	4 человека (3 офицера и 1 нижний чин): из них 2 человека погибли в воздушном бою или во время боевого полета, 1 человек умер от ран после падения, 1 человек погиб во время падения (не от действий неприятеля) на аэродроме	25 человек: 9 убиты в воздушном бою или погибли при совершении полета, 7 человек погибли при падении на фронте (не от действий противника), 1 погиб при падении в авиашколе, 2 умерло от разных случаев, 6 попали в плен и пропали без вести	23 человека: 10 убиты в воздушном бою или погибли при совершении полета, 7 человек погибли при падении на фронте (не от действий противника), 6 попали в плен и пропали без вести

Таблица 2. Состав 10-го авиационного дивизиона в январе 1917 г.

Table 2. Composition of the 10th aviation division in January 1917

Отряд	К 23 января 1917 г.
10-й армейский авиационный (разведка)	5 летчиков (3 офицера и 2 нижних чина) и 4 наблюдателя; самолеты Румплер, Фарман-27 и Вуазен
1-й Корпусной (корректировщики)	8 летчиков (5 офицеров и 3 нижних чина) и 3 наблюдателя; 6 самолетов (2 Парасоля, 2 Ньюпора X, 2 Ньюпора XI)
18-й Корпусной (разведка и охрана корректировщиков)	5 летчиков (3 офицера и 2 нижних чина) и 5 наблюдателей; 7 самолетов: 5 Спадов, Альбатрос и Авиатик
22-й Корпусной (корректировщики)	6 летчиков (4 офицера и 2 нижних чина) и 4 наблюдателя; 6 самолетов: 3 Парасоля, Ньюпор XI, Ньюпор XXI, Альбатрос
25-й Корпусной (корректировщики)	5 летчиков (3 офицера и 2 нижних чина) и 2 наблюдателя; 6 самолетов: 5 Вуазенов и Фарман – 27
34-й Корпусной (разведка)	5 летчиков (3 офицера и 2 нижних чина) и 4 наблюдателя; 2 Вуазена и Румплер

авиационных отрядах; авиации 3-й армии – 11 исправных (4 Морана и 7 Вуазенов) и 2 неисправных самолета в 11-м и 31-м авиационных, 24-м корпусном авиационных отрядах; авиации 4-й армии – 9 исправных (3 Вуазена, 3 Морана Парасоля, 3 Бимоноплана) и 8 неисправных самолетов в Гренадерском, 6-м корпусном и 4-м армейском авиационных отрядах; авиации 10-й армии – 14 исправных (6 Вуазенов, 2 Альбатроса, 2 Морана Парасоля, Кодрон, Делердуссен, 2 Фармана) и столько же неисправных самолетов в 22-м, 27-м, 28-м, 34-м корпусных авиационных отрядах (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 540. Л. 18 об., 19 об., 20 об., 27).

Естественно, в разные периоды времени количество авиации в армиях существенно варьировалось. Так, в той же 10-й армии к 13 марта 1916 г. в тех же отрядах насчитывалось 15 (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 346. Л. 198), а к 29 октября 1916 г. – 21 (РГВИА. Ф. 2144. Оп. 1. Д. 802. Л. 73) исправных самолетов.

О распределении задач авиационных отрядов на примере 7-й армии к 1 июня 1917 г., свидетельствует другой документ (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 466. Л. 125–125 об.): 4-й артиллерийский авиационный отряд (6 действующих самолетов) должен был заниматься артиллерийской разведкой и корректированием артиллерийской стрельбы; 9-й армейский авиационный отряд (3–4 действующих самолета) – фотографирование позиций и связь с пехотой; 7-й истребительный авиаотряд (4–5 действующих самолетов) – воздушный бой, обеспечивающий работу 4-го артиллерийского авиаотряда и, по возможности, противодействие работе про-

тивника; 1-й артиллерийский авиационный отряд (6 действующих самолетов) – артиллерийская разведка и корректирование артиллерийской стрельбы; англо-французский артиллерийский авиаотряд (4 действующих самолета) – артиллерийская разведка, фотографирование и связь с пехотой; французский истребительный авиационный отряд (6–8 действующих самолетов) – воздушный бой, обеспечивающий работу англо-французского артиллерийского авиаотряда и противодействие работе противника; 32-й корпусной авиационный отряд (2–3 действующих самолета) – для связи с атакующей пехотой; 1-я Боевая авиационная группа (12–15 действующих самолетов; 2-й, 4-й, 19-й корпусные авиаотряды) – воздушный бой, обеспечивающий работу авиации на участке 7-й армии, противодействие в этом районе работе противника и тыловая разведка (по необходимости); 4 действующих самолета 12-го корпусного авиационного отряда занимались разведкой на левом фланге оперативного объединения.

Интерес представляет и статистика фронтов действующей армии. Например, Юго-Западный фронт располагал на 05.04.1915 г. (15 отрядов) 66 исправными аэропланами (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 486. Л. 56), а на 24 июля 1916 г. имел 67 машин в авиаотрядах 6 армий (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2901. Л. 101).

Если говорить об общих цифрах, то, например, к 20 мая 1916 г. в действующих авиационных отрядах состояло: 128 Вуазенов (еще 51 в ремонте) в 12 армейских отрядах, 1-м Отдельном отряде охраны Резиденции, 24 корпусных и 4 крепостных отрядах

и 5 дивизионах (недостававал по штату 361 Вуазен): 106 Моранов (еще 26 в ремонте) в 19 корпусных и 2-х Отдельных отрядах охраны Резиденции, 6 дивизионах (недостававало по штату 144 Морана) и 24 истребителя (еще 2 машины в ремонте) в 7-м и 12-м отрядах (недостававало 10 истребителей). Таким образом, на 246 действующих (345 с учетом ремонта) приходилось 515 недостающих самолетов – огромный некомплект, даже с учетом 24 пленных немецких самолетов и 94 машин, находящихся в парках или без двигателей. В итоге, 10-й, 11-й, 12-й армейские и 12-й корпусной отряды находились в тылу – за неимением самолетов (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 83. Л. 46).

На 1 января 1917 г. (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1224. Л. 29.; Оп. 2. Д. 632. Л. 347) в 14 дивизионах, 2 отрядах Охраны Резиденции, 12 армейских, 42 корпусных, 15 истребительных (вкл. 2-й, 4-й и 19-й корпусные, сведенные в БАГ), Кронштадском, Ревельском и Одесском отрядах имелось 104 самолета дальней разведки, 344 самолета дальней разведки и 266 истребителей.

В период с 1 января 1917 г. по 1 января 1918 гг. планировалось поэтапно сформировать 2 армейских, 1 крепостной, 15 истребительных, 3 артиллерийских, 23 корпусных и 4 бомбометных отрядов, на вооружении которых – 12 самолетов ближней и 334 самолета дальней разведки и 180 истребителей (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 632. Л. 348).

Состояние личного состава к 3 марта 1917 г. было следующим (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1224. Л. 107): Северный фронт в 10, 13, 23, 33, 29, 15, 17 корпусных, 1, 5, 12 артиллерийских, 1, 5, 12 истребительных отрядах имел 64 офицера и 37 нижних чинов (недостававало до штата 7 офицеров и 12 нижних чинов); Западный фронт в 1, 22, 34, 25, 18, 11, 21, 9, 24 корпусных, Гренадерском, 1, 5, 6, 7 Сибирских, 10 и 2 армейских, 1 артиллерийском, 3 истребительном отрядах имел 67 офицеров и 51 нижнего чина (некомплект – 22 офицера и 26 нижних чинов); Юго-Западный фронт в 31, 35, 7, 8, 3, 32, 5, 12, 16, 37 корпусных, 2, 3, 4 Сибирских, 1 и 2 Гвардейских, 1 Туркестанском, 2 и 4 артиллерийских, 6, 2, 11, 7 и 8 истребительных, 8, 13, 9, 3, 11 и 6 армейских отрядах имел 119 офицеров и 92 нижних чина (некомплект 22 офицера и 24 нижних чина); Румынский фронт в 27, 28, 14, 26, 30, 6, 36, 20, 2, 4, 19 корпусных, 10, 4, и 9 истребительных, 4 армейском

отрядах имел 73 офицера и 41 нижнего чина (некомплект 8 офицеров, 10 нижних чинов); Кавказский фронт в 1, 2, 3, 4 Кавказских отрядах имел 19 офицеров и 12 нижних чинов (некомплект – 1 офицер и 8 рядовых); в тыловых Одесском, Кронштадском, Петроградском, Ревельском, 1-м и 2-м Отрядах охраны Резиденции и Школе наблюдателей имелось 37 офицеров при 8 рядовых (некомплект составил – по 23 офицера и нижних чина).

Авиачасти имели свои средства обеспечения, в т. ч. автотранспорт. Так, 1-й армейский авиационный отряд к 10 сентября 1916 г. имел 5 автомобилей (моделей Гочкис, Пирс Арроу, Федерал, Паккард) и 2 мотоцикла (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 228. Л. 116). А 7-й истребительный авиационный отряд к февралю 1916 г. располагал Рено Паккардом и 3 грузовыми Паккардами (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3084. Л. 2).

Личный состав авиационного отряда (на примере 31-го и 32-го корпусных авиационных отрядов) выглядел следующим образом: офицеры-летчики – начальник отряда (капитан или подполковник), 4 младших офицера-летчика (обер-офицеры – до капитана включительно; один из них нес обязанности адъютанта, квартирмейстера и казначея), 4 офицера-наблюдателя (обер-офицеры; один из них был старшим в команде и 1 из них заведывал отрядной мастерской), делопроизводитель, 67 строевых нижних чинов (3 старших унтер-офицера или подпрапорщики – летчики, 6 старших (1 в отрядной мастерской и 1 заведывал автомобилями) и 7 младших (обозный, каптенармус и 5 мотористов) унтер-офицеров – мотористов, 14 ефрейторов (из них 4 шофера) и 36 рядовых (в т. ч. 10 денщиков, 6 – в отрядной мастерской и по 10 в каждом отделении)) и 13 нестроевых нижних чинов (2 старших медицинских фельдшера, 7 обозных рядовых и 4 мастеровых (2 старших и 2 младших)). Отряд имел 4 действующих и 4 запасных аэроплана, 11 обозных лошадей (обеспечивали интендантский обоз (2 офицерские двуколки, походная кухня, 2 парных повозки) и инженерный обоз (фотографическая двуколка, парная повозка для бензина и масла)), 4 грузовых и 1 легковой автомобили (РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 1327. Л. 210 об.–211).

Штат мог и варьироваться. Так, в Одесском и Николаевском авиационных отрядах офицерский состав включал 9 человек, а также делопроизводи-

теля, 92 строевых и 10 нестроевых нижних чинов (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 705. Л. 5, 7.).

Как мы ранее отметили, в начале войны технические возможности (как воздушных машин, так и их вооружения) существенно ограничивали боевые возможности зарождающегося рода войск. Во многом поэтому на Русском фронте в это время авиацией решались в основном разведывательные и корректировочные задачи. Прошло всего 2 года, и авиация уже решает широчайший спектр задач, среди которых: проведение разведки (в т. ч. посредством аэрофотосъемки), помощь артиллерии, противодействие авиации врага, удары по наземным целям, связь и т. д.

Так, особо важное значение воздушная разведка имела при подготовке и во время проведения наступления Юго-Западного фронта 1916 г. В этот период авиаразведчики не только применялись централизованно, но и удалось осуществить аэрофотосъемку вражеских укрепленных рубежей на большую глубину. Русская пехота оказалась обеспечена фотопланами. В дальнейшем летчики наблюдали за полем боя, тылами и маневрами врага.

Ведомость полетов, выполненных в течение августа месяца 1916 года летчиками-наблюдателями авиационных отрядов, входящих в состав 5-го авиационного дивизиона (РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1471. Л. 219237), показывает нам активность разведывательной авиации на одном боевом участке: в данный период летчиками 1-го армейского, 5-го истребительного, 13-го корпусного, 17-го корпусного, 19-го корпусного, 29-го корпусного авиационных отрядов был осуществлен 171 самолетовылет общей продолжительностью около 328 часов. Действуя в Прибалтике на двинском фронте, дивизион вел разведку ближнего и дальнего тыла противника (в том числе осуществляя аэрофотосъемку), препятствовал разведке противника, вступал в бой с авиацией противника (пользуясь преимуществом в скорости, германские самолеты, как правило, уходили), наносил бомбовые удары (особенно активно бомбились ст. Ужвертыне и Еловка) и корректировал огонь тяжелой артиллерии.

А авиагруппа штаба 5-й армии, в феврале – марте 1915 г. (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 543. Ч. 2. Л. 320–322 об., 354–355 об.) налетав 130 часов, вскрывала войсковые группировки и тыл против-

ника, искала позиции тяжелой артиллерии, противодействовала разведке со стороны германской авиации и наносила бомбовые удары. Уже в этот период активно применялась аэрофотосъемка.

Аналогично действовала в марте 1915 г. и авиагруппа 10-й армии (РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 543. Ч. 1. Л. 218–221 об.), налетав более 70 часов, она дала массу ценных сведений о германских войсках, оперирующих на августовском фронте.

А вот как развивались разведывательные действия в июле 1917 г. во 2-м армейском авиаотряде (РГВИА. Ф. 41105. Оп. 1. Д. 83. Л. 52–52 об.). 4-го июля экипаж самолета Фартри (так именовался Фарман ХХХ) – военлет подпоручик Коробовский/летнаб штабс-капитан Радченко – отснял позиции врага в районе Забродье – Бубново – Дарево – причем как обыкновенной, так и перспективной съемкой, а экипаж другого Фартри – военлет поручик Горяный (командующий отрядом)/летнаб поручик Грабовский – охранял разведчика. 17 июля Фартри (военлет поручик Горяный/летнаб подпоручик Негребецкий) осуществлял разведку (также с аэрофотосъемкой) района Цыгане – Туховичи, тогда как Ньюпор XVII (военлет поручик Щебалин) охранял разведчика.

А 19-го июля два Фартри (военлет подпоручик Коробовский/летнаб подпоручик Негребецкий; военлет старший унтер-офицер Столяров/летнаб штабс-капитан Радченко) фотографировали ближний тыл противника, Ньюпор XVII (военлетчик поручик Шебалин) охранял разведчика.

Особо следует акцентировать внимание на том обстоятельстве, что, несмотря на малочисленность и зачастую низкое качество самолетов, русские летчики вели интенсивную разведывательную работу и способствовали разгрому неприятеля. В 1916 г. активно применяется аэрофотосъемка, которая стояла в русской авиации на высоком уровне. Были налажены эффективное взаимодействие с артиллерией, корректирование стрельбы и осуществление контроля разрушений. К 1917 г. в корпусных авиаотрядах появляются артиллерийские отделения.

Так, в документе отмечено, что лучшим приемом корректирования артогна является метод полковника Дюсиметьера (РГВИА. Ф. 493. Оп. 10. Д. 7. Л. 19–19 об.).

Прекрасно авиация зарекомендовала себя и в уничтожении наземных целей. 19–20 июля 1915 г.

31-й корпусный авиационный отряд нанес 1-й в истории отечественной авиации штурмовой удар по наземным целям, выпустив 3000 патронов и сбросив до 250 пудов бомб. Отряд не только предупредил командование о направлении главного удара германцев, но и огнем и бомбами поддержал 1-ю гвардейскую дивизию, сорвав вражеское наступление. Германцы, понеся на переправах через Буг тяжелые потери, временно перешли к обороне.

Бомбардирование первоначально применялось эпизодически и инициативно. Так, доклад о бомбометании и фотографировании авиационными отрядами под крепостью Перемышль (РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2897. Л. 274–274 об.) иллюстрирует: в период 18–28 ноября 1914 г. Брест-Литовский крепостной и 24-й корпусный авиаотряды сбросили до 400 кг бомб различного калибра (помимо разведывательной деятельности, в т. ч. посредством аэрофотосъемки). Удары наносились по оружейному складу, складам боеприпасов, электростанции, казармам и ангару аэростата. Столь незначительный объем бомбовой нагрузки, тем не менее причинил повреждения электростанции, казармам уланского полка, обозам и (что немаловажно), это имело большое моральное значение для духа гарнизона австрийской крепости.

Но в 1916 г. осуществляется ряд сосредоточенных бомбовых ударов. В то же время, эффект применения «Муромцев» (хоть и имевших большую грузоподъемность и исключительную прицельную точность), добившись иногда чувствительных для врага результатов, парализовывался вследствие рассредоточенности эскадры.

В период наступления Юго-Западного фронта 1916 г. русские летчики бомбили резервы и огневые позиции артиллерии. А авиагруппы на Луцком направлении (численностью до 20 самолетов) наносили бомбовые удары по вражеским аэродромам.

Активно применялись ночные бомбовые удары, в т. ч. групповые. Так 23 июля 1917 г. такой налет совершил 2-й армейский авиаотряд – 2 самолета (Фартри и Вуазен; военлет поручик Горяный/летнаба штабс-капитан Радченко; военлет старший унтер-офицер Столярова/летнаб поручик Грабовский) провели ночную бомбардировку ст. Барановичи. Экипаж Горяного сбросил четыре 25-фунтовых бомбы – были зафиксированы 2 попадания в станцию. Экипаж Столярова сбросил

2-пудовые и две 25-фунтовые бомбы на ст. Ново-Барановичи и казармы, а также две 25-фунтовые бомбы в артиллерийские склады в Колпеницком лесу. Артиллерийский огонь противника противодействовал пилотам.

24-го июля ночной налет повторен – экипажи Фартри и Вуазена нанесли удар по ст. Ново-Барановичи и находящимся на ней казармам. Первый экипаж (военлет подпоручик Коробовский/летнаб штабс-капитан Стрижаков) сбросил в районе Ново-Барановичей две пудовых фугасных и четыре 25-фунтовых зажигательных бомбы, зафиксировав попадания около огней станции. Второй экипаж (военлет поручик Шебалин/летнаб штабс-капитан Евсюков) сбросил в железнодорожные казармы при ст. Ново-Барановичи четыре 25-фунтовых бомбы. Бомбы упала на железнодорожной линии и между строениями казарм. Также пришлось преодолевать огневое противодействие противника.

С 1916 г. изменились принципы применения авиации, которая сосредотачивалась на важнейших направлениях, что привело к войне в воздухе – и русские истребители осенью 1916 года достигли отличных результатов.

Истребительные отряды защитили разведчиков и корректировщиков, успешно боролись с истребительной авиацией врага. Последний перебросил на восток с Французского фронта крупные силы авиации, вооруженные новейшими машинами. Несмотря на количественное и качественное превосходство врага, русским летчикам удалось переломить ситуацию. Во 2-й половине лета 1916 г. начали действовать 12 истребительных авиаотрядов и даже специальная истребительная авиагруппа фронтового подчинения – 1-я БАГ (Боевая авиационная группа), в которую были включены опытные пилоты). Господство в воздухе над Луцком было завоевано.

В кампании 1917 г. правилом стал тот факт, что русским летчикам пришлось сражаться с многократно превосходившим врагом (например, в Монзундской операции 102 германским самолетам противостояли 36 русских). Причем русским летчикам пришлось действовать в ситуации революционного распада армии.

Можно вспомнить и о победах русских асов-истребителей. Если принять во внимание тот факт,

что русским истребителям удалось фактически по-работать лишь год, а также протяжение фронта (плотность авиации на Французском фронте превышала таковую на Русском в 10 раз), то преимущество – у русских (Ткачев, 2007. С. 592).

Вместе с тем, имелись и существенные проблемы. В концентрированном виде их подсвечивает доклад командира 1-го армейского авиационного отряда от 11 сентября 1916 г. (РГВИА. Ф. 493. Оп. 4. Д. 228. Л. 114–115 об.). Наиболее актуальные среди них: 1) появление аэропланов, по своим аэродинамическим и боевым характеристикам, неуступающим машинам противника, прежде всего, относительно скорости, вооружения и потолка (так, например, предельная высота действий разведчика-Вуазена 2500 метров при вдвое большей у

германцев); 2) приведение состава авиачастей к однообразному составу в отношении материальной части; 3) превращение авиационных отрядов в универсальные части, имеющие самолеты различного назначения (для решения широкого спектра задач); 4) решение технических задач (появление специального авиационного пулемета, приборов, теплой одежды для летчиков); 5) предоставление большей самостоятельности действий авиаотрядам на фронте.

Таким образом, русская военная авиация, невзирая на все трудности и проблемы, с честью пронесла свое знамя в этой тяжелой войне, помогая наземным войскам и внося более чем весомую лепту в эффективность действий наземных войск эпохи Первой мировой войны.

Список источников

Александров А.О. Воздушные суда Российского императорского флота 1894–1917 гг. СПб.: БСК, 1998. Т. 1. Аппараты Щетинина и Григоровича. 112 с.

Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (период до 1914 г.). М.: Машиностроение, 1979. 271 с.

Дузь П.Д. История воздухоплавания и авиации в России (июль 1914 г. – октябрь 1917 г.). М.: Машиностроение, 1989. 335 с.

Ионов П.П. Истребительная авиация. М.: Гос. воен. изд., 1940. 148 с.

История воздухоплавания и авиации в СССР: По архивным материалам и свидетельствам современников: Период до 1914 г. / под ред. В.А. Попова. М.: Государственное издательство оборонной промышленности, 1944. 647 с.

Кондратьев В. Истребители Первой мировой войны. М.: Б.и., 1995. Ч. 1. Самолеты Великобритании, Италии, России, Франции. 64 с.

Кондратьев В. Истребители Первой мировой войны. М.: Б.и., 1996. Ч. 2. Истребители Германии и Австро-Венгрии. Вооружение истребителей. Камуфляж и обозначения. 48 с.

Куликов В.П. Русская авиация в Первой мировой войне. М.: Русское авиационное общество (РУСАВИА), 2014. 319 с.

Куликов В.Г., Хайрулин М.А. Российские летчики-истребители Первой мировой войны. СПб.: Гангут, 2014. 396 с.

Маслов М. Русские самолёты 1914–1917. М.: Цейхгауз, 2006. 88 с.

Никольской С.Н. «Муромцы» в бою: Подвиги русских авиаторов. М.: Эксмо; Яуза, 2010. 384 с.

References

Aleksandrov A.O. (1998) Aircraft of the Russian Imperial Fleet 1894–1917]. Vol. 1. Shchetinin and Grigorovich devices. St. Petersburg: BSK. Vol. 1. Apparatuses of Shchetinin and Grigorovich. 112 p. (In Russ.).

Duz' P.D. (1979) History of aeronautics and aviation in Russia (the period before 1914). Moscow: Mashinostroenie. 271 p. (In Russ.).

Duz' P.D. (1989) History of aeronautics and aviation in Russia (July 1914 - October 1917). Moscow: Mashinostroenie. 335 p. (In Russ.).

Ionov P.P. (1940) Fighter aviation. Moscow: Gos. voen. izd. 148 p. (In Russ.).

Popov V.A. (1944) History of aviation and aeronautics in the USSR. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo oboronnoi promyshlennosti. 647 p. (In Russ.).

Kondrat'ev V. (1995) Fighters of the First World War. Moscow. Pt. 1. Aircraft from Great Britain, Italy, Russia. 64 p. (In Russ.).

Kondrat'ev V. (1996) Fighters of the First World War. Moscow. Pt. 2. Fighters of Germany and Austria-Hungary. Fighter armament. Camouflage and markings. 48 p. (In Russ.).

Kulikov V. P. (2014) Russian aviation in the First World War. Moscow: Russian Aviation Society (RUSAVIA). 319 p. (In Russ.).

Kulikov V.G., Khairulin M.A. (2014) Russian fighter pilots of the First World War. St. Petersburg: Gangut. 396 p. (In Russ.).

Maslov M. (2006) Russian aircraft 1914-1917. Moscow: Tseikhgauz. 88 p. (In Russ.).

Nikol'skoi S.N. (2010) "Muromians" in battle: The exploits of Russian aviators. Moscow: Eksmo; Yauza. 384 p. (In Russ.).

Обухович В., Никифоров А. Самолеты Первой мировой войны. Мн.: Харвест, 2003. 367 с.

Олейников А.В. Боевая техника русской армии в огне Первой мировой войны. М.: Вече, 2025. 400 с.

Рохмистров В.Г. Авиация Великой войны. М.: АСТ; ВЗОИ, 2004. 730 с.

Ткачев В.М. Крылья России: воспоминания о прошлом русской военной авиации, 1910–1917 гг. СПб.: Новое культурное пространство, 2007. 639 с.

Томич В.М. Русские воздушные силы: материалы по истории. М.: ВИКМО-М, 2022. 843 с.

Финне К.Н. Русские воздушные богатыри И.И. Сикорского. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2005. 222 с.

Хайрулин М.А. 16-й корпусной авиационный отряд. М.: Охотник, 2008. 160 с.

Хайрулин М.А., Куликов В.Г. Боевые авиационные группы Первой мировой войны. СПб.: Гангут, 2015. 392 с.

Хлопотов О.Д. История военной авиации. В 2 кн. СПб.: Полигон, 2004. Кн 1. От первых летательных аппаратов до реактивных самолетов. 432 с.

Информация об авторе

Олейников Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры Гражданско-правовых дисциплин,
Мелитопольский государственный университет,
272312, г. Мелитополь, проспект Богдана Хмельницкого,
18, Россия;
профессор кафедры правоведения,
Астраханский государственный технический университет,
414036, г. Астрахань, ул. Татищева, 16, Россия,
e-mail: stratig00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Вклад автора

Олейников А.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Олейников А.В. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Лаборатории древних технологий» с 2014 года, но не имеет отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах автор не заявлял.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 22 августа 2024 г.; одобрена после рецензирования 17 октября 2024 г.; принята к публикации 28 октября 2024 г.

Obukhovich V., Nikiforov (2003) A. Aircraft of the First World War. Mn.: Kharvest. 367 p. (In Russ.).

Oleynikov A.V. (2025) Military equipment of the Russian army in the fire of the First World War. Moscow: Veche. 400 p. (In Russ.).

Rokhmistrov V.G. (2004) Aviation of the Great War. Moscow: AST; VZOI. 730 p. (In Russ.).

Tkachev V.M. (2007) Wings of Russia : Memories of the past of Russian military aviation, 1910–1917. St. Petersburg: Novoe kul'turnoe prostranstvo. 639 p. (In Russ.).

Tomich V.M. (2022) Russian air forces: materials on history. Moscow: VIKMO-M. 843 p. (In Russ.).

Finne K.N. (2005) Russian air heroes of I.I. Sikorsky. Moscow: AST; Mn.: Kharvest. 222 p. (In Russ.).

Khairulin M.A. (2008) 16th Corps Aviation Detachment. Moscow: "Hunter. 160 p. (In Russ.).

Khairulin M.A., Kulikov V.G. (2015) Combat aviation groups of the First World War. St. Petersburg: Gangut. 392 p. (In Russ.).

Khlopotov O.D. (2004) History of military aviation. In 2 book. St. Petersburg: Polygon. Book 1. From the first aircraft to jet aircraft. 432 p. (In Russ.).

Information about the author

Alexey V. Oleynikov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor,
Professor of the Department of Civil Law,
Melitopol State University,
18, Bogdan Khmelnytsky Avenue, Melitopol 272312, Russia;
Professor of the Department of Law,
Astrakhan State Technical University,
16, Tatishcheva St., Astrakhan 414036, Russia,
e-mail: stratig00@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7208-4715>

Contribution of the author

Oleynikov A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

Oleynikov A.V. has been a member of the editorial board of the Journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" since 2014, but he did not take part in making decision about publishing the article under consideration. The article was reviewed following the Journal's review procedure. The author did not report any other conflicts of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted August 22, 2024; approved after reviewing October 17, 2024; accepted for publication October 28, 2024.

История

Научная статья
УДК 94(47).083
EDN: MYMEJK
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-104-113>

Международный авантюрист Александр Эструп и борьба с немецким шпионажем на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны

В.В. Синиченко

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Тема истории Первой мировой войны в целом и борьбы спецслужб на «теневом фронте» в частности достаточно известна как в российской, так и в европейской историографии. В то же время картина противостояния российских и германских спецслужб на территории нейтральных стран – в Швеции, Швейцарии и особенно США и Китае (до того, как эти страны вступили в Антанту в начале 1917 года) все еще ждет своего исследователя и писателя. Следует отметить, что в течение 2,5 лет войны как дипломаты, так и спецслужбы Российской империи активно выступали против деятельности своих немецких, австрийских и турецких противников. И если в целом российская государственность и ее военный аппарат начали свое движение к краху в феврале 1917 года, то в деятельности разведывательных и дипломатических органов мы можем зафиксировать серьезные победы, выразившиеся в ликвидации агентов влияния на территории Китайской Республики и Соединенных Штатов Америки, что способствовало вовлечению этих держав в круг союзников России. Как показывает данная статья, это было непросто, так как многие представители политических элит нейтральных стран выступали с прогерманских позиций. Их деятельность была парализована из-за «активных агентурных мер» российских правоохранительных органов. Об одном из забытых представителей российской агентурной разведки и пойдет речь в этой работе. В 1915–1916 гг. жандармско-полицейскому управлению (далее ЖПУ) Китайской Восточной железной дороги удалось во взаимодействии с Иркутским губернским жандармским управлением (в оперативном ведении которого они находились) провести ряд активных контрразведывательных мероприятий, направленных на ликвидацию организаций, созданных военными и дипломатическими кругами Германской империи на территории Китая. Активную роль в них осуществлял агент ЖПУ КВЖД бывший французский подданный Александр Эструп.

Ключевые слова: Первая мировая война, Китай, агентура, разведка, жандармерия и полиция, Китайско-Восточная железная дорога, Министерство внутренних дел Российской империи, контрабанда, германский шпионаж, инородцы

Для цитирования: Синиченко В.В. Международный авантюрист Александр Эструп и борьба с немецким шпионажем на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 104–113. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-104-113. EDN: MYMEJK.

History

Original article

International adventurer Alexander Estrup and the fight against German espionage in the Far East during the First World War

Vladimir V. Sinichenko

Baikal State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The topic of the history of the First World War in general, and the struggle of special intelligence services on the “shadow front” in particular, is quite well-known both in Russian and European historiography. At the same time, the picture of the confrontation between Russian and German intelligence services on the territory of neutral countries - in Sweden, Switzerland, and especially the United States and China (before these countries joined the Entente in early 1917) is still waiting for its researcher and writer. It should be noted that during the 2.5 years of the war, both diplomats and intelligence services of the Russian Empire actively opposed the activities of their German, Austrian and Turkish opponents in these major powers. And if, in general, the Russian

statehood and its military apparatus began their movement towards collapse in February 1917, then in the activities of intelligence and diplomatic bodies we can record serious victories, expressed in the elimination of agents of influence on the territory of the Republic of China and the United States of America and the involvement of these powers in the circle of Russia's allies. As this article shows, this was not easy, since many representatives of the political elites of neutral countries spoke from pro-German positions. Their activities were paralyzed due to the "active agent measures" of the Russian law enforcement agencies. One of the forgotten members of Russian human intelligence will be discussed in this work. In 1915-1916, the Gendarmerie and Police Department (hereinafter referred to as the ZhPU) of the Chinese Eastern Railway, in cooperation with the Irkutsk Provincial Gendarmerie Department (under whose operational jurisdiction they were), managed to carry out a number of active counterintelligence measures aimed at eliminating organizations created by the military and diplomatic circles of the German Empire on the territory of China, an active role in them was carried out by an agent of the ZhPU of the Chinese Eastern Railway, a former French citizen Alexander Estrup.

Keywords: World War I, China, agents, intelligence, gendarmerie and police department, Chinese Eastern Railway, Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, smuggling, German espionage, foreigners

For citation: Sinichenko V.V. (2025) International adventurer Alexander Estrup and the fight against German espionage in the Far East during the First World War. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 104-113. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-104-113. EDN: MYMEJK.

Немало трудов в первой половине XX в. было посвящено истории деятельности жандармерии царской России, в их числе работы В.К. Агафонова, М.А. Осоргина, П.Е. Щеголева (Агафонов, 1918; Осоргин, 1917; Щеголев, 1927; Щеголев, 1930).

Во второй половине XX в. появились труды Р.С. Мулукаева, А.М. Мойсинович, А.В. Борисова, А.Ю. Малыгина и А.В. Лобанова (Полиция..., 2014¹; Мойсинович, 2010²; Борисов, Малыгин, Мулукаев, 2013; Борисов, Малыгин, Мулукаев, 2016; Лобанов, Широков, 2015³), в которых изучались организация политической полиции и ее взаимодействие с другими имперскими правоохранительными органами.

В конце 1980-х годов Н.Н. Ансимов (Ансимов, 1989) изучил виды деятельности имперской политической полиции, отдельно выдвинув на первый план особенности детективной, провокаторской, агентурной и следственной работы.

Исследователи постсоветского периода уже детально рассматривали агентурную сеть имперских силовых учреждений. В свете этого обращает на себя внимание монография «Политический сыск

в России (1880–1917)», автор которой З.И. Перегудова (Перегудова, 2000) подробно рассматривает создание, функции и методы работы Особого отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел, организацию подразделений Отдельного корпуса жандармерии.

В самом начале 1990-х годов вопросы правового статуса полицейских управлений царского периода и их повседневной деятельности по борьбе с уголовными элементами оказались в центре внимания К. Рууд и С.А. Степанова (Рууд, Степанов, 1993).

Более узкоспециализированная тема использования российской дореволюционной полицией и спецслужбами в агентурной работе представителей криминального и около криминального мира также достаточно изучена в отечественной научной литературе. Об этом говорится в работах В.С. Измозика, А.А. Здановича (Жандармы России, 2002; Измозик, 2012; Зданович, 2004; Зданович, 2016).

Факты использования международных авантюристов в агентурной работе упоминаются в исследованиях В.О. Зверева, Б.А. Старкова (Зверев, 2016; Старков, 2006; Старков, 2007).

Однако исследования названных авторов относятся к Европе, а не Азии. Исключение представляют автор настоящей статьи и его ученики. Они исследовали тему германского шпионажа и диверсионной работы на территории Китая в годы Первой мировой войны (Синиченко, Токарева, 2020; Синиченко, 2021; Синиченко, 2024; Синиченко, Белозерцев, 2022).

Информацию о деятельности жандармов на востоке мы можем почерпнуть из ведомственных

¹ Полиция: от прошлого до настоящего. Сборник статусных нормативных документов : научно-практическое пособие / сост. Мулукаев Р.С., Черников В.В. Москва : Юрайт, 2014. 335 с. EDN: TYPETD.

² Мойсинович А.М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в. : текст лекций. Ярославль : ЯрГУ, 2010. 88 с. EDN: QSADYD.

³ Лобанов А.В., Широков Г.Г. История полиции России : учеб. пособие. п. Мурино, Ленинградская обл. : Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2015. 197, [1] с.

архивов, в первую очередь из Архива внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Так, нами был найден следующий документ, отправленный в консульскую почту (консульство в Харбине) – копия донесения от 21 октября 1915 года № 98 от некоего «Француза» на имя начальника жандармско-полицейского управления Китайско-Восточной железной дороги (далее – ЖПУ КВЖД) полковника Леонида Яковлевича Горгопа.

Вот текст документа: «Получив указание из американского консульства о том, что в Чанчуне живут немцы, 14 октября я выехал в гостиницу «Ямато» под именем Густава Ольденбурга, стараясь завоевать доверие немцев. Я передал телеграмму местному (немецкому) консулу (со следующим содержанием) – "Я сбежал, получив деньги от американского консула на поездку в Чанчунь, прошу вас уведомить меня, что делать дальше". Примерно, через полчаса ко мне подошел неизвестный, который представился Шейниным. Он стал спрашивать, когда и как я попал в плен, но я сделал вид, что не доверяю ему и сказал, что не сбежавший пленник и удивляюсь такой теме разговора. После этого Шейнин вышел из комнаты, сказав: «что скоро в комнату приедет германский военный атташе генерал Паппенгейм и тогда Ольденбург будет уверен в его безопасности».

Пришел немец высокого роста в штатском платье. Пришедший расспросил, кто такой и откуда, и когда, я ответил, что лейтенант 3-го эскадрона черных гусар Густав Отльденбург, что находился в плену на станции Песчанка Забайкальской железной дороги, убежал оттуда, был в Харбине у американского консула и что тот направил в Чаньчунь, Паппенгейм спросил про мою цель в побеге и, услышав, что хотел принести пользу Отечеству, пожал мне руку.

На другой день, т. е. 16 октября, Шейнин познакомил с некими Брумбергом и Карльбеком. Вместе отправились гулять, с нами пошел и Паппенгейм. По дороге было предложено устроить взрыв на КВЖД. Из разговора узнал, что немцы рассчитывают на доктора Будберга. На следующий день Карльбек при встрече сказал, что они вместе с Паппенгеймом уезжают в Мукден, что из России к этому поезду приедут какие-то две женщины, которые имеют при себе шведские паспорта и везут пироксилин.

Карльбек уплатил по счету в гостинице и купил билет до Мукдена. К приходу поезда был на вокзале и видел этих двух женщин, с которыми Паппенгейм сердечно поздоровался. Притворился, что вывихнул ногу и не поехал вместе с ним в Мукден, а остался на станции Чаньчун. На вокзале к нему подошел какой-то господин, представился что он Киль, и показал телеграмму от немецкого консула в Мукдене – Витте, в которой тот просил оказать содействие Ольденбургу. Киль рассказал, что ранее служил у Скидальского на лесной концессии, был оставлен в городе Харбин и что он знает все тоннели на дороге». На документе надпись: «Подлинное подписал полковник Горгопа» (Архив внешней политики Российской империи г. Москва (АВПРИ). Фонд «Миссия в Пекине». Оп. 761. 1915–1919 гг. Д. 1021. Л. 268–269).

Кто такой «Француз» становится известным из допроса Александра Севериановича Эструпа, мещанина города Киева, проведенного следователем по особо важным делам Иркутской судебной палаты М.С. Стразовым 28 и 29 октября 1915 г. М.С. Стразов проверял деятельность жандармско-полицейского управления КВЖД осенью 1915 г.

Агент рассказал, что долгое время жил за границей, но в годы Первой мировой войны решил оказать содействие русской армии путем помощи в приобретении для нее за границей вооружений и снаряжения.

Так он сумел войти в доверие к двум русскими предпринимателями, которые приехали в Шанхай при содействии консула Гроссе заказать для нужд русской армии сто тысяч пар сапог. По их словам, консул России в Шанхае – Гроссе отказался указать кого-либо полезного в этом деле. Эstrupу пришлось их познакомить с китайскими и японскими сапожниками, и они смогли заказать сапог вдвое более и заказ этот был исполнен и сдан во Владивосток. После объявления войны консул Гроссе не позаботился принять меры против уклоняющихся от воинской повинности, которые целыми толпами стали пребывать из Владивостока в Шанхай на пароходах. Он даже оказывал им покровительство и поддержку. Так, еврею-булочнику, бежавшему от призыва, выдал 400 долларов. Когда консул Гроссе узнав, что Эstrup собирает о нем компрометирующие его факты, он через своего протектируемого русского подданного Эглитта добился, чтобы про-

тив его сожительницы Кушаковой была подана письменная жалоба с обвинением ее в хищении у некоего Воробьева 145 долларов США. Опасаясь преследований, Эструп с Кушаковой были вынуждены покинуть Шанхай. В первых числах июня 1915 г. Эструп и Кушакова прибыли во Владивосток (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 133).

Ранее в 1914 г. в Шанхае у своего квартирохозяина, очень богатого китайца, Эструп познакомился с другим китайцем, хорошо говорящем на французском языке, которого хозяин назвал секретарем Президента Китайской республики – Юань Шикая. Эструп несколько раз виделся с ним и вот незадолго до поездки во Владивосток этот секретарь Юань Шикая предложил купить частным способом в Китае 278 000 винтовок системы Маузера, приблизительно, на каждую по 2 800 патронов, гаубицы, артиллерийские орудия, какое количество точно, Эструп не помнил. Но секретарь президента, со слов Эструпа, собственноручно по-французски записал их число на особую бумажку и выдал Эструпу особый код для письменных секретных контактов. Винтовки в этом коде, к примеру, именовались бобами (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 134).

Эструп согласился выполнить поручение и передать его русским военным властям. Но смог это исполнить только в начале 1915 г., когда прибыл во Владивосток. По прибытии во Владивосток он разыскал знакомого шофера по фамилии Верховых и через него познакомился с местным офицером и ему передал поручение секретаря Юань Шикая. На другой день в гостинице «Золотой рог» с ним пришли к Эструпу еще два интендантских чиновника, которые выясняли подробности транспортировки вооружения из Китая. После установления контактов с российскими офицерами Эструп снова отправился в Китай в Харбин, где и заселился в гостинице «Русь» (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 135).

Там он познакомился с немцем Кегелем, русскоподданным. Тот свел его 7–8 июня 1915 г. в гостинице «Бель Вю» с доктором Будбергом. Эструп общаясь с Кегелем и предлагая ему разные предпринимательские проекты, представлялся, однако, под вымышленным именем – как француз из Лотарингии, то есть германский подданный.

К Кегелю часто на дом приходили три немца, один железнодорожник, вели разговоры об отправке амуниции во Владивостоке для русской армии, скопившейся в Китае с декабря 1914 по февраль 1915 г. Немцы в личных разговорах утверждали, что русские проиграют войну и будут разбиты. Информацию о своих встречах и контактах Эструп передавал начальнику жандармско-полицейского управления КВЖД (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 136).

Однако одним утром в гостиницу «Русь» явились чины Харбинского сыскного отделения и произвели у Эструпа обыск. В процессе обыска у авантюриста было изъято:

А. Телеграмма, которую он посылал Верховых во Владивосток.

Б. Заметка германского подданного Удлера, о торговых операциях, которые Эструп должен был проводить в Пекине.

В. Код для связи с секретарем Юань Шикая.

А.С. Эструп, оказавшись под стражей, сразу же потребовал встречи с начальником сыскного отделения, но тот не поверил объяснению и посадил авантюриста в Харбинский арестный дом, где тот и пробыл около трех месяцев. Сначала он сидел в камере № 4 с немцем Агасфером, но так как Эструп знал его под фамилией Рогович, по коммерческим делам в Шанхае, он предположил, что Агасфер шпионит в пользу Германии. Впоследствии, уже после освобождения из арестного дома, он увидел означенного Агасфера с каким-то человеком на вокзале Харбина, проследил за ними до квартиры американского консула. В 18-00 Эструп сам отправился к консулу с тем, чтобы выявить козни немецких шпионов в Харбине (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 137–138).

В результате этой инициативы 26 октября 1915 г. Иркутское губернское жандармское управление сообщило начальнику Владивостокского охранного отделения, что им в Харбине раскрыта организация, содействовавшая побегам военнопленным. Причем установлена причастность к побегам германского консульства в Шанхае и американского консула в Харбине – Чарльза Мозера.

13-го октября 1915 г., по показаниям ротмистра, к нему явился «патриот» – недавно освобожденный из Харбинского арестного дома, мещанин города Киева, Александр Эструп, который заявил,

что будучи 12-го октября 1915 г. на вокзале из окна заметил, как с вокзала в город направился известный ему немец Агасфер, живший в гостинице «Гранд-Отель» под фамилией Ромишевского, в сопровождении другого, неизвестного Эструпу человека, с обвязанным платком лицом (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 21).

Зная Агасфера, как лицо, сочувствовавшее германским подданным, Эструп последовал за ним и видел, как оба они прошли в квартиру американского консула в Харбине – Чарльза Мозера. Подождав возвращения Агасфера, Эструп, по его словам, сделал вид, что встретил его случайно около сада у вокзала, и вместе с ним отправился выпить в один из ресторанов на пристани, а потом, сгорая от любопытства, рискнул сам пройти в квартиру американского консула Мозера под личиной германского военнопленного офицера, ищущего способ перейти границу в Китай. В тот же вечер Эструп, по его словам, отправился на квартиру американского консула, назвался там лейтенантом Ольденбургом, взятым в плен русскими в Восточной Пруссии и бежавшим из лагеря (ГАИО. Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 22).

Рассказывая М.С. Стразову о своих контактах с германскими разведчиками, Эструп-Ольденбург отметил, что боялся разоблачения и предполагал, что ему грозит большая опасность. Между тем, очевидно, приезд его под видом германского офицера вызвал некоторый интерес японской полиции, поэтому на другой день по прибытии в Чаньчун В.Р. Паппенгейм предложил Эструпу-Ольденбургу отправиться на вокзал и приготовиться к отъезду в Мукден, а счет его в гостинице Паппенгейм оплатил из своих средств. На вокзале перед приходом экспресса из России Кальбек купил Эструпу-Ольденбургу билет до Мукдена, и Паппенгейм провел его в вагон и указал место.

Не желая в этот день ехать в Мукден, Эструп вышел из вагона и в то время, когда поезд должен был уходить, Ольденбург-Эструп как бы спеша на станцию сошел в Чаньчуне. Вскоре туда явился немец Киль, показал ему телеграмму от Паппенгейма с приказом оказать ему всякое содействие и пригласил его к себе на квартиру, где накормил Эструпа-Ольденбурга, сходил на вокзал, купил ему билет и проводил на поезд, отходящий в Мукден, но Эструп-Ольденбург успел обмануть Килья и про-

шел в противоположные двери вагона, и по путям добрался до железнодорожной станции, оттуда поездом возвратился в Харбин (ГАИО. Ф. 705. Оп. 3. Д. 1. Л. 26).

Отметим, что на основании показаний Эструпа о беседах с немецкими разведчиками 16-го октября 1915 г. чинами железнодорожного полицейского управления в видах проверки указанных выше сведений был произведен в квартире Харбинского санитарно-городового и тюремного доктора медицины барона Рожера Александровича фон Будберга обыск, после которого его заключили под стражу (ГАИО. Ф. 705. Оп. 3. Д. 12. Л. 30).

22 ноября 1915 г. жандармско-полицейское управление КВЖД сообщало Иркутскому губернскому жандармскому управлению, что бумаги, отобранные по обыску у обвиняемого барона фон Будберга, разбираются, причем среди них обнаружена фотографическая группа, на которой изображен германский подданный Август Штефлер, личный друг фон Будберга, в кругу вооруженных китайцев (рис.). Названный Штефлер проживал на территории КВЖД, сперва в качестве миссионера французской католической миссии, а затем в качестве представителя германской фирмы «Нюман», причем с объявлением войны спешно выехал в неизвестном направлении (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1030. Л. 70).

Отметим, что ранее, пока Александр Эструп находился в Харбинской тюрьме, он успел оказать крупную услугу российским правоохранителям.

Так, Прокурор Пограничного суда в депеше от 20 октября 1915 г. за № 169 сообщал посланнику информацию о деятельности Тобеса Левина и других лиц, которая послужила основой в порядке возбуждения уголовного дела по ст. 1035 Устава Угол. Суд. Прокурор отмечал, что первоначально против Тобеса Левина не было добыто никаких данных, которые могли бы быть положены в основание его судебного обвинения, но с задержанием в Тяньцзине Шмуля Вульфовича, Ноги-Таги-оглы и именовавшего себя Магомедом Ахметом-Мамедовым дело получило другой оборот благодаря тому, что Мамедов передал содержащемуся под стражей в Харбинском арестном доме Александру Эструпу записку на турецком языке, прося Эструпа немедленно по освобождении поехать в Шанхай и эту записку передать германскому кон-

РЕПРОДУКЦИЯ
фотографической группы, отобранной по обыску у обви-
няемого барона фон БЕННИНГГАУЗЕНЬ-БУДВЕРГА.

Въ центрѣ группы (×) европеецъ въ китайской
одеждѣ - германскій подданный Августъ ШТЕФЛЕРЪ. Ли-
чность сидящаго рядомъ европейца съ трехлинейной ви-
товкой въ рукахъ пока не установлена.

ПРОКУРОРЪ СУДА

Рис. 1. Август Штефлер среди китайских хунхузов (Репродукция фотографической группы, отобранной по обыску у обвиняемого барона фон Беннинггаузен-Будверга. В центре группы европеец в китайской одежде – германский подданный Август Штефлер. Личность сидящего рядом европейца с трехлинейной винтовкой в руках пока не установлена. Прокурор суда Сульжиков)

Fig. 1. August Steffler among the Chinese Hunhuz (A reproduction of the photographic group seized during a search of the accused Baron von Benninghausen-Budweg. In the center of the group is a European in Chinese clothes - a German citizen August Steffler. The identity of the European sitting next to him with a three-line rifle in his hands has not yet been established. Prosecutor of the court Sulzhikov)

сулу (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1030. Л. 14).

Александр Эструп вместо исполнения просьбы Мамедова его записку представил российским властям. Впоследствии он дал подробные показания, в значительной степени осветившие дело Левина и других (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1030. Л. 15).

Благодаря Александру Эструпу было выяснено, что назвавшийся Магомед Ахметом в действительности является русским подданным, мещанином города Елизаветополя Кермалаем Бегдар-оглы Мамедовым, российским подданным, вступившим после начала войны в ряды вражеской турецкой армии. Этот коллаборант принимал участие в высадке турецкого десанта в Бессарабии, был взят в

плен и бежал в Китай из лагеря Песчанки Забайкальской области, куда он был водворен в качестве военнопленного (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1026. Л. 317).

Благодаря допросу Мамедова был установлен проживавший в Шанхае резидент турецкой разведки Эттингер. По происхождению турецкий еврей, он родился в Константинополе, где его мать содержала публичный дом. Эттингер свободно владел турецким языком, являлся единственным знатоком этого языка в Шанхае.

В 1903 г. Эттингер уехал в Россию, освоил русский язык и организовал публичные дома во Владивостоке. Затем в годы Русско-японской войны он переехал в китайский город Шанхай. Г-жа Эттингер также была известна русской разведке как «матерая шпионка», работавшая с начала войны на германскую разведку (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 359).

Ранее была известна под фамилией Джексон, польская еврейка, занималась проституцией в борделях Гонконга и Сингапура. Ее настоящая фамилия Дора Сукар. По приезду в Шанхай работала в кафе «RICH» (Богатство) у сутенера Хаима Абрахама, привлеченного позже британской полицией к уголовной ответственности в Гонконге. Показания на своего сутенера дала сама Дора Сукар. Затем она сошлась с сутенером Финкельштейном, обслуживала английских матросов в гостинице «TRAVELERS» (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 360).

Потом она познакомилась с Эттингером, который в Китае снабжал фальшивыми турецкими паспортами подозрительных личностей по указанию консула. Совершала с мужем поездки в города Дальний и Мукден. Госпожа Эттингер-Джексон, стала связной Эттингера с германским консулом в Мукдене (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1022. Л. 361).

Именно благодаря деятельности Александра Эструпа и показаниям Мамедова было установлено, что в Шанхае в помещении Германского консула имеется разведывательное бюро, которым ведал еврей Эттингер (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 244).

Сам Эструп был арестован российской полицией в Харбине по подозрению в шпионаже, так как назвал себя французским подданным, но дока-

зательства этого не представил. Российский же консул в Шанхае – Гроссе официально сообщил в Харбин, что Эструп перешел из датского подданства в российское в январе 1905 г. и был приписан к киевскому мещанскому обществу, проживал в Китае и занимался различными торговыми махинациями. После совершения патриотического поступка Эструп был освобожден из-под стражи, а возбужденная против него переписка была прекращена прокурором Пограничного суда порядком, указанным в ст. 253 Устава Уголовного суда (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1030. Л. 46–51).

Ввиду показаний Эструпа, прокурор Пограничного суда предложил сотруднику ЖПУ КВЖД – отдельного корпуса жандармов ротмистру Бокастову приступить к производству формального о Вульфовиче дознания с присоединением его к дознанию о Левине, причем допрошенный порядком, указанным ст. 722 Уст. Угол. Суд. Кербалай-Беглароглы-Мамедов дал пространные и вполне чистосердечные показания, проливающие свет на шпионскую деятельность агентов германского консульства в Шанхае.

Показания Кербалай Беглароглы-Мамедова послужили основой для привлечения к уголовной ответственности Тобес Левина, Шмуля Вульфовича, Ноги-Тагиоглы, Хаима Щербилиса и самого Мамедова по ст. 108 и 11 Уголовного уложения, а Мамедова и по 3 и 2 части ст. 108 и по ст. 109 того же Уложения (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1030. Л. 62–63).

Наряду с этим прокурором Пограничного суда было возбуждено второе формальное дознание по обвинению доктора медицины барона Рожера Беннигаузена фон Будберга, еврейского раввина Киселева, шамэса харбинской синагоги Гилела Линского и мещанки Рыси Гуссак в государственной измене (ст. 108 Угол. Улож.) за участие в провозе беглых военнопленных в Китай. В основу этого обвинения также легли показания свидетеля Александра Эструпа.

Впоследствии личность Александра Эструпа стала ключевой в дипломатической переписке русской и американской сторон. Русский МИД требовал отозвания из Китая американского консула Чарльза Мозера за помощь бежавшим из русского плена солдатам германской и австро-венгерской

армий, а дипломаты США указывали на процессуальные ошибки российского следствия, отмечали, что американский представитель в Харбине стал жертвой «полицейской провокации».

Об этом говорится, в частности, в секретном письме прокурора пограничного окружного суда Ал. Сульжикова на имя Императорского российского генерального консула в Харбине от 19 октября 1915 г. № 168. Отметим, что именно этот прокурор процессуально обеспечивал следствие по делу о русских подданных, способствовавших побегам военнопленных из Сибири и Дальнего Востока в Китай, – бароне фон Бенингаузене-Будберге и других обвиняемых в государственной измене (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 261–265).

Прокурор отмечал, что претензия США безосновательна (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 261).

По мнению прокурора, очевидно из собранных материалов, что Чарльз Мозер не отрицал факта оказания помощи являвшимся к нему военнопленным. По мнению американского дипломата, германские и австрийские подданные находились в Маньчжурии под его покровительством, и он имел от своего правительства для оказания им материальной помощи денежные фонды (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 262).

Прокурор отмечал, что Чарльз Мозер не только выдавал деньги военнопленным, но и оказывал прямое содействие побегам. Так, он «...собственноручно написал на двух листах отрывного блокнота несколько адресов, по которым свидетель должен был обратиться за надобностью. Часть адресов была написана в американском консульстве другим лицом, по-видимому, вице-консулом Мортоном. Записки эти представлены дознанию».

Что касается слов Чарльза Мозера о том, что он стал жертвой полицейской провокации, прокурор отметил, что показания свидетеля Эструпа, допрошенного в его присутствии с предварением об уголовной ответственности за ложные показания, показало, что **«...свидетель этот явился к Мозеру по собственной инициативе»** (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 263).

По мнению российского МИДа, которое было выражено в секретном письме от 22 октября

1915 г. № 319, – США оказывала поддержку интересов ГРАЖДАНСКИХ ПОДДАННЫХ Австро-Венгрии и Германии, ранее интернированных с начала войны на территории России (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 266).

Что касается не гражданских людей, а военнопленных, то помощь им, по мнению российского МИДа, – не соответствовала официальному положению Мозера. Если факты содействия побегам подтверждались судебным решением, то надлежало выслать дипломата на его родину (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 268).

25 октября 1915 г. генеральный консул России в Харбине в секретном письме № 326 сообщал российскому посланнику в Пекине, что 24 октября 1915 г. он посетил Чарльза Мозера и указал на циркулирующие в городе толки в связи с арестом лиц, способствовавших побегам пленных, спросил его насколько основательны слухи о том, будто бы беглые военнопленные обращались в американское консульство и получали от последнего денежную помощь за счет германского правительства. Мозер ответил, что действительно это так. К нему приходило несколько человек, которые, назвавшись беглыми военнопленными германской или австрийской армий, просили о помощи. Проверить, действительно ли эти лица беглые пленные, он не мог и это не входило в его обязанность. **Он полагал, что его не обманывали и только в одном случае он подозревал, что к нему под видом пленного приходил русский сыщик.** Помогать бежавшим из русского плена деньгами он считал не только своим правом, но и обязанностью, имея инструкцию своего посланника, известную китайскому правительству. Он выдавал денежные пособия за счет правительств Австрии и Германии всем нуждающимся австро-германцам (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 270).

В ответ российский дипломат выразил сожаление, что представитель США предпринял действия, свидетельствующие о нарушении им нейтралитета. Вопрос не в выдаче денег неимущим австро-германцам, а в том, что военнопленные, воротись они в Германию, снова могли вступить в ряды действующей против России армии. Ознакомление пленных по картам с расположением окрестностей равносильно указанию путей дальнейшего бегства. Совершенно непонятным, считал

русский консул, чтобы не сказать более, был факт выдачи беглому пленному адреса русского подданного будто бы лишь для того, чтобы пленный мог поговорить с ним на родном языке (АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1021. Л. 272).

Тем не менее американские власти не отзывали своего дипломата, указывая процессуальные нарушения российского следствия. Дело о «полицейской провокации» затянулось до крушения российской государственности в 1917–1918 гг. Американская сторона настаивала, что Александр Эструп

сотрудник царских, а потом демократических российских специальных служб, хотя и не имела к этому никаких формальных доказательств.

Таким образом, в основе крупных «ликвидаций» прогерманских организаций на территории Китая и Китайской Восточной железной дороги, осуществлённых в 1915 г. российскими спецслужбами, лежала деятельность международного авантюриста Александра Эструпа, который находился в доверительных отношениях с жандармско-полицейским управлением КВЖД.

Список источников

Агафонов В.К. Заграничная охранка (Составлено по секретным документам Заграничной Агентуры и Департамента Полиции). С приложением очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной агентуры. Петроград : Книга, 1918. 388 с.

Ансимов Н.Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия (1903–1917 гг.). Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1989. 150, [1] с.

Борисов А.В., Малыгин А.Я., Мулукаев Р.С. Полиция Российской империи: монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2013. 318, [2] с. EDN: WIRSBX.

Борисов А., Малыгин А., Мулукаев Р. Три века российской полиции. М. : РИПОЛ классик, 2016. 608 с. EDN: VVPBMJ.

Жандармы России / сост. В.С. Измозик. СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-Пресс, 2002. 640 с.

Зверев В.О. Иностраннный шпионаж и организация борьбы с ним в Российской империи (1906–1914 гг.). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. 360 с. EDN: WGQLQX.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка, 1914–1920. Организационное строительство. М. : Крафт+, 2004. 237, [2] с.

Зданович А.А. Деятельность иностранных разведок в России во время Первой мировой войны // Клио. 2016. № 1 (109). С. 167–173. EDN: VUCCIL.

Измозик В.С. Н.С. Лесков и «чёрные кабинеты» // Русская литература. 2012. № 2. С. 142–144. EDN: OYKYKR.

Осоргин М.А. Охранное отделение и его секреты. М. : Студенческое изд-во «Грядущее», 1917. 32 с.

Перегудова З.И. Политический сыск в России (1880–1917). М. : РОССПЭН, 2000. 432 с. EDN: FQDDQA.

Рууд Ч.А., Степанов С.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М. : Мысль, 1993. 432 с. EDN: XVXHLT.

Синиченко В.В. Работа негласной агентуры МВД по выявлению фактов шпионажа на востоке Российской империи в годы Первой мировой войны : монография. М. :

References

Agafonov V.K. (1918) Foreign Okhrana. Compiled on the basis of secret documents of foreign agents of the Police Department. With the appendix of the essay “Evno Azef” and a list of secret employees of foreign agents. Petrograd: Kniga. 388 p. (In Russ.).

Ansimov N.N. (1989) The Struggle of the Bolsheviks against the Political Secret Police of the Autocracy (1903–1917). Sverdlovsk: Ural State University. 150, [1] p. (In Russ.).

Borisov A.V., Malygin A.Ya., Mulukaev R.S. (2013) Police of the Russian Empire. Monograph. Moscow: YuNITY-DANA : Zakon i parvo. 318, [2] p. (In Russ.). EDN: WIRSBX.

Borisov A., Malygin A., Mulukaev R. (2016) Three Centuries of the Russian Police. Moscow: Ripol Klassik. 608 p. (In Russ.). EDN: VVPBMJ.

Izmozik V.S. (2002) Gendarmes of Russia. St. Petersburg: Neva; Moscow, OLMA-Press. 640 p. (In Russ.).

Zverev V.O. (2016) Foreign Espionage and the Organization of the Fight against it in the Russian Empire (1906–1914). Monograph. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 360 p. (In Russ.). EDN: WGQLQX.

Zdanovich A.A. (2004) Domestic Counterintelligence (1914–1920). Organizational Construction. Moscow: Kraft+. 237, [2] p. (In Russ.).

Zdanovich A.A. (2016) Activity of Foreign Intelligence in Russia during the First World War. *Clio*. No. 1 (109). P. 167–173. (In Russ.). EDN: VUCCIL.

Izmozik V.S. (2012) N.S. Leskov and the “Black Cabinets”. *Russian Literature*. No. 2. P. 142–144. (In Russ.). EDN: OYKYKR.

Osorgin M.A. (1917) Frontier and its secrets Okhrana. Moscow : Student’s Publishing House “Gryadushchee”. 32 p. (In Russ.).

Peregudova Z.I. (2000) Political Investigation in Russia (1880–1917). Moscow: ROSSPEN. 432 p. (In Russ.). EDN: FQDDQA.

Ruud Ch.A., Stepanov S.A. (1993) Fontanka, 16. Political investigation under the Tsarist regime. Moscow: Mysl’. 432 p. (In Russ.). EDN: XVXHLT.

Sinichenko V.V. (2021) Work of the secret agents of the Ministry of Internal Affairs to identify the facts of espionage in the East of the Russian Empire during the First World War.

Прспект, 2021. 144 с. DOI: 10.31085/9785392333516-2021-144. EDN: IWGGHF.

Синиченко В.В. Борьба правоохранительных органов Российской империи с контрабандой опиума и германским шпионажем на территории Китайской республики в годы Первой мировой войны // Историко-экономические исследования. 2024. Т. 25. № 2. С. 315–340. DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).315-340. EDN: PEMSNL.

Синиченко В.В., Белозерцев С.М. Дело американского консула Мозера 1915 г. в свете ранее не опубликованных документов из фондов Государственного архива Иркутской области // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 1212–1221. DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1212-1221. EDN: UAQPKK.

Синиченко В.В., Токарева Г.С. Работа правоохранительных органов России по противодействию предполагаемым диверсиям на Транссибе в годы Первой мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 2. С. 153–163. DOI: 10.21285/2415-8739-2020-2-153-163. EDN: XDPYMJ.

Старков Б.А. Охотники на шпионов: контрразведка Российской империи : 1903–1914. Москва [и др.] : Питер, 2006. 304 с. EDN: QWYYPD.

Старков Б.А. Охотники на шпионов-2. Пасынки Великой войны. Контрразведка последней войны Российской империи. 1914–1917. СПб. : Питер, 2007. 438 с.

Щеголев П.Е. Секретные сотрудники и провокаторы: / под ред. и с предисл. П.Е. Щеголева. М.; Л. : Гос. изд-во, 1927. 256 с.

Щеголев П.Е. Охранники и авантюристы. М. : Изд-во политкаторжан, 1930. 160 с.

Информация об авторе

Синиченко Владимир Викторович,
доктор исторических наук, профессор, профессор,
проректор по научной работе и международной
деятельности,
Байкальский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, Россия,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9384-2175>

Вклад автора

Синиченко В.В. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 15 сентября 2024 г.; одобрена после рецензирования 20 ноября 2024 г.; принята к публикации 9 декабря 2024 г.

Monograph. Moscow: Prospekt. 144 p. (In Russ.). DOI: 10.31085/9785392333516-2021-144. EDN: IWGGHF.

Sinichenko V.V. (2024) The struggle of the Russian Empire's law enforcement agencies against opium smuggling and German espionage in the Republic of China during the First World War. *Historical and Economic Research*. Vol. 25. No. 2. P. 315-340. (In Russ.). DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).315-340. EDN: PEMSNL.

Sinichenko V.V., Belozertsev S.M. (2022) Affaire of the American consul Moser (1915) in light of previously unpublished documents from the fonds of the State archive of the Irkutsk region. *Vestnik Arkhivista*. No. 4. P. 1212-1221. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073-0101-2022-4-1212-1221. EDN: UAQPKK.

Sinichenko V.V., Tokareva G.S. (2020) Work of law enforcement bodies of Russia to counter the suggested diversions on Transsib in the years of the First World War. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 16. No. 2. P. 153-163. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2020-2-153-163. EDN: XDPYMJ.

Starkov B.A. (2006) Spy hunters. Counterintelligence of the Russian Empire, 1903-1914. Moscow [and others]: Piter. 304 p. (In Russ.). EDN: QWYYPD.

Starkov B.A. (2007) Spy hunters-2. Stepchildren of the Great War. Counterintelligence of the last war of the Russian Empire. 1914-1917. St. Petersburg: Piter. 438 p. (In Russ.).

Shchegolev P.E. (1927) Secret Employees and Provocateurs. Moscow; Leningrad: State Publ. 256 p. (In Russ.).

Shchegolev P.E. (1930) Guards and Adventurers. Moscow: Publishing House of Political Convicts. 160 p. (In Russ.).

Information about the author

Vladimir V. Sinichenko,
Dr. Sci. (History), Professor, Professor, Vice-Rector for
Research and International Affairs,
Baikal State University,
11, Lenin St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: v.v.sinichenko@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9384-2175>

Contribution of the author

Sinichenko V.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 15, 2024; approved after reviewing November 20, 2024; accepted for publication December 9, 2024.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
EDN: LTVEEV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-114-126>

Гражданская война в публицистическом языке В.И. Ленина в 1917–1918 гг.: «эмоциональный силлогизм» и другие суггестивно-манипулятивные дискурсивные приёмы

Д.А. Коцюбинский

Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье анализируются особенности и эволюция публицистического языка В.И. Ленина в контексте использования понятия «гражданская война» в период с апреля 1917 г. по апрель 1918 г. В этот отрезок истории большевистский лидер был вынужден отказаться от закрепившихся в его риторике с началом Первой мировой войны призывов к превращению «империалистской войны в войну гражданскую». Поддерживая дискурс о дальнейшем развитии революции и необходимости перехода всей власти в руки Советов, Ленин стал широко использовать сложно структурированный приём «эмоционального силлогизма». Суть этого приёма заключалась в том, что место логически развивающегося рассуждения занимало эмоционально развивавшееся противоречивое чувство. Этот приём позволял эффективно соединять формально-логически противоречившие друг другу тезисы: с одной стороны – отрицание стремления большевиков к гражданской войне, с другой стороны – подтверждение приверженности большевиков идее гражданской войны за социализм и мировую революцию. Данный приём сохранял для Ленина свою актуальность вплоть до начала весны 1918 г., когда в ситуации кратковременной политической стабилизации советской власти большевистский лидер вновь скорректировал стилистику своих суггестивных публицистических высказываний и оценок, в том числе на тему гражданской войны. В этот отрезок времени в рассуждениях на указанную тему Ленин стал использовать более простые и «однолинейные» манипулятивно-публицистические приёмы, обращаясь к внутрипартийной или пробольшевистски настроенной советской аудитории. Одними из таких дискурсивных инструментов стали приёмы «нарушения логики», «монологического диктата» и др.

Ключевые слова: В.И. Ленин, гражданская война, мировая революция, большевики, эсеры, меньшевики, «мирное развитие революции», суггестия, манипулятивный приём, эмоциональный силлогизм

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

Для цитирования: Коцюбинский Д.А. Гражданская война в публицистическом языке В.И. Ленина в 1917–1918 гг.: «эмоциональный силлогизм» и другие суггестивно-манипулятивные дискурсивные приёмы // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 114–126. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-114-126. EDN: LTVEEV.

History

Original article

The concept of civil war in the journalistic language of V.I. Lenin in 1917-1918: “emotional syllogism” and other suggestive-manipulative discursive techniques

Daniil A. Kotsiubinsky

International Center for Social and Economic Research “Leontief Center”, St. Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes the features and evolution of V.I. Lenin's journalistic language in the context of using the concept of “Civil War” in the period from April 1917 to April 1918. During this period of history, the Bolshevik leader was forced to abandon the calls for turning the “imperialist war into a civil war” that had become entrenched in his rhetoric since the beginning of World War I. Supporting the discourse on the further development of the revolution and the need to transfer all power to the

Soviets, Lenin began to widely use the complexly structured technique of “emotional syllogism”. The essence of this technique was that the logically developing reasoning was replaced by emotionally developing contradictory feelings. This technique allowed for the effective combination of formally and logically contradictory theses: on the one hand, the denial of the Bolsheviks' desire for civil war, on the other hand, confirmation of the Bolsheviks' commitment to the idea of a civil war for socialism and world revolution. This technique remained relevant for Lenin until the beginning of spring 1918, when, in a situation of short-term political stabilization of Soviet power, the Bolshevik leader again adjusted the style of his suggestive journalistic statements and assessments, including on the topic of the civil war. During this period of time, Lenin began to use simpler and “unilinear” manipulative-journalistic techniques in his reasoning on this topic, addressing intra-party or pro-Bolshevik-minded Soviet audiences. One of these discursive tools was the technique of “violating logic”, “monological dictatorship” etc.

Keywords: V.I. Lenin, Civil War, world revolution, Bolsheviks, Socialist Revolutionaries, Mensheviks, “peaceful development of the revolution”, suggestion, manipulative technique, emotional syllogism

Acknowledgements. This article was written during research undertaken with financial support from the Russian Science Foundation, project number 20-18-00369-P “Processes of legitimization of violence: cultures of conflict in Russia and the escalation of the Civil War”.

For citation: Kotsiubinsky D.A. (2025) The concept of civil war in the journalistic language of V.I. Lenin in 1917-1918: “emotional syllogism” and other suggestive-manipulative discursive techniques. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 114-126. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-114-126. EDN: LTVEEV.

Не вызывает сомнения актуальность изучения публицистического языка ведущих политических акторов прошлого, поскольку этот анализ существенно приближает к пониманию содержания их действий. Как отмечает новозеландский историк и историограф Дж.Г.А. Покок: «...изучить язык означает изучить вещи, которые можно с его помощью сделать, а понять какого-либо мыслителя означает увидеть, что он стремился сделать с помощью языка» (Роскок, 1972. Р. 28).

В этой связи исследование особенностей риторики В.И. Ленина, касавшейся одной из центральных тем его публицистического нарратива – гражданской войны, также представляется априори актуальным. Тем более что, как отмечает воронежский исследователь М.Е. Разиньков, в последние годы наблюдалось заметное «охлаждение историографического интереса к ленинскому наследию» (Разиньков, 2014. С. 181) и за этот период накопился дефицит осмысления данной проблематики на новом историографическом этапе.

М.Е. Разиньков, опубликовавший ряд статей, затрагивающих проблему эволюции представлений В.И. Ленина о феномене гражданской войны (Разиньков, 2014; Разиньков, 2017; Разиньков, 2018), рассматривает данную эволюцию как теоретико-поисковый процесс, в ходе которого исходная концепция постоянно корректировалась практикой и таким образом развивалась: «Идеологические искания февраля – сентября 1917 г. нашли своё итоговое отражение в сентябрьских работах...» (Ра-

зиньков, 2014. С. 178); «Ленинские взгляды на хронологические границы гражданской войны претерпели значительную эволюцию...»; «С весны 1920 г. Ленин внёс поправки и в общую периодизацию гражданской войны, по сути, попытавшись порвать со своими прежними взглядами» (Разиньков, 2017. С. 11). Несмотря на авторское резюме о том, что (жирный курсив здесь и далее – М.Е. Разинькова) «ленинская концепция гражданской войны развивалась ситуативно, изменяясь под влиянием обстоятельств, а не в результате тщательного научного исследования феномена войны, как это представлялось советским историкам» (Разиньков, 2014. С. 181), Разиньков всё же склонен рассматривать данный процесс скорее как линейно-эволюционный и мотивированный не только политически, но также эпистемологически. Автор исходит из того, что Ленин непрерывно обновлял теорию, исправляя под влиянием практического опыта «ошибки» и делая, как можно понять из контекста, свою концепцию гражданской войны всё более научно релевантной: «Я считаю, что к началу 1920 г. Ленин не только пересмотрел отдельные положения своей концепции, но и пытался отказать от старой концепции в пользу новой. Советская историография игнорировала этот важный факт, предпочитая доказывать цельность и непротиворечивость ленинских взглядов на феномен и этапы гражданской войны, нежели признать за Лениным некую ошибку, которую он сам же попытался исправить» (Разиньков, 2014. С. 181).

Вышеописанному подходу соответствует и предложенная Разиньковым периодизация эволюции ленинских представлений о гражданской войне (Разиньков, 2014). Согласно этой схеме, рассматриваемый в настоящей статье хронологический отрезок приходится на два этапа указанной эволюции: *«февраль – сентябрь 1917 гг. – время преимущественно “теоретических” рассуждений»* и *«октябрь 1917 – апрель 1918 гг. – время “практическое”: непосредственная реализация идей, сформулированных ранее, после прихода к власти»* (Разиньков, 2014. С. 177).

Как представляется, эволюционно-теоретический подход к пониманию сути ленинских высказываний на тему гражданской войны, даже с поправкой на «практику как критерий истины», не позволяет полноценно понять и описать их смысл. Дело в том, что в этом случае «за кадром» остаётся важнейший смыслообразующий атрибут ленинской публицистики: её стилистика, анализу которой был посвящён целый ряд работ, опубликованных на протяжении последних десятилетий (Коцюбинский, 2003; Сергеева, 2006; Майсурян, 2006; Яров, 2007; Приходько, 2012; Быков¹, 2017; Калинин, 2018; Карпи, 2021 и др.). Из сделанных авторами данных исследований наблюдений следует, что форма публицистических текстов Ленина, во-первых, была неразрывно связана с их содержанием и в известном смысле его определяла, а во-вторых, всецело подчинялась решению сиюминутных политико-пропагандистских и организационно-оперативных задач, а отнюдь не теоретическому осмыслению накопленного практического опыта.

Неучёт стилистики ленинских публицистических работ как их фундаментальной смысловой характеристики и, в частности, попытка рассмотреть эволюцию ленинских представлений о гражданской войне как развитие некой теории, пусть даже с поправкой на его ситуативную обусловленность, думается, ограничивает, а порой и искажает понимание исторической конкретики.

Так, анализируя статью В.И. Ленина «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной» и, столкнувшись с тем, что Ленин говорит о возможности развития революции «мир-

ным путём» и в то же время сохраняет приверженность общему курсу на гражданскую войну за социализм, М.Е. Разиньков рассматривает эту формально-логическую коллизию как своего рода курьёз. И хотя автор пытается дать ему объяснение, однако оно оказывается сбивчивым и в финале косвенно противоречит тезису о лонгитюдной поступательной эволюции (а не моментальной адаптации к текущему моменту) ленинских взглядов на гражданскую войну: *«Интересен сам ход мыслей Ленина, с одной стороны, никогда не отказывавшегося от необходимости гражданской войны, с другой – думавшего о возможности мирного перехода власти к Советам. Здесь мы видим, возможно, результаты попыток лавировать, как-то вписаться в политическую конъюнктуру революции февраля – сентября 1917 г., чтобы совсем уж не выглядеть “белой вороной”. Вероятнее же всего это также был способ найти оправдание призывам к эскалации насилия нежеланием правительства и “реакции” сдаться “неизбежному ходу истории” в виде победоносной пролетарской революции»* (Разиньков, 2014. С. 178). В этой же работе Разиньков пишет о том, что, придя к власти, Ленин поначалу пытался оперировать использованным им в «сентябрьских работах» термином «буржуазная гражданская война»: *«...например, в антикадетском “Декрете об аресте вождей гражданской войны против революции” (29 ноября (12 декабря) 1917 г.), но довольно быстро заменил её более простой схемой “революция-контрреволюция”»* (Разиньков, 2014. С. 178). Однако этот вывод так же, как представляется, искусственно «подтягивает» факты к схеме. Дело в том, что, как известно, в одной из августовско-сентябрьских статей – «За деревьями не видят леса» («Пролетарий» № 6, 1 сентября (19 августа) 1917 г.) – Ленин фактически соединил оба эти понятия в единое феноменологическое целое: *«...всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну»* (Ленин, 1969с. С. 80) – и в дальнейшем, после прихода к власти, отнюдь не отказался от использования дискурса о буржуазной гражданской войне, начатой «Рябушинскими» и «Каледиными» (Ленин, 1975. С. 296–297). Ещё один пример небесспорности использования «линейно-эволюционной» интерпретации ленинских представлений о гражданской войне относится к концу

¹ Признан в РФ СМИ-иноагентом.

рассматриваемого периода. Оценивая выступление Ленина 23 апреля 1918 г. на заседании Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов как «кульминацию» надежд на окончание гражданской войны (Разиньков, 2014. С. 179), Разиньков оставляет без внимания содержащийся в этой же речи «параллельный текст», где прямо и очень эмоционально говорится о нависшей угрозе со стороны не только внешних, но и внутренних врагов. (Подробнее обо всём этом будет сказано ниже.)

Авторы, анализировавшие ленинскую публицистическую стилистику, описали целый ряд её характерных особенностей, объединяемых общим понятием *манипулятивных приёмов* (Сергеева, 2006; Приходько, 2012. С. 56): семантический волюнтаризм, вплоть до смысловой подмены – Ленин «*устанавливает каждый раз между словом и предметом новое отношение*» (Шкловский, 1924. С. 55–56); «*разрыв синтаксического целого*» и тематический «*параллелизм*» (Финкель, 1925. С. 81); суггестивность и стремление к первоочередному воздействию на эмоции, а не разум (Карпи, 2021. С. 41–42, 57; Рузер, 1924. С. 60); упрощение, вплоть до вульгаризации речи (Яров, 2007); «*коммуникативный саботаж*» (Приходько, 2012. С. 53–54); «*использование лживого обвинения во лжи*» (Сергеева, 2006. С. 202–203; Юшкевич, 1910. С. 42); высказывание, в котором желаемое выдаётся за действительное; мнимый вывод; вывод, сделанный на основании недоказанного положения; демагогическое немотивированное заявление; нарушение логики; вывод, прямо противоположный логическому следствию посылки; ссылка на мифическую «волю народа»; риторический троп, подменяющий логические доводы и факты; нагнетание эмоций; использование лжи; *etc.* (Сергеева, 2006).

В данной статье речь пойдёт о ранее не подвергавшемся специально рассмотрению манипулятивном стилистическом приёме, посредством которого В.И. Ленин стремился «обходить» политически опасные для него в период с весны 1917 по весну 1918 гг. обвинения в «разжигании гражданской войны», при этом сохраняя, во-первых, приверженность своим субстанциональным теоретическим установкам, а во-вторых, возможность в скором будущем вернуться к эксплицитному военно-гражданскому дискурсу. Этот приём представляется целесообразным обозначить как «**эмоцио-**

нальный силлогизм», определяемый как **позапно структурированное эмоциональное обоснование изначально отвергаемого тезиса**.

Речь идёт о суггестивном приёме, при котором место формально-логически построенного рассуждения занимает эмоционально разворачивающееся противоречивое чувство. «Легитимный чувственный итог» образуется за счёт «силлогистического примирения» *более сильного*, но изначально нелегитимного – морально табуированного – чувства (в данном случае – институционального стремления «низов» к силовому конфликту с «верхами») – с *менее сильным*, хотя и формально легитимным – морально предписанным – чувством (страхом тех же «масс» перед угрозой кровопролитной гражданской войны).

Структура «эмоционального силлогизма», использовавшегося Лениным в период с апреля 1917 по апрель 1918 гг. в связи с тематикой гражданской войны, выглядит следующим образом:

1. Отрицание собственного стремления к достижению формально нелегитимной (морально табуированной, но бессознательно чаемой «массами») цели – «разжиганию гражданской войны».

2. Взваливание ответственности за стремление к формально нелегитимной цели – гражданской войне – на «врагов» (буржуазию, социалистов-«соглашателей»).

3. Итоговая формальная легитимация гражданской войны как «неизбежной» и «прогрессивной», а также своей активной в ней роли – как «необходимой».

Переходя к анализу конкретных ленинских высказываний на тему гражданской войны в рассматриваемый период, следует напомнить, что субстанциональная часть ленинских взглядов на социализм на протяжении всех десятилетий не претерпела практически никаких изменений и никаких претензий на самостоятельную «ревизию» основ, сформулированных западными «классиками» – Марксом и Энгельсом, у Ленина никогда не возникало (Коцюбинский, 2003. С. 65–66). Так, методологическим фундаментом представлений В.И. Ленина о природе гражданской войны пролетариата и её функционале служила работа К. Маркса «Гражданская война во Франции».

В то же время на протяжении двух с лишним десятилетий своей публицистической активности

(начиная с середины 1890-х гг.) Ленин дополнил намеченные Марксом концептуальные основы значительным количеством собственных теоретических наработок (согласно известному замечанию К. Радека, «Ленин самостоятельно воспринял и продумал теорию марксизма, как никто другой...» (Радек, 1927. С. 22)), так что к моменту Февральской революции ленинская концепция гражданской войны выглядела как многочастная, устоявшаяся и целостная теоретическая модель, опиравшаяся на базовые установки К. Маркса и состоявшая из следующих положений:

- о гражданской войне как высшей фазе классовой борьбы;
- о вооружённом восстании как кульминации гражданской войны;
- о необходимости гражданской войны как способа осуществления социалистической революции и проведения соответствующих преобразований в политической и социально-экономической сферах;
- о необходимости демократизации общественного строя и создания органов власти по типу Парижской коммуны, непосредственно опирающихся на народные массы (Советов);
- о превращении «империалистской войны» – в войну гражданскую;
- о перерастании гражданской войны за социализм в одной стране – в международную войну за социализм (общеевропейскую, а затем и мировую революцию);
- о необходимости партийной диктатуры для руководства всеми действиями пролетариата, ведущего гражданскую войну за социализм;
- о жёстком и решительном подавлении любого сопротивления политике гражданской войны за социализм.

Важной особенностью ленинского дискурса о гражданской войне являлось «взаимоперетекание» термина «гражданская война» с такими понятиями, как «классовая борьба», «диктатура пролетариата», «экспроприация экспроприаторов», «война за социализм», «мировая революция» и т. д.

В целом гражданская война пролетариата за социализм рассматривалась Лениным как ближайшая стратегическая цель и как средство реализации партийной программы во всём её объёме.

Вернувшись из эмиграции в ночь с 3 на 4 (с 16 на 17) апреля 1917 г. и встретившись в «царских комнатах» Финляндского вокзала с делегатами рабочих организаций, В.И. Ленин произнёс речь (её пересказ содержится в «Записках о революции» Н.Н. Суханова (Суханов, 1992. С. 152)), в которой присутствовал центральный на то время элемент его концепции – о превращении «империалистской войны» в гражданскую войну и о перерастании этого процесса в мировую социалистическую революцию (Тарасов, 2014. С. 142).

И хотя произнесённые в ту же ночь с Броневика возле Финляндского вокзала слова Ленина, по свидетельству очевидцев, «производили впечатление на толпу» (Тарасов, 2014. С. 145), очень скоро большевистский лидер столкнулся с ситуацией нецелесообразности использования левоциммервальдской риторики: большая часть «демократических масс», на которые ориентировались большевики, находилась под влиянием эсеров и меньшевиков, стоявших на компромиссных позициях гражданского мира и революционного оборончества. Кроме того, критика революционного оборончества предполагала апелляцию к неуклонно усиливавшимся антивоенным настроениям народных масс, что также делало неэффективным лозунг о переформатировании одной войны – в другую. Всё это вынудило Ленина оперативно снять лозунг превращения «империалистской войны» в гражданскую и перейти к иным формам партийной пропаганды, нацеленной на скорейший захват власти. Возникшая коллизия между необходимостью сохранить приверженность базовым партийно-программным установкам – и стремлением адаптировать партийную риторику к «текущему моменту», этим базовым идейным установкам в ряде ключевых моментов противоречившему, – вызвала к жизни тот стилистический приём, анализу которого посвящена настоящая работа.

Уже в «Апрельских тезисах» появляются манипулятивно-риторические приёмы, которые в дальнейшем Ленин будет использовать неоднократно, конструируя из них формально-логически противоречивые и в то же время политически эффективные эмоционально-силлогистические цепочки.

Во-первых, *условное* использование риторики «революционного оборончества» (правда, в этом же пассаже *безусловно* отвергаемой) (жирный кур-

сив здесь и далее мой, – Д.К.): «...**недопустимы ни малейшие уступки “революционному оборончеству”**. На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать своё согласие лишь при условии: а) **перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства**; <...> в) **при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала**» (Ленин, 1969а. С. 113–114). Как можно заметить, заявляя о своей готовности к признанию революционного оборончества (т. е. – по умолчанию – к «мирному развитию революции»), Ленин фактически ставил условием захват всей власти партией большевиков (**«переход власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства»**) и реализацию отнюдь не «мирных», но именно «гражданско-военных» пунктов большевистской программы – таких, как экспроприация экспроприаторов (**«полный разрыв на деле со всеми интересами капитала»**) и мировая революция (**«революционная война»**).

Во-вторых, отказ от использования термина «гражданская война» при описании вышеуказанных (гражданско-военных по их имплицитному смыслу) программных целей в данный конкретный момент.

В-третьих, декларирование приверженности «демократическому миру» (в данном случае тезис о «революционной войне» как будто «исчезал») и немедленному окончанию военных действий («братанию»): «...**доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала**. Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии. **Братанье**» (Ленин, 1969а. С. 114). Как нетрудно заметить, оговорка о «свержении капитала» как условия «демократического мира» также имплицитно (эмоционально-силлогистически) отсылала к дискурсу об экспроприации экспроприаторов, являвшейся, как уже отмечалось выше, одним из устоявшихся терминологических аватаров гражданской войны.

Развивая намеченный манипулятивно-дискурсивный подход, Ленин в дальнейшем стремился использовать понятие «гражданская война» в усечённом – сугубо политическом смысле, подразумевая под этим термином не весь комплекс революционно-социалистических преобразований

(как он это делал в предшествующий период), но исключительно насильственный захват власти, от которого, начиная с апреля 1917 г., Ленин декларативно отрекся.

При этом, заявляя о намерении захватить власть «ненасильственным путём», т. е. через переход всей власти к Советам и получение большевиками – как главными сторонниками данного курса – контроля над ними, Ленин подчёркивал, что в итоге будет реализована именно большевистская программа социалистической революции. Т. е. та, которая на «аутентичном» ленинском языке всегда именовалась «гражданской войной за социализм», но которую в сложившихся условиях приходилось временно терминологически маскировать.

Когда же большевиков упрекали в том, что они в реальности стремятся разжечь гражданскую войну, Ленин – в частности, в статье «Как запутывают ясный вопрос?», опубликованной 22 апреля (5 мая), по горячим следам Апрельского кризиса, – обрушивался на оппонентов с обвинениями и пейоративными эпитетами, указывая на то, что его партия ни к какой гражданской войне не призывает. При этом, однако, не упускал случая напомнить, что собирается «мирно» прийти к власти в Советах (а значит, начать гражданскую войну за социализм, хотя и оставляемую пока «за терминологическими скобками») (Ленин, 1969b).

Декларация «мирного развития революции», обусловленного реализацией мер, по факту являющихся составными частями революционной войны за свержение «власти капитала», наглядно представлена в ленинской работе «Задачи революции», написанной в первой половине сентября 1917 г. В этой статье «мирное развитие революции» оказалось неразрывно связано с такими гражданско-военными экспроприаторскими шагами, как: «**немедленная национализация банков и страхового дела, а равно важнейших отраслей промышленности (нефтяной, каменноугольной, металлургической, сахарной и пр.)**»; безусловная отмена коммерческой тайны и установление «**неуклонного надзора со стороны рабочих и крестьян за ничтожным меньшинством капиталистов, наживающихся на поставках в казну и уклоняющихся от отчётности и от справедливого обложения их прибылей и имуществ**»; установление «**всеобщей трудовой повинности, правильно-**

го обмена хлеба на продукты промышленности»; возвращение «в казну многих миллиардов бумажных денег, скрываемых богачами»; и т. д. (Ленин, 1969e. С. 234–238).

Пожалуй, самым богатым на использование приёма эмоционального силлогизма и иные манипулятивные техники ленинским текстом, посвящённым теме отношения большевиков к гражданской войне и написанным в рассматриваемый период, стала пространная статья «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной», написанная в первой половине сентября 1917 г. и напечатанная 29 (16) сентября 1917 г. в газете «Рабочий Путь» (Ленин, 1969d).

Осуществляя в данный период непосредственную подготовку к захвату власти помимо воли всероссийских Советов, В.И. Ленин стремился к тому, чтобы – посредством множественных «хаотично разбросанных» по тексту статьи и как бы путающихся друг с другом манипулятивно-дискурсивных фигур и их рефренов – выстроить следующую эмоционально-силлогистическую цепочку:

1. Снять с партии большевиков обвинения в нелегитимном деянии: «разжигании гражданской войны».

2. Обвинить в этом нелегитимном деянии «буржуазию», разжигающую «буржуазную гражданскую войну» (Ленин, 1969d. С. 217), а также её «пособников» – умеренных социалистов.

3. Утвердить за большевиками легитимное право на «пролетарскую гражданскую войну» (Ленин, 1969d. С. 216–217) как единственно возможный путь к социализму.

Обоснование каждого из этих положений выстраивалось таким образом, что «неизбежно перетекало» в обоснование следующего «пункта» и в конечном счёте «устремлялось» к легитимации общемировой гражданской войны за социализм.

Так, доказательство непричастности РСДРП(б) к «разжиганию гражданской войны» В.И. Ленин по факту сводил к утверждению тезиса о том, что большевистская партия стремится к единственно возможному способу предотвращения гражданской войны – тесному союзу всех социалистических партий в рамках Советов. Гражданская война в данном случае в очередной раз понималась в узко-политическом смысле – как переход, посредством

вооружённого столкновения, всей власти от Временного правительства – к Советам. Соответственно, «мирное развитие революции» в данном контексте рассматривалось также узко-политически: как ненасильственный (по причине ничтожности контрреволюционных военно-силовых возможностей буржуазии) путь реализации лозунга «Вся власть Советам!». В программном плане этот этап «мирного развития революции» ограничивался лишь «общедемократическими» вопросами о земле и мире. Вопрос о втором этапе революции, который, согласно ленинской концепции, предполагал экспроприацию экспроприаторов и все остальные составляющие российской и общемировой гражданской войны за социализм, в пассажах рассматриваемой статьи, описывавших «мирное развитие революции», не затрагивался:

«...исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной. Ибо против такого союза, против Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов никакая буржуазией начатая гражданская война немислима, этакая “война” не дошла бы даже ни до одного сражения <...>

...в крестьянской стране, когда союз пролетариата и крестьянства может дать измученным несправедливейшей и преступнейшей войной массам мир, а крестьянству всю землю, – <...> мирное развитие революции при переходе всей власти к Советам возможно и вероятно» (Ленин, 1969d. С. 222–223).

Доказательством реалистичности такого гипотетического союза, способного предотвратить кровопролитную гражданскую войну, служили, по мысли Ленина, события, связанные с подавлением корниловского мятежа (в ходе которых большевикам, как известно, удалось захватить лидерство в столичных Советах). Говоря об этом, Ленин в очередной раз с возмущением отвергал обвинения в «разжигании гражданской войны», продолжая трактовать понятие «гражданская война» в узко-политическом смысле. А именно, как вооружённый захват власти Советами, который, по мысли Ленина, оказывался – при условии союза всех социалистических партий – ненужным, так как этот захват мог осуществиться мирным путём:

«Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии <...> испытан <...> только в течение пяти дней, 26–31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной ещё ни в одной революции лёгкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистской и кадетской контрреволюции, что **гражданская война с этой стороны развалилась в прах**, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было “боя”. И перед лицом этого исторического факта **вся буржуазная пресса со всеми её подголосками** (Плехановыми, Потресовыми, Брешко-Брешковскими и т. д.) **кричит изо всех сил, что именно союз большевиков с меньшевиками и эсерами “грозит” ужасами гражданской войны!..»** (Ленин, 1969d. С. 221–222).

При этом в пассажах, обосновывавших тезис о возможности предотвращения гражданской войны путём создания единой социалистической коалиции, перехода всей власти к Советам и реализации «общедемократических» преобразований, касавшихся вопросов о земле и мире, – уже присутствовали эмоционально-силлогистические «метки», подводившие к мысли о том, что в реальности целью создания такого союза являлась реализация не только малой общедемократической, но и большой социалистической программы, неотделимой от гражданской войны за социализм:

«Чем скорее и решительнее возьмут всю власть Советы, тем скорее расколются и “дикие дивизии”, и казаки, расколются на ничтожнейшее меньшинство сознательных корниловцев и на огромное большинство сторонников демократического и социалистического (ибо речь тогда пойдёт именно о социализме) союза рабочих и крестьян» (Ленин, 1969d. С. 223).

Обосновав – посредством подмены широкого социально всеобъемлющего содержания понятия «гражданская война» узким военно-политическим, сводящим её к краткому эпизоду силового захвата власти, – тезис о несправедливости обвинений большевиков в разжигании гражданской войны, Ленин совершал «логически неизбежный» переход к следующему эмоционально-силлогистическому «пункту»: об ответственности противников больше-

виков за разжигание гражданской войны. Как и прочее, этот «пункт» оказывался «мозаично разбросанным» по тексту статьи. Он состоял из двух частей.

Во-первых, из утверждения об ответственности буржуазии за «**фактическое начало гражданской войны**» ещё в дни «корниловского восстания» (Ленин, 1969d. С. 215).

Во-вторых, из заявления о том, что если эсеры и меньшевики не примут вышеописанный ленинский план мирного развития революции (то есть по факту – если не пойдут в политическом фарватере большевиков), то также окажутся ответственными за разжигание гражданской войны, поскольку буржуазия в ситуации разобобщения социалистов получит недостающую ей силу для продолжения войны, начатой в дни Корниловщины.

И сразу же следовал переход к третьему, финальному пункту: легитимации начала немедленной пролетарской гражданской войны за социализм. Коль скоро в случае несогласия умеренных социалистов с ленинским планом «мирного развития революции» у буржуазной контрреволюции появлялся шанс на организацию полноценных гражданско-военных действий, пролетарская гражданская война за социализм оказывалась оправданной и необходимой не в каком-то неопределённом будущем, а здесь и сейчас:

«**Допустим, колебания меньшевиков и эсеров продолжаются, власти Советам они не передают**, Керенского не свергают, **восстанавливают старый, гнилой компромисс с буржуазией** чутьючку в иной форме (вместо кадетов, например, “беспартийные” корниловцы), аппарата государственной власти не заменяют советским аппаратом, **мира не предлагают**, с империализмом не рвут, **земли помещиков не конфискуют**»; «**Столичный пролетариат станет тогда ещё ближе, чем теперь, к коммуне, к рабочему восстанию, к завоеванию власти в свои руки, к гражданской войне, в её более высокой и более решительной форме...»**; «“Потоки крови”, кричат кадеты. Но **подобные потоки крови дали бы победу пролетариату и беднейшему крестьянству**, а эта победа, с вероятностью девяноста девяти шансов из ста, дала бы мир вместо империалистской войны, т. е. **сберегла бы жизнь сотням тысяч людей, ныне проливающих кровь из-за дележа прибылей и захватов (аннексий) капиталистов**» (Ленин, 1969d. С. 225).

Практически весь остальной текст статьи представлял собой разбросанно-развёрнутый «третий пункт»: «многокуплетный» гимн гражданской войне пролетариата за социализм и мировую революцию. Таким образом, название статьи – «Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной», – которое, как могло показаться поначалу, обещало развеять злонамеренно нагнетаемый «буржуазной прессой со всеми её [эсеро-меньшевистскими, – Д.К.] подголосками» страх перед угрозой разжигания гражданской войны партией большевиков (т. е. совершения ими нелегитимного действия), – приобретало совершенно другой, по сути противоположный смысл. А именно, развеивало страх перед гражданской войной за социализм, утверждая её неизбежность и необходимость, одним словом – абсолютную легитимность.

В данной статье Ленин обратился к своей, разработанной на протяжении предшествующих десятилетий и опиравшейся на взгляды К. Маркса концепции гражданской войны как своего рода философского камня, превращающего все события классовой борьбы – в конечном торжество мировой социалистической революции: «**...гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы...**» (Ленин, 1969d. С. 215); «**...сила революционного пролетариата, с точки зрения воздействия на массы и увлечения их на борьбу, несравненно больше во внепарламентской борьбе, чем в борьбе парламентской. Это очень важное наблюдение по вопросу о гражданской войне**» (Ленин, 1969d. С. 219).

По мысли Ленина, у пролетариата (то есть понимай – у большевиков) были все шансы победить в надвигающейся гражданской войне: «**Каковы данные о силе пролетариата <...> в гражданской войне. Сила большевиков только в численности пролетариев, в их сознательности, в симпатиях эсеровских и меньшевистских “низов” (т. е. рабочих и беднейших крестьян) к большевистским лозунгам**» (Ленин, 1969d. С. 218).

Ленин даже готов был признать «вину» большевиков за то, что они в своё время не возглавили стихийное движение рабочих в направлении гражданской войны: «**Стихийность движения 20–21 апреля никем не оспаривается. К этому стихийному движению примкнула партия большевиков с лозунгом: “вся власть Советам” <...> ...виной и**

ошибкой большевиков была недостаточная революционность их тактики, а никак не чрезмерная революционность, в коей нас обвиняют филистеры» (Ленин, 1969d. С. 216).

Как бы в оправдание своих «вины и ошибки» – чуть ниже Ленин признаёт, что большевики по сути открыто говорили о гражданской войне за социализм даже тогда, когда официально её отвергали: «**20–21 апреля всего ближе подходило к большевистским лозунгам, а 3–4 июля прямо нарастало в связи с ними, под их влиянием и руководством. О диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, о мире и немедленном его предложении, о конфискации помещичьих земель – об этих главных целях пролетарской гражданской войны партия большевиков говорила совершенно открыто** определённо, ясно, точно, во всеуслышание, в своих газетах и в устной агитации» (Ленин, 1969d. С. 217).

В данных пассажах Ленин подробно пояснял, что ведёт речь не только о гражданской войне за захват власти, но о проведении в жизнь мер, которые – в частности, **диктатура пролетариата и экспроприация экспроприаторов**, – были неразрывно связаны с гражданской войной за социализм: «**Соппротивление буржуазии, при переходе власти к Советам, поведёт к тому, что за каждым капиталистом будут “следить”, надзирать, контролировать и учитывать его десятки и сотни рабочих и крестьян <...>. Советам совершенно достаточно будет наказывать уклоняющихся от подробнейшего учёта или обманывающих народ капиталистов конфискацией всего их имущества и кратковременным арестом, чтобы сломить этим бескровным путём всякое сопротивление буржуазии. <...> контроль и учёт станут универсальны, всесильны, вездесущи, непреоборимы**» (Ленин, 1969d. С. 223–224). Упоминание про «бескровность» продвижения к социализму выглядело как своего рода вынужденная фигура речи в контексте дискурса о «мирном развитии революции», причём эта «вегетарианская» декорация по сути деконструировалась предвзвешиванием её упоминанием о жёстком наказании всех тех, кто вздумает уклониться от подчинения по факту тоталитарной политике Советов.

Неотъемлемым атрибутом легитимной – «пролетарской» гражданской войны за социализм

был тезис о перерастании российских революции и гражданской войны – в мировую социалистическую революцию: «И русские Советы, союз русских рабочих и беднейших крестьян, стоят не одиноко в своих шагах к социализму. Если бы мы были одиноки, мы не осилили бы этой задачи **до конца и мирно**, ибо это задача, по существу дела, международная. Но у нас есть величайший резерв, армии более передовых рабочих **в других странах**, в которых **разрыв России с империализмом и с империалистской войной неминуемо ускорит назревающую в них рабочую, социалистическую революцию**» (Ленин, 1969d. С. 224); «Завоевав власть, **пролетариат России имеет все шансы удержать её и довести Россию до победоносной революции на Западе**» (Ленин, 1969d. С. 227); «...назревание и неизбежность всемирной социалистической революции не подлежат сомнению, и **помочь этой революции серьёзно можно <...> только движением вперёд русской революции**» (Ленин, 1969d. С. 226). Как нетрудно понять, упоминание о «мирном» продвижении к социализму в данном случае следовало рассматривать как очередную отсылку к идее мирной реализации лозунга «Вся власть Советам!», т. е. к интерпретации «гражданского мира» в узко-политическом смысле – как «мирного завоевания» власти теми, кто затем развернёт гражданскую войну за социализм в России и во всём мире.

В финале статьи звучит «эмоционально-силлогистический рефрен», по сути являющийся канвой всего текста: если эсеры и меньшевики не пойдут за Лениным, то зло, которым они «пугают» – гражданская война (Ленин в данном случае подразумевал гражданскую войну, инициированную «контрреволюционерами», хотя эсеры и меньшевики под гражданской войной понимали всеобъемлющий социальный катаклизм и, прежде всего, – конфликт внутри «демократического» лагеря (Разиньков, 2017; Разиньков, 2018)) обернётся добром, то есть пролетарской гражданской войной, и большевики в итоге осуществят социалистическую революцию: «Не пугайте же, господа, **гражданской войной**: она неизбежна, если вы не хотите рассчитаться с корниловщиной и с “коалицией” теперь же, до конца, – то эта война даст победу над эксплуататорами, даст землю крестьянам, даст мир народам, **откроет верный путь к по-**

бедоносной революции всемирного социалистического пролетариата» (Ленин, 1969d. С. 228).

Иными словами, если следовать «формальной букве» ленинской работы, то у эсеров и меньшевиков не была никакого шанса предотвратить гражданскую войну за социализм во всём мире. Они могли лишь подойти к этой революционной войне «мирным путём» (то есть через ненасильственную реализацию лозунга «Вся власть Советам!») либо – в случае продолжения «соглашательства» – через вооружённый конфликт большевиков и контрреволюционеров. Однако победоносная гражданская война за социализм не только в российском, но и в мировом масштабе была в любом случае неотвратима.

Таким образом, *формально-логически* выходило, что буржуазная пресса и её эсеро-меньшевистские «подголоски» были правы, когда «пугали» общественность угрозой гражданской войны, идущей со стороны партии большевиков. Однако *эмоционально-силлогистических* противоречий внутри ленинского рассуждения не было: ответственность за ту гражданскую войну, которая была нелегитимна и которой «пугали» общественность враги большевиков, возлагалась на самих этих врагов, – в то время как большевики получали моральное право на ведение другой, победоносной и легитимной гражданской войны – за социализм в России, в Европе и во всем мире.

Ставшим привычным и хорошо отработанным в рамках дискурса о гражданской войне эмоционально-силлогистическим суггестивным приёмом Ленин пользовался и в самые первые месяцы после прихода к власти. В частности, в выступлении 13 (26) января 1918 г. перед делегатами Чрезвычайного Всероссийского железнодорожного съезда, в краткосрочно осложнившейся для большевиков ситуации: вскоре после расстрела демонстрации в поддержку Учредительного собрания и его последующего разгона, а также убийства лидеров Конституционно-демократической партии А.И. Шингарева и Ф.Ф. Кокошкина. В данном случае логика *силлогистическо-самооправдательного* чувствования выглядела следующим образом:

1. Не мы начали нелегитимную гражданскую войну. Её начали Каледин и Рябушинский.

2. Начавшаяся гражданская война – не братоубийственная: Каледин и Рябушинский трудящим-

ся – не братья, а потому наше участие в этой войне – легитимно.

3. Да, мы начали легитимную гражданскую войну, потому что она – против тех, кто нам не брат.

«“Большевики объявляют гражданскую войну”. Может быть, мы выдумали Каледина, может быть, большевики выдумали Рябушинского? <...> Когда говорят, что большевики зажигают братоубийственную войну, гражданскую войну <...>, то мы [не отрицаем того факта, что зажигаем гражданскую войну, но просто, – Д.К.] им отвечаем: “Что же это за братоубийственная война? Рябушинские, Каледины – разве братья трудящимся?”» (Ленин, 1975. С. 297).

Анализ высказываний В.И. Ленина на тему гражданской войны, относящихся к весне 1918 г., позволяет сделать вывод о том, что в ситуации, когда большевистскому лидеру на время представилось, что задача захвата политической власти на территории большей части страны «триумфально» решена, он перестал использовать сложный и трудоёмкий, хотя и эффективный в суггестивном плане, приём эмоциональных силлогизмов.

В ситуации почудившегося на некоторое время исчезновения угрозы возможных колебаний рабоче-крестьянских масс в сторону эсеров и меньшевиков в рассуждениях на тему гражданской войны Ленин стал использовать более простые и «однолинейные» манипулятивно-публицистические приёмы, обращаясь к внутрипартийной или пробольшевистски настроенной советской аудитории.

Примером упрощённого суггестивно-манипулятивного риторического приёма, именуемого Е.В. Сергеевой «*нарушением логики*» (А.М. Финкель, говорил о *тематическом «параллелизме»*) в рамках дискурса о гражданской войне в рассматриваемый отрезок времени могут служить два отрывка из речи в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депута-

тов 23 апреля 1918 г.: **«Перед нами во весь рост стоят <...> во всеоружии готовые растерзать революцию внешние и внутренние враги, выжидающие удобный момент для нанесения окончательного удара»;** **«Можно с уверенностью сказать, что гражданская война в основном закончена. Конечно, отдельные стычки будут, <...> но нет сомнения, что на внутреннем фронте реакция бесспорно убита усилиями восставшего народа»** (Ленин, 1974. С. 232–234). Как можно заметить, Ленин в цитированных отрывках высказал противоречащие друг другу утверждения: 1) О том, что перед Советской властью в полный рост стоят внутренние враги, **«готовые растерзать революцию»** и ждущие момента, чтобы нанести **«окончательный удар»**; 2) О том, что гражданская война **«в основном закончена»**. При этом Ленин никак это противоречие эмоционально-силлогистически не интегрировал, а просто воспользовался авторитарно-языковой монополией (монологическим диктатом) (Приходько, 2012).

Подытоживая всё вышесказанное, следует заключить, что в рассматриваемый период, рассуждая о гражданской войне, В.И. Ленин активно использовал суггестивно-манипулятивный риторический приём *эмоционального силлогизма*, позволявший эффективно соединять формально-логически противоречившие друг другу тезисы: с одной стороны – отрицание стремления большевиков к гражданской войне, с другой стороны – подтверждение приверженности большевиков идее гражданской войны за социализм и мировую революцию. Данный приём сохранял для В.И. Ленина актуальность с момента его возвращения из эмиграции – и вплоть до весны 1918 г., когда в ситуации временной политической стабилизации советской власти, показавшейся Ленину долгосрочной, он обратился к использованию более «однолинейных» суггестивно-манипулятивных дискурсивных техник.

Список источников

- Быков Д.Л. Писатель Ленин // Дилетант. 2017. № 3. С. 90–95. URL: <https://ru-bykov.livejournal.com/2821782.html> (дата обращения 03.01.2025).
- Калинин И.А. Как сделан язык Ленина: материал истории и приём идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. № 4. С. 605–617. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.408. EDN: YUICBN.
- Карпи Г. Политический язык Ленина. Идиома «пар-

References

- Bykov D.L. (2017) “Writer Lenin”. *The Amateur*. No. 3. P. 90-95. Available from: <https://ru-bykov.livejournal.com/2821782.html> (accessed 01/03/2025). (In Russ.).
- Kalinin I.A. (2018) How Lenin's language is made: material of history and technique of ideology. *Bulletin of Saint Petersburg University. Language and Literature*. Vol. 15. No. 4. P. 605-617. (In Russ.). DOI: 10.21638/11701/spbu09.2018.408. EDN: YUICBN.
- Karpi G. (2021) Lenin's political language. The idiom of

тийность» // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 38–60. EDN: JRFNPR.

Коцюбинский Д.А. Владимир Ленин: падший ангел великого города // От Распутина до Путина. Пятьдесят петербуржцев XX столетия : сборник очерков. СПб. : Изд-во «Лидер» («Дело»), 2003. 528 с. С. 62–69.

Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969а. Т. 31. С. 113–118.

Ленин В.И. Как запутывают ясный вопрос? // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969b. Т. 31. С. 332–334.

Ленин В.И. За деревьями не видят леса // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969с. Т. 34. С. 79–85.

Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. Пугают гражданской войной // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969d. Т. 34. С. 214–228.

Ленин В.И. Задачи революции // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1969е. Т. 34. С. 229–238.

Ленин В.И. Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд 5–30 января (18 января – 12 февраля) 1918 г. Доклад Совета народных комиссаров 13 (26) января // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1975. Т. 35. С. 292–306.

Ленин В.И. Речь в Московском Совете рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 23 апреля 1918 г. // Полное собрание сочинений. М. : Изд-во политической литературы, 1974. Т. 36. С. 232–237.

Майсурян А.А. «Каждое слово – ночной горшок, и притом не пустой» // Другой Ленин. М. : Вагриус, 2006. 108 с. URL: <https://litmir.club/br/?b=192205&p=25> (дата обращения 03.01.2025).

Приходько С.А. Языковая личность В.И. Ленина // *Lingua mobilis*. 2012. № 1 (34). С. 49–61. EDN: TIGYCP.

Радек К.Б. Ленин. К 25-летию партии [Опубликовано в 1923 г.] // Портреты и памфлеты. М.-Л. : Государственное изд-во, 1927. С. 21–28.

Разиньков М.Е. Развитие представлений В.И. Ленина о феномене и периодизации гражданской войны // Власть и общество: механизмы взаимодействия и противоречия : материалы 8 региональной научной конференции, Воронеж, 3 февраля 2014 года. М. : Истоки, 2014. С. 176–182. EDN: TAHLCP.

Разиньков М.Е. Война интерпретаций: концепция «гражданской войны» в российском политическом сознании 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 3–15. EDN: ZHZXGN.

Разиньков М.Е. Дефиниции гражданской войны в России // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 366–374. EDN: XRFTRB.

partiinnost. *New Literary Review*. No. 5 (171). P. 38-60. (In Russ.). EDN: JRFNPR.

Kotsiubinsky D.A. (2003) "Vladimir Lenin: fallen angel of the great city". *Ot Rasputina do Putina. Pyat'desyat peterburzhtsev XX stoletiya. Sbornik ocherkov = From Rasputin to Putin. Fifty Petersburgers of the 20th century. Collection of essays*, St. Petersburg: Izdatel'stvo "Lider" ("Delo"). 528 p. P. 62–69. (In Russ.).

Lenin V.I. (1969a) On the Tasks of the Proletariat in the Present Revolution. *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 31. P. 113-118. (In Russ.).

Lenin V.I. (1969b) How Do They Confuse a Clear Question? *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 31. P. 332-334. (In Russ.).

Lenin V.I. (1969c) They Can't See the Forest for the Trees. *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 34. P. 79-85. (In Russ.).

Lenin V.I. (1969d) The Russian Revolution and the Civil War. They Are Scaring Us with Civil War. *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 34. P. 214-228. (In Russ.).

Lenin V.I. (1969e) Tasks of the Revolution. *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 34. P. 229-238. (In Russ.).

Lenin V.I. (1975) The Extraordinary All-Russian Railway Congress, January 5–30 (January 18–February 12), 1918. *Report of the Council of People's Commissars, January 13 (26)*. *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 35. P. 292–306. (In Russ.).

Lenin V.I. (1974) Speech at the Moscow Soviet of Workers', Peasants', and Red Army Deputies, April 23, 1918. *Complete set of works*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 36. P. 232–237. (In Russ.).

Maisuryan A.A. (2006) "Every word is a chamber pot, and not an empty one at that". *The other Lenin*. Moscow: Vagrius. 108 p. Available from: <https://litmir.club/br/?b=192205&p=25> (accessed 01/03/2025). (In Russ.).

Prikhod'ko S.A. (2012) Language person V.I. Lenin. *Lingua mobilis*. No. 1 (34). P. 49-61. (In Russ.). EDN: TIGYCP.

Radek K.B. (1927) "Lenin. For the 25th anniversary of the party (Published in 1923). *Portraits and pamphlets*. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. P. 21–28. (In Russ.).

Razin'kov M.E. (2014) Development of ideas of V.I. Lenin on the phenomenon and periodization of the Civil War. *Vlast' i obshchestvo: mekhanizmy vzaimodeystviya i protivorechiya. Materialy 8 regional'noy nauchnoy konferentsii, Voronezh, 3 fevralya 2014 goda = Power and Society: Mechanisms of Interaction and Contradictions. Proceedings of the 8th Regional Scientific Conference, Voronezh, February 3, 2014*. Moscow: Istoki. P. 176-182. (In Russ.). EDN: TAHLCP.

Razin'kov M.E. (2017) "War of interpretations: the concept of "Civil War" in the Russian political consciousness of 1917-1922". *Questions of History*. No. 10. P. 3–15. (In Russ.). EDN: ZHZXGN.

Razin'kov M.E. (2018) "The definitions of the Civil War in Russia the terminological designation of the confrontation". *Dialogue with Time*. No. 62. P. 366–374. (In Russ.). EDN: XRFTRB.

Рузер Л.И. Отрывки из воспоминаний об Ильиче // Молодая гвардия. 1924. № 2–3. С. 59–64.

Сергеева Е.В. Приёмы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе (на материале ораторских произведений В.И. Ленина и И.В. Сталина) // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. 2006. № 19. С. 196–209. EDN: JVKKLX.

Суханов Н. Записки о революции. В 3 т. М.: Изд-во «Республика», 1992. Т. 3. Кн. 5–7. 413, [1] с.

Тарасов К.А. Встреча В.И. Ульянова (Ленина) 3 апреля 1917 г. на Финляндском вокзале в воспоминаниях // Петербургский исторический журнал. 2014. № 1. С. 137–153. DOI: 10.51255/2311-603X-2014-00008. EDN: TORJPZ.

Финкель А.М. О языке и стиле В.И. Ленина. М.: Пролетарий, 1925. Вып. 1. XIV, 103, [3] с.

Шкловский В.Б. Ленин как деканонизатор // ЛЕФ (Журнал левого фронта искусств). 1924. № 1 (5). С. 53–56.

Юшкевич П.С. Столпы философской ортодоксии. СПб.: Типо-лит. «Печ. искусство», 1910. 79 с.

Яров С.В. Риторика вождей: В.И. Ленин и И.В. Сталин как ораторы // Звезда. 2007. № 11. С. 168–179. URL: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/11/ritorika-vozhdej-v-i-lenin-i-i-v-stalin-kak-oratory.html> (дата обращения 03.01.2025). EDN: KMDQDQ.

Pocock J.G.A. Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago; London, 1972. 290 p.

Информация об авторе

Коцюбинский Даниил Александрович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
руководитель Группы регионально-цивилизационных исследований,
Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»,
190005, г. Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25А,
Россия,
e-mail: kd1965@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3642-0774>

Вклад автора

Коцюбинский Д.А. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 27 мая 2024 г.; одобрена после рецензирования 17 сентября 2024 г.; принята к публикации 30 сентября 2024 г.

Ruzer L.I. (1924) "Excerpts from memories of Ilyich". *Young Guard*. No. 2-3. P. 59-64. (In Russ.).

Sergeeva E.V. (2006) "Means of manipulation in political discourse (on the material of oratoric works of Lenin and Stalin). *News of the Ural State Pedagogical University. Linguistics*. No. 19. P. 196–209. (In Russ.). EDN: JVKKLX.

Sukhanov N. (1992) Notes on the Revolution. In 3 vol. Moscow: Izdatel'stvo "Respublika". Vol. 3. Book 5-7. 414 p. (In Russ.).

Tarasov K.A. (2014) "The meeting of V.I. Ulianov (Lenin) on Finnish Railway Station in 3th of April 1917 in the memories". *Petersburg University Journal*. No. 1. P. 137-153. (In Russ.). DOI: 10.51255/2311-603X-2014-00008. EDN: TORJPZ.

Finkel' A.M. (1925) About the language and style of V.I. Lenin. Moscow: Proletariy. Iss. 1. XIV. 106 p. (In Russ.).

Shklovskii V.B. (1924) "Lenin as decanonizer". *Left Front Art Journal*. No. 1 (5). P. 53–56. (In Russ.).

Yushkevich P.S. (1910) Pillars of Philosophical Orthodoxy. St. Petersburg: Tipo-lit. "Pech. Iskusstvo". 79 p. (In Russ.).

Yarov S.V. (2007) "Rhetoric of leaders: Lenin and Stalin as speakers". *The Star*. No. 11. P. 168–179. Available from: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2007/11/ritorika-vozhdej-v-i-lenin-i-i-v-stalin-kak-oratory.html> (accessed 01/03/2025). (In Russ.). EDN: KMDQDQ.

Pocock J.G.A. (1972) Politics, Language, and Time: Essays on Political Thought and History. Chicago; London. 290 p.

Information about the author

Daniil A. Kotsiubinsky,
Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Head of
the Group of Regional and Civilizational Studies,
International Center for Social and Economic Research
"Leontief Center",
25A, 7th Krasnoarmeyskaya St., Saint Petersburg 190005,
Russia,
e-mail: kd1965@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3642-0774>

Contribution of the author

Kotsiubinsky D.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted May 27, 2024; approved after reviewing September 17, 2025; accepted for publication September 30, 2024.

Научная статья
УДК 37.036.5
EDN: EDHKYB
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-127-137>

Первый музыкальный техникум Иркутска (1922–1931)

О.А. Горощенко

Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Большое значение для развития государственного музыкального образования в Восточной Сибири имело создание первого Иркутского музыкального техникума, объединившего в культурное и историческое пространство частную музыкальную школу Е.Г. Городецкой, музыкальные классы при Народном университете и Музыкальный университет. Открытый в сентябре 1922 г. музтехникум обучал студентов на инструкторско-педагогическом, исполнительском и научно-теоретическом отделениях со специальностями: фортепиано, сольное и хоровое пение, скрипка, виолончель и духовые инструменты. Обучение в музыкальном техникуме было платным, исключение составляли лишь беднейшие студенты и дети преподавателей. При техникуме с самого начала функционировали музыкальные классы для детей, преобразованные в 1923 г. в музыкальную школу. Большое значение в жизни музыкального техникума имела концертная деятельность преподавателей и учащихся, направленная на демократизацию музыкальной культуры. В музыкальном техникуме в 1922–1931 гг. работали: вокалисты Г.В. Карпицкая, П.Г. Нежинский, оперная певица О.С. Житейская, обладательница необыкновенной красоты колоратурным сопрано В.П. Томиловская; пианистки Т.Н. Семенцова, Н.А. Никольская, О.Э. Сиббуль, К.Ф. Гливинская-Трофимова, А.С. Гершкович, Е.К. Русанова-Поротова, Е.К. Ларионова, М.П. Клебер, П.М. Берлинский; скрипачи И.А. Кожевников, Е.П. Медведев, К.С. Вышинский, В.А. Курский, Н.Н. Тихонов, А.С. Морген; виолончелист П.П. Никольский; хормейстеры М.И. Лифшиц и Н.Н. Глаголев; М.И. Калиновский (духовые инструменты) и другие. Музыкальным техникумом и детской музыкальной школой при нем последовательно руководили: А.И. Янберг, Н.Г. Силаков, Н.Н. Тихонов, А.С. Морген. Из-за финансовых проблем в 1930/1931 уч. г. Иркутский музыкальный техникум был переведен в Красноярск, где вошел в состав местного музыкального техникума. Лишь 22 июля 1936 г. на основании решения Президиума Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в Иркутске возродили среднее музыкальное образование. В 1937 г. новый музыкальный техникум стал называться Иркутским областным музыкальным училищем, сегодня это – Иркутский областной музыкальный колледж им. Фредерика Шопена.

Ключевые слова: Россия, Восточная Сибирь, Иркутск, музыкальное образование, музыкальная культура, Иркутский музыкальный техникум, детская музыкальная школа, А.И. Янберг, О.Э. Сиббуль, Н.Г. Силаков, Н.Н. Тихонов, А.С. Морген

Для цитирования: Горощенко О.А. Первый музыкальный техникум Иркутска (1922–1931) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 127–137. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-127-137. EDN: EDHKYB.

History

Original article

First Music College of Irkutsk (1922-1931)

Olga A. Goroshchenova

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract. Of great importance for the development of state music education in Eastern Siberia was the creation of the first Irkutsk Music College, which combined the private music school of E.G. Gorodetskaya, music classes at the People's University and the University of Music into a cultural and historical space. Opened in September 1922, the Music College taught students in the Instructor-Pedagogical, Performing and Scientific-Theoretical Departments with specialties: piano, solo and choral singing, violin, cello and wind instruments. Tuition at the Music College was paid, with the exception of only the poorest students and children of teachers. From the very beginning, the college had music classes for children, which were transformed into a Music School in 1923. The concert activities of teachers and students aimed at democratizing musical culture were of great importance in the life of the

Music College. In 1922-1931, vocalists G.V. Karpitskaya, P.G. Nezhinsky, opera singer O.S. Zhideyskaya, owner of the extraordinary beauty of the coloratura soprano V.P. Tomilovskaya worked at the music college; pianists T.N. Sementsova, N.A. Nikolskaya, O.E. Sibbul, K.F. Glivinskaya-Trofimova, A.S. Gershkovich, E.K. Rusanova-Porotova, E.K. Larionova, M.P. Kleber, P.M. Berlinsky; violinists I.A. Kozhevnikov, E.P. Medvedev, K.S. Vyshinsky, V.A. Kursky, N.N. Tikhonov, A.S. Morgen; cellist P.P. Nikolsky; choirmasters M.I. Lifshits and N.N. Glagolev; M.I. Kalinovsky (wind instruments) and others. The Music College and the Children's Music School were consistently led by: A.I. Yanberg, N.G. Silakov, N.N. Tikhonov, A.S. Morgen. Due to financial problems, in 1930/1931, the Irkutsk Music College was transferred to Krasnoyarsk, where it became part of the local music college. Only on July 22, 1936, on the basis of a decision of the Presidium of the East Siberian Regional Committee of the CPSU(b), secondary music education was revived in Irkutsk. In 1937, the new music college became known as the Irkutsk Regional Music College, today it is the Irkutsk Regional Music College named after Frederic Chopin.

Keywords: Russia, Eastern Siberia, Irkutsk, musical education, musical culture, Irkutsk Music College, Children's Music School, A.I. Yanberg, O.E. Sibbul, N.G. Silakov, N.N. Tikhonov, A.S. Morgen

For citation: Goroshchenova O.A. (2025) First Music College of Irkutsk (1922-1931). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 127-137. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-127-137. EDN: EDHKYB.

Введение

В начале XX в. в дореволюционном Иркутске существовала всего одна музыкальная школа, да и то – частная (Колокольников, 2023). Работали музыкальные классы при Народном университете. Индивидуальное обучение на дому осуществляли несколько преподавателей. Музыку изучали в государственных и частных учебных заведениях, светских и духовных, но чаще всего преподавались вокал и хоровое пение, игра на музыкальных инструментах. Все это не покрывало потребности в культурном развитии сибиряков. Между 1897 и 1923 годами население Иркутска выросло с 51 000 человек до 88 000 человек.

В области образования среди сибирских городов Иркутск традиционно занимал особое место. Список учебных заведений был достаточно разнообразным. В XIX – нач. XX в. в городе развивалось духовное и светское, мужское и женское, «всесловное», начальное и среднее, государственное и частное образование. Обучались иркутяне в приходских, уездных, реальных, начальных школах и училищах, губернской гимназии, нескольких прогимназиях, в школе «Детский сад»; Александровском, Мариинском, Арестантском приютах, Медведниковском сиропитательном доме (Кудрявцев, Вендрих, 1958). Пользовались популярностью у населения духовная и учительская семинарии. В 1845 г. старанием губернатора Руперта в Иркутске был открыт Девичий институт Восточной Сибири, созданный по подобию столичных (Терновая, Терновой, 2012). На протяжении многих лет в городе успешно действовали крупные технические учебные заведения, такие как Иркутское горное училище, Промышленное

механико-техническое училище, Ремесленно-воспитательное заведение И.П. Трапезникова, Сиропитательно-ремесленная школа им. К.П. Трапезникова (Горощенова, 2014; Горощенова, 2015). Медицинским наукам обучали в военно-фельдшерской школе и Иркутской школе фельдшериц при Иркутской Кузнецовской гражданской больнице (Малоземова, 1961). Свободных художников выпускала частная рисовальная школа (Лыхин, 2002). В городе действовало несколько военных учебных заведений (Шинкарева, 2002). По наблюдению историков, «почти каждый сороковой житель города учился» (Гольдфарб, 2007).

Перестройка системы образования

После революции 1917 г. основной целью при построении социализма стала задача воспитания человека нового мировоззрения, с высоким уровнем культуры, идеологически правильными духовными ценностями. Смысл ее заключался в приобщении широких масс к искусству, созданию и внедрении новой идеологии, демократизации культуры, ликвидации безграмотности, перестройке системы образования, формировании советской интеллигенции, утверждении принципа социалистического реализма в литературе и искусстве, обновлении науки и в повышении эффективности ее деятельности.

Лозунги «Культуру – в массы!», «Искусство принадлежит народу!», «Долой безграмотность!» стали насущными задачами того времени.

Создание новой культуры – один из самых амбициозных проектов сталинского СССР. Была провозглашена программа полной ликвидации безграмотности, формирования кадров советской интел-

лигенции среди рабочих и крестьян, строительства широкой сети библиотек, клубов, кинотеатров, радиоточек, открытия новых школ, институтов, университетов.

Только за 10 лет советской власти в стране было обучено грамотности более 10 млн человек, а тотальная безграмотность и вовсе побеждена (Рожков, 2000).

В СССР в это время произошла качественная перестройка всей системы образования: ликвидированы сословия, национализированы учебные заведения, упразднена автономия вузов, введена эффективная (вертикальная) система контроля и управления, разработаны и внедрены новые методики преподавания. Примером тому служит Декрет «О Московской и Петроградской консерваториях», подписанный В.И. Лениным в июле 1918 г., где провозглашалось государственное музыкальное строительство, а консерватории переходили в государственную собственность.

В 1920-е гг. после национализации частных учебных заведений, имущество которых перешло в ведение музыкального отдела Наркомпроса¹, в стране стали открываться государственные музыкальные школы, техникумы, вузы, что предоставило возможность учиться детям и взрослым практически без ограничений по социальному положению.

Благодаря такому подходу в СССР вскоре сформировалась стройная система советского музыкального образования, цель которой – подготовка профессионалов в области музыкального искусства – композиторов, музыковедов, исполнителей (певцов и инструменталистов, дирижеров хора и оркестра) и педагогов (Перваго, 2018).

Открытие музыкального техникума

Большое значение для развития государственного музыкального образования в Восточной Сибири имело создание первого Иркутского музыкального техникума (1922–1931), объединившего в культурное и историческое пространство частную музыкальную школу Е.Г. Городецкой, музыкальные классы при Народном университете и Музыкальный

университет (Горощенова, 2023. С. 156). Музтехникум просуществовал недолго, всего девять лет, но деятельность его преподавателей и учащихся оставила глубокий след в музыкальной культуре не только Иркутска, но и Восточной Сибири.

Иркутский музыкальный техникум был открыт 15 сентября 1922 г. (Харкеевич, 1987. С. 127). В своем составе он имел отделения: 1) специальных теоретических предметов; 2) фортепианное; 3) вокальное; 4) оркестровых инструментов. Спустя два года техникум принимал учеников на инструкторско-педагогическое, исполнительское и научно-теоретическое отделения со специальностями: фортепиано, сольное и хоровое пение, скрипка, виолончель и духовые инструменты.

Первоначально обучение в музтехникуме делилось на две ступени: подготовительная (1 ст.) и средне-специальная (2 ст.). На подготовительное отделение принимали детей 8–14 лет с объемом знаний не ниже 3-х лет школы 1 ст. Срок обучения составлял 2–3 года.

На профессиональное средне-специальное образование в техникум (2 ст.) принимались лица с объемом знаний не ниже 7-летней трудовой школы и в возрасте: а) фортепиано – не выше 18 лет; б) пение – для женщин не выше 26 лет, для мужчин не выше 25 лет; в) духовые инструменты – не свыше 21 года; г) скрипка, виолончель, арфа – не выше 18 лет. В объявлениях по набору учеников отмечалось, что для обладающих выдающимися музыкальными дарованиями, требования «могли быть понижены». Окончившие средне-специальный курс музыкального техникума получали звание (свободного) художника и право преподавать в музыкальных школах (1 ст.).

Обучение в музыкальном техникуме было платным, исключение составляли лишь беднейшие студенты и дети преподавателей.

Учебный и воспитательный процесс

Руководство музыкальным техникумом на первых порах осуществлялось особым правлением. В октябре 1923 г. общим собранием педагогического совета на должность заведующего был избран беспартийный учитель рисования Александр Иванович Янберг. Его помощницей по учебной части стала профессиональная пианистка Ольга Эвертовна Сиббуль. Административно-технический персонал со-

¹ Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР (1920–1930). В его ведении находились наука, культура, образование, пропаганда и идеология, охрана памятников культуры, творческие союзы и объединения.

стоял из библиотекаря Юлиной, сторожей Поповой, Пясецкого. Мастерами по настройке инструментов работали Каминский, В.К. Галкин, В.И. Сайлер.

Заведующий А.И. Янберг писал: «Изучив хорошо классическую музыку, техникум начнет работу по переходу на новые пути, нужда в которых ощущается и теперь. Искание новой музыки в связи с социализмом, беспощадная борьба с укоренившейся халтурой, музыкальное просвещение народных масс – вот боевая задача техникума».

Но Янберг недолго находился в должности заведующего. В августе 1924 г. техникумом уже руководил партиец Николай Григорьевич Силаков, не имеющий ни музыкального, ни даже среднего образования. Предположительно, заведующий занимался «пролетаризацией состава музтехникума» и решением хозяйственных вопросов, а учебный процесс планировали и вели профессиональные педагоги-музыканты.

Первый 1922/1923 учебный год был очень напряженным: учреждение открылось в трудное для страны время. Здание, выделенное музтехникуму властями, находилось на перекрестке улиц 4-й Солдатской и Большой (ныне Киевская, 2) (рис. 1). Как оказалось, помещения были заняты частями 5-й Армии, которые и не собирались оттуда выезжать. Пришлось немало потрудиться, чтобы закрепить их за музыкальным техникумом. В результате, воинские части оставили здание, но электрическая арма-

тура была практически полностью расхищена, а внутренние помещения требовали серьезного капитального ремонта.

Музыкальные инструменты, доставшиеся учреждению от Музуна (17 хороших роялей, набор духовых инструментов) находились в разных районах города – требовалось срочно перевести их в одно место и провести учет, а затем инструменты нужно было настроить и расставить по классам.

Когда материально-технические проблемы были более-менее решены, правление техникума приступило к приглашению преподавателей, контингент которых состоял в основном из специалистов бывшего Музуна, а также частных музыкальных школ и классов.

Свой первый учебный год музыкальный техникум начал в составе 16 преподавателей и около 100 учеников. В течение года число учащихся возросло до 190 человек, а преподавателей до 24 чел. – несколько раз проводился дополнительный набор.

Преподавательский состав музтехникума постоянно менялся, это было связано с несколькими причинами: низкая зарплата, плохие условия труда, недостаточное количество специалистов-музыкантов в Иркутске и пр.

В 1922–1931 уч. г. в музтехникуме работали: вокалисты Г.В. Карпицкая, тенор П.Г. Нежинский (рис. 2), оперная певица О.С. Житейская, обладавшая необыкновенной красотой колоратурным

Рис. 1. Здание Иркутского музыкального техникума
Fig. 1. Irkutsk Music College building

сопрано В.П. Томиловская; пианистки Т.Н. Семенцова, Н.А. Никольская, О.Э. Сиббуль, К.Ф. Гливинская-Трофимова, Т.М. Муратова-Добровольская, А.С. Гершкович, Е.К. Русанова-Поротова, Е.К. Ларионова, М.П. Клебер, С.М. Брудинский, П.М. Берлинский; скрипачи И.А. Кожевников, Е.П. Медведев, К.С. Вышинский, В.Л. Курский, Н.Н. Тихонов, А.С. Морген; виолончелист П.П. Никольский; хормейстеры М.И. Лифшиц и Н.Н. Глаголев; М.И. Калиновский (духовые инструменты) и др. Часть преподавателей техникума занималась с детьми музыкальной школы, например, И.А. Кожевников, Н.Н. Глаголев, Н.А. Никольская, Т.Н. Семенцова и др. (Харкеевич, 1982. С. 129).

В 1922/1923 уч. г. коллективу музыкального техникума пришлось проделать кропотливую работу по составлению адаптированных к среднему и низшему образованию учебных программ. Но в 1923/1924 уч. г. все музыкальные техникумы страны перевели на новые учебные программы. Это было трехступенчатое обучение, предложенное на одной из Всероссийских конференций по художественному образованию Б.Л. Яворским, возглавлявшим музыкальный отдел Главного управления профессионального образования в Наркомпросе. По его компетентному мнению, музыкально одаренные ученики могли обучаться в специализированных заведениях, ранжированных на систему начального, сред-

него и высшего музыкального образования (школа-техникум-консерватория). Таким образом, последовательное обучение от начальной ступени к высшей давало определенные преимущества при развитии таланта учащегося, позволяло углубленно и творчески пройти специфический процесс освоения музыкального искусства.

Реорганизация учебного процесса Иркутского музыкального техникума происходила следующим образом: первая ступень – подготовительная, была преобразована в 1923 г. в детскую музыкальную школу; вторая и третья (концентры²) – в средне-специальное (техникум). Продолжительность обучения в музыкальной школе (1 ст.) составляла – 3 года, а в музыкальном техникуме (2,3 ст.) – 3–4 года.

В Иркутском музыкальном техникуме студенты изучали дисциплины: фортепиано, скрипку, виолончель, пение (сольное и хоровое), сольфеджио, гармонию и историю музыки. Вечером нового времени стали уроки политграмоты (обществоведение), которые вел член ВКП(б) т. Таганский с периодичностью два урока в неделю по 1,5 часа каждый.

На обучение в 1923 г. было принято 193 человека, которые вместе с оставшимися 112 учащимися с прошлого года, составили контингент в 305 человек.

В музыкальную школу (1 ст.) осенью 1923 г. набрали 256 человек. На 1 концентре (2 ступень) техникума – 41 чел., на 2 концентре (3 ст.) – 8 чел.

По специальностям учащиеся распределились следующим образом: фортепиано – 202 чел., пение – 69 чел., скрипка и виолончель – 31 чел., теоретические дисциплины – 3 чел.

Для практического закрепления теоретического материала, а также будущей концертной деятельности в музтехникуме были организованы художественный и учебный хоры (рук. М.И. Лифшиц и Н.Н. Глаголев), инструментальный ансамбль, также симфонический оркестр (рук. Е.П. Медведев) (Харкеевич, 1982. С. 177).

Рис. 2. Преподаватель пения П.Г. Нежинский
Fig. 2. Singing teacher P.G. Nezhinsky

² Концентр [от латин. приставки *con-* – вместе, *со-*, и *centrum* – центр] (педаг.) – концентрированное обучение, позволяющее объединить изучаемые предметы в логическую систему образовательного процесса. Ступень обучения, связанная с предыдущей единством содержания и отличающаяся от нее большей сложностью и объемом. Например: преподавание разбито на два концентрира.

Но изменения касались не только учебного процесса. В методических консультациях нуждались и сами преподаватели, особенно молодые и неопытные. С этой целью были созданы комиссии, рассматривающие методику ведения предметов, спорные вопросы. В связи с недостатком нотной литературы, в 1925 г. была организована нотная библиотека, на которую правлением техникума было выделено 200 руб.

Посещаемость занятий в музыкальном техникуме была высокой, пропуски составляли не более 5–7 %. Ведение уроков преподавателями контролировалось канцелярией техникума, а посещение учащихся – преподавателями в контрольных тетрадях, где последние должны были расписываться. Групповые занятия в музтехникуме проходили чаще всего по вечерам. Причиной тому стала занятость учеников в течение дня. К примеру, днем ученики музыкальной школы находились в общеобразовательных школах, а большинство учащихся техникума работали в советских учреждениях, чтобы элементарно прокормиться.

Воспитательная работа в музтехникуме проводилась в соответствии с действующей системой обучения. Преподавателями в классах велись кружки по углубленному изучению музыкальных дисциплин. Два раза в месяц выпускалась стенгазета «Пролетарский художник». В Красном уголке активно велась политическая работа, разбирались идеологические вопросы современности. Проводилась «пролетаризация» учащихся и преподавателей. За учебный год она составила приблизительно 25 %. Речь здесь идет не только об идеологии, но и о создании механизма для обучения искусствам рабочего класса и крестьянства. Так, например, к маю 1925 г. из 312 чел. учащихся: крестьян было – 45 чел., служащих – 184 чел., кустарей – 24 чел., прочих – 19 чел. Из них членов РКП – 6 чел., ЛРКСМ – 18 чел.

Несмотря на все усилия педагогов, рабочие часто не выдерживали интенсивности музыкального образования, бросали учебу через месяц-два. Это неблагоприятным образом сказывалось и на финансировании – освободившиеся места не всегда удавалось перекрыть другими учащимися. Хотя, как отмечалось в отчетах, при поступлении приемной комиссии приходилось с большим сожалением отказывать в обучении некоторым талантли-

вым абитуриентам. Не хватало мест и площадей для занятий.

Заведующий техникумом Н. Г. Силаков придавал деятельности техникума большое значение, называя его «культурным рассадником в обществе». В отличие от предыдущего заведующего, главную задачу музтехникума он видел в подготовке квалифицированных клубных работников, способных донести до масс коммунистические и социалистические идеалы. И это было политически верным решением, вполне соответствующем времени. Так как председатель Рабиса³, тов. Жезлов особо отмечал, что в преподавании необходим классовый подход. Партии нужен, прежде всего, общественник, а затем музыкант, актер и певец...

Выполняя поставленную задачу «о подготовке квалифицированных клубных работников», в 1925/1926 уч. году музтехникум рапортовал об открытии инструкторско-педагогического отделения, готовившего для хоровых и музыкальных кружков рабочей молодежи и средних школ музыкальных руководителей. Кроме того, был открыт класс духовых – медных и деревянных инструментов, что значительно расширяло возможности музыкального образования в крае, приобщая к музыкальной культуре народные массы.

Учился в третьем учебном году 331 чел., среди которых 44 чел. – рабочих, 41 – крестьянин, 6 – красноармейцев, 206 – служащих, 9 – прочих. Из общего числа членов РКП – 2 чел., ЛРКСМ – 18 чел., детей из детдомов – 25 чел.

В музтехникуме активно работало Исполбюро, занимавшееся организацией концертной деятельности. В июне 1925 г. группа учащихся старших классов Госмузтехникума обратилась с просьбой к руководству об организации концертной поездки по губернии с новым художественным революционным репертуаром с целью пропаганды музобразования. Некоторые концерты музтехникума бывали платными со сборами в пользу голодающих, детской коммуны им. Н.К. Крупской, МОПРа, а также самого музтехникума. Но большинство концертов были бесплатными, приуроченными к советским праздникам (7 ноября, 23 февраля, 8 Марта, 1 Мая, 9 Мая и др.). Целевая аудитория концертов – члены профсоюза, школьники, рабочие и красноармейцы. Так, в

³ Рабис – профсоюз работников искусства.

1924/1925 уч. году бесплатных концертов было дано 20, а в 1926/1927 г. – 205, что является скорее анти-достижением, потому что учащихся постоянно снимали с занятий.

Проходили и традиционные концерты-отчеты. Созданный Е.П. Медведевым симфонический оркестр из учащихся музтехникума, профессиональных музыкантов и любителей музыки 8 февраля 1925 г. участвовал в отчетном концерте учреждения. Исполнялись трудные музыкальные вещи, такие как «Прометей» и Третий концерт для фортепиано с оркестром Бетховена, показавшие, по мнению специалистов, хорошее звучание и сыгранность коллектива.

В работе В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» были сформулированы важнейшие принципы социалистического искусства, именно они легли в основу культурной политики советского государства. Культура должна служить всему народу, трудящимся, и в этом смысле она должна стать частью «общепролетарского дела» (Ленин, 1968. С. 100–101). Именно поэтому музыкальному техникуму партийцами уделялось особое внимание, так как музыкальными средствами можно было эффективней достигать идеологических высот.

Пятый год работы музыкального техникума в финансовом плане оказался тяжелее предыдущего. Из местного бюджета за текущий учебный год учреждению не было выделено ни копейки дотаций. Но, несмотря на это, музтехникум продолжал свою образовательную и исполнительскую (концертную) деятельность, последняя была особо отмечена местными и краевыми органами власти. Судя по архивным записям, обязанности заведующего музтехникумом опять исполнял А.И. Янберг, назвавший текущее состояние дел «финансовым тупиком».

В 1926/1927 уч. г. техникумом было проведено 210 бесплатных концертов, объяснением чему служит материальная необеспеченность и необходимость в силу этого мобилизовать общественное мнение. Качество самих концертов у экспертов вызвало много вопросов.

В 1927 г. в музыкальном техникуме прошла серьезная проверка, выявившая недостатки в учебной, хозяйственной, финансовой и организационной деятельности. По мнению комиссии, преподаватель-

ский состав учреждения был подобран неудачно, а заведующий техникумом – А.И. Янберг «является не вполне ответственным руководителем».

В сентябре, с началом учебного года, из Иркутска в Новосибирск полетела телеграмма с просьбой признать выводы проверки ошибочными, а произошедшее – недоразумением. Но, как известно, начальству виднее.... В очередной раз поменялся директор, но это не решило всех накопившихся проблем (Литвин, 2008).

Новый заведующий, скрипач Николай Никанорович Тихонов имел богатый практический опыт административной работы. На протяжении ряда лет он руководил Красноярским музыкальным техникумом, причем в самый трудный его период (Музыкальная культура Красноярска, 2009–2012). Оказавшись в Иркутске, он довольно быстро оценил обстановку и определился с планом действий.

В следующем 1927/1928 уч. году Н.Н. Тихонов докладывал вышестоящему руководству о необходимости реорганизации Иркутского музыкального техникума. Причин было несколько, но главной стала большая задолженность учеников по оплате, в результате чего преподаватели не получали зарплату по 3–4 месяца. Как оказалось, первоначально неправильное определение платы за обучение привело к большому дефициту бюджета. Себестоимость обучения ученика определялась в 6 руб. 25 коп., а средняя плата составляла 2 руб. 97 коп. – в 2 раза ниже. Кроме того, плата вносилась за пройденные уроки, а не вперед, вследствие чего также создавалась задолженность. Процент бесплатных учеников достигал 40 % (стипендиаты, дети преподавателей, дети из детдома и пр. категории), который в текущей ситуации нужно было сократить до 15 %.

Николай Никанорович для Иркутского музтехникума предлагал несколько нововведений, и в первую очередь – соотнесение учебных планов с нормативами Главпрофобра. Как выяснилось, часть необходимых музыкальных дисциплин отсутствовала в действующих в 1922–1927 гг. учебных планах. Тихонов также считал крайне важным расширение оркестрового отделения, приглашения лучших музыкантов города для преподавания (рис. 3). Он просил вышестоящие органы прекращения порочной практики сверхплановых выступлений учащихся перед рабочими клубов и частями РККА, приводящих к срыву учебных занятий и тормозящих обучение.

Тихонов как, впрочем, и все предыдущие руководители Иркутского музыкального техникума, пытался изменить систему финансирования учреждения, добиваясь действенной помощи от властей. Но помощи, к сожалению, так и не последовало... (Литвин, 2001).

Следующем заведующим музыкального техникума стал известный иркутский скрипач и дирижер Александр Савельевич Морген, старавшийся эффективно решать его финансовые проблемы. Он постоянно работал над усилением педагогического состава, приглашая высококлассных музыкантов для преподавания. Но запущенный механизм развала музыкального учреждения давал свои плоды...

Закрытие

Системные финансовые проблемы, которые не решались органами власти на протяжении всего периода деятельности музыкального техникума,

дали свой отрицательный результат. Весной 1930 г. техникум не смог внести арендную плату за использование 4 классов на ул. 4-й Солдатской (Киевская, 2). Новым помещением для педагогов и учеников стал двухэтажный деревянный особняк – бывший дом иркутского архитектора В.А. Рассушина по ул. Карла Маркса, 10. «Здесь, в большом зале, спешно перегороженном деревянными переборками на четыре части, и ютились преподаватели и учащиеся в 1930/31 учебном году», – писала И.Ю. Харкеевич в своей монографии (Харкеевич, 1982).

Весной 1931 г. Иркутский музыкальный техникум сделал свой последний выпуск. В связи с трудной финансово-экономической обстановкой он переводился в Красноярск. Власти посчитали, что два техникума на один Восточно-Сибирский край – дорогое удовольствие.

В сентябре 1931 г. в Красноярский музыкальный техникум были зачислены: на 3 курс: Зелигер,

Рис. 3. Преподавательский состав музыкального техникума 1928–1929 уч. г. (Слева направо) 1 ряд (сидят): Мария Бедель, Руфина Медведева (Гроссман); 2 ряд (сидят): Т.Н. Семенцова (Афанасьева), П.М. Берлинский, Н.Н. Тихонов (заведующий), Я.Н. Ходукин (профобр), П.М. Клебер; 3 ряд (стоят): 4-я – Вера Матвеева, 5-я – Варвара Гагарина (Аннотация к фото: И.А. Колокольников)

Fig. 3. The teaching staff of the Music College 1928-1929 academic year. :From left to right) 1 row (seated): Maria Bedel, Rufina Medvedeva (Grossman); 2nd row (seated): T.N. Sementsova (Afanasyeva), P.M. Berlinsky, N.N. Tikhonov (head), Ya.N. Khodukin (professor), P.M. Kleber; 3rd row (standing): 4th - Vera Matveeva, 5th - Varvara Gagarina (Annotation to photo: I.A. Kolokolnikov)

Старикова, Люстик, Казакевич; на 2 курс: Васильева А., Васильева Г., Чумакова, Трудникова, Соловьева, Верцинский-Попов, Южакова, Гущева; на 1 курс: Яблокова, Вохминцев, Геллис, Русановский, Кузнецов А., Головкова, Мусихина, Бекрих, Бачинская, Кладовикова, Яковлев, Малтуева; на подготовительное отделение: Бессонова, Воронов, Волошко, Ильина, Коренева, Казакова, Крылова, Мичурин, Пикулина, Сачков, Черных, Шишкова, Прокопьева, Герловская.

За давностью времени сегодня сложно выявить преподавателей, которые отправились переводом в Красноярск вместе с учащимися. Тем более что в архивах не сохранилось фонда первого Иркутского музыкального училища. И все сведения, приведенные в этой статье, собирались буквально по крупицам. Однако известно, что в 1947 г. в Красноярском музыкальном училище на оркестровом отделении работал скрипач В.Л. Курский, ранее трудившийся в музыкальном техникуме Иркутска. Возможно, что именно он сопровождал студентов Иркутского музтехникума в Красноярск.

Свою деятельность продолжила лишь детская музыкальная школа, которую педагоги-энтузиасты отстояли для города. Она появилась в результате преобразования в 1923 г. подготовительных музыкальных классов музтехникума для детей, а после отделения от него в 1930/1931 уч. г. довольно долго просуществовала как самостоятельное учреждение культуры (ДМШ № 1, ЦДМШ г. Иркутска), а с 1 января 1978 г. вошла в состав нового учебного заведения – Иркутской областной детской школы искусств (ИОДШИ) в виде музыкального отделения, 100-летие которого отмечалось иркутской общественностью в 2023 г.

Значение Иркутского музыкального техникума для развития музыкальной культуры Иркутска огромно. Он играл важную роль в подготовке молодых специалистов: музыкантов, руководителей клубов, педагогов. В городе с этого времени появляется все больше талантливых музыкантов, музыкальных педагогов, которые с любовью передавали свою эстафету будущему поколению (Люберцева, 2014).

Среди выпускников первого Иркутского государственного музыкального техникума заслуженная артистка РСФСР В.Д. Гагарина, ведущая солистка радиокомитета Н.И. Климовская, певица Н.А. Покровская, одна из лучших пианисток города –

М.А. Санникова, ведущий концертмейстер Иркутского театра музыкальной комедии Р.П. Медведева (Гроссман), концертмейстер М.М. Бедель, преподаватель Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н.А. Римского-Корсакова Н.И. Рогожина, выдающиеся музыкальные педагоги Т.А. Мурашкина, пианистки Е.К. Верномудрова, Л.И. Завьялова, Л.В. Брянцева (впоследствии концертмейстер Новосибирского театра оперы и балета), К.Г. Рогаль-Левицкая (пианистка, концертмейстер в радиокомитете, преподаватель музтехникума и училища искусств), Н.М. Полякова, М.А. Мишарина, Т.Г. Бендлин, Т.Н. Колик; скрипач Н.М. Собаченко, флейтист Я.М. Гольдапель – педагоги, воспитавшие не одно поколение талантливых музыкантов, и многие другие.

С переводом техникума в Красноярск среднее музыкальное образование в Иркутске прерывается. Лишь 22 июля 1936 г. на основании решения Президиума Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в городе возродили музыкальный техникум (Восточно-Сибирское краевое музыкальное училище) (Иркутские повествования, 2003)⁴.

15 сентября 1936 г. в 18.00 на ул. Степана Разина, 20 состоялось торжественное открытие Восточно-Сибирского краевого музыкального техникума, который был создан на базе детской музыкальной школы. Директором второго иркутского музыкального техникума стал заведующий музыкальной школой М.К. Флегонтов.

С юридической точки зрения – это, конечно же, новое учебное заведение, прямой преемственности нет, однако традиции музыкального образования были продолжены и развиты преподавателями музыки, оставшимися жить и работать в Иркутске (Сухаревская Л. Иркутскому музыкальному училищу исполняется 60 лет // СМ-Номер один (г. Иркутск). 1998. № 1. 5 янв. С. 8).

В 1937 г. музыкальный техникум стал называться Иркутским областным музыкальным училищем, с 1964 г. его музыкальное отделение входило в состав Иркутского училища искусств, а сегодня это – музыкальный колледж им. Фредерика Шопена, расположенный по адресу: г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 28 (Дурбажева, 2010).

⁴ Иркутские повествования. 1661–1917 годы. В 2 т. / авт.-сост. А.К. Чернигов. Иркутск : Оттиск, 2003. Т. 2. 432 с.

Список источников

Гольдфарб С. Иркутск, Иркутск... Рассказы из истории старого города. Иркутск: Агентство «Комсомольская правда – Байкал», 2007. 584 с.

Горощенова О.А. Сибирский горный институт: становление вуза // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 1 (84). С. 182–190. EDN: RUOJIV.

Горощенова О.А. От навигационной школы к техническому университету (1754–2015). Иркутск: Изд-во ИРНТУ, 2015. 241 с. EDN: VWIGLL.

Горощенова О.А. Особенности развития музыкального образования в дореволюционном Иркутске // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 4. С. 146–158. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-146-158. EDN: PIZKJI.

Дурбазева А.С. Иркутский музыкальный колледж : 75 лет со дня открытия // Приангарье: годы, события, люди : календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2011 г. Иркутск : Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2010. С. 114–119.

Колокольников И.А. Музыкальная школа свободного художника А.Ю. Гиниты-Пилсудского: 125 лет со дня открытия // Приангарье: годы, события, люди : календарь знаменательных и памятных дат Иркутской области на 2024 г. Иркутск : Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И.И. Молчанова-Сибирского, 2023. Вып. 57. С. 132–135. EDN: IBRGBW.

Кудрявцев Ф.А., Вендрих Г.А. Иркутск : очерки по истории города. Иркутск : Книжное издательство, 1958. 515 с.

Ленин В.И. Партийная организация и партийная литература // ПСС В.И. Ленина Изд. 5. М. : Издательство политической литературы, 1968. Т. 12. С. 99–105.

Литвин М.И. Деятельность Восточно-Сибирского краевого музыкального училища в 1940–1950-х годах // Третьи Романовские чтения : материалы науч. конф. Иркутск : Иркут. ун-т, 2001. С. 146–149.

Литвин М.И. Специфика становления и развития музыкальной культуры Восточной Сибири советского периода как феномена массовой культуры // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года : сборник трудов конференции, Иркутск, 01 марта – 30 апреля 2008 года. Иркутск : Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. С. 571–577.

Лыхин Ю.П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) : монография. Иркутск : ИП Макаров С.Е., 2002. 334 с.

Люберцева Л.С. Святая к музыке любовь. Иркутск : Типография «На Чехова», 2014. 123 с.

Малоземова А.И. Из истории здравоохранения в Иркутской области. Иркутск : Кн. изд-во, 1961. 181 с.

Музыкальная культура Красноярск: в 3 т. / под ред. Л.В. Гавриловой. Красноярск : Красноярская гос. акад.

References

Gol'dfarb S. (2007) Irkutsk, Irkutsk... Stories from the history of the old town. Irkutsk: Komsomolskaya Pravda - Baikal Agency. 584 p. (In Russ.).

Goroshchenova O.A. (2014) Siberian Mining Institute: formation. *Bulletin of Irkutsk State Technical University*. No. 1 (84). P. 182-190. (In Russ.). EDN: RUOJIV.

Goroshchenova O.A. (2015) From the Navigation School to the Technical University (1754-2015). Irkutsk: Irkutsk National Research Technical University. 241 p. (In Russ.). EDN: VWIGLL.

Goroshchenova O.A. (2023) Features of the development of music education in pre-Revolutionary Irkutsk. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 4. P. 146-158. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-4-146-158. EDN: PIZKJI.

Durbazheva A.S. (2010) Irkutsk Music College : 75 years since the opening. *Angara region: years, events, people : the calendar is significant and memory dates of the Irkutsk region for 2011*. Irkutsk: Publishing House. Irkutsk Region State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky. P. 114-119. (In Russ.).

Kolokol'nikov I.A. (2023) The Musical School of the free-lance artist A.Y. Ginita-Pilsudski. 125 years since the opening. *Angara region: years, events, people : calendar of significant and memorable dates of the Irkutsk region for 2024*. Irkutsk: Irkutsk Regional State Universal Scientific Library named after I.I. Molchanov-Sibirsky. Iss. 57. P. 132-135. (In Russ.). EDN: IBRGBW.

Kudryavtsev F.A., Vendrikh G.A. (1958) Irkutsk: Essays on the history of the city. Irkutsk: Book Publishing. 515 p. (In Russ.).

Lenin V.I. (1968) Party organization and Party literature. *Complete set of works of V.I. Lenin*. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury. Vol. 12. P. 99-105. (In Russ.).

Litvin M.I. (2001) The activities of the East Siberian Regional Music College in the 1940s and 1950s. *The Third Romanov Readings. Proceedings of the Scientific Conference*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 146-149. (In Russ.).

Litvin M.I. (2008) The specifics of the formation and development of the musical culture of Eastern Siberia of the Soviet period as a phenomenon of mass culture. *Vtorye universitetskie sotsial'no-gumanitarnye chteniya 2008 goda: Sbornik trudov konferentsii, Irkutsk, 01 marta - 30 aprelya 2008 goda = The Second Baikal socio-humanitarian readings: conference proceedings, Irkutsk, March 01 - April 30, 2008*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 571-577. (In Russ.).

Lykhin Yu.P. (2002) The artistic life of Irkutsk (the first quarter of the XX century). Monograph. Irkutsk: IP Makarov S.E. 334 p. (In Russ.).

Lyubertseva L.S. (2014) Holy love for music. Irkutsk: Tip. "On Chekhov". 123 p. (In Russ.).

Malozemova A.I. (1961) From the history of healthcare in the Irkutsk region. Irkutsk: Irkutsk Printing House. 181 p. (In Russ.).

Gavrilova L.V. (2011) Musical culture of Krasnoyarsk: in 3 vol. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Academy of Music and

музыки и театра, 2009–2012. Т. 1: 1628–1920. 2009. 455 с. EDN: TVBVWF; Т. 2: 1920–1978. 2011. 606, [1] с. EDN: UVDHUX; Т. 3: 1978–2012. 2012. 429, [1] с. EDN: UVDGJZ.

Перваго Г.К. Становление и развитие музыкальной и художественной культуры у детей в советский и постсоветский периоды // Высшее образование, социальные науки и национальная безопасность : сборник трудов. VI Всероссийская научная конференция с Международным участием «Роль социального образования в обеспечении национальной безопасности», Иркутск, 29–30 марта 2018 года. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. С. 420–426. EDN: WBXWJN.

Рожков А.Ю. Борьба с беспризорностью в первое советское десятилетие // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 134–139.

Терновская И.И., Терновой И.В. Как учились иркутяне. Иркутск : Оттиск, 2012. 331 с.

Харкевич И.Ю. Из истории музыкальной жизни г. Иркутска первых лет советской власти // Из прошлого советской музыкальной культуры. М. Советский композитор, 1982. Вып. 3. С. 155–190.

Харкевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987. 277, [2] с.

Шинкарева А.П. Дорога в будущее. Кн. 1. Путеводитель по школам Иркутска прошлого и настоящего, от века XVIII к веку XXI. Иркутск : Ред.-изд. отд. «МиГ» ООО НИЦ «Экосфера-Байкал», 2002. 166 с.

Информация об авторе

Горощенова Ольга Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Вклад автора

Горощенова О.А. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 7 января 2025 г.; одобрена после рецензирования 12 февраля 2025 г.; принята к публикации 24 февраля 2025 г.

Theatre, 2009–2012. Vol. 1. 1628–1920. 2009. 455 p. EDN: TVBVWF; T. 2: 1920–1978. 2011. 606, [1]. p. EDN: UVDHUX; T. 3: 1978–2012. 2012. 429, [1] p. (In Russ.). EDN: UVDGJZ.

Pervago G.K. (2018) Formation and development of musical and artistic culture among children in the Soviet and post-Soviet periods. *Vysshee obrazovanie, sotsial'nye nauki i natsional'naya bezopasnost'. Sbornik trudov. VI Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya s mezhdunarodnym uchastiem «Rol' sotsial'nogo obrazovaniya v obespechenii natsional'noi bezopasnosti», Irkutsk, 29–30 marta 2018 goda = Higher Education, Social Sciences and National Security. Collection of Scientific Papers. VI All-Russian Scientific Conference with International Participation “The Role of Social Education in Ensuring National Security”, Irkutsk, March 29–30, 2018. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 420–426. (In Russ.). EDN: WBXWJN.*

Rozhkov A.Y. (2000) The fight against homelessness in the first Soviet decade. *Questions of History*. No. 1. P. 134–139. (In Russ.).

Ternovaya I.I., Ternovoi I.V. (2012) How Irkutsk people studied. Irkutsk: Ottisk. 331 p. (In Russ.).

Kharkeevich I.Yu. (1982) From the history of musical life in Irkutsk during the first years of Soviet power. *From the past of Soviet musical culture*. Moscow: Sovetskii kompozitor. Iss. 3. P. 155–190. (In Russ.).

Kharkeevich I.Yu. (1987) Musical culture of Irkutsk. Irkutsk: Irkutsk State University. 277, [2] p. (In Russ.).

Shinkareva A.P. (2002) The road to the future. Book 1. A guide to Irkutsk schools of the past and present, from the XVIII century to the XXI century. Irkutsk: Regional Branch of Publishing House “MiG”, LLC SIC “Ecosphere-Baikal”. 166 p. (In Russ.).

Information about the author

Olga A. Goroshchenova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: goroshionov@mail.ru

Contribution of the author

Goroshchenova O.A. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 7, 2025; approved after reviewing February 12, 2025; accepted for publication February 24, 2025.

Научная статья

УДК 908

EDN: GMZIIM

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-138-148>

К вопросу об охране Кругобайкальской железной дороги внутренними войсками НКВД СССР в конце 1930-х – 1940-е гг.

А.В. Данчевская

Восточно-Сибирский институт министерства внутренних дел Российской Федерации, Иркутск, Россия

Аннотация. В работе поднят вопрос малоизученной темы деятельности внутренних войск НКВД СССР по охране Кругобайкальской железной дороги в пределах станций Байкал – Слюдянка с 1939 по 1945 гг. Объект, имеющий стратегическое значение, как крайне важный, но уязвимый, был закрыт и засекречен. В результате этого информации об охране КБЖД войсками НКВД в предвоенные и военные годы в свободном доступе имеется крайне ограниченное количество, а в научных работах по теме упоминается вскользь как факт. Автор констатирует важность задачи по изучению опыта охраны участка в условиях военного времени с риском вступления в войну Японии. Установлено, что задачу охраны КБЖД от порта Байкал до Слюдянки в разные периоды выполняли три военизированных подразделения войск НКВД по охране железной дороги: 86 горно-стрелковый полк войск НКВД по охране железных дорог, 67 стрелковый полк 85 дивизии внутренних войск НКВД СССР и в конце войны 33-я горно-стрелковая бригада НКВД СССР. Из состава 67-го стрелкового полка затем был сформирован героический 272-й стрелковый полк 10-й дивизии внутренних войск НКВД, который одним из первых вступил в бой под Сталинградом и почти целиком погиб в 1942 г. На боевом посту участка дежурил бронепоезд, на берегу были установлены оборонительные сооружения с артиллерийскими орудиями, а с воды несли службу вооруженные пулемётами катера. Вдоль линии дороги были установлены две охранных зоны в два и десять километров.

Ключевые слова: внутренние войска НКВД, Главное управление войск по охране железных дорог, Кругобайкальская железная дорога, КБЖД, Слюдянка, Маритуй, порт Байкал, охрана железных дорог, Великая Отечественная война, бронепоезд

Для цитирования: Данчевская А.В. К вопросу об охране Кругобайкальской железной дороги внутренними войсками НКВД СССР в конце 1930-х – 1940-е гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 138–148. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-138-148. EDN: GMZIIM.

History

Original article

On the issue of protecting the Circum-Baikal Railway by internal troops of the NKVD of the USSR in the late 1930s - 1940s

Anastasiya V. Danchevskaya

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

Abstract. The paper raises the issue of a little-studied topic of the activities of the internal troops of the NKVD of the USSR for the protection of the Circum-Baikal Railway within the Baikal-Slyudyanka stations from 1939 to 1945. The strategically important facility, as extremely important but vulnerable, was closed and classified. As a result, there is an extremely limited amount of information about the protection of the KBZHD (Circum-Baikal Railway) by NKVD (People's Commissariat of Internal Affairs) troops in the pre-war and war years, and scientific papers on the topic mention it casually, as a fact. The author states the importance of the task of studying the experience of protecting the site in wartime conditions with the risk of Japan entering the war. It has been established that the task of protecting the KBZHD from the port of Baikal to Slyudyanka in different periods was performed by three paramilitary units of the NKVD troops for the protection of the railway: the 86th Mountain Rifle Regiment of the NKVD troops for the protection of railways, the 67th Rifle Regiment of the 85th Division of the internal troops of the NKVD of the USSR and at the

end of the war the 33rd Mountain Rifle Brigade of the NKVD of the USSR. The heroic 272nd Rifle Regiment of the 10th Division of the NKVD Internal Troops was then formed from the 67th Infantry Regiment, which was one of the first to fight at Stalingrad and almost completely died in 1942. An armored train was on duty at the combat post of the site, defensive structures with artillery guns were installed on the shore, and boats armed with machine guns served from the water. Two security zones of two and ten kilometers have been established along the road line.

Keywords: internal troops of the NKVD, the Main Directorate of Troops for the Protection of Railways, Circum-Baikal Railway, KBZHD, Slyudyanka, Maritui, port Baikal, railway protection, the Great Patriotic War, armored train

For citation: Danchevskaya A.V. (2025) On the issue of protecting the Circum-Baikal Railway by internal troops of the NKVD of the USSR in the late 1930s -1940s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 138-148. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-138-148. EDN: GMZIIM.

В настоящее время в исторической среде актуализируется проблема изучения разных сторон деятельности подразделений Народного комиссариата внутренних дел СССР на протяжении всего времени существования Советского союза, а особенно – в предвоенные и военные годы. Во многом это можно связать с началом специальной военной операции России на Украине, обнажившей прорехи в системе общественной безопасности России, в связи с чем историки обращаются к опыту недавнего по историческим меркам прошлого. В этом контексте нами было обнаружено белое пятно в истории охраны железных дорог в СССР накануне и в период Великой Отечественной войны, а именно – недостаточная изученность проблемы организации охраны стратегически важного участка Кругобайкальской железной дороги от порта Байкал до Слюдянки/Култука. Частичному раскрытию этой малоизученной проблемы посвящен настоящий труд.

Работа подразделений НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны изучалась историками с разных позиций и сторон, однако деятельность подразделений по охране объектов железнодорожного транспорта, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке, остаётся слабо изученной. В настоящее время ведётся изучение деятельности подобных подразделений в местах ведения боевых действий, поскольку они выполняли одну из важнейших функций – обеспечение безопасности транспортировки людей и грузов, в том числе продовольствия и вооружения, что в условиях диверсионной борьбы противника предполагало большой объём невероятно ответственной работы. Так, авторы обращались к исследованию правового обеспечения деятельности внутренних войск НКВД СССР в годы ВОВ (Лысенков, Дубовицкая, 2011), сравнительному анализу соединений внутренних войск НКВД и Красной Армии в предвоенный период (Ковыршин, 2009), а также к

вопросу обеспечения безопасности работы железнодорожного транспорта органами НКВД-НКГБ СССР в годы ВОВ (Гашенко, 2022) и деятельности бронепоездных подразделений войск НКВД СССР в 1941–1945 гг. (Гашенко, 2024). Особенности выполнения служебно-боевых задач войсками НКВД СССР по охране железных дорог в годы ВОВ рассмотрены в работах Ч.Т. Буряева и В.В. Танатарова (Буряев, Танатаров, 2021) и И.Я. Фаткиева и Э.Г. Максименко (Фаткиев, Максименко, 2020). Более подробно изучена деятельность 121 полка НКВД СССР на охране Рязано-Уральской железной дороги в 1941–1942 гг. (Серов, 2016), работа Второй дивизии войск НКВД СССР по охране объектов Октябрьской, Ленинградской и Кировской железных дорог в июне – августе 1941 г. (Колпаков, 2020), а также вопросы охраны особо важных предприятий промышленности и железных дорог 175-го Краснознаменного полка войск НКВД СССР (Зелененький, Сандалов, 2020).

В целом деятельность войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности изучена в трёхтомной монографии «Войска НКВД в Великой Отечественной Войне», однако Кругобайкальский участок вскользь упоминается лишь в третьем томе (Бунин, Марценюк и др., 2015). Становлению и развитию войск по охране железных дорог в Восточной Сибири посвящена статья А.В. Ануфриева (Ануфриев, 2023). Охране непосредственно Кругобайкальского участка Транссиба 67 полком посвящено несколько страниц коллективной монографии «Так сражались чекисты» (Ануфриев, Чапыгин, Южаков, 2021). Здесь приведена статистика по количеству охраняемых объектов и числу предотвращённых инцидентов, связанных с возможным крушением поездов и задержанием лиц, проникнувших в охраняемую зону незаконно. Непосредственно проблема охраны КБЖД внутренними войсками НКВД СССР

была поднята в научной работе С. Бабиковой (Бабикова, 2008), где в приложении приводятся материалы из фондов Российского государственного военного архива. Также имеются краткие упоминания подразделений, дислоцированных в Восточной Сибири (Игумнов, Санников, Ануфриев, 2023; Шитько, 2020).

В конце 1930-х гг. подразделения, осуществлявшие охрану железнодорожного сообщения на территории республик, входивших в состав Советского союза, находились в подчинении Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР. Организация Управления, состоявшего из 20 крупных отделов и 90 отделений, как отмечалось в докладе Л.П. Берии И.В. Сталину от 31 января 1939 г.¹, была чрезвычайно громоздкой, в результате чего оно было перегружено большим количеством разнообразных функций, а руководство охраной железнодорожных сооружений было поставлено неудовлетворительно. В связи с этим Берия предлагал для улучшения службы по направлениям разделить Главное управление пограничных и внутренних войск, разукрупнить округа, а части внутренних войск подчинить непосредственно Главному управлению НКВД СССР.

В результате реорганизации структуры Главного управления НКВД СССР в соответствии с приказом НКВД СССР от 8 марта 1939 г. охрана железных дорог была возложена на специальные подразделения под руководством Главного управления войск по охране железных дорог, созданного на основании Постановления СНК СССР от 2 февраля 1939 г. Названному Главному управлению, которое возглавлял комбриг А.И. Гульев, были подчинены все части войск по охране железнодорожного транспорта и части противовоздушной обороны. На тот момент в составе этих подразделений находились семь дивизий и шесть бригад общей численностью более 62 тыс. человек. Почти полторы тысячи гарнизонов охраняли около 1700 объектов разного значения (Можаев, 2023. С. 133).

Тогда же приказом НКВД СССР от 10 июня 1939 г. № 340 был утверждён Устав службы войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений. Их главной задачей было названо «обеспечение полной сохранности и целостности охраняемых сооружений». Для этого предусматривалась не только непосредственная охрана и оборона данных сооружений и объектов, но и при наличии угрозы авианалётов – организация противовоздушной обороны специальными зенитными и другими средствами соответствующих войсковых подразделений. Для эффективной охраны объектов и запретных зон было предписано строго соблюдать установленный режим. Каждый объект должен был охраняться одним гарнизоном, процесс охраны должен был быть непрерывным, охрана должна была быть подвижной и гибкой и при этом сопровождаться умелым использованием сил и средств в условиях скрытности и маскировки (Бунин, Марценюк и др., 2015. С. 181–182).

Это повлекло за собой издание в декабре 1941 г. «совершенно секретного» Постановления № ГКО-1024сс «О мероприятиях по улучшению охраны железных дорог»² (к настоящему времени рассекречено). Согласно документу, численность войск НКВД по охране железнодорожных сооружений была увеличена на 40 тыс. чел. с целью осуществления эффективной охраны железнодорожных сооружений на станциях и линии охраняемой железной дороги, а также перевозимых грузов, денежных касс и сопровождения вагонов с важнейшими грузами. Ликвидация стрелковой охраны НКПС СССР обусловила перевод личного состава (более 33 тыс. чел.) и имущества (в том числе вооружения и автотранспорта) в подчинение войскам НКВД СССР. Обеспечение безопасности инфраструктуры, не относившейся напрямую к железной дороге и подвижному составу, было возложено на созданные в составе НКПС СССР подразделения вахтёрской охраны (более 10 тыс. единиц). Параллельно с этим на пять тыс. чел. был увеличен личный состав железнодорожной милиции, которая должна

¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) п. 67/224 1 февраля 1939 г. «О разделении Главного Управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР». 1 февраля 1939 г. // Исторические материалы: сайт. URL: <https://istmat.org/node/67265> (дата обращения 21.04.2024).

² Постановление ГКО СССР № 1024сс о мероприятиях по улучшению охраны железных дорог, с приложением записок Берии Л.П. и Кагановича Л.М. Сталину И.В., Рычкова Н.М. Сталину И.В. 14 декабря 1941 г. // Президентская библиотека: сайт. URL: <https://www.prilib.ru/item/1344597> (дата обращения 13.04.2024).

была предотвращать такие преступления, как хищение грузов, разбойные нападения и грабежи, нарушение общественного порядка на железной дороге.

НКВД и КБЖД – две аббревиатуры, которые, как правило, хорошо воспринимаются по отдельности, но вместе – с трудом. Это связано с тем, что тема охраны Кругобайкальской железной дороги – «золотой пряжки» Транссиба и по затратам на строительство, и по инженерному мастерству – внутренними войсками НКВД СССР в настоящее время остаётся практически неизученной. Известен по большей части сам факт: в конце 1930-х – 1940-х гг. Кругобайкалка являлась закрытым объектом стратегической важности, в связи с чем её охраняли войска НКВД.

Закрыт объект был неслучайно – КБЖД в тот период являлась единственным связующим железнодорожным звеном между Прибайкальем и Забайкальем, к тому же крайне сложным и дорогим в плане инженерного проектирования и строительства, а потому диверсии на дороге могли надолго разорвать железнодорожное сообщение между Иркутском, а, следовательно, и всей западной веткой вплоть до Ленинграда, и Дальним Востоком страны. Поскольку железная дорога являлась ключевым видом транспорта в военные годы, обеспечение его бесперебойного функционирования стало одной из ключевых задач для достижения победы. Ещё в начале войны в секретном докладе наркома внутренних дел Л.П. Берии Сталину отмечалось, что участок ВСЖД между станциями Байкал – Слюдянка имел «особо важное значение для связи с Забайкальем», а существовавшая на тот момент охрана в составе двух батальонов войск НКВД недостаточна³.

Протяжённость дороги от станции Байкал до Слюдянки составляет 94 км, на которых, по свидетельству исследователя А. Хобты, сосредоточено 522 искусственных сооружения, к которым относятся тоннели, отдельно стоящие галереи, мосты, подпорные стенки⁴. Каждый из этих объектов был уяз-

вим и мог представлять интерес для японских милитаристов в случае начала военных действий между СССР и Японией, поскольку «План войны с СССР на 1936 г.» был утверждён японским императором Хирохито ещё в августе 1935 г. (Кошкин, 2011. С. 29). Это ещё в 1938–1939 гг. побудило руководство страны инициировать проектно-изыскательные и подготовительные работы по сооружению нового участка дороги в обход Байкала (Петрушин, 2015): столкновения с японскими войсками на озере Хасан не остались без последствий⁵. Имеются свидетельства участников тех событий о том, что руководство одного из охранных полков располагало японскими фотографиями стратегических объектов КБЖД (Бабикова, 2008. С. 164). При этом не только фотографировать дорогу было запрещено, но и даже иметь при себе фотоаппарат при проезде по данному участку. При обнаружении у пассажира фотоаппарата его изымали, а самого пассажира снимали с поезда и подвергали тщательной проверке.

Всё это объясняет слабую изученность темы: публикаций о секретном объекте в печати того времени не допускалось, а архивы НКВД долгое время оставались засекреченными (и частично остаются таковыми до настоящего времени). Эта малоизвестная страница истории внутренних войск НКВД СССР в предвоенные и военные годы была приоткрыта в том числе благодаря деятельности поискового отряда «Байкальский следопыт» под руководством тогда ещё учителя истории одной из школ г. Саянска Игоря Сеченова, организовавшего в 2006 г. экспедицию на КБЖД для изучения расположенных там инженерных и оборонительных объектов и сооружений. В научных публикациях, посвящённых истории войск НКВД, в том числе подразделений по охране железных дорог, внимание исследователей было сосредоточено преимущественно на западной части страны, где развернулись основные боевые действия в годы Второй мировой войны. Столь глубокий тыл, как Иркутск и Байкал, самостоятельным предметом исторических изысканий становился в гораздо меньшей степени. Что касается архивных мате-

³ Постановление ГКО СССР № 443сс «Об охране тоннельного участка Восточно-Сибирской железной дороги», с приложением записки Берии Л.П. Сталину И.В. 9 августа 1941 г. // Президентская библиотека: сайт. URL: <https://www.prlib.ru/item/1335152> (дата обращения 22.04.2024).

⁴ Хобта А.В. Сколько на Кругобайкалке искусственных сооружений // Web-энциклопедия «Транссибирская маги-

страль». URL: <https://transsib.ru/kbzd/article-kbzd/article08.htm> (дата обращения 11.04.2024).

⁵ Ходий В. «Кругобайкалка» под грифом «секретно» // Восточно-Сибирская правда. 14.02.2023. URL: <https://www.vsp.ru/2023/02/14/krugobajkalka-pod-grifom-sekretno/> (дата обращения 11.04.2024).

риалов, то они хранятся в фондах Российского государственного военного архива (г. Москва), а именно: Ф. 38323 – 67 полк внутренних войск МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог; Ф. 38439 – 86 горно-стрелковый полк войск НКВД по охране железных дорог, ст. Маритуй; Ф. 38314 – Управление 33 горно-стрелковой бригады войск НКВД по охране железных дорог, г. Иркутск, Слюдянка (29 апреля 1945 г. – 11 октября 1945 г.); Ф. 38486 – 27 отдельный горно-стрелковый батальон войск НКВД по охране железных дорог, ст. Иркутск-II, ст. Маритуй Восточно-Сибирской железной дороги (апрель 1945 г. – октябрь 1945 г.); Ф. 38485 – 26 отдельный горнострелковый батальон Войск НКВД по охране железных дорог, г. Иркутск, ст. Шарыжалгай Восточно-Сибирской ж. д. (май 1945 г. – ноябрь 1945 г.); Ф. 39026 – Коллекция исторических формуляров Управлений войск соединений и частей пограничных, внутренних, конвойных и железнодорожных войск ВЧК-ОГПУ-НКВД-МВД-МГБ-МООП-МВД СССР. Так, в последнем указанном нами фонде имеются дела: Дела № 406–408: 67-й (Восточно-Сибирский, Забайкальский) полк войск НКВД-МВД СССР по охране (ОВПП) ОВОП и железных дорог (1932–1951), 207 л.; (1932–1950), 176 л.; (с приложениями, 1932–1937), 55 л.; Дела № 1210–1211: 25-й отдельный горно-стрелковый батальон войск НКВД СССР по охране железных дорог (1945 год), 17, 15 л.; Дела № 1216–1217: 26-й отдельный горно-стрелковый батальон войск НКВД СССР по охране железных дорог (1945 год), объем обоих дел – по 9 л. каждое; Дела № 1220–1221: 27-й отдельный горно-стрелковый батальон войск НКВД СССР по охране железных дорог (1945 год), объем каждого из двух дел – 11 л. Подробное изучение этих материалов могло бы пролить свет на историю охраны Кругобайкальской железной дороги войсками НКВД в предвоенные и военные годы.

В день начала Великой Отечественной войны согласно приказу НКПС СССР Восточно-Сибирская железная дорога была переведена на военный режим работы (Ануфриев, Чапыгин, Южаков, 2021. С. 99). Основными силами, дислоцированными в военные годы вдоль КБЖД, стали подразделения 67-го стрелкового полка 85 дивизии внутренних войск НКВД СССР: 2-й батальон осуществлял непосредственную охрану Кругобайкальской железной

дороги, Управление батальона и 4-я рота размещались на станции Маритуй, 5-я рота – на станции Шарыжалгай, 6-я рота – на станции Култук. В состав полка входил 67 отдельный бронепоезд, размещённый на станции Слюдянка, однако уже к концу 1942 г. он был изъят из состава полка и выделен в 41-й отдельный бронепоезд (приказ НКВД СССР № 002344 от 21.10.1942 г.) (Ануфриев, Чапыгин, Южаков, 2021. С. 111).

В зону ответственности полка к 1 июля 1941 г. входило 130 объектов КБЖД (Ануфриев, Чапыгин, Южаков, 2021. С. 92). Должность начальника гарнизона с февраля 1942 г. по декабрь 1951 г. исполнял капитан Иван Тимофеевич Прудников (рис.). Главной задачей бойцов 67-го полка являлась охрана мостов и тоннелей: по обеим сторонам каждого из них стояли вооружённые винтовками часовые. Доступ людей в прибрежную зону был ограничен, а жители населённых пунктов, расположенных вблизи дороги, должны были иметь соответствующий пропуск. Базировался полк также вдоль дороги, для чего в удобных для этого местах были построены казармы и хозяйственные сооружения. К настоящему времени от них, к сожалению, остались лишь

Рис. И.Т. Прудников (5 января 1921 – 22 октября 1977).
Музейный комплекс «Дорога памяти»: сайт.
URL: <https://1418museum.ru/heroes/69618798/>
(дата обращения 13.04.2024)

Fig. I. T. Prudnikov (January 5, 1921 - October 22, 1977).
Museum Complex "Road of Memory": website. Available
from: <https://1418museum.ru/heroes/69618798>
(Accessed 04/13/2024)

едва различимые каменные фундаменты (например, в распадке р. Шабартуй или за пос. Малый Баранчик). Снабжение осуществлялось исключительно по железной дороге, поскольку иных путей, за исключением водных, не имелось.

Необходимо отметить, что именно из состава 67-го стрелкового полка затем был сформирован героический 272-й стрелковый полк 10-й дивизии внутренних войск НКВД, который одним из первых вступил в бой под Сталинградом и почти целиком погиб в 1942 г. Об истории формирования полка, его боевом пути и подвигах его бойцов и командиров немало написано иркутскими историками (Ануфриев, Иванов и др., 2015; Ануфриев, Чапыгин, 2020). Ушедших на фронт старались заменить новыми бойцами, однако и они в скором времени отправлялись воевать, в связи с чем на охране Кругобайкальской железной дороге людей не хватало.

В августе 1941 г. последовало переформирование 2-го батальона 67-го полка, занимавшегося непосредственной охраной участка в 86-й горно-стрелковый полк войск НКВД по охране железных дорог с увеличением численности личного состава (Ануфриев, Чапыгин, Южаков, 2021. С. 111). Управление полка было расположено на станции Маритуй КБЖД. Перед полком также была поставлена задача охраны и обороны горно-скалистого участка дороги в пределах станций Байкал – Култук. При этом Народный комиссариат обороны должен был сформировать в составе Забайкальского военного округа два зенитно-артиллерийских дивизиона трёхбатарейного состава, каждый с целью организации противовоздушной обороны охраняемого тоннельного участка, а также выделить для 8 дивизии внутренних войск НКВД 25 спаренных пулемётных установок с боеприпасами для борьбы с потенциальным авианалётом противника. Спустя полгода полк также был пополнен личным составом военизированной охраны (ВОХР) ВСЖД.

С 17 августа 1941 г. по 27 августа 1943 г. полк возглавлял капитан Фёдор Ефимович Смолин, а с 28 августа 1943 г. по 12 июля 1946 г. – Павел Петрович Гусев. Это подразделение отличалось наличием средств связи между охраняемыми постами тоннелей и местами базирования гарнизонов в виде «примитивны[х] переносны[х] микротелефонны[х] труб[ок]» у часовых (Бабикова, 2008. С. 164), благодаря кото-

рым обеспечивалась оперативная связь между часовыми и дежурным по гарнизону.

Несмотря на организованную войсками НКВД охрану Кругобайкальской петли и проведение ряда профилактических мероприятий, как следует из секретного письма начальника транспортного отдела НКВД ВСЖД майора госбезопасности Гавриша председателю исполкома Иркутского областного совета депутатов трудящихся Новаку от 18 мая 1942 г., весной 1942 г. имели место нарушения установленных правил поддержания режима и охраны участка со стороны таких хозяйственных предприятий, как Охотсоюз, Рыбтрест и других. Так, ими были допущены в охраняемую зону для ловли рыбы, охоты и проведения иных работ непроверенные люди, которые могли проникать к железнодорожному полотну и охраняемым сооружениям, «что крайне недопустимо с точки зрения войсковой охраны»⁶. Причины сложившейся ситуации Гавриш видел в неупорядоченности определения запретных зон в охраняемом районе: на участке в пределах станций Байкал – Култук запретные зоны были определены, а далее – от станции Култук до станции Выдрино – таковые отсутствовали. Также ослаблению эффективности охраны Байкальского участка служило нахождение вблизи железной дороги значительного числа непроверенных людей, занятых на восстановлении Московского тракта.

С 1 июня 1944 г. 86 горно-стрелковый полк 29 дивизии войск НКВД по охране железных дорог на основании приказа НКВД СССР № 00606 от 20 мая 1944 г. от несения службы по горно-скаистой местности на подступах к тоннельному участку в пределах станций Байкал – Култук освобождался для переброски к новому месту дислокации (Великая Отечественная война..., 2015. С. 148–149)⁷. Охрана железнодорожных объектов и подступы к участку возлагались на 67 полк войск НКВД.

В связи с необходимостью дальнейшей эффективной охраны подступов к тоннельному участку Байкал – Култук были установлены объединённые двух и десятикилометровые запретные зоны, охватывавшие не только сушу, но и водное простран-

⁶ Великая Отечественная война по материалам Государственного архива Иркутской области : сб. документов. Иркутск : Оттиск, 2015. 320 с.

⁷ Там же.

ство. Границы сухопутной запретной зоны обозначались специальными указателями, установленными ВСЖД. Въезд в пределы двухкилометровой сухопутной зоны был разрешён нескольким группам людей: рабочим и служащим ВСЖД и других предприятий и учреждений, постоянно работавшим в пределах запретной зоны, а также их ближайшим родственникам; временно командиремым в запретную зону по служебным делам; постоянно проживающим в пределах зоны жителям и их ближайшим родственникам. Для последней категории лиц документами, удостоверяющими право на пребывание в сухопутной запретной зоне, являлись паспорта с пропиской в рабоче-крестьянской милиции по месту жительства. Для остальных – специальные разрешения на право въезда в запретную зону, выданные управлением рабоче-крестьянской милиции. При этом лица, прибывшие в пределы запретной зоны по разрешению, были обязаны в течение суток зарегистрироваться в ближайшем пункте железнодорожной милиции. В связи с этим продажа проездных билетов до станций, расположенных в пределах зоны (Уланово, Маритуй, Шарыжалгай), осуществлялась при предъявлении в кассу соответствующих разрешений, выданных управлением рабоче-крестьянской милиции. Пропуск лиц по железнодорожным мостам, тоннелям и галереям осуществлялся по основным пропускам, которые выдавались военизированной охраной НКПС в соответствии с правилами, объявленными приказами НКПС № 12/ИЗ и НКВД № 24 от 9 мая 1942 г. Приближение посторонних лиц, не имевших таких пропусков, было категорически запрещено. Однако таким образом охранялась не только линия путей, но и вся зона: в её пределах охота, сбор орехов и рыболовство в ручьях и реках, а также иные промыслы и разведение костров вне населённых пунктов без разрешения рабоче-крестьянской милиции, согласованного с войсками НКВД, были запрещены. Сами войска НКВД имели право в пределах двух и десятикилометровых сухопутных запретных зон высылать служебные наряды на земельные и иные угодья вне зависимости от их принадлежности.

Что касается десятикилометровой зоны, то въезд в её пределы граждан, не проживавших в этой местности, с целью охоты, рыболовства, сбора ягод и орехов и прочего без особого разрешения рабоче-крестьянской милиции по согласованию с

войсками НКВД был запрещён. В связи с этим высадка граждан на станциях Байкал, Маритуй, Шарыжалгай, Култук, прибывающих с теми же целями или по служебным делам, но не имевших соответствующего разрешения, не допускалась. Наблюдение за выполнением указанных ограничений возлагалось на войска НКВД и рабоче-крестьянскую милицию.

Лицам служебного наряда войск НКВД, а также офицерскому составу от начальника гарнизона и выше предоставлялось право производить задержания и обыски лиц, нарушивших установленный в обеих (двух и десятикилометровой) запретных зонах режим, или подозреваемых в этом умысле. Также лица офицерского состава и служебного наряда имели право на применение в дело оружия в соответствии со ст. 418–432 Устава службы войск НКВД по охране железнодорожных сооружений. При неправильном применении оружия такие лица подлежали ответственности в дисциплинарном или уголовном порядке в зависимости от характера правонарушения.

Поскольку главная опасность для дороги в предвоенное и военное время заключалась в возможности японского авиационного налёта и бомбардировки путей, дорога охранялась не только личным составом подразделениями НКВД, но и вооружением: вдоль берега курсировал специальный катер, оснащённый двумя крупнокалиберными пулемётами, а на суше вблизи наиболее важных сооружений были расположены зенитные батареи. В августе 1941 г. начальник Байкальского боевого участка обращался к секретарю Иркутского обкома ВКП(б) с просьбой выделить два буксира из числа имевшихся на станции Байкал и привести их в боевую готовность для обеспечения более надёжной защиты Байкальской петли от нападения с воздуха и возможности манёвра подвижными средствами со стороны озера Байкал⁸. Для этого буксиры следовало перекрасить в шаровый цвет и вооружить по одному зенитному орудью и по две спаренных зенитных пулемётных установки. Личный состав буксиров предполагалось укомплектовать за счёт спецотдела пароходства, кроме орудийных и пулемётных расчётов. Вооружение и расчёты должны были комплек-

⁸ Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО) : сб. документов / под ред. С.И. Кузнецова, Ю.А. Петрушина. Иркутск : Оттиск, 2015. 496 с.

товаться распоряжением начальника пограничных войск НКВД.

На следующий же день секретарь Иркутского обкома ВКП(б) Качалин распорядился обязать начальника Байкальского боевого участка Забайкальского военного округа Телятова в двухдневный срок определить дислокацию вооружения Байкальского флота и передать ВСУРП (Восточно-Сибирское управление речного пароходства) чертежи для подготовки флота к установке на нём вооружения. Начальник ВСУРП Куланов обязывался в недельный срок подготовить Байкальский флот для установки вооружения, укомплектовать его командами и произвести перекраску в шаровый цвет (Иркутск на фронте..., 2015. С. 60)⁹.

Плавание каких-либо иных судов в пределах водной зоны озера Байкал допускалось в дневное время с разрешения управления НКВД по Иркутской области, в ночное время любое движение было запрещено. Приближение судов к берегу и причаливание вне установленных причальных пунктов также было категорически запрещено за исключением случаев стихийных бедствий и аварий. При этом суда в двухкилометровой запретной зоне подлежали надзору со стороны войск НКВД.

Весной 1945 г. в Иркутске на замену выбывшему на Дальний Восток 86-му полку была сформирована 33-я горно-стрелковая бригада НКВД, включавшая 25-й, 26-й и 27-й горно-стрелковые батальоны, каждый из которых имел свой штаб и отвечал за свой участок дороги. Так, штаб 27-го батальона располагался на станции Маритуй, а зона ответственности включала участок от порта Байкал до р. Большая Куркавочная; штаб 26-го батальона – на станции Шарыжалгай, зона ответственности – от р. Большой Куркавочной до Слюдянки, где располагался штаб бригады. При этом состав батальонов позволяет более подробно представить особенности их службы. Например, в состав 26-го батальона, созданного по приказу НКВД № 00225 от 22 марта 1945 г., по

состоянию на май 1945 г. входили: управление батальона, 1-ая и 2-ая стрелковые роты, пулемётная рота, миномётная рота, взвод связи, взвод конной разведки, сапёрный взвод, санитарная часть, взвод службы собак и автотранспортное отделение. Командиром батальона являлся майор Павел Андреевич Тимаков 1912 г. р., его заместителем – старший лейтенант Пётр Иванович Гончаров 1918 г. р., заместителем командира батальона по политической части – Борис Сергеевич Савельев 1910 г. р., начальником штаба – Григорий Миронович Штоков 1912 г. р. (Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 38485. Оп. 1. Д. 11987). В августе – сентябре 1945 г. в связи со вступлением СССР в войну против Японии батальон был переведён на усиленный режим охраны, а после, в соответствии с приказом НКВД № 00126 от 3 октября 1945 г., был расформирован.

Таким образом, история охраны Кругобайкальской железной дороги в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн силами внутренних войск НКВД СССР ещё ждёт своего исследователя. Безусловно, этому участку дороги не грозила такая опасность, с которой столкнулись подразделения НКВД по охране железных дорог в западной части страны, однако заинтересованность в этом объекте японских милитаристов и вероятность начала боевых действий на Дальнем Востоке определяла её стратегическое значение. В настоящее время эта тупиковая ветка Кругобайкальской дороги продолжает использоваться для транспортировки грузов и людей в населённых пунктах вдоль побережья, а также в качестве объекта туристической инфраструктуры. За прошедшие десятилетия многие объекты, построенные вдоль дороги для нужд внутренних войск НКВД СССР в предвоенные и военные годы, были разрушены или разобраны. Однако сохранились архивные материалы, изучение которых позволит более подробно и последовательно воссоздать историю охраны объекта, хотя и сегодня совершенно очевидно, что такой уязвимый участок в логистической цепочке Запад – Восток без охраны оставлять было ни в коем случае нельзя.

⁹ Иркутск на фронте и в тылу (по материалам ГАНИИО): сб. документов / под ред. С.И. Кузнецова, Ю.А. Петрушина. Иркутск: Оттиск, 2015. 496 с.

Список источников

Ануфриев А.В. Становление и развитие войск по охране железных дорог в Восточной Сибири // Историко-правовой и социокультурный опыт развития российской

References

Anufriev A.V. (2023) Railway keepers. Formation and development of railway protection troops in Eastern Siberia. *Historical, legal and socio-cultural experience of the develop-*

государственности. К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации и 50-летию начала строительства Байкало-Амурской магистрали : материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 13–14 октября 2023 года / отв. редакторы С.И. Шишкин, П.А. Новиков. Иркутск : Иркутский государственный университет, 2023. С. 132–138. EDN: LGUQKF.

Ануфриев А.В., Иванов А.А., Кузнецов С.И., Петрушин Ю.А., Пономарева Н.С., Трофименко С.В., Чапыгин И.В. Иркутяне в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.) : Исследования и материалы / А.В. Ануфриев, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов [и др.]. Иркутск : Оттиск, 2015. 448 с. EDN: TUSKST.

Ануфриев А.В., Чапыгин И.В. «Недаром зовут сталинградцами нас...» (к истории 272 стрелкового полка внутренних войск НКВД) // Военно-исторические аспекты жизни Юга России XVII–XXI вв.: вопросы изучения и музефикации : материалы II Международной научно-практической конференции, приуроченной к 75-летию окончания Второй мировой войны, Волгоград, 01–02 октября 2020 года. Волгоград : Сфера, 2020. С. 55–61. EDN: TOFH0I.

Ануфриев А.В., Чапыгин И.В., Южаков А.В. Так сражались чекисты: история и боевой путь 272-го иркутского полка от Байкала до Сталинграда: Исследования и материалы. Иркутск : Оттиск, 2021. 336 с. EDN: LGBSRP.

Бабилова С. Охрана Кругобайкальской железной дороги в годы Второй мировой войны // Краеведческие записки / Иркут. обл. краев. музей. Иркутск : Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2008. Вып. 15. С. 160–170.

Бунин С.В., Марценюк Ю.А., Беркутов А.С., Климов А.А., Ченцов А.С. Войска НКВД в Великой Отечественной войне : в 3 т. Т. 3. Войска НКВД в третий период Великой Отечественной войны и в советско-японской войне (1944–1945). М. : Редакция журнала «На боевом посту» внутренних войск МВД России, 2015. 416 с.

Бураев Ч.Т., Танатаров В.В. Особенности выполнения служебно-боевых задач войсками НКВД СССР по охране железных дорог в годы Великой Отечественной войны // Войска национальной гвардии Российской Федерации: история и современность : сборник научных статей ведомственной научно-практической конференции, Новосибирск, 25 февраля 2021 года. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2021. С. 7–13. EDN: XWOSXW.

Гашенко В.А. Обеспечение безопасности работы железнодорожного транспорта органами НКВД-НКГБ СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования. 2022. № 4 (15). С. 5–9. DOI: 10.52170/2618-7949_2022_15_5. EDN: VIGHUD.

Гашенко В.А. Бронепоездные подразделения войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: гуманитарные исследования. 2024. № 3 (22). С. 23–28. DOI: 10.52170/2618-7949_2024_22_23. EDN: LXRYDQ.

ment of Russian statehood. On the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation and the 50th anniversary of the start of construction of the Baikal-Amur Mainline: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, October 13-14, 2023. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 132-138. (In Russ.). EDN: LGUQKF.

Anufriev A.V., Ivanov A.A., Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A., Ponomareva N.S., Trofimenko S.V., Chapygin I.V. (2015) Irkutsk residents in the Great Patriotic War (1941-1945): Research and Materials. Irkutsk: Ottisk. 448 p. (In Russ.). EDN: TUSKST.

Anufriev A.V., Chapygin I.V. (2020) “No wonder they call us Stalingrad...” (To the history of the 272 rifle regiment of the internal troops of the NKVD). *Military-historical aspects of the life of Southern Russia in the XVII-XXI centuries: issues of study and museification: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 75th anniversary of the End of World War II, Volgograd, October 01-02, 2020*. Volgograd: Sphere. P. 55-61. (In Russ.). EDN: TOFH0I.

Anufriev A.V., Chapygin I.V., Yuzhakov A.V. (2021) How the Chekists fought: the history and combat path of the 272nd Irkutsk Regiment from Baikal to Stalingrad. Research and Materials. Irkutsk: Ottisk, 336 p. (In Russ.). EDN: LGBSRP.

Babikova S. (2008) Protection of the Circum-Baikal railway during the Second World War. *Local History Notes*. Irkutsk: Publishing House of Institute of Geography named after V.B. Sochava SO RAN. Iss. 15. P. 160-170. (In Russ.).

Bunin S.V., Martsenyuk Yu.A., Berkutov A.S., Klimov A.A., Chentsov A.S. (2015) NKVD troops in the Great Patriotic War. In 3 vol. Vol. 3. NKVD troops in the third period of the Great Patriotic War and in the Soviet-Japanese War (1944-1945). Moscow: Redaktsiya zhurnala “Na boevom postu” vnutrennikh voisk MVD Rossii. 416 p. (In Russ.).

Buraev Ch.T. Tanatarov V.V. (2021) Particularities of the service and combat missions troops of the NKVD of the USSR on the protection of railways in the years of the Great Patriotic War. *Troops of the National Guard of the Russian Federation: history and modernity : Collection of Scientific Articles of the Departmental Scientific and Practical Conference. Novosibirsk, February 25, 2021*. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation P. 7-13. (In Russ.). EDN: XWOSXW.

Gashenko V.A. (2022) Ensuring the safety of railway transport by the NKVD - NKGB of the USSR during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Siberian State University of Railway Transport: Humanitarian Studies*. No. 4 (15). P. 5-9. (In Russ.). DOI: 10.52170/2618-7949_2022_15_5. EDN: VIGHUD.

Gashenko V.A. (2024) Armored train units of the NKVD troops of the USSR during the Great Patriotic War of 1941-1945. *Bulletin of the Siberian State University of Railways: Humanitarian Studies*. No. 3(22). P. 23-28. (In Russ.). DOI: 10.52170/2618-7949_2024_22_23. EDN: LXRYDQ.

Зелененький В.А., Сандалов И.А. От Донбасса до Пермского края: история и боевой путь 175-го Краснознаменного полка войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности и железных дорог // Актуальные вопросы развития гуманитарной и социально-экономической мысли в современных реалиях : сборник трудов Межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 9 декабря 2020 года. В 2-х ч. Ч. 1. Пермь : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2020. С. 167–175. EDN: YWLSYM.

Игумнов А.В., Санников А.П., Ануфриев А.В. Войска НКВД в Восточной Сибири (1941–1945) // На службе отечеству: история органов внутренних дел : сборник материалов Международной научной конференции, приуроченной к 305-летию полиции России, Академия управления МВД России, 23 июня 2023 года. Москва : Академия управления МВД России, 2023. С. 111–120. EDN: SILSIC.

Ковыршин Е.В. Сравнительная характеристика соединений внутренних войск НКВД СССР и Красной Армии в предвоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 101. С. 17–21. EDN: KKNKIX.

Колпаков П.А. Вторая дивизия войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений на защите Октябрьской, Ленинградской и Кировской железных дорог (июнь – август 1941 года) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 5–3 (44). С. 49–52. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10548. EDN: FEUZXС.

Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М. : Вече, 2011. 380, [1] с. EDN: QPSOMJ.

Лысенков С.Г., Дубовицкая Н.В. Правовое обеспечение деятельности внутренних войск НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны к 200-летию образования внутренних войск МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2 (50). С. 51–55. EDN: NYIQLR.

Можаев М.Н. Создание и развитие соединений и воинских частей по охране промышленных предприятий и железных дорог в годы Гражданской войны и межвоенный период (1918–1941 гг.) // Февраль 1918 года: самые первые шаги Красной армии (к 105-летию победы Красной Армии над кайзеровскими войсками Германии) : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 15 февраля 2023 года / под общей редакцией В.А. Михайлова. Саратов : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2023. С. 125–134. EDN: ASLYWU.

Петрушин Ю.А. 12-я железнодорожная стройка Иркутск – Слюдянка в годы Великой Отечественной войны // Известия Иркутского государственного университета. Сер. История. 2015. Т. 11. С. 71–84. EDN: TVWQNN.

Zelenen'kii V.A., Sandalov I.A. (2020) From Donbass to Permian Land: history and combat path of 175th order of Red Banner Regiment of troops of NKVD USSR of defense of the special facilities and railways. *Topical Issues of the Development of Humanitarian and Socio-Economic Thought in Modern Realities : Proceedings of the Interuniversity Scientific and Practical Conference with International Participation, Perm, December 09, 2020*. In 2 pt. Pt. 1. Perm': Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education "Perm' Military Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation" P. 167-175. (In Russ.). EDN: YWLSYM.

Igumnov A.V., Sannikov A.P., Anufriev A.V. (2023) NKVD troops in Eastern Siberia (1941-1945). *In the service of the Fatherland: the history of internal affairs bodies : Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 305th Anniversary of the Russian Police, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, June 23, 2023*. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii. P. 111-120. (In Russ.). EDN: SILSIC.

Kovyrshin E.V. (2009) Comparative description of military formations of the NKVD internal troops and the Red Army in the prewar period. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. No. 101. P. 17-21. (In Russ.). EDN: KKNKIX.

Kolpakov P.A. (2020) Second division of the NKVD troops of the USSR for the protection of railway structures on the protection of the October, Leningrad and Kirov railways (June-August 1941). *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 5-3. P. 49-52. (In Russ.). DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10548. EDN: FEUZXС.

Koshkin A.A. (2011) "Kantokuken" – "Barbarossa" in Japanese. Why Japan did not attack the USSR. Moscow: Veche. 380, [1] p. (In Russ.). EDN: QPSOMJ.

Lysenkov S.G., Dubovickaya N.V. (2011) Legal provision of the internal troops of the NKVD during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2. P. 51-55. (In Russ.). EDN: NYIQLR.

Mozhaev M.N. (2023) Creation and development of formations and military units for the protection of industrial enterprises and railways during the Civil War and the interwar period (1918-1941). *February 1918: the very first steps of the Red Army (on the 105th anniversary of the victory of the Red Army over the Kaiser's troops of Germany): Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, February 15, 2023*. Saratov: Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education "Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation". P. 125-134. (In Russ.). EDN: ASLYWU.

Petrushin Yu.A. (2015) Railway construction № 12 from Irkutsk to Slyudyanka during World War II. *Bulletin of Irkutsk State University. Series "History"*. Vol. 11. P. 71-84. (In Russ.). EDN: TVWQNN.

Серов Д.В. 121-й полк войск НКВД СССР по охране Рязано-Уральской железной дороги в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2016. Т. 16. № 3. С. 351–354. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-351-354. EDN: ZEGHDT.

Фаткиев И.Я., Максименко Э.Г. Роль войск НКВД в охране железных дорог и особо важных предприятий промышленности // Участие войск НКВД СССР в Великой Отечественной войне : (к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) : сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, Пермь, 29 апреля 2020 года / Пермский военный институт войск национальной гвардии. Пермь : Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования «Пермский военный институт войск национальной гвардии Российской Федерации», 2020. С. 257–262. EDN: OCOFFN.

Шитько В.В. Задачи, состав и деятельность войск НКВД в Сибири в годы Великой Отечественной войны // Направления и перспективы развития образования в военных институтах войск национальной гвардии Российской Федерации : сборник научных статей XII межвузовской научно-практической конференции с международным участием, Новосибирск, 19 ноября 2020 года. Ч. 1. Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2020. С. 226–233. EDN: CJFZAN.

Информация об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин,
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, Россия,
e-mail: vashan16@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Вклад автора

Данчевская А.В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 13 января 2025 г.; одобрена после рецензирования 28 января 2025 г.; принята к публикации 10 февраля 2025 г.

Serov D.V. (2016) 121st Regiment of the NKVD troops of the USSR for the protection of the Ryazan-Ural Railway in the first period of the Great Patriotic War (1941-1942). *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: History. International Relations*. Vol. 16. No. 3. P. 351-354. (In Russ.). DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-351-354. EDN: ZEGHDT.

Fatkiev I.Ya., Maksimenko E.G. (2020) The role of the NKVD troops in the protection of railways and important industrial enterprises. *Participation of the NKVD troops of the USSR in the Great Patriotic War : (on the 75th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War): Collection of materials of the interuniversity scientific and practical conference, Perm, April 29, 2020 / Perm Military Institute of the National Guard Troops*. Perm: Federal State Treasury Military Educational Institution of Higher Education "Perm Military Institute of the Troops of the National Guard of the Russian Federation". P. 257-262. (In Russ.). EDN: OCOFFN.

Shit'ko V.V. (2020) Composition and tasks of NKVD troops in Siberia during the Great Patriotic War. *Directions and prospects for the development of education in military institutes of the National Guard troops of the Russian Federation : collection of scientific articles of the XII Interuniversity Scientific and Practical Conference with international participation, Novosibirsk, November 19, 2020. Pt. 1*. Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation. P. 226-233. (In Russ.). EDN: CJFZAN.

Information about the author

Anastasiya V. Danchevskaya,
Cand. Sci. (History), associate Professor of the Department of Philosophy and Socially-Humanitarian Disciplines,
East-Siberian Institute of the Ministry of the Internal Affairs of the Russian Federation,
110, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: vashan16@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2263-3768>

Contribution of the author

Danchevskaya A.V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted January 13, 2025; approved after reviewing January 28, 2025; accepted for publication February 10, 2025.

История

Научная статья
УДК 93 (571)
EDN: JNHJAF
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-149-160>

Реформа высшей школы 1958 г. и Иркутский горно-металлургический институт

Е.С. Сальникова¹, Д.А. Попова²

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск, Россия

² Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. Преобразованиям во многих сферах жизни СССР ознаменована эпоха правления Н.С. Хрущева. Они коснулись и народного образования страны, в том числе и высшего. Эту идею руководитель государства выдвинул на XX съезде КПСС в 1956 г. И уже в 1958 г. под лозунгом «За тесную связь школы с жизнью» эта реформа начала воплощаться в жизнь. И теперь дорога в вузы была связана непосредственно с профессиональной подготовкой на предприятиях, что должно было, по мнению разработчиков реформы, иметь большое воспитательное значение. В 1959 году в Иркутском горно-металлургическом институте был осуществлен набор студентов по новым правилам. Эта реформа предполагала перестройку всей системы высшего образования, которая складывалась десятилетиями. Решение ближайших задач в области учебно-воспитательной работы для реализации закона в основном легло на плечи деканов факультетов. Им необходимо было наладить систему передачи информации старостам учебных групп, которые находились на предприятиях Иркутска, Черемхово, Баяндайбо Красноярска, Норильска, Сталинска и других, с тем, чтобы по данным этой информации, более четко осуществлять оперативное руководство. Институт столкнулся с большими проблемами, которые были связаны с резким увеличением контингента студентов, отсутствием методических указаний и контрольных заданий по большинству специальных дисциплин, недостатком снабжения учебниками, учебными пособиями. Изменение системы высшего образования также привело к серьезным проблемам в области развития научно-исследовательской работы в институте. Реформа коснулась непосредственно не только студентов набора 1959/1960 учебного года, но и студентов со второго по пятый курс обучения. У них значительно увеличилось время прохождения производственной практики.

Ключевые слова: реформа образования 1958 г., высшее образование, вуз, Иркутский горно-металлургический институт, заочно-очное обучение, вечерне-очное обучение, научная работа преподавателей, производственная практика студентов, учебная работа студентов

Для цитирования: Сальникова Е.С., Попова Д.А. Реформа высшей школы 1958 г. и Иркутский горно-металлургический институт // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 149–160. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-149-160. EDN: JNHJAF.

History

Original article

The reform of Higher education in 1958 and Irkutsk Mining and Metallurgical Institute

Elena S. Sal'nikova¹, Daria A. Popova²

¹ Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

² Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The era of N.S. Khrushchev's regime became a transformation in many spheres of life in the USSR. They affected the entire national education of the country, including higher education. The head of state put forward this idea at the XX Congress of the CPSU in 1956. And already in 1958, under the slogan "For the close connection of the school with life," this reform began to be implemented. And now the road to universities was directly related to professional training at enterprises, which, according to the

developers of the reform, should have been of great educational importance. In 1959, students were entered at the Irkutsk Mining and Metallurgical Institute according to the new rules. This law expected the restructuring of the entire higher education system, which had been developing for decades. The solution of the immediate tasks in the field of educational work for the implementation of the law, mainly fell on the deans of faculties shoulders. They needed to establish a system for informing the elders of the student groups that were located at the enterprises of Irkutsk, Chermkhovo, Baley, Bodaibo, Krasnoyarsk, Norilsk, Stalinsk and others, in order to more clearly carry out operational management. The Institute faced major problems related to a sharp increase in the number of students, the lack of methodological guidelines and control tasks in most special disciplines, and a lack of supply of textbooks. The reform of higher education has also led to serious problems in the development of research work at the Institute. The reform directly affected not only the students entered in the 1959/1960 academic year, but also the 2nd-5th year students. Their practical training time has increased significantly.

Keywords: education reform in 1958, higher education, university, Irkutsk Mining and Metallurgical Institute, correspondence and full-time education, evening and full-time education, scientific work of teachers, industrial practice for students, student's academic work

For citation: Sal'nikova E.S., Popova D.A. (2025) The reform of Higher education in 1958 and Irkutsk Mining and Metallurgical Institute. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 149-160. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-149-160. EDN: JNHJAF.

В 1956 году открылся XX съезд КПСС. Он стал важной вехой, положивший конец сталинской эпохе и определил начало обсуждения отдельных социально-значимых проблем страны. Он означал ослабление идеологической цензуры в литературе и искусстве и возвращение многих прежде запрещенных имён.

На съезде было принято решение об отмене платы за обучение в старших классах средних школ, техникумах и в высших учебных заведениях.

В директивах съезда по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956–1960 годы указывалось на то, что «Съезд наметил ряд новых подходов в системе образования разного уровня. Эта задача будет осуществлена путем обучения детей и молодежи в общеобразовательных средних школах и средних специальных учебных заведениях. Наряду с этим получают дальнейшее развитие заочные и вечерние общеобразовательные школы, чтобы трудящиеся могли без отрыва от производства повышать свой общеобразовательный и культурный уровень. Выпуск учащихся из десятых классов средних школ составит за пятилетие 6 миллионов 300 тысяч человек, или в два с лишним раза больше, чем в пятой пятилетке. Важнейшей задачей органов народного образования является всемерное развитие политехнического обучения в школе» (XX съезд КПСС, 1956. С. 55)¹.

Образование всегда играло ключевую роль в жизни общества, оказывая непосредственное влияние

на развитие страны. Власть с вниманием относилась к этой сфере, задавая направление политике в области образования. Таким образом совершенствование образовательной системы становилось важным направлением каждого значительного политического изменения в стране. Первое десятилетие 50-х годов после смерти И.В. Сталина также не стало исключением и запомнилось как период «оттепели».

Реформа высшего образования 1958 г. привлекала внимание многих историков, особенно в период после распада СССР. Статьи А.С. Коноховой подробно анализируют подготовку реформы 1958 г., ее обсуждение и принятие (Конохова, 2015; Конохова, 2014). Этой же теме уделено внимание и в статье А.В. Пыжикова (Пыжиков, 2004). Исследование А.С. Полотебнова показывает опыт ленинградских вузов по реализации реформы высшей школы (Полотебнов, 2017). Работа Молчановой рассматривает особенности приема студентов в ленинградские вузы в условиях реализации этой реформы (Молчанова, 2012), а исследование А.С. Коноховой анализирует систему распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «оттепели» (Конохова, 2012). Интерес к этой теме не ослабевает и в 20-х гг. XXI века, пример тому статьи Г.М. Ивановой, которые также посвящены публичным дискуссиям о путях развития средней и высшей школы в СССР в 50-е – 60-е гг. (Иванова, 2018; Иванова, 2021; Иванова, 2023).

Реформирование высшего образования в различных регионах СССР стало предметом изучения многих историков, интересно отметить, что боль-

¹ КПСС. Съезд (20; 1956; Москва). Стенографический отчет. В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 2. 559 с.

шинство исследований относится к XXI в. В вузах страны изучается опыт, проблемы, трудности, с которыми столкнулись институты в 50-х гг. XX в. К этому эксперименту, проведенному по инициативе Н.С. Хрущёва, активно начали обращаться в разных краях и областях современной России. В Ленинградском университете (Конохова, 2015), в вузах Среднего Поволжья (Макарова, 2015), В.В. Петрик в своих работах рассматривает опыт вузов Сибири, и в частности Томского университета (Петрик, 2004; Петрик, 2005а; Петрик, 2005b), в институтах г. Самары (Репинецкий, Рябов, 2020), в институтах Ярославля (Арасланова, 2014), в вузах г. Челябинска (Батурина, 2009), республик Чувашии (Демидова, Ласточкин, Юстус, 2017), Адыгеи (Сулейманова, Исянгулов, 2021) и Башкирии (Олесик, 2008). В этой связи интересно исследование Л.В. Силиной о настроениях советского студенчества в период между окончанием войны и перестройки высшей школы (Силина, 2004).

По мнению руководства страны, в этот период система государственного образования нуждалась в реформировании. Эту идею Н.С. Хрущев озвучил уже на XX съезде КПСС.

Он обратил внимание на невысокий уровень подготовки молодых специалистов как одну из основных проблем вузовского образования. Правительству было поручено сократить количество абитуриентов в вузах и направить непрошедших отбор на производство, не связанное с интеллектуальным трудом. При этом надо было предусмотреть, чтобы молодые специалисты, окончившие вузы, непосредственно шли на предприятия, а не в научные центры и проектно-конструкторские организации. И для выполнения этих решений была начата реформа системы народного образования в период 1958–1961 годов.

Н.С. Хрущев, также считал нежелательным тот факт, что «в высших учебных заведениях в основном обучались дети служащих и интеллигенции, в то время как доля рабочих и крестьян составляла лишь 30–40 %. И получалось, что интеллигенция в Советском Союзе фактически «воспроизводила» саму себя и не имела устойчивых связей с трудящимися» (Президиум ЦК КПСС..., 2006. С. 849)².

² Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний: стенограммы, постановления : в

Основной концепцией реформы стали изменение социальной структуры студенчества и резкого увеличения продолжительности производственной практики по специальности. Предполагалось, что новая система образования сможет решить сразу несколько задач. Во-первых, более тесное взаимодействие студентов с производством должно было повысить их профессиональные навыки после завершения учебы. Во-вторых, принятые меры должны были помочь более простому поступлению в вузы детям рабочих и крестьян. И теперь дорога в вузы была связана непосредственно с профессиональной подготовкой на предприятиях, которая расценивалась как важный элемент для формирования личности. Принудительный труд в «хрущевское десятилетие» применялся как воспитательная мера.

Проект реформы был вынесен на общественное обсуждение и, конечно, получил одобрение Верховного Совета СССР, а в декабре 1958 года был принят как «Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» (Закон об укреплении связи школы с жизнью, 1958. Ст. 30–35)³. Система высшего образования претерпела значительные изменения. Этот закон, в том числе, предполагал сочетание процесса обучения специалистов в вузах с общественно полезным трудом.

Ключевым нововведением реформы становились льготы для абитуриентов с трудовым стажем, а также для стипендиатов колхозов и предприятий (студентов, направленных в вуз для повышения квалификации). Абитуриенты этих категорий фактически имели возможность поступить в вуз без экзаменов и конкурсов.

Центральное место в законе было отведено производственной практике студентов (Закон об укреплении связи школы с жизнью, 1955, ст. 30–35). До проведения реформы, практика была обязательным элементом обучения, но длилась всего несколько месяцев.

Согласно новым правилам студенты вузов страны, которые обучались с первого по третий

3 т. М. РОССПЭН, 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. 1120 с.

³ Закон об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР // Вестн. высш. шк. 1959. № 1. С. 6–13.

курс, в зависимости от выбранной специальности, обязаны были получать образование в основном на вечерних или заочных отделениях «без отрыва от производства», что предполагало необходимость совмещать учебу с работой на предприятиях. По окончании этого периода студенты могли сделать выбор: либо перевестись на дневное обучение, либо продолжить свое образование в прежнем режиме.

Проведение «реформы в жизнь» началось сразу после ее принятия. Не только первокурсники, зачисленные в вузы в сентябре 1959 году, были переведены на новую систему, но и старшекурсники, которых стали отправлять на полугодичную практику на штатные инженерно-технические должности.

Широкое применение вечерних и заочных форм обучения предполагало еще сокращения дневных форм с целью уменьшить расходы государственного бюджета на содержание учебных заведений с дневными формами обучения.

В конце 1958 года был принят новый закон для вузов страны и уже в сентябре 1959 года в Иркутском горно-металлургическом институте был осуществлен набор студентов по новым правилам. Этот закон предполагал перестройку всей системы высшего образования, которая складывалась десятилетиями.

ПРИКАЗ

По иркутскому горно-металлургическому институту

Министерство высшего образования
г. Иркутск № 300 от 1 сентября 1959 г.

В соответствии с постановлением совета министров СССР от 4 августа 1959, № 907, «О формах и сроках обучения высших учебных заведений и о производственной работе и практики студента, изложенным в приказе министра высшего и среднего специального образования СССР от 12 августа 1959 и руководствуясь решением приемной комиссии, приказываю:

I. Зачислить число студентов 1 курса заочного обучения без отрыва от производства с очными занятиями в период лабораторной экзаменационных сессий и пожеланий студентов межсессионные периоды.

При Черемховском филиале института 12 чел.

При институте города Иркутска 14 чел.

По специальности горная механика при г. Черемхово 25 чел., г. Иркутска 15 чел.

По специальности промышленное и гражданское строительство при г. Черемхово 3 чел., при Ангарском филиале 5 чел., Иркутском – 8 чел. + 22 чел. (приказ № 309).

II. Зачислить в число студентов 1 курса вечернего обучения без отрыва от производства с очными занятиями вечерние или дневное время.

При заводе почтовый ящик № 411 – 38 чел.

При заводе имени Куйбышева 51 чел.

При Энском заводе – 35 чел.

III. Зачислить число студентов 1 курса дневного обучения в сочетании с заочным или вечерним обучением в течение 2 лет на первых курсах и до 6 месяцев на старших курсах.

С местом производственной работы Болей-золота., Балхаш, Норильск, Красноярск, г. Сталинск, Черемховоуголь, г. Орс, г. Иркутск, г. Ангарск. Завод имени Куйбышева, Завод № 4. Весовой завод города Иркутска.

Всего 250 чел.

IV. Зачислить число студентов 1 курса дневного обучения в сочетании с заочным или вечерним обучением в течение одного года на младших курсах и одного года на старших курсах.

Всего 175 чел.

Зачислить в число студентов 1 курса дневного обучения при сезонном характере производственной работы

Геологический факультет всего 99 чел.

V. Зачислить в число студентов 1 курса дневного обучения, имеющих стаж производственной работы по избранной специальности не менее 2 лет.

Всего 92 чел.

К 5 сентября представить Министерству высшего и среднего специального образования РСФСР смету на расходы, связанные с отправкой указанных студентов на места производственной работы и возмещение предприятиям выплат студентам материального содержания в период их ученичества.

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА /А.А. ИГОШИН/
(Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
Ф. 1807. Оп. 10-ок. Д. 42. Л. 61).

В целях ознакомления студентов 1 курса с формами и сроками предстоящего обучения в институте, характером производственной работы на первых курсах, подготовки для самостоятельного заочного обучения, в институте в начале сентября, в течение 10 дней, были организованы для студентов 1 курса занятия по расписанию по 4–6 час. ежедневно.

В указанное расписание были включены лекции /2 ч./ зам. директора института по учебной работе А. Надольского на тему: «Значения закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», лекции деканов факультетов по 2 часа на тему Структура факультета, организационные формы учебно-воспитательной работы и режим учебных занятий в новом году. Также учебным расписанием были предусмотрены двухчасовые вводные лекции по курсам: История КПСС, высшая математика, начертательная геометрия, иностранный язык для всех групп 1 курса горного и металлургических факультета.

ПРИКАЗ

По иркутскому горно-металлургическому институту

Министерство высшего образования и среднего специального образования

г. Иркутск № 307 от 5 сентября 1959 г.

ХОХЛОВА В. доцента кафедры металлургии с 5 по 17 сентября командировать в г. Бaley Читинской области. Для организации работы, связанной с устройством студентов 1 курса, принятых в институт на обучение без отрыва от производства

СЕРИКОВА А.Ф. доцента кафедры металлургии цветных металлов. С 11 по 16 сентября командировать в город Норильск на Норильский горно-металлургический комбинат для организационной работы, связанной с устройством студентов 1 курса, принятых в институт на обучение без отрыва от производства.

*ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА /А.А. ИГОШИН/
(ГАИО. Ф. 1807. Оп. 10-ок. Д. 42. Л. 94).*

ПРИКАЗ

По иркутскому горно-металлургическому институту

Министерство высшего образования и среднего специального образования

г. Иркутск № 327 от 22 сентября 1959 г.

На основании постановления Совета министров СССР от 4 августа 1959, № 907 и приказом Министерства высшего образования от 12 августа, приказываю бухгалтерии института произвести перечисление денежных средств за счёт стипендиального фонда на выплату содержания студентов 1 курса в период их ученичества:

Тресту "Черемховуголь" на 121 человек по 300 руб.

Тресту Мамслюда на 2 чел., 300 руб.

Комбинату Балеизолото на 29 чел., по 300 руб.

Норильскому горнометаллургическому комбинату на 30 чел., по 300 руб. Балхашскому горнометаллургическому комбинату на 26 чел. по 300 руб.

Дарасункому рудоправлению на 5 чел. по 300 руб.

Сталинскому алюминиевому заводу на 9 чел. по 300 руб.

Тресту Лензолото на 9 чел. по 300 руб.

Заводу № 4 на 7 чел. по 300 руб.

Почтовый ящик № 121 10 чел. по 300 руб.

*ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА /А.А. ИГОШИН/
(ГАИО. Ф. 1807. Оп. 10-ок. Д. 42. Л. 157) (рис. 1).*

Это были первые приказы по институту, которые касались перестройки всего учебного процесса: от приема студентов, вводных лекций в самом институте, назначения стипендий, обеспечения учебной и методической литературой, организации работы, связанной с устройством студентов 1 курса, до командировки преподавателей на заводы по осуществлению контроля за процессом работы и обучения.

Решение ближайших задач в области учебно-воспитательной работы для реализации закона в основном легли на плечи деканов факультетов.

Им необходимо было наладить систему формирования старостами учебных групп, которые находились на предприятиях Иркутска, Черемхово, Балея, Бодайбо Красноярска, Норильска, Сталинска

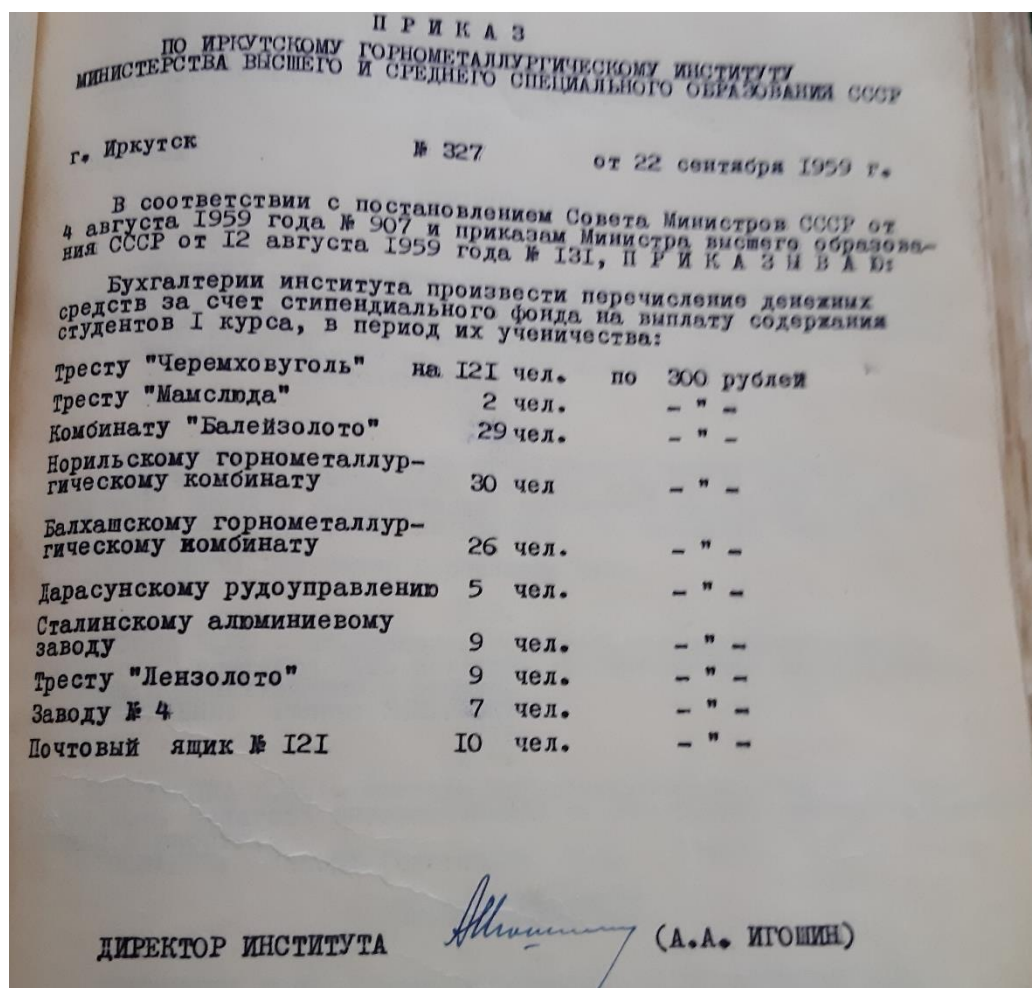

Рис. 1. Фотокопия приказа № 327 от 22 сентября 1959 г.
Fig. 1. Photocopy of Order No. 327 dated September 22, 1959

и других, с тем чтобы по данным этой информации более чётко осуществлять оперативное руководство обучением и производственной работой студентов.

Реформа вызвало необходимость строить сложную систему связующих звеньев между предприятиями и учебными заведениями. Также до 25 ноября им было необходимо достигнуть с предприятиями договоренности об окончании студентами ученичества и перевода их на работу согласно квалификации и разрядам с 1 января 1960. Но непосредственное участие в осуществлении оперативного руководства студентами реализовывали заведующие кафедрами и по указанию деканов факультетов вели общее наблюдение за ходом учебных занятий и производственной работой студентов по группам

Командируемых преподавателей обязывали ознакомиться с условиями, в которых работают и

учатся студенты, с тем чтобы наметить и осуществить меры дополнительной помощи в подготовке к экзаменационной сессии. Совет института предлагал обратить внимание кафедр института на особую важность задач, связанных с расширением сближения теории с инженерной практикой. Особое внимание рекомендовалось уделить изданию методических пособий для студентов заочного отделения и студентов очного обучения, находящихся первые два года на производственной практике. Заведующим кафедрами также вменялось в обязанность поддерживать письменную связь: разработать и довести до студентов дополнительные методические указания. Кроме этого, Совет обязал всех преподавателей «вести воспитательную работу среди студентов как в ходе учебных занятий, так и внеаудиторной работы по разъяснению исторического значения закона о перестройке образования, его глубокого смысла и огромного воспита-

тельного значения идеи сочетания учения с производственным трудом» (ГАИО. Ф.1807. Оп.1. Ед. хр. 240. Л. 27–30) (рис. 2).

Также было решено, исходя из актуальности задачи набора групп студентов 1 курса в следующем 1960 году из числа лиц, имеющих производственный стаж и достаточное знание за среднюю школу, учебной части института провести приём слушателей и начать занятия на подготовительных курсах. С 1 декабря 1959 г. Курсы организовать в Иркутске, Черемхове, Ангарске.

Через полгода после начала реформы на заседании Совета института в феврале 1960 года был рассмотрен вопрос о первых результатах преобразований, «О состоянии учебной и производственной работы студентов металлургического факуль-

тета, обучающихся без отрыва от производства». Слушали доклад декана металлургического факультета доцента А.И. Орлова. Зав. кафедрой В.Р. Хохлов высказал мнение, что система очно-заочного образования является самой лучшей, так как она приучает людей к самостоятельной работе. Руководители предприятий, общественные организации относятся к этому очень хорошо.

Директор А.А. Игошин посчитал, что результаты 1 полугодия по системе обучения без отрыва от производства являются удовлетворительными. «Студенты 1 курса металлургического факультета обучались по очно-вечерней системе образования в Иркутске, Черемхово, Норильске, Красноярске. По очно-заочной системе в Балее, Сталинске и Балхаше. Работники профилирующих кафедр часто

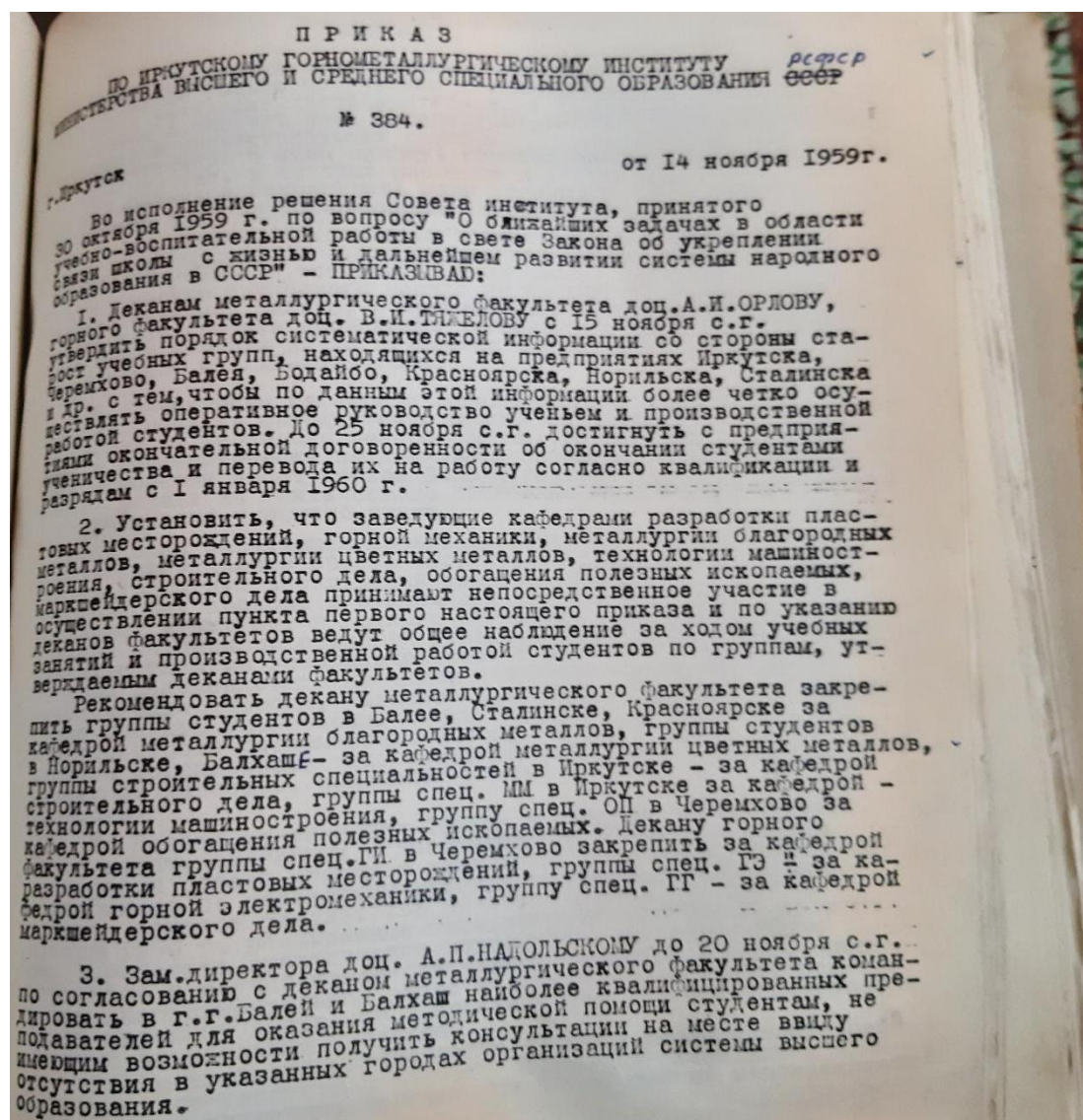

Рис. 2. Фотокопия приказа № 304 от 14 ноября 1959 г.
Fig. 2. Photocopy of Order No. 304 dated November 14, 1959

бывали на предприятиях и пытались решать все организационные вопросы, связанные с устройством студентов на работу, а также с устройством жилья. Зарплата студентов составляет от 1 тыс. до 1,5 тыс. рублей в месяц. При этом все студенты очно-заочного обучения отстают по срокам сдачи контрольных заданий. Совет считает, что основным методом обучения должно быть очно-вечернее обучение, как наиболее оправдывающее себя» (ГАИО. Ф. 1807. Оп. 1. Ед. хр. 240. Л. 80–83). Но наиболее реальная картина перестройки образования и тех проблем, с которыми столкнулся институт, видна из доклада декана заочного факультета Совету института в 1961 г.

Отчет о работе заочного факультета в 1960–61 учебном году

Работа заочного факультета в Иркутске была исключительно напряженной и трудной, это объясняется несколькими причинами:

1. Резким увеличением контингента студентов среди учебного года с 373 чел. в 1960 году до 2800 чел. в 1961 году.

2. Значительным пополнением штата деканата новыми сотрудниками на 50 %.

3. Отсутствием методического опыта работы с заочниками у большинства сотрудников кафедр и отсутствием надлежащего контроля со стороны заведующих кафедр за их работой.

4. Отсутствием методических указаний и контрольных заданий по большинству специальных дисциплин.

5. Недостатком и неупорядоченностью снабжение учебниками, учебными пособиями студентов, проживающих на периферии.

6. Отсутствием целого ряда специальных кафедр: химико-технологических, теплоэнергетических, электротехнического, сантехнических.

7. Огромным разнообразием специальностей. Всего на заочном факультете 42 специальности.

8. Нерациональным распределением обязанностей между заочным факультетом в городе Иркутске и факультетами в Ангарске, Братске.

Работа факультета в течение учебного года контролировалась неоднократно: 1. По линии комиссии советского контроля и Обкома партии. 2. По линии ректората и месткома, которые заслушивали отчеты о работе факультета на совете

института и расширенном заседании месткома в мае 1961 г.

Проводились регулярные производственные совещания сотрудников деканата один раз в 1,5–2 месяца.

Низкая успеваемость студентов (13,3 %) объясняется тем, что в это число вошли только студенты, полностью выполнившие учебный план. Подавляющая же часть студентов выполнила учебный план частично от 30 до 70 %.

Следует отметить, что сдать все экзамены, зачеты, лабораторные работы в течение 30 дней очень трудно из-за большой перегрузки учебных планов. Так, например, учебный план 1 курса специальности РМ предусматривает: 7 экзаменов, 4 зачета и 168 час. лабораторной практики, а учебный план 2 курса ПГС – 7 экзаменов 10 зачётов и 154 час. лабораторной практики (ГАИО. Ф. 1807. Оп. 3. Д. 1. Л. 43).

Реформа высшего образования привела и к серьезным проблемам в области развития научно-исследовательской работы в институте. На заседании Совета от 13 октября 1961 г. с отчетом выступал проректор по научной работе М.К. Косыгин.

При обсуждении доклада большинство членов Совета пришли к выводу, что кривая научной работы падает и что институт переживает достаточно большие трудности, эти трудности роста сказались на научной работе. В прениях говорили о том, что работники института сейчас очень загружены, и это связано со значительным контингентом студентов-заочников. Они приносят контрольные работы, их надо проверить, принять у них экзамен, но в нагрузке это не предусмотрено. Вновь поступающие студенты, которые не имеют достаточного стажа по специальности, должны трудиться на предприятиях, и работники института должны уделять много времени, чтобы работу этих студентов контролировать (ГАИО. Ф. 1807. Оп. 3. Д. 58. Л. 74–77). Реформа высшего образования коснулась непосредственно не только студентов набора 1959/1960 учебного года, но и студентов, обучающихся со второго по пятый курс. У них значительно увеличилось время прохождения производственной практики.

ПРИКАЗ

**ПО ИРКУТСКОМУ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И
СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
г. Иркутск № 229 от 22 июля 1960 г.**

*Студентов 4 курса с 1 августа по 31 августа
полагать на летних каникулах. С 1 сентября по
21 февраля 1960 – на длительной производствен-
ной практике. Всего по горному ф-ту 152 ч.*

Кафедры института в 1960/61 учебном году делали подробный отчет по учебно-методической работе. В одном из отчетов был дан анализ первой длительной производственной практики студентов 5 курса горно-электромеханической специальности. Продолжительность практики с 1 сентября 1960 г. по 22 февраля 1961 г., т. е. полгода.

В соответствии с программой в период практики студент должен овладеть 2–3 профессиями по своей специальности, изучить вопросы эксплуатации электромеханического оборудования, приобрести практические навыки по технологии и организации его монтажа и ремонта, изучить экономику предприятия.

Предприятия, где студенты института проходили производственную практику, охватывали всю географию Советского Союза. Например, студенты горного факультета направлялись: в Трест Черемховуголь (станция Черемхово Восточно-Сибирской железной дороги); Трест Забайкалуголь (станция Черновская Забайкальской железной дороги); Гусиноозерское рудоуправление, станция Загустай Восточно-Сибирской железной дороги; Трест Хакасуголь (г. Черногорск Красноярского края); Трест Кансуголь (Ирша-Бородинский разрез, пос. Ирша Красноярского края); Трест Кансуголь (Назаровский разрез № 2, станция Ададын, в 1968 г. переименована в Назарово, Красноярской железной дороги); Трест Волчансуголь (пос. Лесная Волчанка Свердловской области); Трест Вахрушевуголь (г. Карпинск Свердловской области); Трест Иртышуголь (поселок Экибастуз Павлодарской области).

Студенты металлургического факультета: Лениногорский комбинат, г. Лениногорск; Сорский комбинат, ст. Ербинская Красноярского края; Садонское рудоуправление; Нерчинское рудоуправление, п. Кличка, Читинской области; Комбинат Балейзолото, г. Балей Чиниской области; Трест Каз-

золото, ст. Шартанды; Иртышский комбинат, ст. Глубокая; Хрусталинский комбинат, ст. Кавалерово, Приморского края; Салаирское рудоуправление, ст. Гурьевск, Кемеровской области; СУБР, г. Североуральск Свердловской области; Ахталынский рудник, ст. Ахтала Армянской ССР; Комбинат Южуралникель, г. Орск, Чкаловской обл.; Трест Забайкалзолото, ст. Шилка, Читинской обл.; Комбинат Североникель, ст. Оленья; Комбинат Забайкалвольфрам, ст. Хадабулак Чиниской области; Джидинский комбинат, гор. Городок Бурят-монгольская АССР; Киргизский комбинат, п. Кашка Фрунзенской обл.

Кроме этого, студенты к концу обучения должны самостоятельно разобрать курс «основы обогащения», подготовиться к экзаменам, частично изучить курсы электрификация горных работ, экономики, организации и планирования работы горных предприятий. Выполнить курсовой проект по одной из дисциплин электромеханики, курсовую работу по экономике горного предприятия, составить отчет по производственной практике и собрать необходимые материалы для выполнения реального дипломного проекта.

Приведем примеры тем дипломных работ второй половины 1950-х гг.: Проект завода для обработки золотосодержащих руд месторождения Ключи треста Забзолото, производительностью 1000 т/сутки; Проект завода для обработки золотосодержащих окисленных руд Ключевского месторождения, производительностью 800 т/сутки; Проект завода для обработки золотосодержащих руд Тасеевского месторождения, производительностью 1000 т/сутки; Проект завода для обработки золотосодержащих руд Тасеевского месторождения, производительностью 800 т/сутки; Проект золотоизвлекательного завода на базе руд Балейского месторождения (открытых работ), производительностью 800 т/сутки; Проект завода для обработки золотосодержащих руд месторождения «Подлунный Голец», производительностью 600 т/сутки; Проект золотоизвлекательного завода на базе руд месторождений рудника Коммунар, производительностью 800 т/сутки; Проект завода для обработки золотосодержащих Бериккульского рудника, производительностью 600 т/сутки; Проект завода для обработки золотосодержащих Бериккульского рудника, производительностью 500 т/сутки; Проект цеха

производства глинозема на базе нефелиновых концентратов Кировской фабрики, производительностью 150 тыс. т. в год по товарному глинозему; Проект цеха производства глинозема на базе высококремнистых бокситов Восточно-Сибирского месторождения, производительностью 150 тыс. т. в год по товарному глинозему; Проект цеха производства глинозема на базе бокситов Северо-Уральского месторождения, производительностью 350 тыс. т. в год по товарному глинозему.

Для приобретения практических знаний и навыков организаторской работы студент должен был работать на следующих рабочих местах:

1. Пом. машиниста врубовой машины, комбайна или экскаватора – 4 недели.
2. Электрослесарь участка – 9 недель.
3. Электрослесарь мех. мастерских – 6 недель.

Список источников

Арасланова А.А. Интеграция высшего образования и производства // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 2. № 1. С. 78–83. EDN: RZLXDZ.

Батурина Ю.Ю. Организационные изменения в учебном процессе высших учебных заведений в 1956–1964 годах (на примере Нижнего Поволжья) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 41. С. 96–103. EDN: LATURH.

Демидова И.И., Ласточкин В.Б., Юстус Т.В. Политехническое обучение в школах Чувашии в 1958–1964 годах // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 78–84. EDN: ZXJCEV.

Иванова Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы. М.: Фонд «Московское время», 2018. 432 с. EDN: VXCCSS.

Иванова Г.М. Образовательные стратегии молодежи в СССР в 1950–1960-е годы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т. 13. № 4. С. 37–52. DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-37-52. EDN: TJRRQG.

Иванова Г.М. Образовательная реформа 1958 г. и общественные дискуссии о путях развития высшей школы в СССР // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Т. 15. № 1. С. 55–75. DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-1-55-75. EDN: VIXGNH.

Конохова А.С. «И нам в ответ раздаются назначения по городам областного значения...»: система распределения выпускников вузов в СССР в годы хрущевской «оттепели» // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 233–242. EDN: PLRWMR.

Конохова А.С. Колеблясь вместе с линией партии: изменения в преподавании общественных наук в вузах СССР в 1953–1964 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 64–72. EDN: SKAKSN.

Конохова А.С. «Об укреплении связи высшей школы с жизнью» (реформа системы высшего образования СССР

4. Механик участка, пом. механика или энергетика шахты – 4 недели.

5. Прохождение инструктажа, оформление на работу, ознакомление с шахтой – 2 недели.

Студенты проходили практику на 11 предприятиях. Часть шахт отказалась от подписания договора с институтом. Почти всем преподавателям факультета приходилось выезжать на предприятия, где проходили практику студенты (ГАИО. Ф. 1807. Оп. 3. Д. 1. Л. 202).

Важно отметить, что со стороны студентов возникало недовольство, вызванное и бытовыми, и материальными условиями. Так, некоторые предприятия переводили студентов на неоплачиваемую работу и по институту издавали приказ о зачислении их на государственную стипендию (Приказ № 48 от 6.02.1961 г.).

References

Araslanova A.A. (2014) Integration of higher education and industry. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. Vol. 2. No. 1. P. 78-83. (In Russ). EDN: RZLXDZ.

Baturina Yu.Yu. (2009) Organizational changes in the educational process of higher education institutions in 1956–1964 (on the example of the Lower Volga region). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. No. 41. P. 96-103. (In Russ). EDN: LATURH.

Demidova I.I. Lastochkin V.B., Iustus T.V. (2017) Polytechnic training in Chuvashia schools in 1958–1964. *Bulletin of the Chuvash University*. No. 4. P. 78-84. (In Russ). EDN: ZXJCEV.

Ivanova G.M. (2018) The Soviet School in the 1950s and 1960s. Moscow: Moskovskoe Vremya. 432 p. (In Russ). EDN: VXCCSS.

Ivanova G.M. (2021) Educational strategies of youth in the USSR in the 1950s–1960s. *Historical and Social-Educational Idea*. Vol. 13. No. 4. P. 37-52. (In Russ). DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-4-37-52. EDN: TJRRQG.

Ivanova G.M. (2023) Educational reform of 1958 and public discussions about the development of higher education in the USSR. *Historical and Social-Educational Idea*. Vol. 15. No. 1. P. 55-75. (In Russ). DOI: 10.17748/2219-6048-2023-2023-15-1-55-75. EDN: VIXGNH.

Konokhova A.S. (2012) “We receive appointments to the backwoods towns.”: Graduates’ job placement in USSR during the “thaw” period. *Modern History of Russia*. No. 3. P. 233-242. (In Russ). EDN: PLRWMR.

Konokhova A.S. (2014) Hesitating together with the party: changes in the teaching of marxism-leninism in higher educational institutions of the Soviet Union in 1953–1964. *Modern History of Russia*. No. 2. P. 64-72. (In Russ). EDN: SKAKSN.

Konokhova A.S. (2015) Strengthening the connection between higher school and life: reform of higher education in

в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4. № 1. С. 126–134. EDN: TXHTXD.

Макарова И.Н. Проблемы развития высшего образования в Среднем Поволжье в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 125–127. EDN: VCGYJH.

Молчанова Т.В. Особенности приема студентов в ленинградские вузы в 1950–1960-е годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2012. № 149. С. 26–32. EDN: PJFJQZ.

Олесик Е.Я. Проблемы формирования студенческого контингента вузов СССР (1944–1990 гг.) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 82–87. EDN: KDSPXZ.

Петрик В.В. Меры коллективов высших учебных заведений Сибири по совершенствованию учебного процесса в период приближения вузов к производству (конец 50-х – середина 60-х годов XX века) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 312–319. EDN: OIVEGL.

Петрик В.В. Деятельность вузовских коллективов Сибири по совершенствованию научно-исследовательской работы студентов в конце 1950-х – начале 1990-х гг. (Исторический аспект) // Известия Томского политехнического университета. 2005а. Т. 308. № 3. С. 202–208. EDN: HPMZYB.

Петрик В.В. Из истории развития высшего вечернего и заочного образования в Сибири (конец 50-х – начало 90-х гг. XX в.) // Известия Томского политехнического университета. 2005б. Т. 308. № 4. С. 212–216. EDN: HRTWXL.

Полотебнов А.С. Образовательная реформа 1958–1964 годов: ленинградский опыт реализации // Человек и образование. 2017. № 1 (50). С. 127–131. EDN: YKTQEB.

Пыжиков А.В. Реформирование системы образования СССР в период «оттепели» (1953–1964 гг.) // Вопросы истории. 2004. № 9. С. 95–104.

Репинецкий А.И., Рябов В.В. Реформирование системы школьного образования в 1958–1964 гг.: задачи и просчеты // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 200–205. DOI: 10.24411/2309-4370-2020-11214. EDN: INYEGQ.

Силина Л.В. Настроение советского студенчества. 1945–1964 гг. М.: Русский мир, 2004. 233 с.

Сулейманова Р.Н., Исянгулов Ш.Н. Высшая школа в Башкирской АССР в 1950–1980-е годы // Научный диалог. 2021. № 5. С. 445–461. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-445-461. EDN: PKJLVW.

Информация об авторах

Сальникова Елена Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,

1958. *Bulletin of the A.S. Pushkin Leningrad State University*. Vol. 4. No. 1. P. 126-134. (In Russ). EDN: TXHTXD.

Makarova I.N. (2015) The problems of higher education development in the Volga Region in the late 1950-s - early 1960-s. *Society: Philosophy, History, Culture*. No. 6. P. 125-127. (In Russ). EDN: VCGYJH.

Molchanova T.V. (2012) Students' admission to Leningrad High Education Institutes in 1950-1960s. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. No. 149. P. 26-32. (In Russ). EDN: PJFJQZ.

Olesik E.Ya. (2008) The problems of the formation of the student body of universities of the USSR (1944-1990). *Bulletin of the Adygea State University. Series 1. Regional studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Cultural Studies*. No. 2. P. 82-87. (In Russ). EDN: KDSPXZ.

Petrik V.V. (2004) The measures taken du the staff of higher educational establishments to achieve more perfection in the process of education during the period of establishing closer contacts with the process of production (late 50-s - middle 60-s of the XX-th century). *Bulletin of Tomsk State University*. No. 282. P. 312-319. (In Russ). EDN: OIVEGL.

Petrik V.V. (2005a) The activities of Siberian university teams to improve the research work of students in the late 1950s - early 1990s. *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. Vol. 308. No. 3. P. 202-208. (In Russ). EDN: HPMZYB.

Petrik V.V. (2005b) The history of higher partdtime and distance education in Siberia (end of 50s - beginning of 90s of the 20th century). *Proceedings of Tomsk Polytechnic University*. Vol. 308. No. 4. P. 212-216. (In Russ). EDN: HRTWXL.

Polotebnov A.S. (2017) Educational reform of 1958-1964: Leningrad experience of implementing. *Man and Education*. No. 1 (50). P. 127-131. (In Russ). EDN: YKTQEB.

Pyzhikov A.V. (2004) Reforming the USSR education system during the thaw (1953-1964). *Questions of History*. No. 9. P. 95-104. (In Russ).

Repinetskii A.I., Ryabov V.V. (2020) The school system reform in 1958-1964: challenges and miscalculations. *Samara Scientific Bulletin*. Vol. 9. No. 1 (30). P. 200-205 (In Russ). DOI: 10.24411/2309-4370-2020-11214. EDN: INYEGQ.

Silina L.V. (2004) The mood of the Soviet students. 1945-1964. Moscow: Rus. Mir. 233 p. (In Russ).

Suleimanova R.N., Isyangulov Sh.N. (2021) Higher school in Bashkir ASSR in 1950s - 1980s. *Scientific Dialogue*. No. 5. P. 445-461. (In Russ). DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-445-461. EDN: PKJLVW.

Information about the authors

Elena S. Sal'nikova,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor
of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov St., Irkutsk 664074, Russia,
e-mail: E.S.1856@mail.ru,

e-mail: E.S.1856@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2874-3677>

Попова Дарья Александровна,
кандидат филологических наук, доцент, кафедра романо-германской филологии,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, Россия,
e-mail: dasha.16.97@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8072-1235>

<https://orcid.org/0000-0003-2874-3677>

Daria A. Popova,
Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Associate
Professor of the Department of Romano-German philology,
Irkutsk State University,
1, Karl Marx St, Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: dasha.16.97@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8072-1235>

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The authors declare no conflict of interests.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2025 г.; одобрена после рецензирования 28 февраля 2025 г.; принята к публикации 10 марта 2025 г.

Article info

The article was submitted February 6, 2025; approved after reviewing February 25, 2028; accepted for publication March 10, 2025.

Научная статья
УДК 069.4(09)
EDN: KDLQFA
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-161-173>

Сохранение и охрана археологического наследия в Иркутской области в 1960–1980-е гг.

О.В. Суслова

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются мероприятия по сохранению и охране археологического наследия в Иркутской области. В период 1960–1980-х гг. в сфере сохранения и охраны происходят важные события. На базе принятых в 1960-х и 1970-х гг. постановлений, а также принятого в конце 1970-х Закона об охране и использовании памятников истории и культуры формируется новая система сохранения и охраны историко-культурного наследия. В процессе формирования новой системы создаются новые государственные органы по охране памятников. В хронологической последовательности рассматриваются основные этапы формирования Центра сохранения историко-культурного наследия. Изучаются меры по охране, предпринятые исполнительной властью для обеспечения сохранности памятников. Важной частью этих мероприятий были паспортизация памятников истории и культуры, постановка на учет и государственная охрана, археологическое зонирование. Анализируется деятельность первой общественной организации по защите памятников, а также ее взаимодействие с представителями научной сферы и исполнительной властью. Рассматривается деятельность сотрудников Лаборатории археологии и этнографии Иркутского государственного университета им. Жданова (экспедиции, участие в заседаниях Иркутского отделения Всероссийского общества охраны памятников и культуры, работа над Сводом памятников истории и культуры, выпуск печатных изданий, посвященных археологическим исследованиям и др.). В данной работе акцентируется внимание на состоянии трех известных археологических памятников – стоянке Мальта, Глазковском некрополе, Шишкинских писаницах. Отмечается, что наиболее интенсивное обследование памятников происходило в 1980-х гг. Производственной группой охраны памятников (преобразованной затем в Центр сохранения историко-культурного наследия) при участии Иркутского государственного университета, Иркутского политехнического института и Иркутского педагогического института были разработаны проекты музеефикации данных памятников.

Ключевые слова: археологический памятник, сохранение наследия, охрана памятников, паспортизация, учёт, зона охраны, зона археологического надзора, Свод памятников, стоянка Мальта, Глазковский некрополь, Шишкинские писаницы

Для цитирования: Суслова О.В. Сохранение и охрана археологического наследия в Иркутской области в 1960–1980-е гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 161–173. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-161-173. EDN: KDLQFA.

History

Original article

Preservation and protection of archaeological heritage in the Irkutsk region in the 1960s and 1980s

Oksana V. Suslova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article discusses measures to preserve and protect the archaeological heritage in the Irkutsk region. In the period from the 1960s to the 1980s, important events took place in the field of preservation and protection. Based on the resolutions adopted in the 1960s and 1970s, as well as the Law on the Protection and Use of Historical and Cultural Sites adopted in the late 1970s, a new system of preservation and protection of historical and cultural heritage is being formed. In the process of forming a new system, new state bodies for the protection of sites are being created. The main stages of the formation of the Center for the

Preservation of Historical and Cultural Heritage are considered in chronological order. The protection measures taken by the executive branch to ensure the preservation of monuments are being studied. An important part of these events was the certification of historical and cultural sites, registration and state protection, and archaeological zoning. The article analyzes the activities of the first public organization for the protection of sites, as well as its interaction with representatives of the scientific sphere and the executive branch. The article examines the activities of the staff of the Laboratory of Archeology and Ethnography of Irkutsk State University named after Zhdanov (expeditions, participation in meetings of the Irkutsk branch of the All-Russian Society for the Protection of Sites and Culture, work on the Collection of Historical and Cultural Sites, the publication of issues devoted to archaeological research, etc.). This work focuses on the condition of three well-known archaeological sites - the Malta site, the Glazkovsky necropolis, and the Shishkinkaya pisanitsa (petroglyphs). It is noted that the most intensive survey of the sites took place in the 1980s. The Sites Protection Production Group (later transformed into the Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage), with the participation of Irkutsk State University, Irkutsk Polytechnic Institute and Irkutsk Pedagogical Institute, developed projects for the museification of these sites.

Keywords: archaeological sites, heritage preservation, site protection, certification, accounting, protection zone, archaeological supervision zone, Site arch, Malta site, Glazkovsky necropolis, Shishkinskie pisanitsy (petroglyphs)

For citation: Suslova O.V. (2025) Preservation and protection of archaeological heritage in the Irkutsk Region in the 1960s-1980s. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 161-173. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-161-173. EDN: KDLQFA.

Введение

Первая половина 1960-х гг. приходится на завершение хрущевской «оттепели» в Советском союзе. Данный период наряду с положительными явлениями, такими как обращение к культурному наследию для укрепления патриотизма, характеризуется и негативными моментами. Как пример можно привести снос памятников в Москве, если они мешали городской застройке. Зачастую судьба памятников решалась малокомпетентными людьми. Как отклик на непрофессионализм в 1960-е гг. набрало силу общественное движение охраны памятников. К тому же в 1960-х и в последующих двух десятилетиях вопрос сохранения археологического наследия стоял довольно остро из-за начавшегося еще в 1950-х гг. строительства масштабных промышленных объектов – сети гидроэлектростанций (ГЭС)¹.

Несмотря на некоторое пренебрежительное отношение к памятникам, в 1960 г. выходит Постановление Совета Министров «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР». В постановлении делался упор на воспитательную функцию памятников². Особое внимание уделялось охранно-реставрационным программам. В вузах стали подготавливать музейных работников

высшей квалификации. Новшеством в постановлении являлась разработка пятилетней программы неотложных мер по охране. Необходимо было составить государственные списки памятников государственного и местного значения³.

В 1965 г. важнейшей вехой в истории охраны наследия стало создание первой общественной организации – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Совет Министров РСФСР своим постановлением от 23 июня дал добро на образование данной организации. Тогда же был сформирован организационный комитет по подготовке и проведению Учредительного съезда (Ливцов, 2011. С. 323). Главной задачей общества являлась помощь государственным органам в выявлении, сохранении и популяризации памятников⁴.

В 1966 г. началась подготовка к изданию многотомного «Свода памятников истории и культуры РСФСР» (далее – Свод). В 1966 г. для успешного осуществления поставленных задач (обследование и паспортизация) была разработана Инструкция «Основные положения для отбора памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране». Программа была принята 2 октября 1967 г. на совместном заседании Президиума АН СССР и Коллегии Министерства культуры СССР. Планировалось формирование полного комплекта

¹ Полякова М.А. Охрана культурного наследия: учеб. пособие. М. : Дрофа, 2005. 270, [1] с. С. 88, 95. EDN: QUFYMR.

² Охрана памятников истории и культуры: сборник документов / сост. Г.Г. Анисимов. М. : Советская Россия, 1973. 190 с. С. 138–142.

³ Полякова М.А. Охрана культурного наследия: учеб. пособие. М. : Дрофа, 2005. 270, [1] с. С. 88, 95. EDN: QUFYMR.

⁴ Там же. С. 244.

учётной документации (паспорта памятников, учетные карточки, списки объектов, подлежащих государственной охране) (Маринич, 2020. С. 425). В 1972 г. для выполнения программы в Институте археологии был создан сектор археологических сводов под руководством В.В. Седова (Комаров, 2015. С. 350).

С 1967 г. Министерством культуры СССР уделялось особое внимание работе по постановке на учёт имеющихся и вновь выявленных памятников археологии. Для планомерной работы Научно-методический совет по охране памятников культуры издал Методические рекомендации по учету и охране памятников археологии⁵.

В 1976 г. был принят закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры», а в 1978 г. такой же закон РСФСР. Данный законодательный акт стал первым документом, где были определены задачи государства и общественности. Была озвучена ответственность граждан за сохранение памятников. Дана трактовка понятия «памятник истории и культуры»⁶.

В 1980 г. было принято Постановление «О мерах по улучшению охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры». В пункте № 2 делался акцент на необходимости постоянно вести выявление, государственный учет и научную паспортизацию памятников. В 1980–1981 гг. требовалось подготовить и издать списки памятников истории и культуры, находящиеся на государственной охране⁷.

В 1982 г. было утверждено «Положение об охране и использовании памятников истории и культуры». Положение разъясняло порядок обеспечения сохранности и использования памятников истории и культуры для научных, просветительских, хозяйственных и других целей. Работа государственных органов охраны памятников строилась на нормах данного положения (Штрихи..., 2020. С. 2, 25).

В данной статье дается обзор мероприятий по сохранению и охране археологического наследия в

Иркутской области, в соответствии со всеми постановлениями и законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

Результаты и обсуждение

В начале 1960-х гг. прошлого века, в соответствии с Постановлением Совета Министров «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» (1960 г.), отдел культуры Иркутского горисполкома внес в перечень памятников особо ценные объекты Иркутска и Иркутской области (Глазковский некрополь, Шишкинские писаницы, стоянка Мальта и др.) (Штрихи..., 2020. С. 20). Проводились археологические исследования и паспортизация памятников. Указанные работы осуществлялись Ангарским археологическим отрядом комплексной историко-археологической экспедиции Иркутского государственного университета и Иркутского краеведческого музея (М.П. Аксенов, Г.М. Зайцева, Г.М. Медведев)⁸.

Кроме Ангарского отряда в 1963–1965 гг. проводились исследования отрядом Байкальской археологической экспедиции ИГУ, Иркутского краеведческого музея и отрядом Бурятского комплексного НИИ СО АН СССР (В.В. Свинин, П.Б. Коновалов, Е.А. Хамзина, Л.П. Хлобыстин). Байкальский археологический отряд сделал упор на изучение территорий, охватывающих не только Иркутскую область, но и часть Бурятии⁹. На Северном Байкале отряд провел сплошное археологическое обследование побережья¹⁰. Работы проводились с целью создания Свода археологических объектов побережья Байкала и подготовки проекта Байкальского национального парка (Новиков, Горюнова, 2020. С. 57).

В 1963 г. в ИГУ создана на общественных началах научно-учебная Лаборатория археологии.

⁸ Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы (материалы к докладам на научной сессии института археологии Академии наук СССР). Иркутск, 1966. 69 с. С. 3.

⁹ Свинин В.В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы (материалы к докладам на научной сессии института археологии Академии наук СССР). Иркутск, 1966а. С. 50–69.

¹⁰ Свинин В.В. Отчет о полевых исследованиях Северо-Байкальской археологической экспедиции Бурятского филиала ВГО летом 1965 г. // Архив ИА АН СССР. 1966б. Ф.-1. Р-1. № 3207. 146 л.

⁵ Методические рекомендации МК СССР по учёту и охране памятников археологии. М., 1967. 13 с. С. 8.

⁶ Кулемзин А.М. Памятники истории культуры и их охрана : учеб. пособие для вузов. М. : Юрайт, 2025. 103 с. С. 41–45.

⁷ Свод законов РСФСР. 1986–1988. М. : Сов. Россия, 1986. Т. 3. 599, [1] с. С. 521.

Заведующим был назначен Г.И. Медведев. В 1960-х в университете возобновляется студенческая археологическая практика, открывается аспирантура по археологии (Археология и этнография..., 2019. С. 9).

В 1965 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР в Москве была создана первая общественная организация по охране памятников. В этом же 1965 г. осенью состоялось первое заседание Иркутского областного оргкомитета общества охраны для подготовки и проведения городских, районных учредительных конференций (Центр документации новейшей истории государственного архива Иркутской области (ЦДНИ ГАИО). Ф-3238. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 2). В январе 1966 г. на областной учредительной конференции обсуждались цели и задачи организации, одобрен устав. Были проведены выборы в Совет областного отделения и выборы делегатов на Всероссийский учредительный съезд. На заседании с докладами выступали археологи П.П. Хороших, В.В. Свинин, С.В. Шостакович. В докладе В.В. Хороших уделял особое внимание сохранению и охране памятников археологии. Особенно он отмечал рисунки у д. Шишкино на р. Лене, их уникальность «не только в нашем Союзе, но и в мировом масштабе». Предлагалось сделать район Шишкинских скал (писаниц) первым заповедником на территории Восточной Сибири (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 6). Надо отметить, что предложение, внесенное П.П. Хороших, было сделано не в первый раз. Вопрос о создании музея-заповедника был почти решен в 1949 г. Были подписаны проектные договора, составлена смета, но из-за бюрократических проволочек, связанных с признанием памятника «Шишкинская шаманка» заповедником, решение вопроса было отложено на неопределенный срок (Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2687 (ОЦ. 1). Оп. 1. Д. 13. Л. 149, 151, 153). На учредительной конференции озвучивалось, что подобные памятники есть на озере Байкал (список прилагался). Обеспокоенность у археологов вызывали памятники археологии и древнего деревянного зодчества в зоне затопления Иркутской, Братской и Илимской ГЭС (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 6).

Начиная с 1966 г., все мероприятия по сохранению и охране стали проходить в тесном взаимо-

действии с Иркутским отделением ВООПИК и Иркутским облисполкомом и горисполкомом. Много внимания уделялось просветительской деятельности. С 1966 по 1968 гг. в печати было опубликовано свыше 30 статей, посвященных археологическим памятникам. Это статьи «Наследие, которому нет цены» – С.В. Шостаковича; «Памятники озера Байкал» – П.П. Хороших и др. (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 6. Л. 11).

С 1966 г. начинается подготовка к изданию Свода памятников. В 1968 г. на первой отчетно-выборной конференции Иркутского областного отделения общества охраны памятников приняли решение о создании Свода. Для данной работы решено было привлечь Иркутский краеведческий музей, Иркутский государственный университет (ИГУ), Иркутский педагогический институт (ИПИ) и археологический отряд детской туристической станции (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 9. Л. 10, 16). В мае 1969 г. на заседании ВСОРГО главной темой обсуждения были материалы по составлению Свода памятников (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 17. Л. 1).

В 1966 г. на бюджетные средства формируется Комплексная археологическая экспедиция (КАЭ) ИГУ. С 1969 г. экспедициями были охвачены обширные территории в зоне затопления Богучанской ГЭС. Работы проводились в Приангарье, Прибайкалье, Верхней Лене, Канско-Рыбинской котловине. К концу 1966 г. было выявлено и поставлено на государственную охрану 177 памятников истории и культуры. 1960-е гг. – это период, когда научным исследованиям был задан высокий темп и он продолжал нарастать в последующие десятилетия (Археология и этнография..., 2019. С. 9).

В 1967 г. 101-м отрядом Геологического института АН СССР с целью планирования раскопок на 1970 г. были заложены шурфы в с. Мальта Усольского района. В шурфовке под руководством С.М. Цейтлина, приняли участие А.М. Георгиевский, Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. К сожалению, кончина М.М. Герасимова, открывшего стоянку в 1970-м г.), не позволила продолжить намеченные на тот год археологические работы (Цейтлин, 1975. С. 37).

В 1970 г. в постановлении отчетно-выборной конференции ВООПИК указывалось, что помимо

организационных вопросов необходимо областному Совету общества совместно с Областным управлением культуры создать оргкомитет по составлению Свода, развернуть научное изучение всех памятников области, составить план первоочередных работ по реставрации и консервации памятников на пятилетие (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1 Д. 20. Л. 10). Профессор ИПИ В.Г. Тюкавкин на заседании Совета городского отделения ВООПИК предлагал создать Комиссию по составлению Свода памятников Иркутска. Планировалось привлечь архитекторов, историков и археологов для разработки охранных зон. Он отмечал, что составление Свода должно стать главной задачей на данный момент (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1 Д. 23. Л. 5).

В 1971 г. в отчете за второе полугодие 1971 Иркутского отделения ВООПИК говорилось о проведении работ по выявлению, изучению и постановке на государственный учёт памятников деревянного зодчества, археологии и истории. Секцией исторических памятников и Советом Областного отделения ВООПИК была организована археологическая экспедиция на раскопки неолитического могильника Усть-Белая (на средства Иркутского Областного Совета ВООПИК) (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1 Д. 33. Л. 8). Секциями областного Совета ВООПИК, совместно с Управлением культуры начаты работы по составлению Свода памятников и изданию рукописи «Исторические памятники и памятные места Иркутской области». Окончание этой работы ориентировочно намечено было на конец 1971 г. Обсуждением и отбором памятников, включенных в Свод, должен был заниматься специально созданный Координационный совет при Областном управлении культуры (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1 Д. 29. Л. 9–11).

К 1978 г. Лабораторией археологии ИГУ для привлечения наибольшего количества людей (краеведов, учителей, школьников) для поиска предметов древности, развития умения проанализировать находку, определять наименование была разработана специальная анкета-определитель. В анкете должна была содержаться вся максимально собранная информация (местонахождение, геоморфологическая ситуация, стратиграфическое положение, характеристики морфологии, сопут-

ствующий материал и место ее хранения) (Степанова, 1978. С. 96–97).

В 1978 г. в решении Исполнительного комитета Иркутской области отмечалось, что в области отсутствует комплексный план охраны и использования памятников археологии и не создана специальная производственная группа, которая должна была проводить эту работу. На тот момент существовала специальная научно-реставрационная мастерская Управления культуры облисполкома. Однако она не имела необходимой производственной базы и не являлась центром реставрации, охраны и использования памятников археологии. Было принято решение обратиться в Министерство культуры РСФСР для решения данного вопроса. С 1979 г. при управлении культуры облисполкома планировалось создание производственной группы по охране и реставрации памятников (ПГОП) (ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 7. Д. 3095. Л. 3). Необходимая группа была создана в 1980 г. по инициативе председателя Иркутского отделения ВООПИК Н.Ф. Салацкого (бывшего председателя Иркутского горисполкома). Руководителем ПГОП был назначен А.А. Пакулов. В 1982 г. в группу был принят археолог М.Я. Складчиков. В 1983 г. на должность руководителя пришла Н.Н. Красная. В 1989 г. ПГОП была преобразована в Центр сохранения историко-культурного наследия (ЦСН) Управления культуры Иркутского облисполкома (Складчиков, 1999. С. 29).

В 1979 г. Иркутским облисполкомом было поручено Управлению культуры и Иркутскому областному отделению ВООПИК разработать комплексный план охраны и пользования археологическими памятниками. Первый шаг в разработке плана был сделан, когда были определены охранные зоны на отдельные особо важные памятники археологии и зоны археологического надзора на районы города с повышенной концентрацией находок. Для этого в 1980 г. специальным отрядом Лаборатории археологии и этнографии ИГУ им. Жданова было проведено археологическое исследование города, выявлены новые объекты, установлены границы, степень разрушения (сохранности) культурного слоя, намечены перспективы исследований. Одновременно проводились историографические исследования памятников (за

более чем 100 лет изучения)¹¹. В результате обследования было обнаружено более 20 разных по возрасту и характеру объектов (Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П. Памятники рядом // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1981. № 154. 4 июля. С. 2). Однако прежде чем провести полное обследование города были выяснены и уточнены местонахождения известных памятников. Был проведен рейд археологической общественной инспекции отделения ВООПИК по памятникам: «Лисиха»; зона от плотины ГЭС до телецентра; зона от плотины ГЭС до п. Южный; зона Межовка – Кузьмиха; зона Кузьмиха – Царь-Девица; «роща Звездочка»; «Локомотив»; «Синюшина гора»; «Военный госпиталь»; долина р. Ушаковки; место основания г. Иркутска; долина р. Ушаковки; долина р. Иркут; зона от Знаменского монастыря до черты города по правому берегу р. Ангары. Проводился разведочный маршрут, определялись зоны надзора. На каждом пункте был снят топоплан и разбита перспективная площадь. Почти на всех археологических памятниках находились городские постройки. Памятники разрушались различными земляными работами, которые проводились без ведома Управления культуры и Общества охраны памятников, а также сточными водами («Роща Звездочка», «Межовка», «Синюшина гора») (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 138. Л. 25, 26; Лежненко, Лыхин, 1982. С. 60) Археологические зоны охраны были определены на 5 памятников (Глазковский могильник, стоянка Верховенская гора, Военный госпиталь, Роща звездочка и территория бывшего Иркутского острога). Зон археологического надзора (контроль за производством земляных работ) установлено – 10. Прежде чем приступить к любым строительным работам необходимо было их согласовать с Лабораторией археологии и этнографии ИГУ. Если возникала необходимость, то Лаборатория должна была произвести обследование и спасательные раскопочные работы. Вся проделанная работа была бы невозможна без вклада археологов Лаборатории и членов Областного отделения ВООПИК: Г.И. Медведева, М.П. Аксенова,

В.В. Свирина, Н.Е. Бердниковой, Г.Н. Михнюка, А.Б. Федоренко и др. (Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П. Памятники рядом // Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск). 1981. № 154. 4 июля. С. 2). В планах было провести аналогичную работу по всей территории Иркутской области.

За активное участие в обследовании археологических памятников г. Иркутска, и так же за участие в раскопках могильника «Локомотив», отделение ВООПИК наградили книгами И.Л. Лежненко, Н.А. Савельева, Ю.П. Лыхина, В.И. Базалийского, Е.В. Меньшагина (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 158. Л. 4). В результате раскопок в парке им. Парижской Коммуны обнаружено 28 погребений, 27 из которых относились к китойской неолитической культуре. Площадь исследованных раскопов составляла 372 квадратных метра. В 17 могилах было обнаружено 54 костяка. Погребальный инвентарь составлял 1 333 единицы (Базалийский, Меньшагин, Гольберт, Прокопьев, 1982. С. 68).

В 1980-м г. паспортизация археологических памятников Иркутской области признавалась одной из важнейших задач. Особое внимание ей уделялось в докладах на заседаниях археологической секции отделения ВООПИК (Шевверев О.В.). На президиум Иркутской областного отделения выносился вопрос о комплексном обследовании всей Иркутской области по выявлению, исследованию и паспортизации всех видов памятников на основе заключения хоздоговоров с соответствующими учреждениями. Для изучения опыта Кемеровской области по проведению комплексного обследования и паспортизации в г. Кемерово направлялась археолог Н.Е. Бердникова (ЦДНИ ГАИО. Ф-3236. Оп. 1. Д. 138. Л. 11).

С 1982 г. начинается новый этап, связанный с паспортизацией археологического наследия Иркутской области. Были сформированы две группы паспортизации памятников археологии и истории в ИГУ и группа паспортизации памятников архитектуры (и монументального искусства) в Политехническом институте. К работе по паспортизации памятников было привлечено более 30 сотрудников и совместителей – преподавателей вузов. Отмечалось, что лучше всего работа идет по изучению археологических памятников, т. к. в ИГУ существовала «мощная археологическая Лаборатория, которая целеустремленно обследует археологические па-

¹¹ Указатель археологических памятников города Иркутска: К Своду памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока / сост. И.Л. Лежненко, Ю.П. Лыхин. Иркутск: редакционно-издательский отдел Упрполиграфиздата. 1986. 43 с. С. 3.

мятники области и печатает большое количество материалов о них» (Памятники истории и культуры..., 1990. С. 19, 26). С 1983 по 1985 г. Лабораторией были задействованы около 400 студентов. Выполнено в качестве дипломных проектов более 45 научных разработок. Студенты составляли основной костяк КАЭ ИГУ. Особое внимание уделялось комплексному изучению стратотипических районов концентрации памятников археологии. В Канско-Абанском районе работали А.Г. Генералов, Т.А. Абдулов, Н.А. Савельев, Г.А. Воробьева. В южном Прибайкалье обследованием занимались Г.И. Медведев, М.А. Бердников, Г.А. Воробьев, Н.А. Савельев, И.Л. Лежненко. В Качугском районе проводили исследования М.Р. Аксенов, Г.И. Медведев, Г.А. Воробьева. В Приольхонье и Чивыркуйском заливе работы выполняли О.И. Горюнова, В.В. Свинин, Г.А. Воробьева, Ю.П. Лыхин и др. В Тункинской котловине работал А.Б. Федоренко, в Иркутском районе – Н.А. Савельев, В.И. Базалийский, И.Л. Лежненко, Ю.П. Лыхин. В изучении стратиграфии местонахождений большой вклад был сделан доцентом кафедры почвоведения ИГУ Г.А. Воробьевой. Ею была выполнена работа по палеопедологическому изучению разрезов. Доцентом кафедры геодезии и картирования Ю.В. Шароватовым проведено картирование и топоанализ археологических памятников.

Важным разделом деятельности Лаборатории стала работа по паспортизации археологических памятников и проведение археологических обследований новостроечных объектов по хоздоговорам. Сформированные две группы (под руководством Н.Е. Бердниковой и Е.М. Инешина под научным руководством Г.И. Медведева) в период с 1982–1985 гг. составили 130 паспортов, 145 учетных карточек. Было проведено обследование 60 объектов отвода строительных зон. Кроме всего прочего, коллектив Лаборатории провёл спасательные работы по хоздоговорам с Иркутским и Братским отделением ВООПИК. Работы велись в Приольхонье, на Лене, в Иркутске. Был утвержден план и обоснование по музеефикации могильника «Локомотив». Строительство музея планировалось в следующей пятилетке (Медведев, Савельев, 1985. С. 82; Бердникова, Медведев, 1985. С. 106).

В 1983 г. отрядом студентов полевой археолого-этнографической практики (сформированной

при КАЭ ИГУ) под руководством М.П. Аксенова были обследованы Шишкинские писаницы. Был произведен осмотр, расчистка рисунков, топогеодезическая съемка скальных массивов. Установлено, что часть рисунков исчезала под слоем пыли и остатков продуктов сгорания от двигателей автомобилей. Пострадали рисунки от надписей проезжающих. Часть древних рисунков были уничтожены при проведении строительных работ в 1972 г. Предлагалось перенести дорогу в обход Шишкинских писаниц или заасфальтировать полотно существующей дороги. Предусматривалась организация площадки для остановки транспорта и осмотра писаниц вдоль скал. Планировалось провести реставрационные работы и разработать серию экскурсий. Создать комплекс жилых построек для туристов в д. Шишкино (базовый лагерь) (Толок, 1985. С. 78).

В 1984 г. при Лаборатории создана новостроечная группа, в составе которой были О.В. Задонин, С.А. Дзюбас под руководством Е.М. Инешина. Перед группой стояла задача – обследование территорий нового строительства (Штрихи..., 2020. С. 27).

В 1984 г. неолитическим отрядом КАЭ ИГУ под руководством Н.А. Савельева проводились спасательные раскопки в парке им. Парижской Коммуны на прилегающей к стадиону парковой территории. Часть китойского могильника и часть предполагаемого верхнепалеолитического памятника «Переселенческий пункт» попадали в зону строительства. Планомерно были проведены раскопки могильника «Локомотив» в районе подстанции (Базалийский, Савельев, Туров, 1986. С. 135). Были сделаны рекогносцировочные работы объединенным палеолитическим отрядом КАЭ ИГУ в Ангара-Осинском районе, а также в Качугском районе и на о. Ольхон (Медведев, 1986. С. 128; Аксенов, Медведев, 1986. С. 132). Спасательные работы проводились в Усть-Удинском районе (Братское водохранилище) Ангарским археолого-этнографическим отрядом Иркутского объединенного музея (Бердникова, 1986. С. 137).

С 1985 г. началось планомерное выявление новых памятников. Во второй половине 1980-х больше внимания уделялось северным районам области (Катангский, Киренский, Казачинско-Ленский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский). Работы велись на западе области (Нижнеудинский, Тайшетский, Чунский и др. районы) (Бердникова, Мед-

ведов, 1985. С. 107). Маломорским отрядом КАЭ ИГУ проведены археологические разведки в Ольхонском районе. Сплошному обследованию подверглось западное побережье Малого моря до п. Курма и залив Мухор (Горюнова, 1986. С. 140).

В 1985 г. издательством ИГУ им. Жданова была выпущена информационная анкета-определитель «Памятники археологии Иркутской области». Авторами (Г.И. Медведев, В.В. Свинин, О.П. Степанова, А.Г. Генералов) давалась характеристика археологическим этапам, приводились основные рекомендации по охране памятников. Предлагались образцы заполнения анкеты. Имелся список литературы по археологии края. Пособие было рассчитано на юных археологов, краеведов, учителей школ и всех, кто интересовался археологией края. Серия задумывалась под названием «Университет школе»¹².

В 1986 г. при содействии ВООПИК, Лаборатории археологии и этнографии ИГУ им. Жданова и Управления культуры Иркутского облисполкома был выпущен «Указатель археологических памятников города Иркутска», изданный приложением к Своду памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока. В данном Указателе были изложены результаты обследования памятников г. Иркутска за 1980–1981 гг. с уже установленными зонами охраны и зонами археологического надзора¹³. Указатель был бы издан раньше, но необходимо было дожидаться согласования с Министерством культуры проекта выделения зон охраны и зон археологического надзора г. Иркутска в 1982 г. А также должно было быть принято решение «Об установлении охранных зон и зон археологического надзора на памятники археологии г. Иркутска» Иркутским облисполкомом в 1984 г. (Бердникова, 1999. С. 26). Сам проект зон был разработан сотрудниками Лаборатории Н.Е. Бердниковой, И.Л. Лежненко, Ю.П. Лыхиним, Г.И. Медведевым

(Штрихи..., 2020. С. 27). Лишь после оформления всей необходимой документации приступили к составлению Указателя.

В 1987 г. к 100-летию открытия древнейших Сибирских захоронений при поддержке Управления культуры Иркутского облисполкома, Государственного архива Иркутской области, Лаборатории археологии и этнографии ИГУ им. Жданова, Иркутского государственного объединенного музея, Иркутского областного отделения ВООПИК был издан буклет «Глазковский некрополь». Уникальные материалы раскопок экспонировались в Иркутском государственном объединенном музее, Государственном Эрмитаже, Национальном музее США, выставлялись в Париже, на региональной выставке ИНКВА проходившей летом 1982 г. в Москве. Археологические работы, проведенные за эти годы на Глазковском некрополе вызывали интерес как советских, так и зарубежных специалистов (США, Канада, Япония, Китай, др.). Над составлением буклета работали В.И. Базалийский и Е.Б. Шободоев (Глазковский некрополь..., 1987. С. 3).

В 1988 г. был представлен отчет для ВООПИК о подготовке материалов к Своду памятников. Комплексным молодежным коллективом «Байкал», в который входили спелеологи, археологи и другие научные работники, было проведено обследование пещер Прибайкальского национального парка (второй год обследования). Подготовлена публикация «Пещеры Прибайкальского национального парка: материалы к Своду памятников» в новосибирский сборник «Памятники истории Сибири». Была представлена информация о методике составления археологической карты в центр научно-технической информации. Сдан в печать указатель «Археологические памятники Усольского района». Подготовлены рекомендации по использованию археологических памятников для руководства гостиницы «Интурист» и прибайкальского национального парка.

Важным направлением в сохранении памятников археологии являлась пропаганда археологических памятников. Были проведены экскурсии в бухте Песчаной, Игетее, Локомотиве в том числе для иностранных туристов. Был создан профориентационный школьный лагерь «Юный археолог». Сотрудники Лаборатории приняли участие в съемках программ на археологических памятниках «Мэен

¹² Памятники археологии Иркутской области (Информационная анкета-определитель) / сост.: Г.И. Медведев, В.В. Свинин, О.П. Степанова, А.Г. Генералов; науч. ред. М.П. Аксенов. Иркутск : Изд-во ИГУ, 1985. 68 с. С. 66.

¹³ Указатель археологических памятников города Иркутска: К Своду памятников истории и культуры Сибири и Дальнего Востока / сост. И.Л. Лежненко, Ю.П. Лыхин. Иркутск : редакционно-издательский отдел Упрполиграфиздата, 1986. 43 с. С. 10–39.

ин корпорейшен» (Япония) и телевизионной программы «Путешественник», в фильме «Священное море» съемочной группы журнала «Национальная география» (США) (ЦДНИ ГАИО. Ф-3238. Оп. 1. Д. 391. Л. 1, 2).

В 1987 г. была организована экспедиция на Шишкинские писаницы. Цель экспедиции – полное археологическое обследование и подготовка к музеефикации. В работе принимали участие московские специалисты государственного научно-исследовательского института реставрации (ГОСНИИР) (ГАИО. Ф. Р-2823. Оп. 2. Д. 560. Т. 1. Л. 50; ГАИО. Ф. Р-2823. Оп. 2. Д. 644. Т. 3. Л. 3). В 1987–1988 гг. на Шишкинских писаницах впервые была применена методика копирования на микалентную бумагу и полиэтиленовую пленку по авторскому методу В.Ф. Капелько. Для выполнения данной работы на должном уровне Управлением культуры Иркутского Облисполкома был командирован к автору метода инженер ПГОП В.В. Белоненко (ГАИО. Ф. Р-2823. Оп. 2. Д. 657. Т. 2. Л. 36). В июле 1988 г. организована экспедиция Московского инженерно-строительного института, ГОСНИИР, Геолого-минералогического института (ГАИО. Ф. Р-2823. Оп. 2. Д. 669. Т. 2. Л. 4). В августе приезжала группа художников Красноярского худфонда для решения вопроса о проведении полевых работ по калькированию (ГАИО. Ф. Р-2823. Оп. 2. Д. 658. Т. 3. Л. 7). Работа по консервации и музеефикации должна была проходить в соответствии с первой в стране «Методикой консервации скальных поверхностей», разработанной в Москве, в ГОСНИИР. Разработкой занимались Э.Н. Агеева, Н.Л. Ребрикова, В.В. Нетунаев, Б.Т. Сизов и др. (Штрихи..., 2020. С. 30). Был заключен хоздоговор № 5 с Управлением культуры Иркутского облисполкома¹⁴. Планировалось строительство музея, библиотеки, дома отдыха. Московскими специалистами был предложен интересный ход для сохранения неприкосновенности писаниц – просмотр изображений с воздушных шаров. Тропы предлагалось оставить для исследователей и реставраторов

(Аверина Н. Миг вечности тому назад // Советская молодежь (г. Иркутск). 1989. № 96. 8 авг. С. 3).

В 1989 г. был разработан эскизный проект консервационно-музейных сооружений памятника стоянка «Мальта». Над проектом работала группа аспирантов и студентов Иркутского политехнического института (Штрихи..., 2020. С. 31).

К 1990 на могильнике «Локомотив» было вскрыто 44 погребальных комплекса (с 1980 г.) Лабораторией археологии и этнографии ИГУ. Материал, полученный в ходе раскопок, предоставлял в распоряжение науки новую информацию по физическому облику людей, населявших территорию в древности (Стратиграфия..., 1990. С. 77). Для ЦСН В.И. Базалийским были подготовлены предложения по музеефикации могильника «Локомотив». Предлагалось 4 варианта музеефикации: 1) создание археологического музея в парке им. Парижской Коммуны без музеефикации самого могильника; 2) частичная музеефикация; 3) полная музеефикация не вскрытого участка могильника; 4) создание международного научно-исследовательского центра и музея при нем¹⁵.

С 1982–1989 гг. была проведена паспортизация в 18 районах Иркутской области. Было составлено 183 паспорта на археологические памятники (Бердникова, Ветров, Савельев, 1990. С. 108). К концу 1980-х окончательно сформировали «Сводный список памятников истории и культуры г. Иркутска (по итогам многолетней работы по паспортизации объектов историко-культурного наследия). Он включал в себя 976 позиций (1358 объектов) (Штрихи..., 2020. С. 29). К 1991 г. в Иркутской области было поставлено на государственную охрану чуть меньше семисот памятников археологии (685 памятников), в числе которых значился 91 археологический памятник: 67 памятников местного значения и 24 – республиканского значения¹⁶.

¹⁴ Разработка документации на реставрацию наскальных изображений памятника археологии «Шишкинские писаницы» // Архив Иркутского ОГАУ ЦСН. Москва, 1989. 33 л. Л. 1.

¹⁵ Базалийский В.И. Отчет о научно-исследовательской работе. Могильник «Локомотив» // Архив Иркутского ОГАУ ЦСН. Т. 1–3. № 15. Иркутск, 1990. 108 л. Л. 101–104.

¹⁶ Список памятников истории и культуры, подлежащих государственной охране // Архив Иркутск. ОГАУ ЦСН. Москва, 1991. 126 л. Л. 2–4.

Заключение

В период 1960–1980-х гг. идет важнейший процесс формирования современной системы охраны и сохранения российского историко-культурного наследия. Именно в этот избранный период была подготовлена законодательная база для принятия указанного выше закона. Экспедициями ИГУ и других вузов Иркутской области была проведена масштабная работа по паспортизации, постановке на учет и взятию под государственную охрану многих археологических памятников. Но наравне с положительными результатами фиксировались случаи разрушения археологических памятников.

С 1966 г. начинается новый этап в истории сохранении археологического наследия в Иркутской области. Взаимодействие исполнительной власти и областного отделения ВООПИК было наиболее эффективно в 1970-е и в первой половине 1980-х гг. Участие сотрудников Лаборатории археологии и этнографии ИГУ в заседаниях отделения ВООПИК

позволяло выявлять основные проблемы в сфере сохранения и охраны археологических памятников и вырабатывать способы их решения.

В данный период была заложена основа деятельности государственных органов. К концу 1980-х на основе ПГОП был сформирован ЦСН. Основной задачей ЦСН стало осуществление государственной охраны, управления и контроля в области сохранения и использования памятников.

Конец данного периода характеризуется особым вниманием к известным памятникам археологии. С 1980-х велись работы на территории Шишкинской писаницы, где применялась первая в Советском Союзе методика консервации наскальных изображений, шла подготовка к созданию музея. В 1989 г. был разработан проект консервационно-музейных сооружений памятника стоянки «Мальта». К 1990 г. разработаны проекты по музеефикации могильника «Локомотив». К сожалению, несмотря на большую проделанную работу, проекты не были реализованы.

Список источников

Аксенов М.П., Медведев Н.И. Результаты исследований объединенного палеолитического отряда Комплексной археологической экспедиции ИГУ в полевой сезон 1984 г. на о. Ольхон и в долине Верхней Лены // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение Института истории, филологии и философии АН СССР, 1986. С. 132–134.

Археология и этнография в Иркутском государственном университете / авт.-сост. Бердников И.М., Уланов И.В., Абрашина М.Е. Иркутск: НИЦ «Байкальский регион», 2019. 25 с.

Базалийский В.И., Меньшагин Е.В., Гольберт В.В., Прокопьев В.Н. Новые данные по китойской культуре // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тезисы докладов к региональной конференции, Иркутск, 07–09 апреля 1982 года. Иркутск: Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова, 1982. С. 68–69. EDN: CPSSCY.

Базалийский В.И., Савельев Н.А., Туров М.В. Работы в парке «Локомотив» г. Иркутска // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение Института истории, филологии и философии АН СССР, 1986. С. 135–136.

Бердникова Н.Е. Ритуальные комплексы Ангара-Осинского района (Братское водохранилище) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. трудов. Новосибирск: Сибирское отделение Института

References

Aksenov M.P., Medvedev N.I. (1986) Research results of the joint Paleolithic detachment of the Integrated Archaeological Expedition of the ISU during the 1984 field season on Olkhon Island and in the Upper Lena Valley. *Sites of ancient cultures of Siberia and the Far East: collection of scientific papers*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Institute of History, Philology and Philosophy of the USSR Academy of Sciences. P. 132-134. (In Russ.).

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Abrashina M.E. (2019) Archaeology and Ethnography at Irkutsk State University. Irkutsk: SIC "Baikal region". 25 p. (In Russ.).

Bazaliyskii V.I., Men'shagin E.V., Gol'bert V.V., Prokop'ev V.N. (1982) New data on the Kitoi culture. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: Tezisy dokladov k regional'noi konferentsii, Irkutsk, 07-09 aprelya 1982 goda = Problems of Archeology and Ethnography of Siberia: Proceedings of the Regional Conference, April 07-09, 1982*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 68-69. (In Russ.). EDN: CPSSCY.

Bazaliyskiy V.I., Savelyev N.A., Turon M.V. (1986) Works in the park "Locomotive" of Irkutsk. *Pamyatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka: sbornik nauch. trudov = Sites of Ancient Cultures of Siberia and the Far East: Collection of Scientific Works*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Institute of History, Philology and Philosophy of the USSR Academy of Sciences. P. 135-136. (In Russ.).

Berdnikova N.E. (1986) Ritual complexes of the Angara-Osinsky district (Bratskoye reservoir). *Pamyatniki drevnikh kul'tur Sibiri i Dal'nego Vostoka: sbornik nauch. trudov = Sites of Ancient Cultures of Siberia and the Far East: Collection of*

истории, филологии и философии АН СССР, 1986. С. 137–139.

Бердникова Н.Е. Проблемы охраны археологического наследия // *Земля Иркутская*. 1999. № 11. С. 25–28.

Бердникова Н.Е., Ветров В.М., Савельев Н.А. Паспортизация памятников археологии Иркутской области 1982–1989 гг. // *Палеоэтнология Сибири* : тез. докл. XXX Региональной археологической студенческой конференции, Иркутск, 29–31 марта 1990 года. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1990. С. 108–109. EDN: IGPBET.

Бердникова Н.Е., Медведев Г.И. Итоги, проблемы, и перспективы государственной регистрации археологических памятников Иркутской области // *Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока* : тезисы докладов к XXV археологической студенческой конференции. Иркутск : Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова, 1985. С. 106–108. EDN: KLZWSQ.

Глазковский некрополь: к 100-летию открытия древнейших Сибирских захоронений / сост.: Базалийский В.И., Шободоев Е.Б. Иркутск : редакционно-издательский отдел Упрполиграфиздата, 1987. 32 с.

Горюнова О.И. Новые памятники Приольхонья (оз. Байкал) // *Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока*: сб. науч. трудов. Новосибирск : Сибирское отделение Института истории, филологии и философии АН СССР, 1986. С. 140–142.

Комаров К.И. Памятники археологии Переславского района Ярославской области по данным мониторинга // *Краткие сообщения Института археологии*. 2015. № 241. С. 350–353. EDN: WFSDAV.

Лежненко И.Л., Лыхин Ю.П. Археологическое исследование города Иркутска // *Проблемы археологии и этнографии Сибири* : тез. докл. к регион. конф., 7–9 апр. 1982 г. Иркутск : Иркут. ун-т, 1982. С. 60–61.

Ливцов В.А. Участие всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК) в сохранении культурного наследия народов Российской Федерации // *75 лет Пакту Рериха* : материалы международной научно-общественной конференции, Москва, 08–11 октября 2010 года. М. : Международный Центр Рерихов, 2011. С. 317–336. EDN: RXZDWJ.

Маринич А.А. О работе по составлению «Свода памятников истории и культуры» (на примере Иркутской области) // *Баладинские чтения*. 2020. Т. 15. С. 424–430. DOI: 10.24411/9999-001A-2020-10047. EDN: GMSKIJ.

Медведев Г.И. Результаты исследований объединенного палеолитического отряда Комплексной археоло-

Scientific Works. Novosibirsk: Siberian Branch of the Institute of History, Philology and Philosophy of the USSR Academy of Sciences. P. 137–139. (In Russ.).

Berdnikova N. E. (1999) Problems of archaeological heritage protection. *Irkutsk Land*. Irkutsk. No. 11. P. 25–28. (In Russ.).

Berdnikova N.E., Vetrov V.M., Savel'ev N.A. (1990) Certification of archaeological sites of the Irkutsk region in 1982–1989. *Paleoethnologiya Sibiri: tez. dokl. XXX Regional'noi arkhologicheskoi studencheskoi konferentsii, Irkutsk, 29–31 marta 1990 goda = Paleoehtnology of Siberia. Abstracts of the Reports of the XXX Regional Archaeological Student Conference, Irkutsk, March 29–31, 1990*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 108–109. (In Russ.). EDN: IGPBET.

Berdnikova N.E., Medvedev G.I. (1985) Results, problems, and prospects of the state registration of archaeological sites of the Irkutsk region. *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: teziy dokladov k XXV arkheologicheskoi studencheskoi konferentsii = Problems of Archeology of Siberia and the Far East: Abstracts of the Reports of the XXX Regional Archaeological Student Conference*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 106–108. (In Russ.). EDN: KLZWSQ.

Bazaliyskii V.I., Shobodoev E.B. (1987) Glazkovsky necropolis. On the 100th anniversary of the discovery of the oldest Siberian burials (booklet). Irkutsk: Editorial and Publishing Department of Uppolygrafizdat. 32 p. (In Russ.).

Goryunova O.I. (1986) New sites of the Volga region (Lake Baikal). *Sites of Ancient Cultures of Siberia and the Far East: Collection of Scientific Works*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Institute of History, Philology and Philosophy of the USSR Academy of Sciences. P.140–142. (In Russ.).

Komarov K.I. (2015) Archaeological sites in the Pereslavl District of the Yaroslavl region based on monitoring results. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. No. 241. P. 350–353. (In Russ.). EDN: WFSDAV.

Lezhnenko I.L., Lykhin Yu.P. (1982) Archaeological research of the city of Irkutsk. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tez. dokl. k region. konf., 7–9 apr. 1982 g. = Problems of Archeology and Ethnography of Siberia: Proceedings of the Regional Conference . April, 7–9, 1982 g*. Irkutsk: Irkutsk State University. 60–61. (In Russ.).

Livtsov V.A. (2011) Participation of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Sites (VOOPIK) in the preservation of the cultural heritage of the peoples of the Russian Federation. *75 let Paktu Rerikha : Materialy mezhdunarodnoi nauchno-obshchestvennoi konferentsii, Moskva, 08–11 oktyabrya 2010 goda = Proceedings of the International Socio-Scientific Conference "75 years of the Roerich Pact", Moscow, October 08–11, 2010*. Moscow: Internat. The Roerichs Center. P. 317–336. (In Russ.). EDN: RXZDWJ.

Marinich A.A. (2020) About the work on compilation of the code of Russian historical and cultural monuments (by the example of the Irkutsk Region). *Baladinsky Readings*. Vol. 15. P. 424–430. (In Russ.). DOI: 10.24411/9999-001A-2020-10047. EDN: GMSKIJ.

Medvedev G.I. (1986) Research results of the joint Paleolithic Detachment of the Integrated Archaeological Ex-

гической экспедиции ИГУ в полевой сезон 1984 г. в Ангаро-Осинском районе // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока : сб. науч. трудов. Новосибирск : Сибирское отделение Института истории, филологии и философии АН СССР, 1986. С. 128–129.

Медведев Г.И., Савельев Н.А. Работа Лаборатории археологии и этнографии в XI пятилетке (1982–1985 гг.) и задачи на XII пятилетку // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXV археологический студенческой конференции (РАСК), 3–6 апреля 1985 г. Иркутск : Иркут. ун-т, 1985. С. 79–87.

Новиков А.Г., Горюнова О.И. Итоги и перспективы исследования неолитических стоянок побережья Байкала // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 33. С. 54–82. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.54. EDN: ITYVOE.

Памятники истории и культуры Приангарья : сб. очерков / сост. А.В. Дулов. Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1990. 288 с.

Скляревский М.Я. Особенности охраны памятников археологии // Земля Иркутская. 1999. № 11. С. 29–31.

Степанова О.П. Учетно-информационная анкета по Восточной Сибири // Археология и этнография: тез. докл. к региональной научно-теоретической конференции, 5–7 апреля 1978 г. Иркутск : ИркГУ, 1978. С. 96–97.

Стратиграфия, палеоэкология и археология юга Средней Сибири: К XXIII Конгрессу ИНКВА / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. Иркутск : Иркутский государственный университет, 1990. 165 с.

Толок Н.В. К вопросу об охране и использовании памятников древнего наскального изобразительного искусства Сибири на примере Шишкинских писаниц // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. к XXV археологический студенческой конференции (РАСК), 3–6 апреля 1985 г. Иркутск : Иркут. ун-т, 1985. С. 77–78.

Цейтлин С.М. К вопросу о возрасте палеолитических местонахождений на высоких террасах правобережья р. Ангары // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск : Иркутский гос. университет, 1975. Вып. 3. С. 37–43.

Штрихи к портрету времени : сборник материалов, посвященный 40-летию создания Производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры Иркутской области (ПГОП) (1980–2020), 30-летию ОГАУ «ЦСН» (1989–2019) и 15-летию Службы по сохранению объектов культурного наследия Иркутской области / сост. М.М. Наумочкина. Иркутск : Востсибкнига, 2020. 237, [3] с.

pedition of the ISU during the 1984 field season in the Angara-Osinsky district. *Sites of Ancient Cultures of Siberia and the Far East: Collection of Scientific Papers*. Novosibirsk: Siberian Branch of the Institute of History, Philology and Philosophy of the USSR Academy of Sciences. P. 128-129. (In Russ.).

Medvedev G.I., Savelyev N.A. (1985) The work of the Laboratory of Archeology and Ethnography in the XI five-year plan (1982-1985) and tasks for the XII five-year plan. *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: tez. dokl. k XXV arkheologicheskii studencheskoi konferentsii (RASK), 3-6 aprelya 1985 g. = Problems of Archeology of Siberia and the Far East: Abstracts of the Reports of the XXV Regional Archaeological Student Conference, April 3-6, 1985*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 79-87. (In Russ.).

Novikov A.G., Goryunova O.I. (2020) Results and prospects of the study of Neolithic sites on the Lake Baikal coast. *Izvestiya Irkutsk State University. Geoarchaeology series. Ethnology. Anthropology*. Vol. 33. P. 54-82. (In Russ.). DOI: 10.26516/2227-2380.2020.33.54. EDN: ITYVOE.

Dulov A.V. (1990) Sites of history and culture of the Angara region. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 288 p. (In Russ.).

Sklyarevskii M.Ya. (1999) Features of the protection of archaeological sites. *Irkutsk Land*. Irkutsk. No. 11. P. 29-31. (In Russ.).

Stepanova O.P. (1978) Accounting and information questionnaire for Eastern Siberia. *Arkheologiya i etnografiya: tezisy dokladov k regional'noi nauchno-teoreticheskoi konferentsii, 5-7 aprelya 1978 g. = Archeology and Ethnography: Proceedings of the Regional Scientific-Practical Conference, April, 5-7, 1978*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 96-97. (In Russ.).

Medvedev G.I., Savelyev N.A., Svinin V.V. (1990) Stratigraphy, paleoecology and archeology of the South of Central Siberia: to the XXIII Congress of the INQUA. Irkutsk: Irkutsk State University. 165 p. (In Russ.).

Tolok N.V. (1985) On the issue of protection and use of sites of ancient rock art in Siberia using the example of the Shishkino petroglyphs. *Problemy arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: tez. dokl. k XXV arkheologicheskii studencheskoi konferentsii (RASK), 3-6 aprelya 1985 g. = Problems of Archeology of Siberia and the Far East: Abstracts of the Reports of the XXV Regional Archaeological Student Conference, April 3-6, 1985*. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 77-78. (In Russ.).

Tseitlin S.M. (1975) On the question of the age of Paleolithic sites on the high terraces of the right bank of the Angara River. *Ancient History of the Peoples of the South of Eastern Siberia*. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 3. P. 37-43. (In Russ.).

Naumochkina M.M. (2020) Touches to the portrait of time: A Collection of Materials Dedicated to the 40th Anniversary of the Creation of the Production Group for the Protection and Use of Historical and Cultural Sites of the Irkutsk region. Irkutsk: Vostsibkniga. 240 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Суслова Оксана Васильевна,
аспирант кафедры мировой истории и международных
отношений, 4-й год обучения,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Information about the author

Oksana V. Suslova,
Postgraduate student of the Department of World History
and International Relations, 4rd year of study,
Irkutsk State University,
1, K. Marx St., Irkutsk 664003, Russia,
e-mail: oksanamovchan888@mail.ru

Вклад автора

Суслова О.В. выполнила исследовательскую работу,
на основании полученных результатов провела обобщение
и подготовила рукопись к печати.

Contribution of the author

Suslova O.V. carried out a research work, based on the
obtained results made the generalization and prepared the
manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

**Автор прочитал и одобрил окончательный вариант
рукописи.**

**The author has read and approved the final manu-
script.**

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2025 г.;
одобрена после рецензирования 27 февраля 2025 г.;
принята к публикации 10 марта 2025 г.

Article info

The article was submitted February 4, 2025; approved
after reviewing February 27, 2025; accepted for publication
March 10, 2025.

Персоналия

Научная статья
УДК 902/904(571.53)(092)
EDN: KMJRTY
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-1-174-189>

**Памяти учёного-археолога: от Мальты, Китоя, Усть-Белой, Илима
и Верхоленской горы до берегов Витима и Лены
(к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Аксёнова)**

С.Н. Пержаков

ООО Раритет, Иркутск, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена 90-летию со дня рождения видного советского российского археолога, доцента кафедры Всеобщей истории ИГУ, доктора исторических наук Михаила Петровича Аксёнова (24.11.1934 – 07.03.2002 гг.). В статье проводится анализ полевых и исследовательских материалов, полученных в последние годы Иркутскими археологами различных полевых структурных подразделений. Рассматриваются проблемы регионального палеолитоведения, в общем, и Верхней Лены, в частности, у истоков археологии которой стоял М.П. Аксёнов. Приведены основные итоги археологического изучения Верхней Лены в 2002–2024 гг. по публикациям материалов об археологических памятниках: Шишкино 8, Кистенёво 9, Балышово-3, Чайка 2, Вешний Ручей, Любавская, Усть-Куленга 1, Картухай 1, Усть-Илга, Шалино 1. И на их фоне прослеживаются основные идеи и вклад в построение культурно-хронологической модели каменного века Северной Лены. Основная задача статьи заключается в том, чтобы показать роль М.П. Аксёнова как основоположника археологии Верхней Лены, заложившего методологическую базу современного этапа изучения и воспитавшего плеяду учеников, продолживших главное дело учителя. Михаил Петрович Аксёнов стоял у истоков научных знаний как полевых исследований, так и в научном руководстве, помогая решать актуальные задачи молодому поколению археологов Иркутского государственного университета. Археологические исследования были продолжены на разных участках р. Лены в первую очередь в пределах Макарово-Шишкинского геоархеологического района, играющего роль опорного для Западного Прибайкалья и верхнего течения Лены в целом. Среди учеников М.П. Аксёнова, продолживших после его ухода археологическое изучение Верхней Лены: В.М. Ветров, С.Н. Пержаков, М.Ю. Сёмин, В.В. Краснощёков, С.А. Песков, А.В. Тетенькин, Д.Л. Шергин, А.А. Чеботарёв и другие.

Ключевые слова: М.П. Аксёнов, Иркутский государственный университет, палеолитоведение, Верхняя Лена, поздний палеолит, мезолит, неолит, МИС-2, Последний ледниковый максимум, геоархеология, сартанский стадиал, мофротипологический анализ

Для цитирования: Пержаков С.Н. Памяти учёного-археолога: от Мальты, Китоя, Усть-Белой, Илима и Верхоленской Горы до берегов Витима и Лены (к 90-летию со дня рождения Михаила Петровича Аксёнова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 1. С. 174–189. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-174-189. EDN: KMJRTY.

Personalia

Original article

**In memory of a scientist-archaeologist: from Malta, Kitoy, Ust-Belaya, Ilim
and Verkholskaya Gora to the banks of Vitim and Lena
(on the 90th anniversary of birthday of Mikhail Petrovich Aksienov)**

Sergey N. Perzhakov

ООО Раритет, Irkutsk, Russia

Abstract. This article is dedicated to the 90th anniversary of the birth of famous Soviet-Russian archaeologist, associate professor of the Department of Archaeology and Ethnography of Irkutsk State University, Doctor of Historical Sciences Mikhail Pe-

© Пержаков С.Н., 2025

trovich Aksyonov (24.11.1934 - 7.03.2002). The article analyzes field and research materials obtained in recent years by Irkutsk archaeologists of various field structural units. The problems of regional Paleolithic studies in general and the Upper Lena in particular, at the origins of the archaeology of which stood M.P. Aksyonov, are considered. The main results of the archaeological study of the Upper Lena in 2002-2024 are presented in the form of publications of materials from archaeological sites Shishkino 8, Kistenevo 9, Balyshovo 3, Chaika 2, Veshniy Ruchey, Lyubavskaya, Ust-Kulenga 1, Kartukhai 1, Ust-Iлга, Shalino 1 and, based on this background, the main ideas and contribution to the construction of a cultural-chronological model of the Stone Age of Northern Lena are given. The main objective of the article is to show the role of M.P. Aksyonov as the one of the founders of the archaeology of the Upper Lena, who laid the methodological basis for the modern stage of study and educated a generation of students who continued the main work of the teacher. Mikhail Petrovich Aksyonov stood at the origins of scientific knowledge, both in field research and in scientific leadership, helping to solve scientific problems for the younger generation of archaeologists of the Irkutsk State University. Archaeological research was continued in different areas of the Lena River, first of all, within the Makarovo-Shishkinsky Geoarchaeological Region, which plays a keypoint role for the Western Baikal region and the upper reaches of the Lena as a whole. Among the students of M.P. Aksyonov, who continued the archaeological study of the Upper Lena, are V.M. Vetrov, S.N. Perzhakov, M.Yu. Semin, V.V. Krasnoshchekov, S.A. Peskov, A.V. Tetenkin, D.L. Shergin, A.A. Chebotarev and others.

Keywords: M.P. Aksyonov, Irkutsk State University, Paleolithic studies, Upper Lena, Late Paleolithic, Mesolithic, Neolithic, MIS-2, Last Glacial Maximum, geoarchaeology, Sartan stadial, morpho-typological analysis

For citation: Perzhakov S.N. (2025) In memory of a scientist-archaeologist: from Malta, Kitoy, Ust-Belaya, Ilim and Verkholskaya Gora to the banks of Vitim and Lena (on the 90th anniversary of the birthday of Mikhail Petrovich Aksyonov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 1. P. 174-189. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-1-174-189. EDN: KMJRTY.

*Я знаю твердь земли, её талант упрямый
хранить для нас века.*

*Ведь дело не в камнях, а в мыслях,
временем от нас сокрытых.*

Михаил Васильевич Константинов
из кн. Провинциальная археология

И снова возвращаясь к его памяти!

Мы недаром вновь озаглавили персоналию «Памяти учёного-археолога...» – заглавие, как в первой публикации, посвящённой Михаилу Петровичу Аксёнову в научно-популярном иллюстрированном журнале «Земля Иркутская» № 2 (19) за 2002 год, вышедший в год его кончины (Медведев, Свинин, Шмыгун, Пержаков, 2002). В настоящей статье, посвящённой 90-летию со дня его рождения, мы сознательно не останавливаемся на биографии Михаила Петровича, потому что она довольно полно освещена в ряде ранее вышедших работ (Медведев, Свинин, Шмыгун, Пержаков, 2002; История и историки..., 2008. С. 54–61; Аксенов, 2009; Он живёт в своих учениках..., 2014; Историки о себе..., 2018. С. 172–177; Пержаков, 2020). Кануло уже 22 года! Но до сих пор, его открытия, идеи, рассматриваемые им в работах, актуальны и применимы как в практике полевых исследований, так и в написание научных статей учениками и последователями. Готовясь к этому юбилею и проанализировав все вышедшие работы разных форматов (тезисы, статьи, коллектив-

ные и авторской монографии), посвящённые тематическим направлениям, у истоков которых стоял Михаил Петрович, мы пришли к выводу, что в них хорошо озвучены все основные этапы становления его творческого пути – **от студента до доктора наук!** Еще раз, осмыслив научное наследие М.П. Аксенова, мы решили, что надо остановиться на его идеях и парадигмах, выдвинутых в процессе изучения палеолитической проблематики всего верхнего участка р. Лены от истока на склонах Приморского хребта, в 10 км от побережья оз. Байкал до устья р. Витим (рис. 1–5). Мы постарались проанализировать полевые открытия и осуществленные работы по археологии Лены в границах Иркутской области за последние десятилетия, у истоков которых стоял Михаил Петрович (Аксенов, 1967; Аксенов, 1993; Аксенов, 1996; Аксенов, 2000; Аксенов, 2009).

В 2003 г. С.А. Дзюбасом опубликован материал о стоянке Вешний Ручей, открытой О.В. Задониным и С.А. Дзюбасом в 1994 г. в Усть-Кутском районе Верхней Лены (Задонин, Дзюбас, 2003). Археологический материал обнаружен в трех уровнях (эпоха развитой бронзы – раннего железного века; поздний неолит – ранний бронзовый век; финальный палеолит). В палеолитическом комплексе отмечен технологический контекст производства микропластин. В то же время изделия в основном показывают приверженность древних людей к мелкой призматической пла-

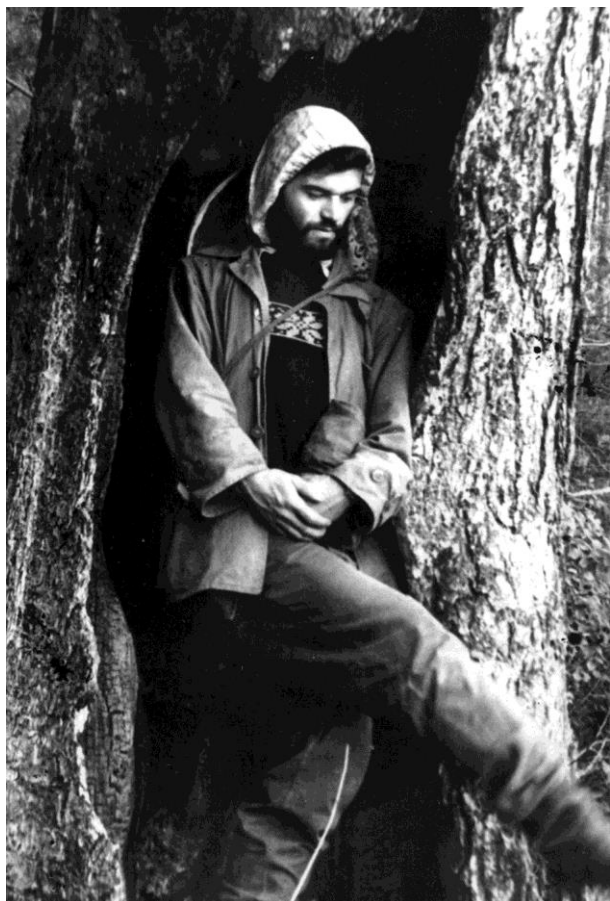

Рис. 1. М.П. Аксёнов, разведка по р. Илим
(снимок 1961 г.)

Fig. 1. M.P. Aksyonov, reconnaissance along the Ilim River
(photo 1961)

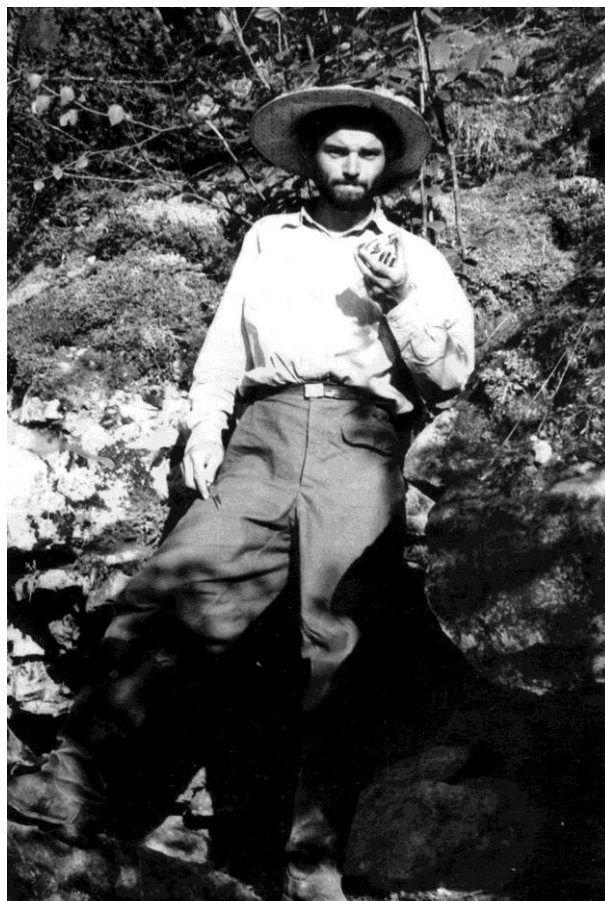

Рис. 2. М.П. Аксёнов, разведка по р. Илим
(снимок 1961 г.)

Fig. 2. M.P. Aksyonov, reconnaissance along the Ilim River
(photo 1961)

Рис. 3. М.П. Аксёнов, сплавной маршрут, разведка по р. Китой (снимок 1962 г.)

Fig. 3. M.P. Aksyonov, rafting route, exploration along the Kitoy River (photo 1962)

Рис. 4. Макаровское расширение, основная площадь расположения Макаровских местонахождений
(снимок 2005 г., автор С.Н. Пержаков)

Fig. 4. Makarovoy expansion, the main area of the Makarovo sites (photo 2005, author S.N. Perzhakov)

Рис. 5. М.П. Аксёнов, крайний слева, разведка по р. Ангаре (снимок нач. 1970-х)

Fig. 5. M.P. Aksyonov, far left, reconnaissance along the Angara River (photo from the early 1970s)

стинке как основной заготовке, затем обретающей вид конкретного орудия через мелкое краевое ретуширование. Мелкопластинчатая индустрия Вешнего Ручья 3 культурного горизонта имеет сходство с индустрией местонахождения Алексеевск I.

В 2006 г. С.Н. Пержаковым опубликованы новые результаты исследования палеолитического местонахождения Шишкино, находящегося в пределах опорного Качугского (Макарово-Шишкинского) геoarхеологического района (Пержаков, 2006). В 2009 г. им же введены в научный оборот новые результаты изучения стоянки Кистеново-9 (Пержаков, 2009). Важно отметить здесь, что оба объекта были вписаны в созданную М.П. Аксеновым археолого-морфогеологическую систему (АМГС) опорного района Верхней Лены в единой методологии комплексного морфогеологического, стратиграфического, радиоуглеродного, тафономического и морфо-типологического определения археологических местонахождений, корреляции и определения для них позиции в АМГС (Аксенов, 1995; Аксенов, 2009).

В 2009 г. В.В. Краснощеков оформил статью о стоянке Бамовская (среднее течение р. Киренги). Автор рассмотрел стояночный комплекс на общем фоне донеолитической археологии севера Верхней Лены: местонахождений Алексеевск 1, Балышово-3, Вешний Ручей, Любавская 1 (Краснощеков, 2009. С. 245–246), поместив Бамовскую между Алексеевском I и Балышово-3 и обсуждая два технологических контекста: контекст производства мелких пластинок неправильных очертаний средних размеров с грубопризматических нуклеусов и контекст изготовления микропластин с клиновидных нуклеусов. Радиоуглеродный возраст около 18370 ± 340 л. н. ставит стоянку Бамовскую в статус одной из наиболее ранних, содержащих клиновидные нуклеусы и микропластины, не только на севере Верхней Лены, но и в целом в западной части Прибайкалья. При этом В.В. Краснощеков особо оговорил неоднозначность соотношения даты (^{14}C) с культурным слоем (Краснощеков, 2009. С. 245).

В 2014 г. вышла статья, посвященная стоянкам Балышово-3, Любавская 1 (Задонин, Хомики, Аксёнов и др., 2014). В 1990 г. Михаил Петрович принимал непосредственное участие в описании

стратиграфических разрезов, вскрытых раскопами на левом берегу р. Лены на окраине с. Балышева (рис. 6). По дневниковым записям можно проследить, как он детально описывал и сравнивал геолого-стратиграфическую ситуацию памятников с другими разрезами на Ленских палеолитических стоянках, которые исследовал в прошлом. Ниже приводим страницы записей, написанных простым карандашом аккуратным почерком:

«30 августа 1990 г. (д. Балышева, Киренский район). Мы с Серёжей (Пержаковым – от авт.) на Балышово-3 снимали стратиграфию стенок раскопа-1. Слоистые супесчаные отложения, лежащие на скальном цоколе (мощность до 3 м), покрытом маломощной прослойкой гальки, обломков скальной породы, разнозернистых песков, вероятнее всего более или менее полно отражают картину формирования отложений в Sr (сартане) и HL (голоцене). В профиле прослеживаются две генерации сартанских морозобойных трещин и одной голоценовой (живущей до сих пор). Это по внешним признакам фиксируется визуально. Культуросодержащий слой помещается между 1-й и 2-й сартанскими криогенными обострениями (13–12 тыс. л. н). Разрез в целом сопоставим с таковыми на Макарово-2, Шишкино-2, Макарово-6. Но и там, и тут нужны уточнения». Из записи, очевидно, что он всегда стремился к уточнению и доработке полученной информации.

В 1990 г. авторами открытия были опубликованы первые сведения по Балышово-3 (Задонин, Хомики, Инешин, 1990), материалы стоянки вошли в дипломную работу С.Н. Хомики «Палеолит и мезолит севера Верхней Лены», Иркутск, 1993 (библиотека НЦ Байкальский регион). В 2014 г. С.Н. Пержаков и А.В. Тетенькин вновь обратились к материалам данного местонахождения с задачами ввода в публикации материалов коллекции и определения типологического облика индустрии на современном уровне знаний (Задонин, Хомики, Аксёнов и др., 2014). Большая часть материалов Балышово-3 до сих пор не обработана и не введена в научный оборот. Соответственно, велик риск утраты важной для науки информации и важного для общества культурного археологического наследия. Опубликованные материалы представляют собой одну из важных сторон науч-

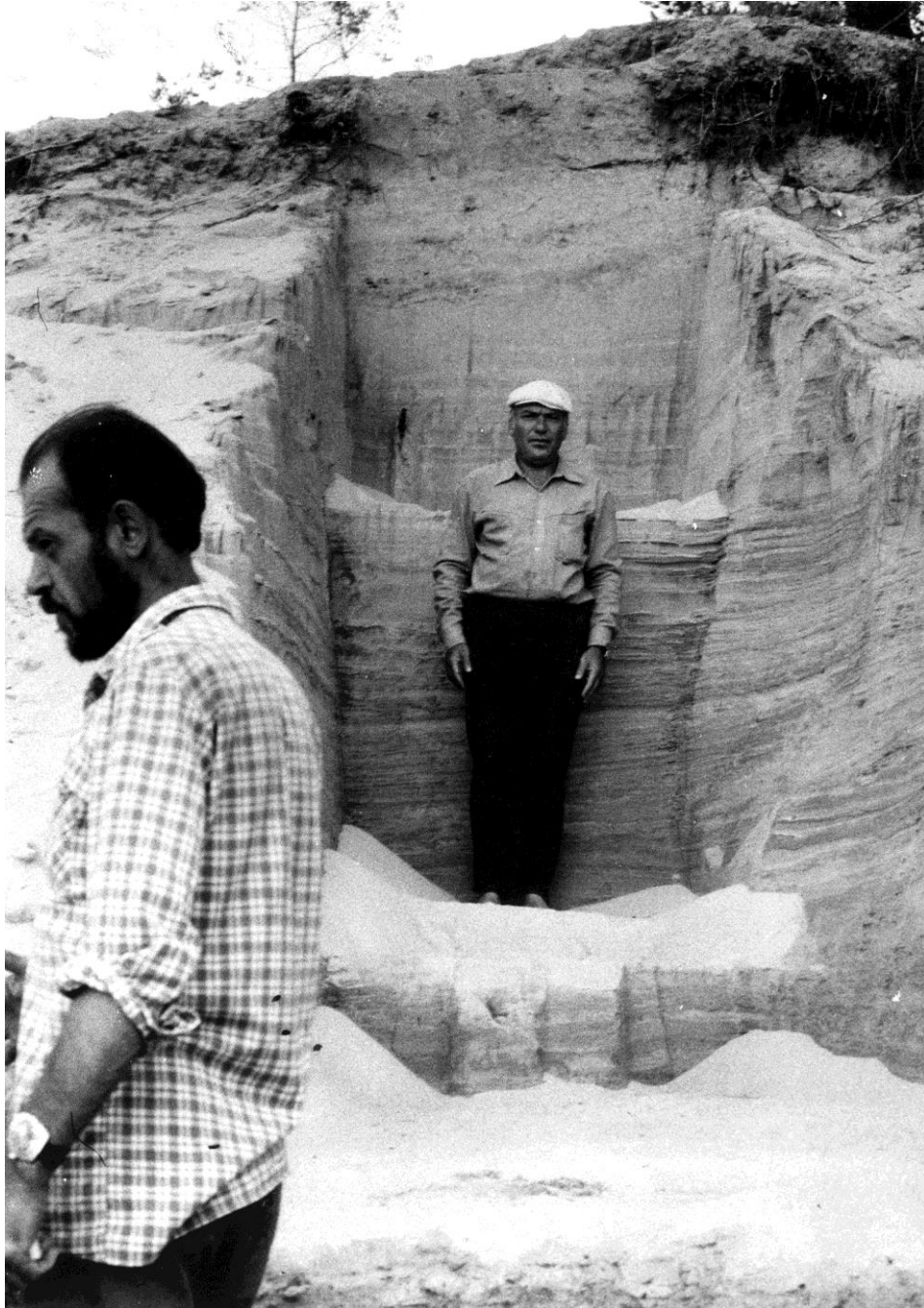

Рис. 6. Иркутская область, Киренский район, р. Лена, д. Балышева. Береговая врезка в районе археологических местонахождений Балышовского полигона, на переднем плане М.П. Аксёнов, на заднем О.А. Роговской (снимок 1990 г.)

Fig. 6. Irkutsk Region, Kirensk District, Lena River, Balysheva Village. Coastal incision in the area of the archaeological sites of the Balyshovsky Polygon, in the foreground M.P. Aksyonov, in the background O.A. Rogovskoy (photograph taken in 1990)

ного наследия Олега Владимировича Задонина (ученика М.П. Аксенова), трагически погибшего 15 августа 1996 года на р. Киренге. Результаты изучения в конце 80-х – начале 90-х гг. местонахождений Балышово-3 и Любавская 1 выявили культуросодержащие слои, относящиеся к донеолитическому времени, которые тезисно анонсированы в материалах Региональной археологической студенче-

ской конференции, проходившей в Иркутске в 1990 году (Задонин, Хомик, Инешин, 1990). Более полная ее презентация и первое описание Любавской 1 даны в дипломной работе С.Н. Хомика (ученика О.В. Задонина). Эти две работы представляют собой подготовленные к публикации материалы, отчасти дополненные имеющейся полевой документацией и снабженные комментариями авторов.

Михаил Петрович Аксенов стоял у истоков научных знаний, помогая решать научные задачи молодому поколению археологов Иркутского госуниверситета. **Как говорится, и словом, и делом!**

Стоянка Балышово-3 была отнесена О.В. Задониным к позднесартанскому оледенению. Имеющиеся радиоуглеродные даты около 25 и 17 тысяч лет назад и общий облик инвентаря, не содержащий микропластинчатого компонента, рассмотренные в новой публикации о стоянке, подтвердили этот вывод. Отмечено сходство по отдельным элементам техники расщепления и оформления орудий материалов Балышово-3 с инвентарным комплексом стоянки Алексеевск 1: галечные нуклеусы параллельного принципа расщепления с подготовленной фронтальными сколами площадкой, скошенной к контрфронт (Задонин, 1996; Задонин, Хомик, Аксёнов и др., 2014). Снятия с нуклеусов – короткие пластинчатые, с неровной огранкой краев. Имеющиеся изделия изготовлены из отщепов и пластинчатых снятий краевой ретушью. Бифасиальные формы и клиновидные микронуклеусы отсутствовали.

Стоянка Любавская 1 отнесена к мезолиту. Основания: раннеголоценовый возраст около 11,2 тыс. кал. л. н. радиоуглеродной даты: низкая гипсометрическая отметка; призматический характер микропластинчатого расщепления. При этом в раскопе были найдены остатки бизона, распространенность которого принято связывать с более ранним временем. В качестве объяснения можно допустить сохранение безлесных перигляциальных стадий и бизонов в раннем голоцене в северных районах Верхней Лены. В материалах по Любавской 1 нашла аргументацию идея О.В. Задонина о смене на рубеже начала неолита субстрата артефактов (Задонин, 1990). Эта перемена трактовалась как особенность палеолита и мезолита севера Верхней Лены, как резкая смена традиций отбора поделочного сырья каменных индустрий, на основе чего был поставлен вопрос о наличии или отсутствии преемственности неолитических комплексов Северной Лены местной мезолитической традиции (Задонин, 1990).

В 2019 г. в журнале «Известия Лаборатории древних технологий» выходит статья «Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены»

(Инёшин, Задонин, Инёшина и др., 2019). Автором открытия и изучения этого памятника стал еще один ученик М.П. Аксенова Александр Валерьевич Инёшин.

В полевых работах по исследованию данного памятника Михаил Петрович в 1992 г. так же принимал активное участие в районе пионерского лагеря «Чайка», около которого в этот год базировался общий лагерь археологов Северо-Западного отряда ЦСН и Усть-Кутского школьного археологического кружка «Отщепенец», которым руководил А.В. Инёшин, выпускник исторического факультета ИГУ. Местонахождение известно с 1990 г. Первая публикация о памятнике вышла в материалах Красноярского РАЭСК в 1991 г. (Инёшин, Тирских, Карнаухова, 1991). Материалы стоянки, а в первую очередь «аппликативные» результаты изучения планиграфического контекста артефактивной коллекции были впервые введены в научный оборот. Первые попытки применения аппликативного метода (ремонтажа) в Иркутскую археологию одним из первых ввёл Михаил Петрович на базе обширной коллекции палеолитического памятника Макарово 4. «Своеобразная информация, выявленная на материалах этого объекта, позволила разработать начала, принципы и применения в практике исследований аппликативного метода» (Аксенов, 1981). «В распоряжение исследователя посредством этого метода поступает расширенная информация о морфологии артефактов, динамике ее формирования в определенной мере технологии археологических предметов» (Аксенов, 2009. С. 54–55).

Статья «Палеолитический комплекс геоархеологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены» явилась прямым продолжением исследований в реконструкции приемов каменного производства (аппликативный метод) в палеолитических комплексах Верхней Лены, которые созвучно сплетаются с наработками и технико-типологическими характеристиками, описываемыми в работах М.П. Аксёнова (Аксенов, 2009). Главная научная ценность аппликативного метода как раз и состоит в том, что он помогает более точно понять процесс расщепления камня в данном случае в позднепалеолитических культурах немногочисленных в настоящее время памятников севера Верхней Лены. Как указывалось выше, в первую

очередь с этой проблемой Михаил Петрович столкнулся во время исследований одного из ярчайших местонахождений начальной поры верхнего палеолита Байкальского региона и Верхней Лены – Макарово VI. Этот уникальный памятник палеолита – главное детище М.П. Аксёнова, исследованию которого он посвятил почти десять лет.

Палеолитический комплекс 2 культурного горизонта стоянки Чайка 2 стал третьим (после Алексеевска и Балышово-3 на севере Верхней Лены) объектом с детально представленной индустрией каменного производства эпохи позднего палеолита (Задонин, 1996; Задонин, Хомик, Аксёнов и др., 2014). Реконструируемые по материалам Чайка 2 приемы эксплуатации субпризматического нуклеуса ранее в этом районе не были известны. Новацией местонахождения Чайка 2 стали терминальные-клиновидные нуклеусы – демонстрация по местным преформам и методам изготовления таких нуклеусов. Ближайший по хронологии объект Балышово-3 не содержит подобных артефактов. По Чайке 2 радиоуглеродная дата по кости из культурного слоя датируется возрастом около 17,8 тыс. кал. л. н. (Инёшин, Задонин, Инёшина и др., 2019). Каменный ансамбль 2 к. г. Чайки 2 четко отражает технические традиции раннего – среднего палеолита (Балышово-1), среднего этапа верхнего палеолита (Алексеевск), позднего этапа верхнего палеолита (Балышово-3). Местные древние корреляты, на первый взгляд, свидетельствуют об автохтонном характере культуры каменной индустрии, стадийно наращиваемые с появлением технологий мелкопластинчатого субпризматического, торцово-клиновидного и микропризматического расщепления. Второй к. г. Чайки 2 следует отнести к периоду между Балышово-3 и Любавской (ранний голоцен, мезолит), а скорее всего ранее палеолитического слоя стоянки Вешний Ручей. Именно поэтому, на наш взгляд, на Чайке 2 наиболее информативен и уникален 2 к. г. Он позволяет предметно реконструировать технологию каменного производства на севере Верхней Лены, о котором до этого было известно очень мало, а все сведения собирались «по крупицам» (Инёшин, Задонин, Инёшина и др., 2019).

Ещё одной научной проблемой в Сибирском палеолитоведении является деструктивное изме-

нение поверхности артефактов в результате литодинамического потока, так называемая эоловая дефляция (корразии) обработанных каменных изделий, различного петрографического состава. В последние годы вновь получили развитие вопросы, связанные с определением как возрастной, так палеогеографической дефиниции этого палеогеографического природного феномена (Афанасьев, 2010; Афанасьев, 2021; Кузнецов, Липнина, Молчанов, 2024). Но вышедшие работы по этой проблематике, направленные лишь на постановку основных проблем, связанных с корродированными комплексами палеолита, нового полевого массового материала пока для исследований на территории Байкальской Сибири не выявили. Но проблемы, поставленные нашими предшественниками-учителями, живут. В первую очередь хотелось отметить работы выпускника исторического факультета, магистранта кафедры Мировой истории и международных отношений, Павла Афанасьева, посвящённые проблемам, связанным с исследованиями корродированного компонента в палеолитических материалах с местонахождений Байкальской Сибири. Он рассматривает основные агенты, физические принципы природы эоловой корразии. Предлагает разделить эолово-коррадируемые артефакты и вентифакты, как составные части эологлиптолитов, на два класса. Каждый класс эологлиптолитов имеет свои группы и типы. Выстроена определённая терминологическая система, связанная с процессами эолизации. Автор вводит ряд новых терминов: например, плато корразии, эоладвольвиты (ветросферолиты) (Афанасьев, 2021). Вопросы, поднятые много лет назад, развиваются и утверждаются в действительности.

На разных отрезках долины Верхней Лены, где М.П. Аксёнов выделил комплексы со стратотипическими чертами, продолжают полевые, научно-исследовательские работы (рис. 7) (Аксёнов, 2009). Их итоги опубликованы в научно-производственных отчётах и специальной литературе. В 2022 г. вышла статья «Новые комплексные исследования на археологических объектах в долине верхнего течения р. Лены» (Пержаков, Кобылкин, Клементьев, 2022). В статье рассматривались результаты комплексных исследований археологических объектов, выявленные в процессе

Рис. 7. Иркутская область, Качугский район, р. Лена, М.П. Аксёнов, рабочий момент в основном раскопе на Макарово - VI, подготовка к полевой экскурсии XIII Конгресса ИНКВА (снимок 1990 г.)

Fig. 7. Irkutsk Region, Kachug District, Lena River, M.P. Aksyonov, working moment in the main excavation at Makarovo-VI, preparation for the field excursion of the XIII Congress of INCVA (photograph taken in 1990)

проведения экспертизы на территории инфраструктурных объектов Ковыктинского газоконденсатного месторождения в Жигаловском районе Иркутской области. Впервые на этих площадях Михаил Петрович начинал работать ещё в начале 70-х годов прошлого столетия. В результате работ 2013–2014 гг. в долине р. Лены выявлены и изучены перспективные местонахождения: Усть-Илга (брод) и Шалино 1, обеспеченные информативными археологическими коллекциями и хроностратиграфическими разрезами с серией C^{14} радиоуглеродных датировок (рис. 8). Они дали новые материалы по археологии позднего верхнего палеолита, позднего неолита – бронзового века Верхней Лены.

В долины р. Лены на её Верхоленском участке в 2017 г. продолжилось исследование позднепалеолитического памятника – Усть-Куленга 1. Местонахождение открыто в 1994 г. в результате сплошного обследования территорий прохождения трассы трубопровода с «ГКМ Ковыкта – Иркутск – Ангарск» по территории Жигаловского и Качугского районов Иркутской области. Стоянка находится на окраине Макарово-Шишкинского геoarхеологического района и перспективна в развитии тематики как археологии долины р. Лены, так и долины р. Куленги. Полученные материалы по нижнему палеолитическому ком-

плексу отнесены к позднему палеолиту поздне-сарматского времени и внесли вклад в развитие представлений об опорном геoarхеологическом районе Верхней Лены. Михаил Петрович также принимал активное участие в исследовании данного памятника, являлся научным консультантом по важным геолого-стратиграфическим вопросам, возникающим во время полевых исследований. В 2019 г. территория памятника вновь попадает в зону активного строительства, на сей раз через выделенную территорию планировали проложить временную дорогу и мостовой переход через р. Лену. По результатам работ 2019 г. выполнена археологическая разведка по уточнению границ, культуросодержащих отложений в границах ОАН «Усть-Куленга 1» (Пержаков, 2001) по объекту «Устройство временного моста для обеспечения проезда через р. Лена на км 1 автомобильной дороги Верхоленск – Магдан в Качугском районе Иркутской области»¹.

На исследуемых участках территории проведены шурфовочные археологические работы, ещё раз подтверждено наличие культуросодержащих отложений и расширена территория распространения культуросодержащего слоя, который фиксируется в средне-позднесарматских отложениях и датируется периодом 16–14 тыс. л. н. Получен материал для датирования по радиоуглероду C^{14} . Такие же работы, по уточнению границ палеолитических памятников проведены в 2020 г. на Шишкино 8 и Кистенёво 9².

¹ Песков С.А. Отчёт по результатам выполнения археологической разведки с целью уточнения данных по ОАН стоянка «Усть-Куленга 1», ОАН стоянка «Переход» (д. Челпаново) в границах объекта: «Устройство временного моста для обеспечения проезда через р. Лена на 1 км автомобильной дороги Верхоленск – Магдан в Качугском районе Иркутской области» (Иркутская область, Качугский район), Иркутск, 2018. Архив Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области.

² Пержаков С.Н. Отчёт по результатам археологической разведки, проведенной в 2020 году в целях определения (уточнения) границ территории, предмета охраны, историко-культурной ценности объектов культурного (археологического) наследия: стоянки «Гора Долгая», «Кистенёво 9», «Шишкино 8», «Анга (погост)», «Луговая», «Картухай», расположенных в Качугском районе Иркутской области, Иркутск, 2020, архив СООКНИО, № 593/НИ.

Рис. 8. Иркутская область, Жигаловский район, р. Илга, Илгинский брод, на переднем плане участник полевой экспедиции-2013 А.А. Хамзин, на заднем плане левый берег р. Илги, береговые обнажения, которые в 1974 г. посетил М.П. Аксёнов. В 2013 году здесь выявлен многослойный археологический памятник Усть-Илга (брод) (снимок 2013 г., автор С.Н. Пержаков)

Fig. 8. Irkutsk region, Zhigalovo district, Ilga river, Ilginsky ford, in the foreground a participant of the 2013 field expedition A.A. Khamzin, in the background the left bank of the Ilga river, coastal outcrops visited by M.P. Aksyonov in 1974. In 2013, a multi-layered archaeological site Ust-Ilga (ford) was discovered here (photo 2013, author S.N. Perzhakov)

В 2022 г. материалы севера Верхней Лены (от устья р. Кута до устья р. Витим) вошли в диссертацию А.В. Тетенькина «Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья», где были коррелированы с археологическими комплексами Северного Прибайкалья, Верхнего и Нижнего Витима (Тетенькин, 2021; Тетенькин, 2022³). Для района севера Верхней Лены собрана культурно-хронологическая схема позднего палеолита – мезолита, основы которой заложены О.В. Задониным (Задонин, 1996). Средний верхний палеолит (ранний МИС-2, начало Позднего ледникового максимума ПЛМ) представлен стоянкой Алексеевск 1. Ее мелкопластинчатая индустрия соотнесена с мальтино-буретской индустрией, с одной стороны, с другой стороны, вслед за оценками О.В. Задонина и Ю.А. Мочанова (Задонин, 1996; Мочанов, 2007) подтверждено принципиальное

отличие от дюктайской культуры; постулирован технико-типологический контраст с индустрией стоянки Мамакан VI на Нижнем Витиме. С появлением микропластинчатой индустрии во второй половине МИС-2 (Морская изотопная стадия-2) в комплексах Бамовской и Чайки 2 появляются основания для корреляции с памятниками Нижнего Витима. В раннем и среднем голоцене предложены идеи трансляции керамики сетки-плетенки и топоров с ушками с севера Верхней Лены на Нижний Витим. Линия сохранения традиции мелкопластинчатого производства в ассамбляжах Алексеевска – Балышово-3 – Чайки 2 – Вешнего Ручья в течение всего МИС-2 (сартанского стадиала) определена как традиция алексеевского технокомплекса на севере Верхней Лены. Долины рек Лена и Витим, формируя контур Северного Прибайкалья, играли ведущую роль в проведении культурной трансляции во всем регионе, связывая в первую очередь районы севера Верхней Лены и Нижнего Витима.

³ Тетенькин А.В. Средний верхний палеолит – мезолит Северного Прибайкалья : автореф. дис. на соиск. учен. степ. докт. ист. наук. Барнаул, 2022. 41 с.

*Рис. 9. Иркутская область, Качугский район, р. Лена, панорама Шишкинской писаницы
(снимок 2004 г., автор С.Н. Пержаков)*
*Fig. 9. Irkutsk region, Kachug district, Lena River, panorama of Shishkinskaya Pisanitsa (petroglyphs)
(photo 2004, author S.N. Perzhakov)*

*Рис. 10. Иркутская область, Качугский район, р. Лена, панорама Шишкинской писаницы
(снимок с квадрокоптера 2020 г., автор Д.В. Кобылкин)*
*Fig. 10. Irkutsk region, Kachug district, Lena River, panorama of Shishkinskaya Pisanitsa (petroglyphs)
(photo from a quadcopter 2020, author D.V. Kobylkin)*

Продолжается самое главное тематическое направление Михаила Петровича – комплексы верхнего палеолита Верхней Лены (рис. 9; 10). В 2018 г. силами Верхнеленского отряда ОГАУ ЦСН открыто новое местонахождение Картухай, стоянка 1⁴. Данный «сигнальный» объект входит в круг позднеплейстоценовых местонахождений с признаками на поверхности артефактов следов ветровой дефляции (корразии). В настоящее время на Качугско-Верхоленском отрезке р. Лены выявлены и в разной степени изучены 6 относительно стратифицированных местонахождений: Макарово 4 (1974 г.), Кистенёво 9 (1995 г.), Шишкино 2 (4 ксс) (1986 г.), Шишкино 8 (1984 г.), Шишкино 9 (1989 г.) и собственно новое местонахождение Картухай 1 (2018 г.).

В 2023 г. вышла статья Д.Л. Шергина «Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I)»

⁴ Песков С.А., Николаев В.С. Отчёт по результатам выполнения археологического обследования территории размещения объекта: Реконструкция автомобильной дороги Иркутск – Усть-Ординский – Качуг – Жигалово км 5 700 – км 39 + 200 в Качугском районе Иркутской области, Иркутск, 2018.

Список источников

Аксенов М.П. Исследования в верхней части долины р. Лены // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 169–170.

Аксенов М.П. Аппликативный метод в анализе археологических источников // Описание и анализ археологических источников: сб. науч. тр. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1981. С. 34–43.

Аксенов М.П. Донеолитические местонахождения верхней Лены // Исторический опыт освоения восточных районов России: тез. докл. и сообщ. Международ. науч. конф. Владивосток, 1993. С. 67–70.

Аксенов М.П. Исследования донеолитических комплексов на Верхней Лене // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Иркут. ун-т, 1995. С. 45–60.

Аксенов М.П. Донеолитические местонахождения Качугско-Верхоленского участка верхней Лены // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 12–22.

Аксенов М.П. Итоги и перспективы археологических исследований в бассейне Верхней Лены // Байкальская Сибирь в древности. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. пед. ун-та, 2000. Вып. 2. Ч. 1. 2000. С. 36–48.

(Ветров, 2003; Шергин, 2010; Шергин, 2023). В ней подведены итоги изучения стояночного неолита Верхней Лены, прежде всего, изучения древней керамики, проводившегося в течение многих лет В.М. Ветровым и Д.Е. Шергиным. Научной обществу впервые представлены датировка местонахождений с посольской керамикой Верхней Лены – радиоуглеродные AMS-даты в пределах 6795–6405 кал. л. н.

Археологические исследования на Верхней Лене, начатые в 1960-е гг. XX века Михаилом Петровичем Аксёновым, творчески продолжают его учениками и последователями сейчас на рубеже первой и второй четверти века XXI. Эта более чем полувековая преемственность – лучшее доказательство его прозорливости и дотошности.

В заключение хотелось бы высказать слова благодарности всем археологам ЦСН, студентам ИГУ тех лет, принимавшим участие в полевых работах: сотруднику ЦСН Максиму Юрьевичу Сёмину, студентам Сергею Пескову, Алексею Чеботарёву, Алексею Тетенькину, Виталию Краснощекову, Татьяне Якушевой, Светлане Шелковой и многим другим, помнящим Михаила Петровича Аксенова, продолжающим его дело, претворяющим в жизнь его замыслы и идеи.

References

Aksenov M.P. (1967) Research in the upper part of the Lena River valley. *Archaeological Discoveries of 1966*. Moscow: Nauka. P. 169-170. (In Russ.).

Aksenov M.P. (1981) Applicative method in the analysis of archaeological sources. *Description and Analysis of Archaeological Sources*. Irkutsk: Irkutsk University. P. 34-43. (In Russ.).

Aksenov M.P. (1993) Pre-Neolithic sites of the upper Lena. *Istoricheskii opyt osvoeniya vostochnykh raionov Rossii: tez. dokl. i soobshch. Mezhdunarod. nauch. konf. = Historical Experience of Development of the Eastern Regions of Russia: Abstracts of Reports and Communications of International Scientific Conferences*. Vladivostok. P. 67-70. (In Russ.).

Aksenov M.P. (1995) Studies of pre-Neolithic complexes on the Upper Lena. *Baikal Siberia in Antiquity*. Irkutsk: Irkutsk University. P. 45-60. (In Russ.).

Aksenov M.P. (1996) Pre-Neolithic sites of the Kachug-Verkholsky section of the upper Lena. *Archaeological Heritage of Baikal Siberia: Study, Protection and Use*. Irkutsk. Iss. 1. P. 12-22. (In Russ.).

Aksenov M.P. (2000) Results and prospects of archaeological research in the Upper Lena Basin. *Baikal Siberia in Antiquity*. Irkutsk: Irkutsk State Pedagogical University. Iss. 2. Pt. 1. P. 36-48. (In Russ.).

Аксенов М.П. Палеолит и мезолит Верхней Лены. Иркутск : Изд-во Ирк. гос. техн. ун-та, 2009. 370 с.

Афанасьев П.В. Эолизация – совокупность форм механической – ветровой деструкции горных пород и каменных изделий палеолита // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология : материалы докладов V (L) Российской (с Международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 04 апреля – 09 октября 2010 года. Иркутск : Оттиск, 2010. С. 62–67.

Афанасьев П.В. Морфология эолово-коррадированных следов // Геоархеология и археологическая минералогия. 2021. Т. 8. С. 17–21. EDN: JRBMR.

Ветров В.М. Стратиграфия стоянки Поповский Луг. К вопросу о времени зарождения керамического производства на Верхней Лене // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее : материалы региональной научно-практической конференции, Иркутск, 12–15 ноября 2003 года. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 49–53.

Задонин О.В. К проблеме генетического соотношения комплексов мезолита и неолита севера Верхней Лены (по данным анализа поделочного сырья) // Палеоэтнология Сибири : тез. докл. к XXX регион. археол. студ. конф., 29–31 марта 1990 г. / отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. Иркутск : ИрГУ, 1990. С. 117–118.

Задонин О.В. Палеолитическое местонахождение Алексеевск-1 // Археологическое наследие Байкальской Сибири: изучение, охрана и использование. Иркутск, 1996. Вып. 1. С. 23–27.

Задонин О.В., Дзюбас С.А. Археологический памятник Вешний Ручей на севере Верхней Лены // Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее : материалы региональной научно-практической конференции, Иркутск, 12–15 ноября 2003 года. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2003. С. 74–77.

Задонин О.В., Хомик С.Н., Аксёнов М.П., Пержаков С.Н., Тетенькин А.В. Геоархеологические местонахождения палеолита и мезолита севера Верхней Лены Балышово III и Любавская I // Известия древних технологий. 2014. № 1 (10). С. 9–38. EDN: VRBZIR.

Задонин О.В., Хомик С.Н., Инешин А.В. Палеолитическое местонахождение Балышово III на севере Верхней Лены // Палеоэтнология Сибири : тез. докл. к XXX регион. археол. студ. конф., 29–31 марта 1990 г. / отв. ред.

Aksenov M.P. (2009) Paleolithic and Mesolithic of the Upper Lena. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 370 p. (In Russ.).

Afanasyev P.V. (2010) Eolization - a set of forms of mechanical - wind destruction of rocks and stone products of the Paleolithic. *Evrasiiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: Materialy докладов V (L) Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Irkutsk, 04 aprelya - 09 oktyabrya 2010 goda = Eurasian Cultural Space. Archaeology, Ethnology, Anthropology: Proceedings of Reports of the V (L) Russian (with International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientist. Irkutsk, April 04-09, 2010. Irkutsk: Ottisk, 2010. P. 62-67. (In Russ.).*

Afanasyev P.V. (2021) Morphology of aeolian-corraded "traces". *Geoarchaeology and Archaeological Mineralogy*. Vol. 8. P. 17-21. (In Russ.). EDN: JRBMR.

Vetrov V.M. (2003) Stratigraphy of the site Popovsky Lug. On the issue of origin of the ceramic production on Upper Lena. *Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 12-15 noyabrya 2003 goda = Sociogenesis of Northern Asia: Past, Present and Future. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference, Irkutsk, November 12-15, 2003. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 49-53. (In Russ.).*

Zadonin O.V. (1990) On the problem of genetic relationships between Mesolithic and Neolithic complexes in the north of the Upper Lena (based on data from lithic raw source). *Paleoetnologiya Sibiri: tez. dokl. k XXX region. arkheol. stud. konf., 29-31 marta 1990 g. = Paleoethnology of Siberia: Abstract of the report to the XXX Regional Archaeological Student Conference. March 29-31, 1990. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 117-118. (In Russ.).*

Zadonin O.V. (1996) Paleolithic site Alekseevsk-1. *Study, Protection and Use of the Archaeological Heritage of Baikal Siberia. Irkutsk. Iss. 1. P. 23-27. (In Russ.).*

Zadonin O.V., Dzyubas S.A. (2003) Archaeological site Veshniy Ruchey in the north of the Upper Lena. *Sotsiogenez Severnoi Azii: proshloe, nastoyashchee, budushchee: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Irkutsk, 12-15 noyabrya 2003 goda = Sociogenesis of Northern Asia: Past, Present, Future. Proceedings of the Regional Scientific and Practical Conference, Irkutsk, November 12-15, 2003. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 74-77. (In Russ.).*

Zadonin O.V., Khomik S.N., Aksyonov M.P., Perzhakov S.N., Tetenkin A.V. (2014) Geoarchaeological sites of Paleolithic and Mesolithic of the North of Upper Lena Balyshovo III and Liubavskaya I. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. No. 1 (10). P. 9-38. (In Russ.). EDN: VRBZIR.*

Zadonin O.V., Khomik S.N., Ineshin A.V. (1990) Paleolithic site Balyshovo III in the north of the Upper Lena. *Paleoetnologiya Sibiri: tez. dokl. k XXX region. arkheol. stud. konf., 29-31 marta 1990 g. = Paleoecology of Siberia: Proceedings of*

Г.И. Медведев, Н.А. Савельев. Иркутск : Иркут. ун-т, 1990. С. 115–117.

Инёшин А.В., Задонин О.В., Инёшина Т.М., Пержаков С.Н., Тетенкин А.В. Палеолитический комплекс геологического местонахождения Чайка II на севере Верхней Лены // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 1. С. 20–45. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-20-45. EDN: ZDKXMT.

Инёшин А.В., Тирских Е.Ю., Карнаухова О.М. Палеолитическое местонахождение Чайка-2 // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока / Посвящается 100-летию Н.К. Ауэрбаха. Краткое содержание докладов XXXI РАСК. Красноярск, 1991. Т. I. С. 99–100.

Историки о себе и не только: исторический факультет Иркутского государственного университета в воспоминаниях преподавателей и выпускников / сост. В.П. Шахеров. Иркутск : Оттиск, 2018. 360 с. EDN: LKVZAL.

История и историки: 90 лет исторической школе Иркутского государственного университета / сост. С.И. Кузнецов, Ю.А. Петрушин. Иркутск : Оттиск, 2008. 224 с.

Краснощечков В.В. Место стоянки Бамовская в кругу позднелепесточных объектов севера Верхнеленского региона // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг. : Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск : Амтера, 2009. С. 240–245.

Кузнецов А.М., Липнина Е.А., Молчанов Д.Н. Эоловая коррозия археологических комплексов: к постановке проблемы // Stratum Plus. Археология и культурная антропология. 2024. № 1. С. 367–384. DOI: 10.55086/sp241367384. EDN: TUFAXD.

Медведев Г., Свинин В., Шмыгун П., Пержаков С. Памяти учёного-археолога // Земля Иркутская. 2002. № 2 (19). С. 62–65.

Мочанов Ю.А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии (история ее выделения и изучения). Якутск, 2007. 197 с.

Он живёт в своих учениках (к 80-летию со дня рождения Михаила Петровича Аксёнова) // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 4 (13). С. 96–118. EDN: VRAVKZ.

Пержаков С.Н. Позднепалеолитический памятник Усть-Куленга-1 (верхняя Лена) // Современные проблемы Евразийского палеолитоведения : материалы докл. Международ. симпоз., посвящ. 130-летию открытия палеолита в России (1–9 авг. 2001 г., Иркутск) / отв. редакторы: А.П. Деревянко, Г.И. Медведев. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 310–315.

the the XXX Regional Archaeological Student Conference. March 29-31, 1990. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 115-117. (In Russ.).

Inyoshin A.V., Zadonin O.V., Inyoshina T.M., Perzhakov C.N., Tetenkin A.V. (2019) Paleolithic component of the geoarcheological site Chaika II in the north of the Upper Lena. *Journal of Ancient Technology Laboratory*. Vol. 15. No. 1. P. 20-45. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2019-1-20-45. EDN: ZDKXMT.

Ineshin A.V., Tirskikh E.Yu., Karnaukhova O.M. (1991) Paleolithic locality Chaika-2. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri i Dal'nego Vostoka / Posvyashchaetsya 100-letiyu N.K. Auerbakha. Kratkoe sodержanie dokladov XXXI RASK = Problems of Archeology and Ethnography of Siberia and the Far East. Proceedings of the XXXI Regional Archaeological Students Conference*. Krasnoyarsk. Vol. I. P. 99-100. (In Russ.).

Shakherov V.P. (2018) Historians about themselves and not only: the history department of Irkutsk State University in the memoirs of teachers and graduates. Irkutsk: Ottisk. 360 p. (In Russ.). EDN: LKVZAL.

Kuznetsov S.I., Petrushin Yu.A. (2008) History and historians: 90 years of the historical school of Irkutsk State University. Irkutsk: Ottisk. 224 p. (In Russ.).

Krasnoshchekov V.V. (2009) The Bamovskaya site in the area of late Pleistocene sites in the north of the Upper Lena region. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918-1937 gg.: Materialy vserossiiskogo seminara, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri, Irkutsk, 3-6 maya 2009 g. = University Scientific Archeology and Ethnology of Northern Asia. Irkutsk School 1918-1937. Proceedings of the All-Russian Seminar dedicated to the 125th Anniversary of Bernhard Eduardovich Petri, Irkutsk, May 3-6, 2009*. Irkutsk: Amtera. P. 240-245. (In Russ.).

Kuznetsov A.M., Lipnina E.A., Molchanov D.N. (2024) Aeolian corrasion of archaeological complexes: setting the issue. *Stratum Plus. Archaeology and Cultural Anthropology*. No. 1. P. 367-384. (In Russ.). DOI: 10.55086/sp241367384. EDN: TUFAXD.

Medvedev G., Svinin V., Shmygun P., Perzhakov S. (2002) In memory of a scientist-archaeologist. *Irkutsk Land*. No. 2 (19). P. 62-65. (In Russ.).

Mochanov Yu.A. (2007) Dyuktai bifacial tradition of North Asia palaeolith (history of its delineation and study). Yakutsk. 197 p. (In Russ.).

(2014) He lives in his students (to the 80th anniversary of birthday of Mikhail Petrovich Aksienov). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. No. 4 (13). P. 96-118. (In Russ.). EDN: VRAVKZ.

Perzakov S.N. (2001) Late Palaeolithic monument Ust-Kulenga-1 (upper Lena). *Sovremennye problemy Evraziiskogo paleolitovedeniya: Materialy dokl. Mezhdunarod. simpoz., posvyashch. 130-letiyu otkrytiya paleolita v Rossii (1-9 avg. 2001 g., Irkutsk) = Modern problems of Eurasian Paleolithic. Materials of the Index. International symposium. dedicated to the 130th anniversary of the discovery of palaeolithic in Russia (1-9 Apr. 2001, Irkutsk)*. Novosibirsk: Institute Archaeology

Пержаков С.Н. Морфологические характеристики каменного инвентаря Шишкино-VIII (Верхняя Лена) // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2006. Вып. 4. С. 178–184. EDN: WEASIH.

Пержаков С.Н. Палеолитическое местонахождение Кистенево-9 (Верхняя Лена). Предварительный морфотипологический анализ каменного инвентаря региона // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: материалы Всероссийского семинара, посвященного 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри. Иркутск, 3–6 мая 2009 г. Иркутск : Амтера, 2009. С. 280–289.

Пержаков С.Н. М.П. Аксёнов – исследователь древних «культур» Восточной Сибири, одного из субрегионов Северной Азии (к 85-летию со дня рождения) // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара : СГСПУ, 2020. Т. III. С. 146–149. EDN: ARQYKD.

Пержаков С.Н., Кобылкин Д.В., Клементьев А.М. Новые комплексные исследования на археологических объектах верхнего течения р. Лены // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 8–21. DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-8-21. EDN: HQPHFA.

Тетенкин А.В. К истории исследования позднего палеолита и мезолита Северного Прибайкалья // Археология Северной и Центральной Азии: новые открытия и результаты междисциплинарных исследований : сборник статей Международной научной конференции, посвященный 75-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2021. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2021. С. 112–118. DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.19. EDN: WSJ RMS.

Шергин Д.Л. К истории исследования стоянки Поповский Луг на Верхней Лене // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири : материалы Международной научной конференции, Улан-Удэ, 20–23 сентября 2010 г. Улан-Удэ, 2010. Вып. 4. С. 56–60.

Шергин Д.Л. Керамика посольского типа бассейна Верхней Лены (на примере стоянок Поповский Луг, Макарово I) // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 1. С. 8–32. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-8-32. EDN: RBOYFK.

and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. P. 310–315. (In Russ.).

Perzhakov S.N. (2006) Morphological characteristics of stone implements of Shishkino-VIII (Upper Lena). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 4. P. 178-184. (In Russ.). EDN: WEASIH.

Perzhakov S.N. (2009) Paleolithic site Kistenevo-9 (Upper Lena). Preliminary morpho-typological analysis of stone inventory. *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918-1937 gg.: materialy vserossiiskogo seminara, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri, Irkutsk, 3-6 maya 2009 g.* = *University Scientific Archeology and Ethnology of Northern Asia. Irkutsk School 1918-1937. Proceedings of the All-Russian Seminar dedicated to the 125th Anniversary of Bernhard Eduardovich Petri, Irkutsk, May 3-6, 2009*. Irkutsk: Amtera. P. 280-289. (In Russ.).

Perzhakov S.N. (2020) M.P. Aksyonov - a researcher of ancient “cultures” of Eastern Siberia, one of the subregions of Northern Asia (on the 85th anniversary of his birth). *Trudy VI (XXII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Samare. V 3-kh t.* = *Proceedings of the VI (XXII) All-Russian Archaeological Congress in Samara. In 3 vol.* Samara: Samarskii gosudarstvennyi sotsial'no-pedagogicheskii universitet. Vol. III. P. 146-149. (In Russ.). EDN: ARQYKD.

Perzhakov S.N., Kobylykin D.V., Klementyev A.M. (2022) New comprehensive studies on archaeological sites of the upper Lena River. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 8-21. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2022-4-8-21. EDN: HQPHFA.

Tetenkin A.V. (2021) On the history of the study of the late Paleolithic and Mesolithic of the Northern Baikal region. *Arkheologiya Severnoi i Tsentral'noi Azii: novye otkrytiya i rezul'taty mezhdistiplinarnykh issledovaniy: Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchenniy 75-letiyu professora Yu.F. Kiryushina. Barnaul, 2021* = *Archaeology of Northern and Central Asia: new discoveries and results of interdisciplinary research: a collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Professor Yu.F. Kiryushin. Barnaul, 2021*. Barnaul: Altai State University. P. 112-118. (In Russ.). DOI: 10.14258/978-5-7904-2526-4.2021.19. EDN: WSJ RMS.

Shergin D.L. (2010) On the history of exploration of the site Popovsky Lug on the Upper Lena. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikalskoi Sibiri: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ulan-Ude, 20-23 sentyabrya 2010 g.* = *Ancient Cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Proceedings of the International Scientific Conference, Ulan-Ude, September, 20-23, 2010*. Ulan-Ude. Iss. 4. P. 56-60. (In Russ.).

Shergin D.L. (2023) Posol'sky-type ceramics of the Upper Lena basin (based on the data of Popovsky Lug and Makarovo I sites). *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 19. No. 1. P. 8-32. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2023-1-8-32. EDN: RBOYFK.

Информация об авторе

Пержаков Сергей Николаевич,
специалист-археолог,
ООО «Раритет»,
664025, г. Иркутск, ул. Российская, 14Б, Россия,
e-mail: s.perzhakov@yandex.ru

Information about the author

Sergey N. Perzhakov,
Archaeologist, Scientific staff,
ООО "Raritet",
14B, Rossiiskaya St., Irkutsk 664025, Russia,
e-mail: s.perzhakov@yandex.ru

Вклад автора

Пержаков С.Н. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Contribution of the author

Perzhakov S.N. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 5 ноября 2024 г.; одобрена после рецензирования 19 декабря 2024 г.; принята к публикации 13 января 2025 г.

Article info

The article was submitted November 5, 2024; approved after reviewing December 19, 2024; accepted for publication January 13, 2025.

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем, интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. **Индекс УДК** в верхнем левом углу.

2.2. **Заголовок**, включающий: название статьи, должен быть информативным и, по возможности, кратким. Первое слово заглавия статьи, как правило, приводят с прописной буквы, остальные слова – со строчной (кроме собственных имён, общепринятых аббревиатур и т. п.). В конце заглавия статьи точку не ставят. Набирается полужирными шрифтом, выравнивается по центру.

2.3. **Имена, отчества и фамилии авторов**: располагаются на один интервал ниже заголовка, набираются полужирным шрифтом, выравнивание по левому краю. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишется имя, отчество и фамилия второго автора и т. д.

2.4. **Организация и ее адрес**: располагается под фамилией автора, первое слово набирается с заглавной буквы, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Далее указывается адрес организации (город, страна). После этого – адрес электронной почты и ORCID автора (если есть).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся соответствующие арабские цифры (верхний индекс). Такие же цифры ставятся перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. **Аннотация**: должна быть информативной, содержать 200–250 слов, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. **Благодарности**. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.7. **Английский перевод** названия статьи, имен, отчеств и фамилий авторов, названия и адреса организаций, аннотации, ключевых слов, благодарностей оформляется так же, как и на русском языке.

2.8. **Раздел «Список источников»**. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется по ГОСТ Р 7.0.5. Например, статья в журнале:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

статья в научном сборнике:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; монография:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. **Раздел «References»** составляется в Harvard Style в порядке списка источников, для этого ФИО авторов работы на русском языке нужно транслитерировать по BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), все остальные данные перевести на английский. Работы на других языках: если в основе языка латиница – запись копируется без изменений; работы на арабском, китайском, монгольском, греческом и др. языках – запись переводится на английский. Везде указывается в скобках язык работы.

2.10. **Раздел «Информация об авторах»** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Информация об авторах

И. О. Фамилия –

Степень, звание, должность, подразделение,

Организация,

Почтовый адрес организации (индекс, город, улица, здание, страна).

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) И. О. Фамилия –

(англ.) Степень, звание, должность, подразделение,

(англ.) Организация,

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город индекс, страна).

2.11. **Раздел «Вклад авторов».** После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.). Возможны формулировки: **«Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации»;** «Козлов В. С. выполнил исследовательскую работу, на основе полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати».

2.12. **Раздел «Конфликт интересов».** Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.13. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, стиль обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании **таблиц** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены **отдельными файлами**: иллюстрации в разрешении не менее 300 dpi с расширениями *.JPEG, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.

Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.

The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.

ISSN 2415-8739

The Journal was founded in 2003

Founder: Irkutsk National Research Technical University

Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols including spaces.

The manuscript should have the following order.

2.1. **UDC code** should be placed in the left upper corner.

2.2. **The title**, which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief). The first word of the title of the article, as a rule, is given with a capital letter, the rest of the words - with a lowercase letter (except for their own names, common abbreviations, etc.). There is no full stop at the end of the title of the article. The title should be typed in bold, centered.

2.3. **Names, patronymics and surnames of authors**: they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the first, patronymic and surname of the second author are written, etc.

2.4. **The organization and its address**: are located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).

located under the author's surname, the first word is typed with a capital letter, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Next, the address of the organization is indicated (city, country). After that - the email address and ORCID of the author (if any).

If the authors are from different organizations, then the corresponding Arabic numerals (superscript) are placed after their names. The same numbers are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.

2.5. **Abstract** should be informative and consist of 200–2500 words, include 9–12 key words or word combinations.

2.6. **Acknowledgments**. After the keywords, words of gratitude are given to organizations (institutions), supervisors and other persons who assisted in the preparation of the article, information about grants, funding for the preparation and publication of the article, projects, research works, within the framework of or as a result of which the article was published.

2.7. **The English translation** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.

Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.

2.8. Section **"Список источников (List of sources)"**. It is issued in accordance with GOST R 7.0.5. For example, a journal article:

Ветров В. М., Шергин Д. Е., Тетенькин А. В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия) // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 9–34.;

article in a scientific collection:

Лапшина З. С. Личины петроглифов Амуро-Уссурийского комплекса: структура рисунка и художественный образ // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы : материалы. Международной научной конференции 22–26 августа 2011 г. Кемерово. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011а. Т. 2. С. 64–68.; monograph:

Сидоров А. П. Неолит Забайкалья. Улан-Удэ : Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 2006. 315 с.

2.9. Section **«References»** is compiled in Harvard Style in the order of the list of sources, for this the names of the authors of the work in Russian must be transliterated according to BSI (<https://translit.net/ru/bsi/>), all other data must be translated into English. Works in other languages: if the language is based on Latin - the record is copied without changes; works in Arabic, Chinese, Mongolian, Greek and other languages - the record is translated into English. The language of the work is indicated everywhere in brackets.

2.10. **Information about authors** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address (building, street, city, postal-index, country)

e-mail

2.11. **Section «Criteria of authorship»**. After the surname and initials of the author, his personal contribution to the writing of the article is briefly described (idea, collection of material, processing of material, writing of the article, scientific editing of the text, etc.). Possible formulations: "All authors made an equivalent contribution to the preparation of the publication"; "V. S. Kozlov carried out research work, based on the results obtained, he generalized and prepared the manuscript for publication."

2.12. **Section «Conflict of interest»**. It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.13. If there are figures in the article, their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

Page and paragraph settings: all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

Text settings: MS Word editor, regular font, size 12 points, typeface Times New Roman, line spacing one and a half, justified alignment. Please avoid using more than one word space.

Abbreviations of terms and names should be minimized and carried out in accordance with GOST 7.12-93.

Numbers should be typewritten in tables.

All **tables** should be in MS Word (Table - Add Table). Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter.

References to **archival** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations - with at a resolution at least 300 dpi - as *.JPEG, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (54) 2025

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 31.03.25. Формат 60 x 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 24,75.
Тираж 500 экз. Заказ 24. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83А